

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ
РУССКОГО И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

А. Г. Широкова, В. Ф. Васильева, А. И. Изотов, Н. Е. Ананьева

УДК 82
ББК 81.2Р-7
С64

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Оригинал-макет подготовлен
Л. М. Захаровым

Издание осуществлено за счет
средств филологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

Электронная версия коллективной монографии, опубликованной в 1998 г.
Расположение текста на некоторых страницах электронной версии может не
совпадать с расположением того же текста на страницах книжного издания.
При цитировании ссылки на книжное издание обязательны

**С65 Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского
и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. — Москва,
1998. — 326 с.**
ISBN 5-211-03996-3

Коллективная монография «Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков» содержит четыре монографических очерка, в каждом из которых рассматривается проблематика, малоизученная в славянском языкознании. В очерках приводится сопоставление русского языка с чешским (В. Ф. Васильева, А. И. Изотов) и с другими западнославянскими языками (чешским, польским, словацким — А. Г. Широкова и Н. Е. Ананьева). Теоретическое значение имеет освещение методов и приемов сопоставительного изучения близкородственных языков.

УДК 82
ББК 81.2Р-7

© А. Г. Широкова
© В. Ф. Васильева
© А. И. Изотов
© Н. Е. Ананьева
© Филологический факультет МГУ
им. М. В. Ломоносова, 1998

ISBN 5-211-03996-3

Оглавление

Предисловие	7
Часть 1. А. Г. Широкова. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков	10
Глава 1. Иерархия методов	10
1. Понятие научного метода	10
2. Системно-структурный метод	13
3. Функциональный метод	18
4. Статистический метод	37
5. Другие методы	40
Глава 2. Условия сопоставительных исследований	43
1.	44
2. Основные понятия сравнительно-сопоставительных синхронных исследований	50
3. Понятие функционально-семантического эквивалента	54
4. Узуальная эквивалентность	58
5. Ситуационная эквивалентность речевого этикета как устойчивых формул общения	61
Глава 3. Сопоставительное изучение стилистически маркированных высказываний	64
1. Экспрессивность и эмоциональность	64
2. Сигналы эмоциональности и экспрессивности на разных языковых уровнях	66
3. Образно-экспрессивное употребление форм грамматических категорий в эмоционально-маркированных типах высказываний	82
Литература	92
Часть 2. В. Ф. Васильева. Предметная номинация в русском и чешском языках (сопоставительный аспект)	100
Введение	100
Глава 1. Системно-структурный анализ предметной номинации в русском и чешском языках	103
1. Понятие и номинация	103
2. Виды логической абстракции и семантика номинативных разрядов	108

3. Система предметной номинации в отношении к грамматическим категориям имени существительного	113
3.1. Морфологическая категория числа и номинация	114
3.2. Морфологическая категория рода и номинация	119
4. Предметная номинация в отношении к словообразованию	124
Глава 2. Системно-функциональный анализ предметной номинации в русском и чешском языках	131
1. Языковая асимметрия и номинативная эквивалентность	131
2. Функциональные номинативные разряды в русском и чешском языках в сопоставительном аспекте	140
2.1. Идентифицирующее значение	140
2.2. Собственно функциональное значение	150
2.3. Признаковое значение имен в разряде предметной номинации	158
2.4. Оценочное значение номинаций	164
Литература	168
Часть 3. А. И. Изотов. К соотносительности функционально-семантических категорий побуждения в современных чешском и русском языках	171
Введение	171
Глава 1. Содержательное определение побудительных высказываний	174
Глава 2. Смысловые интерпретации побудительных высказываний	177
1. Распоряжение (приказ), запрет, разрешение	184
2. Просьба	186
3. Требование	187
4. Предостережение, совет	188
5. Предложение	188
6. Команда	189
7. Призыв	189
Глава 3. Средства и способы экспликации побуждения	189
1. Императивные конструкции	191
1.1. Синтетический императив 2-го лица ед. и мн. числа	191
1.2. Синтетический императив 1-го лица мн. числа	193
1.3. Реликты синтетического императива 3-го лица ед. числа	195
1.4. Аналитический императив	196
1.5. Частичная делексистикализация императивных форм	202
2. Перформативные конструкции	203
2.1. Эксплицитные перформативные формулы	204

2.2. Скрытые перформативы.....	207
3. Неспецифицированные средства	208
3.1. Презентно-футуральная индикативность.....	209
3.2. Тематизация последствий каузируемого действия	212
3.3. Тематизация семы необходимости или возможности	214
3.4. Тематизация семы полезности действия.....	219
3.5. Тематизация волеизъявления.....	220
Заключение	219
Литература.....	222
Часть 4. Н. Е. Ананьева. Проблемы сопоставительного анализа префиксальных глаголов в языках древнего периода (на материале префиксальных глаголов с <i>do-</i> / <i>do-</i> в древнепольском, древнечешском и древнерусском языках).....	229
Введение	229
Способы глагольного действия как объект сопоставительного изучения. Задачи данного исследования. Методы и принципы описания материала	229
Источники материала и используемая система символов	244
Глава 1. Акциональные типы префиксальных глаголов с <i>do-</i> / <i>do-</i> в древнепольском в сопоставлении с древнечешским и древнерусскими языками	246
1. Сведения о составе СГД, выраженных глаголами с префиксом <i>do-</i> / <i>do-</i> , в современном польском и старославянском языках	246
2. Глаголы лимитивного СГД.....	247
2.1. Глаголы лимитивного СГД в древнепольском языке	249
2.2. Глаголы лимитивного СГД в древнечешском языке	259
2.3. Глаголы лимитивного СГД в древнерусском и старорусском языках	262
3. Глаголы финально-комплетивного СГД	269
3.1. Глаголы финально-комплетивного СГД в древнепольском языке	270
3.2. Глаголы финально-комплетивного СГД в древнечешском языке	276
3.3. Глаголы финально-комплетивного СГД в древнерусском и старорусском языках	279
4. Глаголы с семой аддитивности	281
5. Глаголы со значением результата длительного / интенсивного действия	285
6. Фактитивы и другие акциональные типы.....	294
Глава 2. Некоторые лексические значения префиксальных глаголов с <i>do-</i> / <i>do-</i> в древнепольском, древнечешском и древнерусском языках.....	296
1. Префиксальные глаголы с семой ‘хорошо’, ‘как следует’	296

2. Глаголы с префиксом <i>do-</i> / <i>до-</i> как единица измерения расстояния	296
3. Лексика судопроизводства и делового стиля.....	298
Глава 3. Дистрибутивные особенности префикса <i>do-</i> / <i>до-</i>	306
Заключение	309
Литература.....	313
Список сокращений источников	316

Предисловие

Предлагаемая читателю коллективная работа посвящена сопоставительному изучению и описанию до настоящего времени малоразработанной проблематики на материале русского и западнославянских языков. В отличие от вышедших ранее коллективных работ, выполненных кафедрой славянской филологии МГУ в рамках международного сотрудничества с Карловым университетом в Праге и с Варшавским университетом и посвященных, главным образом, сопоставительному анализу грамматики и лексики русского и чешского (иногда словацкого) языков, а также русского и польского языков (Ср. *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby*, díl I. Praha, 1974, ред. А. Широкова и М. Затовкашук, díl II. Praha, 1983, ред. В. Храбё и А. Широкова¹; *Badania nad czasownikiem w językach słowiańskich*. Warszawa, 1985, ред. А. Бартошевич и А. Широковой и ряд других исследований), в настоящей работе в сопоставительном плане рассматриваются новые теоретические и практические аспекты славянской проблематики в синхронии и диахронии.

Коллективная работа состоит из четырех частей, каждая из которых, связанная общими методами описания (системно-структурным, функциональным и др.), представляет свой (авторский) аспект исследования.

I. Так, в первой части (автор А. Г. Широкова) значительное место уделяется разграничению таких понятий, как *методология*, *метод*, *методика*, *прием* и др., уточнению понятия *научного* метода, условиям сопоставительных исследований, ключевым понятиям сопоставительных исследований (*tertium comparationis* и функционально-семантического и узуального эквивалента), специфике сопоставления некоторых типов стилистически маркированных высказываний, сигналам эмоциональности на разных языковых уровнях, транспозициям форм наклонений.

II. Вторая часть представляет собой исследование В. Ф. Васильевой, в котором впервые делается попытка дать на материале имен существительных комплексное системное описание предметной номинации в русском и чешском языках с опорой на следующие основные постулаты: 1) принцип последовательной реализации в языке результатов человеческого сознания; 2) комплексный логико-семантический подход к феномену языковой номинации; 3) признание за номинативной единицей ее двойного статуса — системно-структурного и функционального.

¹ Перевод бóльшей части статей второго русско-чешского сборника опубликован и на русском языке под заголовком «Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками». Под ред. А. Широковой и Вл. Храбё. М., 1983.

Система предметной номинации рассматривается в работе как результат объективации именем системы логических понятий, что приводит автора к выводу о необходимости признания частных лексико-грамматических разрядов имени существительного в качестве номинативных пространств.

Особое внимание уделяется функциональным признакам номинативных разрядов имени на основе идентификации, признаковости, оценки и целевой предназначенности именуемого объекта. Автор выявляет также межъязыковую эквивалентность имен каждого функционального разряда, уделяя при этом большое внимание грамматическим аспектам номинации.

III. В третьей части «К соотносительности функционально-семантических полей побуждения в современном чешском и русском языках» А. И. Изотов детально рассматривает соотношение функционально-семантической категории побуждения в обоих сопоставляемых языках с опорой, главным образом, на функциональный метод, который позволяет автору выявить способы распределения функциональной нагрузки между различными языковыми средствами при формировании высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения. Особое внимание А. И. Изотов уделяет трем аспектам описания: 1) содержательному определению побудительных высказываний; 2) смысловым интерпретациям побудительных высказываний; 3) средствам и способам экспликации побуждения в сопоставляемых чешском и русском языках.

IV. В четвертой части работа Н. Е. Ананьевой посвящена комплексной характеристике древнепольских префиксальных глаголов, которые сопоставляются с латинскими, древнечешскими и древнерусскими. Соотношение с указанными языками учитывается в работе дифференцированно. Если латинский язык определяется как источник заимствований и калек, то соотношения с древнечешским языком иное: с одной стороны, принимается во внимание возможный параллелизм развития в системе двух западнославянских языков, а с другой — влияние чешского языка на польский, которое обнаруживается в малопольских и силезских памятниках. Сопоставление с древнерусским языком позволяет, с одной стороны, определить то, что древнепольским языком было утрачено, поскольку древнепольский язык имеет более позднюю литературную фиксацию, а с другой — установить общее и отличное в системах генетически родственных языков XIV–XV вв. Древнепольские префиксальные глаголы в работе Н. Е. Ананьевой характеризуются с разных сторон: словообразовательной, лексико-семантической, аспектуальной и синтаксической. На этой же основе производится сравнение и с глаголами других вышеназванных языков.

В исследовании Н. Е. Ананьевой среди префиксальных глаголов, выражающих различные способы глагольного действия [СГД], выделяются аспектуально значимые глаголы, связанные с категориями времени, количества и результата, и пространственные.

При определении акциональной и лексической семантики префиксальных глаголов применяется компонентно-контекстный анализ. Изучение аспектологической проблематики в работе подчинено основной цели — описанию всех признаков префиксальных глаголов и сводится, в основном, к видовой квалификации префиксальных глаголов. При этом учитывается конкуренция различных префиксальных формантов как проявление свойств вариативности изофункциональных средств языка древнего периода, выявляется также активность словообразовательных связей префиксальных глаголов, изучаются их синтаксические связи.

В работе выявляются наиболее частотные синонимические и антонимические ряды.

В заключение следует сказать, что каждая из четырех монографий в настоящей коллективной работе представляет собой новый аспект исследования, недостаточно разработанный в славистической науке.

А. Г. Широкова

ЧАСТЬ 1

А. Г. Широкова

Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков

Глава 1. Иерархия методов

1. Понятие научного метода

1.1. Последние десятилетия были ознаменованы необычайно быстрым ростом исследований, посвященных сопоставительному изучению языков. И это неслучайно. Сопоставительное изучение языков (в том числе и близкородственных) представляет значительный интерес как в практическом, так и в теоретическом отношении.

Теоретическое значение сопоставительных исследований заключается в том, что они позволяют изучать сходства и различия в способах выражения одних и тех же содержательных категорий, определить, как в разных языках удовлетворяются сходные функциональные потребности, глубже вскрыть функциональную эквивалентность языков на различных языковых уровнях при сопоставлении как системном, так и функциональном, а также при сопоставлении на уровне нормы и речевого узуса.

Сопоставление помогает с большей полнотой выявить функциональный потенциал и границы функционирования изучаемых категорий (например грамматических), определить речевые условия их употребления, установить различие функций при сходстве системных отношений и сходство функций при материальных различиях.

По справедливому замечанию Л. В. Щербы, сопоставительное изучение языков позволяет выявить характерные различия, касающиеся выбора лексических и грамматических средств «одного и того же куска действительности», помогает установить, «в сколь разнообразных формах может воплощаться мысль» [1974, с. 74].

Сравнение позволяет глубже вскрыть такие закономерности и особенности в системе сопоставляемых языков, которые остаются скрытыми при их внутриязыковом изучении.

Практическое же значение сопоставительных исследований давно доказано: сравнение служит основой перевода, имеющего своей целью преобразование особенностей одного языка в речевую структуру другого. Сопоставление языковых систем, подсистем, грамматических категорий и средств

их выражения является основой методико-дидактических и учебных пособий. Без знания сходств и различий между языками нельзя построить эффективную методику преподавания языка как неродного. Наконец, сопоставление с системами и подсистемами других языков позволяет глубже осознать особенности системно-структурной организации функционирования родного языка.

1.2. Сравнение языков является универсальным приемом лингвистических исследований, независимо от того, идет ли речь о внутриязыковом сравнении (например сравнение различных синхронных срезов в истории развития одного языка) или о сравнении языковых явлений в синхронии.

Однако универсальный прием сравнения не всегда может вскрыть, а тем более объяснить сущность и характер сходств и различий между сопоставляемыми языками, если он не базируется на научных методах и принципах анализа языкового материала [V. Barnetová, VI. Barnet 1962, с. 74].

Для разработки той или иной области лингвистического исследования недостаточно наличия только эмпирической базы или совокупности проблем. Существенно необходимым является построение теоретической базы исследования, поиск методов, правильно отражающих особенности изучаемого объекта. Выработка методов изучения разных уровней и аспектов языка, которые позволили бы установить, соответствует ли та или иная теория языку как объективному и общественному явлению, была и остается одной из основных задач языкознания. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема соотношения методологии и методов, с одной стороны, методов, принципов и методик — с другой.

Важность этого определяется тем, что уже длительное время в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей наблюдается довольно произвольное употребление таких понятий, как методология, метод, теоретический принцип, подход, прием, методика и т. п. При чтении заголовков различных публикаций (особенно кандидатских диссертаций), таких, как *Методология синхронных срезов*, *Методология терминологических систем*, *Методология членения текста*, *Методология метаязыкового общения* и др., невольно возникает вопрос, как такое сложное философское понятие, как *методология* соотносится с общенаучными, конкретно-научными и специальными методами лингвистических исследований, и можно ли более или менее свободно и расширенно толковать эти термины, а следовательно, и обозначаемые ими понятия.

Для современной методологии науки, которая определяет теорию, правомерно выделить несколько уровней:

1) Уровень *философской методологии*, рассматривающей общие принципы познания и категориальный строй науки в целом;

2) Уровень *общенаучных* методов и принципов исследования изучаемых лингвистических объектов;

3) Уровень *научных и конкретно-научных* методов;

4) Уровень *специальных* методов, перенесенных в лингвистику из других научных дисциплин;

5) Уровень *методики и техники* исследования, то есть совокупность процедур, обеспечивающих получение достоверных эмпирических данных и их первичную обработку.

Оперируя понятием *метод*, следует установить иерархию методов, а также последовательность их применения.

Трудно согласиться с теми исследователями, которые определяют методологию как совокупность приемов исследования, то есть как уровень конкретно-научного анализа языкового материала, как уровень частных и специальных методов описания языковой действительности.

Методология не просто метод, а теория метода, в задачу которой входит обобщение и обоснование методов, применяемых в той или иной области познания.

Метод определяет принципы и способы познания, практическая реализация которых невозможна без определенных правил и процедур. А разработка таких правил, приемов и процедур является предметом методики. Совершенно очевидно, что всякий метод, с одной стороны, связан с методологией, а с другой — опирается на определенную методику, которая, однако, не тождественна ему.

В зависимости от того, что является предметом лингвистического описания, определяется и метод. Метод должен быть адекватен предмету, он должен правильно отражать особенности познаваемого объекта [А. Г. Широкова 1983, с. 3].

Метод — это прежде всего форма научного мышления и познания языковой действительности, а не техническая процедура сбора и первичной обработки материала.¹

Каковы же *научные* методы синхронного сравнительно-сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков.

Сравнения явлений различных языков (и прежде всего близкородственных) в современном языкознании часто называется сравнительно-сопоставительным или просто сопоставительным (конфронтативным). Правильно ли это? Идет ли в действительности речь об особом сопоставитель-

¹ Нередко на защитах дипломных работ, а также кандидатских диссертаций на вопрос *Какой метод был положен в основу описания?* можно услышать ответ: *метод сплошной выборки, метод непосредственного наблюдения, описательный метод* и т. д.

ном методе? Если так, то необходимо ответить на вопрос, что лежит в основе этого метода. В его основе лежит *прием* сравнения, который вряд ли можно назвать общенаучным и конкретно-научным *методом* познания языковых объектов, так как сравнение больших и малых лингвистических объектов (систем, подсистем и отдельных языковых явлений) само базируется на научных методах познания, изучения и описания языков [В. Барнет 1983, с. 7–20].

Синхронное сравнительно-сопоставительное изучение и описание родственных славянских языков и их отдельных категорий в зависимости от целей описания допускает применение различных методов — от общенаучных до частных специальных методов, которые можно назвать приемами или специальными способами изучения той или иной системы или микро-системы языка.

2. Системно-структурный метод

2.1. Важнейшим научным методом изучения языков вообще, близкородственных в частности, является *общенаучный* системно-структурный метод, или подход, требующий от исследователей учета всеобщей связи явлений в языке, а следовательно, закономерных связей между частями отдельно взятого лингвистического объекта.

Понятие системы не является изобретением языкознания и современных лингвистов. Это понятие было перенесено в лингвистику из других в методологическом отношении более развитых дисциплин, в которых уделялось внимание соотношению части и целого, системы и ее элементов, структуре и взаимоотношению ее компонентов. Особую актуальность эти понятия приобрели в философии и языкознании. Открытые Гегелем и Гумбольдтом законы диалектики получили развитие в лингвистиках разных направлений XX века, особенно в работах Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртенэ, О. Есперсена, Ф. Ф. Фор-тунагова, а также в работах Пражского лингвистического кружка (В. Матезиус, Б. Гавранек, Р. Якобсон, Б. Трнка, Н. С. Трубецкой и др.).

Пражская лингвистическая школа и ее приверженцы считали язык системой систем, то есть сложной системой, которая двояко интерпретируется: с одной стороны, это система языковых уровней, с другой — это система функциональных стилей.

Признание системы в языке с неизбежностью требует признания того, что языковая система это не закрытый конструкт, а открытая, динамичная, изменяющаяся и развивающаяся система, подверженная влиянию факторов общественных и социальных. С другой стороны, необходимо учитывать, что языковая система, хотя и является хорошо организованной совокупностью языковых элементов, совокупностью частных, локальных систем, характе-

ризуется также (в разной степени) неструктурированностью, несистемностью, асимметрией и наличием лакун.

Для понимания и характеристики структуры языка существенно, что элементы этой системы, образующие единое целое, находятся в отношениях и связях друг с другом. Они существуют не изолированно, а лишь в противопоставлении с другими элементами системы. Изменение одного элемента системы влечет за собой изменение в других точках системы.

Системный подход центральное место отводит выявлению и исследованию взаимосвязей изучаемого объекта. Из этого со всей очевидностью вытекает, что понятие системы конкретизируется через понятие связи. При этом важно отметить, что среди различных типов связей особое место занимают системообразующие связи. Устойчивые связи образуют структуру системы. Структура, в свою очередь, может характеризоваться как по горизонтали (связи между однотипными компонентами системы, например формы наклонов, формы времени и т. п.), так и по вертикали. Вертикальная структура языка предполагает наличие различных уровней системы языка и иерархию этих уровней.

Из сказанного следует, что для лингвистического анализа вообще и сопоставительных исследований, в частности, важно выделение не только понятия *системы*, но и понятия *структуры* как внутреннего строения, внутренней организации системы, выступающей как единство взаимосвязей между ее элементами.

Связь элементов структуры подчиняется диалектике взаимоотношения части и целого. Структурность — это неотъемлемый атрибут всех реально существующих объектов. В мире нет объектов без структуры, не обладающих способностью к внутренним изменениям и переходу из одних состояний в другие. Следовательно, и в сопоставляемых языках, отличающихся друг от друга как качественно различными системами, так и системной соотносительностью, может быть представлено множество уровней структурной организации и типов структурных отношений. Структура языка может быть неодинаковой даже у систем с аналогичными законами внутренних связей.

Однако независимо от того, являются предметом исследований языковые системы, частные системы или отдельные единицы языка как составная часть этих систем, сопоставление должно базироваться на ясной и точной теории языковых систем. Поэтому можно считать, что основным научным методом сравнительно-сопоставительных исследований является **системно-структурный** метод (или подход) к изучаемым явлениям сопоставляемых языков, требующий от исследователя учета не только всеобщей связи явлений, но и закономерных связей между частями отдельно взятого явления, то есть учета их структурной организации.

Следует отметить, что для ряда исследователей термины *система* и *структура* являются синонимами. Некоторые ученые эти термины хотя и различают, но вкладывают в них разное содержание. Правда, большинство лингвистов считает, что система — это внутренне организованная совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, а структура — строение этой системы, ее внутренняя организация. Наиболее точно и выразительно различия между понятиями *система* и *структура* определил А. С. Мельничук, который писал, что «понятия система и структура характеризуют один объект, но с разных сторон; система говорит о свойстве сложного объекта, о проявлении взаимосвязи его составных частей, а структура указывает на расчлененность единого объекта» [А. С. Мельничук 1970, с. 38–70].

Признание факта наличия структуры языковой системы, равно как и частных структур, имеет особое значение при сопоставительном изучении генетически родственных языков.

Так, при системной соотносительности, например, некоторых морфологических категорий в славянских языках их структура может или быть различной, или отличаться рядом таких особенностей, которые небезразличны для семантического потенциала этих категорий и сфер их функционирования в том или ином языке.

2.2. Категория наклонения, например, в русском и западнославянских языках обнаруживает системную соотносительность. В русском, чешском, словацком и польском языках представлены три наклонения: изъявительное (индикатив), повелительное (императив) и сослагательное (чешск. и словацк. — кондигонал). Система наклонений в близкородственных славянских языках базируется на общих семантических признаках, что обуславливает тождество или близость их категориальных значений и основных семантических и синтаксических функций.

Однако единой форме сослагательного наклонения в русском языке, выражающей гипотетическую модальность при темпоральной неопределенности, в чешском, словацком и польском языках соответствуют две временные формы кондигонала (сослагательного наклонения) — формы настоящего и прошедшего времени, выражающие гипотетическую модальность как во временном плане настоящего / бу-дущего, так и во временном плане прошлого. Различия на уровне выражения структуры сослагательного наклонения в чешском и русском языках, а также в других западнославянских, влекут за собой и различия на уровне содержания.

Так, формы сослагательного наклонения (кондигонала) настоящего времени, в чешском языке состоящие из особых форм глагола *být* (*быть*) (*bych, bys, by, bychom, byste, by*) и причастия прошедшего времени на *-l* полнозначительного глагола (*pracoval bych, bys, by ...*), в словацком языке — из причастия на *-l* (*volal*), частицы *by* и из форм настоящего времени

глагола *být* (быть) — *som, si, -, sme, ste* — (*volal by som, volal by si, volal by ...*), в польском языке — из причастных форм на *-l* (*chciał*) и показателей сослагательного наклонения, состоящих из частицы *by* и особых личных окончаний (*-był, -byś, -by, -byśmy, -byście, -by*) (*chciałbym, chciałbyś, chciałby* и т. д.), выражают возможные, желательные, обусловленные, гипотетически реализуемые действия, имеющие при определенных условиях футуральную перспективу их осуществления. Сравни:

чешск. — *Jeli bychom tam, kdybychom měli čas, My бы туда поехали, если бы у нас было время, Kéž by přišlo jaro! Поскорее бы пришла весна!* и др.;

словацк. — *Mohli by sme oslávii tvoje narodeniny v kruhu priateľov, Мы могли бы (можем) отпраздновать твой день рождения в кругу друзей, Velmi rád by som ten večer strávil v príjemnej spoločnosti, Я бы с удовольствием провел время в приятном обществе;*

польск. — *Przynióśby mi pan jutro tę książkę? Вы не принесли бы завтра мне эту книгу?, Chciałbym, żebyś się znalazł na moim miejscu, Я бы хотел, чтобы ты оказался на моем месте.*

В отличие от русского языка, в западнотславянских языках представлены сложные формы сослагательного наклонения прошедшего времени, состоящие из форм сослагательного наклонения от глагола *быть* (*být, byť, być*) и причастной формы *l / ł*. Ср.:

чешск. — *Kdybych to byl vědel dřív, byl bych tam nejel, Если бы я знал это раньше, я бы туда не поехал;*

словацк. — *Boli by sme prišli skôr, keby som sa nebol zdržal v úrade (Baláž), Мы бы пришли раньше, если бы я не задержался в учреждении;*

польск. — *Byłaby zapewne zginęła, gdyby nie pomoc dobrych ludzi, Она бы обязательно погибла, если бы не помощь добрых людей* (пример Т. Тихомировой).

Формы сослагательного наклонения прошедшего времени выражают действия не только нереальные, но и нереализуемые и ни при каких условиях уже неосуществимые.

Различная структура, неодинаковый семантический потенциал категории наклонения в русском, чешском, словацком и польском языках определяют и различные функциональные возможности этих категорий, а также структурные различия при построении предложения: в русском языке с формами сослагательного наклонения обязательным является употребление личных местоимений, выражающих грамматические категории лица и числа, и неизменяемой частицы *бы*, не выражающей грамматических категорий (*я бы пошел, мы бы работали*), в чешском, словацком и польском языках указанные категории выражаются изменяемыми по лицам и числам вспомогательными формами глагола (*bych, bys, by, bychom, byste, by; by som, by si ...*), а употребление форм личных местоимений ситуативно обусловлено (оно

характерно для живого, разговорного языка) и во многих случаях стилистически маркировано.

2.3. Сопоставление видовой системы славянских языков также обнаруживает системную соотносительность: во всех славянских языках представлена бинарная оппозиция глаголов совершенного и несовершенного вида, образуемых путем перфективации, имперфективации, а также нередко путем альтернации. Однако структурная организация видовой системы славянского глагола в разных языках различна, так как различны средства видообразования, различен набор видообразующих компонентов. Различия на системно-структурном уровне связаны также с большей или меньшей регулярностью образования видовых пар, с различным количественным составом глаголов *perfektiva* и *imperfektiva tantum*, с различной численностью двувидовых глаголов, со словообразовательной спецификой способов глагольного действия и некоторых других особенностей структурной организации категории вида в разных славянских языках.

Поэтому при системном сопоставлении глагольного вида необходимо установить правила организации видовой системы в том или ином языке, определить набор системообразующих компонентов, выявить закономерности их распределения в составе системы (в данном случае наборы перфективирующих префиксов и суффиксов имперфективации), установить их иерархию, продуктивность, употребительность и место в системе языка, то есть, в конечном счете, выявить особенности структурной организации изучаемой системы, определить соотношение и взаимосвязи этой системы с языковыми системами других генетически родственных славянских языков.

Наиболее значительные различия в видо-временной системе славянского глагола обнаруживаются на более высоких языковых уровнях, позволяющих изучить границы функционирования изучаемых и сопоставляемых категорий, определить их дистрибуцию, функциональную нагрузку, выявить частные видо-временные значения, которые представляют собой «регулярно повторяющиеся семантические типы, являющиеся результатом взаимодействия грамматической формы и контекста» [А. В. Бондарко 1971, с. 8]. В связи со сказанным представляется совершенно справедливым утверждение В. Барнетовой и В. Барнета, что при сопоставительном изучении родственных языков необходимо отличать языковые факты как явления системы от сферы их функционирования, так как сходства на уровне сопоставляемых систем не должны одновременно предполагать сходства на уровне функций [1962, с. 24–25].

В заключение снова подчеркнем, что независимо от того, являются ли предметом исследования языковые системы, частные системы или отдельные единицы языка как составная часть этих систем, сопоставление должно базироваться на ясной и точной теории языковых систем. Поэтому основным методом сравнительно-сопоставительных исследований является сис-

темно-структурный метод, или подход, к изучаемым явлениям сопоставляемых языков.

3. Функциональный метод

3.1. При сопоставительном изучении генетически родственных языков необходимо отличать языковые факты как явления системы от сферы их функционирования. Это важно потому, что, как уже неоднократно отмечалось исследователями, грамматические системы близкородственных языков отличаются не столько инвентарем грамматических средств, сколько их неодинаковой функционально-стилистической значимостью, различной функциональной нагрузкой, различным удельным весом в системе (или микросистеме) языка [R. Mgráček 1962, с. 12]. Однако при применении функционального метода описания языковых объектов следует, во-первых, уяснить понятие *функции*, а во-вторых, определить сущность *функционирования*. Синонимичны ли эти понятия?

Понятие *функции* в языке хотя и считалось одним из важнейших понятий языкознания, долгое время не имело точного определения. И только лингвисты Пражской лингвистической школы (далее ПШ) понятие *функции* (наряду с понятием *система* и *структура*) превратили в одно из принципиальных понятий своей концепции, в которой следует выделять два важнейших аспекта: а) функциональное понимание самого языка и б) изучение языка при помощи функционального метода. Следовательно, функциональный подход (*přístup*), функциональная точка зрения (*hledisko, stanovisko*) являются (наряду с требованием системного анализа и аналитического сравнения языков) одним из важнейших постулатов этого метода. Таким образом, представители ПШ исследовали, с одной стороны, различные функции языка как целого, с другой — функции его различных единиц и элементов в системе языка.

Важно подчеркнуть, что для ПШ понятие *функции* и *функционального подхода* связано с целой шкалой понятий, таких, как *záměr* (*намерение*), *účel* (*цель, назначение*), *úkol* (*задача*), *poslání* (*назначение, призвание быть / служить чем-либо*). Выступая против механического детерминизма, против эмпиризма и позитивизма, представители ПШ на первый план выдвигали принципы «предназначенности», «намерения», «цели», «замысла», которые являются различными эквивалентами понятия *функция*.

Позже понятие *функция* развивалось и углублялось. Так, О. Лешка в шестидесятые годы использует понятия *потенциальная* и *результативная* функция [O. Leška 1962, с. 129 и след.]. Фр. Данеш и К. Гаузен-блас при описании онтологического характера системы уровней и системы средств с учетом их коммуникативно-функциональных особенностей видят принцип, создающий иерархию всей системы, в отношениях средства и функции. При этом они выделяют функции внешнеориентированные (функция наименования,

сообщения) и внутренние, или конструктивные функции языковых единиц. Упорядочивающий принцип они видят во внутренних функциях, подчеркивая при этом, что функцией единиц более низкого уровня является их использование в качестве строительных средств единиц более высокого уровня. Таким образом, языковая единица любого уровня представляет собой как бы точку пересечения функций сверху и средств снизу [Фр. Данеш, К. Гаузенблаз 1969].²

Мы остановимся на понимании функции тех исследователей, которые идут в развитие идей ПШ и которые ближе нашему пониманию.

В последнее время понятие *функция* и *функционирование* обстоятельно разработано А. В. Бондарко в его «Функциональной грамматике» [А. В. Бондарко 1984]. Автор пишет, что в понятии *функция* применительно к языковым единицам (в частности к грамматическим формам и синтаксическим конструкциям) следует выделять два аспекта: *потенциальный* и *целевой*. Последний соответствует широко распространенному пониманию функции как цели, назначения, предназначения того или иного языкового средства. Потенциальный аспект функции А. В. Бондарко усматривает в способности той или иной единицы языка к реализации определенных целей. И хотя, как признается автор, указанный аспект функции вытекает из самого понятия цели (назначения, предназначения), он справедливо отмечает, что речь идет еще и о функции языковой единицы как потенциала ее функционирования, под которым разумеется и свернутый потенциал, то есть комплекс основных правил функционирования (поведения), входящих в функциональную характеристику языковой единицы. Подводя итог своим рассуждениям, А. В. Бондарко пишет, что в понятии *потенциал функционирования* важно подчеркнуть обуславливающий, каузирующий фактор по отношению к самому процессу функционирования языковой единицы и в конечном счете — по отношению к реализуемым целям. Таким образом, выстраивается цепочка: 1) функция (комплекс функций) как потенциал функционирования данной единицы; 2) обусловленные этим потенциалом закономерности и правила функционирования; 3) функция как достигнутая цель (результат) функционирования [цит. соч. с. 27–29].

Представляется, что, сохраняя преемственность при определении *функции* с родоначальниками этого понятия, А. В. Бондарко предложил оптимальный вариант характеристики, вскрывающий всестороннюю сущность функции, которая характеризуется не только определенной *потенцией / интенцией*, но содержит в себе и целенаправленную задачу, достигающую определенной цели. Справедливым является также указание на необходимость отличать функции грамматических единиц (форм и конструкций) от значений. Значение, как пишет А. В. Бондарко, представляет собой знаковое

² Понятие *функция* неоднократно рассматривалось в работах и других направлениях структурализма. Так, глава Копенгагенской школы Л. Ельмслев считает, что функция — это отношение, зависимость (например отношение подлежащего и сказуемого, выражения и содержания). Ср. Vl. Skalička 1948.

содержание форм, ее системно значимое внутреннее свойство (сама форма выделяется прежде всего на основе его категориального значения). Значения грамматических форм относятся к содержательной стороне языка и включаются в понятие языкового строя. Что же касается *функции*, то ее реализация может представлять собой *цель* употребления того или иного средства или комплекса средств, выходящую за пределы языка. Далее А. В. Бондарко подчеркивает, что значение формы охватывается понятием язык. Функция же связывает значения и внеязыковые цели общения... Значение языковых единиц относится прежде всего к системно-категориальному аспекту языка, то есть к системе его единиц, классов и категорий, заключающих в себе отражение и языковую семантическую интерпретацию категорий мышления. Функция также связана с языковой системой, но прежде всего с ее динамическим аспектом, то есть с закономерностями и правилами функционирования элементов системы языка. Отсюда — выход в речь, где функции раскрываются и реализуются как достигнутые цели [цит. соч. с. 32–33].

Итак, функциональный метод, или подход, это определение на фоне системных свойств и особенностей структурной организации сопоставляемых лингвистических объектов их семантического потенциала, изучение функциональной значимости тех или иных языковых единиц, то есть выявление той *роли*, которую они играют в высказывании, тех *задач*, которые они выполняют, той *цели*, которой они достигают. Следует еще раз подчеркнуть, что при сопоставительном описании генетически родственных языков изучение функционального плана совершенно необходимо, так как в этих случаях наибольшее число различий представлено именно на уровне функционирования.

Примеров функциональных различий даже при полной или частичной системной соотносительности в славянских языках очень много. Приведем лишь некоторые:

3.2. Так, форма инфинитива представлена во всех славянских языках. Правда, очень ограничено употребление инфинитива в болгарском языке (ср. синонимичную конструкцию *да + неет*). Значительно сужена сфера функционирования инфинитива в сербохорватском языке вследствие экспансии синонимичной конструкции *да + презенс* или *перфект* смыслового глагола [М. Деянова 1982, с. 26].

Иная картина представлена в восточнославянских и западнославянских языках, где отчетливо просматривается различная функциональная значимость инфинитива.

По наблюдениям В. А. Ицковича [1974, с. 98] и Чесала [1970, с. 73–77], в русском языке около четырехсот глаголов объединено общей семантической чертой — сочетаемостью с инфинитивом, типа *раз-решите представиться, позвольте заметить, попросил его это сделать, заставил его уйти, желать кому-либо выздороветь, поручить кому-либо, предложить кому-либо, потребовать от кого-либо* и т. п. В чешском

и словацком языках зависимый объектный инфинитив употребляется значительно реже. Здесь в аналогичных случаях указанное модальное значение выражается (особенно после глаголов волеизъявления, побуждения, движения и некоторых других лексико-семантических групп) чаще всего формами кондиционала. Ср. примеры:

в русском языке

Он попросил его уйти.
Разрешите вам представиться.
Он велел им прийти вовремя.
Желаю вам выздороветь.
Они заставили их вернуться.
Он попросил ее удовлетворить его просьбу.

в чешском языке

Požádal ho, aby odešel.
Dovolte, abych se vám představil.
Poručil jim, aby přišli včas.
Přeji vám, abyste se uzdravil.
Přinutili je, aby se vrátili.
Poprosil ji, aby mu vyhověla.

Близкая к чешскому языку картина наблюдается и в словацком языке.

Он приказал им прийти.
Он заставил его это подписать.
Он попросил его уйти.
Разрешите вас представить.

Rozkázal jim, aby prišli.
Prinutil ho, aby to podepsal.
Poprosil ho, aby odešel.
Dovolte, aby som vás predstavil.

Польский язык занимает промежуточное положение между чешским / словацким и русским языками, так как в польском языке наряду с конструкцией сослагательного наклонения часто употребляется и инфинитив. Сравни: *Poprosil go, żeby odszedł / Poprosił go odejść; Kuchara kazał iść przez ze dwora; Poleciła zaś przynieść mydło* (ср. в чешском *Narídila, aby přinesl mýdlo* (примеры Л. Ржегачека, [L. Řeháček 1966, с. 46.]). Следует также учесть, что в польском языке довольно значительное место занимает герундий (отглагольное существительное), который в ряде подобных позиций замещает либо инфинитив, либо личную конструкцию в сослагательном наклонении типа: *Zabraniam ci miwienie / Zabraniam ci mówić / Zabraniam, żeby ci mówił*.

Функциональные границы кондиционала в чешском и словацком языке значительно расширяются за счет употребления его при выражении желательной и других типов модальностей, в то время как в русском и польском языках наряду с формами сослагательного наклонения широко употребляется в подобных случаях инфинитив с частицей *бы*. Ср.:

русский

Хоть бы не случилось ничего плохого!
Не опоздать бы на поезд!

польский

Abu nie stórzilo się nic złego!
Tylko by nespóźnić się na pociąg!

Сравни подобные примеры в чешском и словацком языках:

чешский	словацкий
<i>Jen aby se nic zlého nestalo!</i>	<i>Len aby sa nič zlého nestalo!</i>
<i>Jen abychom nezmeškali na oběd!</i>	<i>Len aby sme nezmeškali obed!</i>
<i>Tak bych si zalyžoval!</i>	<i>Tak by som si zalyžoval!</i>

Инфинитивные конструкции с дательным лица и частицей *бы* в русском языке часто употребляются в делиберативном вопросе при выражении значения нерешительности, колебания, сомнения. В чешском и словацком языках и в этом случае обычным является употребление форм кондиционала, в русском предпочтение отдается инфинитивным конструкциям. Ср.:

<i>А кого бы нам послать туда?</i>	чешск. <i>Koho bychom tam poslali?</i> словацк. <i>Koho by sme tam poslali?</i>
<i>А что мне сказать ему?</i>	чешск. <i>Co bych mu řekl?</i> словацк. <i>Čo by som mu povedal?</i>
<i>Куда бы нам пойти?</i>	чешск. <i>Kam bychom šli?</i> словацк. <i>Kam by sme išli?</i>

Примеров, подтверждающих широту функциональных границ личных и неличных форм кондиционала, эквивалентами которых в русском языке являются преимущественно инфинитивные конструкции, можно было бы привести значительно больше. Они представляют собой открытый синтаксический ряд.³

Это в полной мере подтверждает утверждение Р. Мразека, сделанное им на III международном симпозиуме синтаксистов, что инфинитив проявляет большую активность в северных славянских языках, в то время как в южнославянских и западнославянских его функциональная нагрузка значительно ниже [R. Mrázek 1973, с. 169].

3.3. Примером значительных функциональных различий при системной соотносительности может служить также видовая система сла-

³ Семантика и синтаксис польского инфинитива в сопоставлении с русским и чешским детально рассмотрена в монографии Л. Ржегачека [L. Řeháček 1966], а также в его статье «Синтаксические функции польского инфинитива в сопоставлении с русским», где на основе анализа большого фактического материала подчеркивается, что различия в синтаксических функциях польского и восточнославянского инфинитива не существенны и что важные расхождения между польским и чешским языками заключаются в способности польского инфинитива сочетаться с частицей *by* (как в русском) и в широком употреблении форм инфинитива в некоторых типах придаточных предложений [L. Řeháček 1958, с. 163]. См. также К. Горалека, статья которого посвящена переводу инфинитивных конструкций с русского языка на чешский [K. Horálek 1953].

вянского глагола. Как уже указывалось, на парадигматическом уровне можно говорить о системной соотносительности категории вида, представленной оппозицией глаголов совершенного и несовершенного вида, которая отличается близостью инвентаря грамматических средств и способов видообразования (перфективация / имперфективация, альтернации гласных и согласных), близостью лексической базы глагольного вида, способностью вступать во взаимодействие с грамматическими категориями, и прежде всего с грамматической категорией времени, с неодинаковым семантическим потенциалом префиксов, которые по-разному реализуются с различными глагольными лексемами. Однако видо-временная система глагола в русском и западнославянских языках, соотносительная на системном уровне, обнаруживает существенные различия при ее функционировании в формах как настоящего, так и прошедшего времени — с одной стороны, в русском языке, а с другой — в чешском, словацком и отчасти польском. В последних языках глаголы совершенного вида при поддержке соответствующих средств контекста (квантификаторы узуральности, определенной или неопределенной краткости, а также длительности действия) могут употребляться для обозначения неделимых, целостных, комплексных повторяющихся действий.

3.3.1. Функционирование презентных форм глаголов совершенного вида в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким и польским. Проблеме глагольного вида и времени в отдельных славянских языках было посвящено много общих и специальных работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Вопросам же сопоставительного изучения функционирования видо-временных форм в славянских языках уделялось значительно меньше внимания, хотя в последние два-три десятилетия появился ряд интересных исследований, авторами которых являются как отечественные, так и зарубежные лингвисты: А. В. Исаченко, Г. Кржижкова, В. Барнетова, Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко, Е. В. Петрухина, Л. Н. Смирнов, Н. Е. Ананьева, О. С. Плотникова, А. Г. Широкова, Св. Иванчев, А. Стунова и др.⁴

⁴ В настоящей работе нет возможности перечислить все исследования, посвященные видо-временной семантике славянского глагольного вида, поэтому при выявлении функциональной нагрузки членов видового противопоставления в сопоставляемых славянских языках мы будем опираться главным образом на собственные наблюдения, а также на работы отечественных славистов. Это прежде всего работы А. В. Бондарко, Л. Н. Смирнова [1962, с. 28–43], Н. Е. Ананьевой [1969, с. 15–80], Е. В. Петрухиной [1978, 1983, с. 152–172], О. С. Плотниковой [1985] и др. Довольно подробный список литературы, посвященной сопоставительному изучению чешского глагольного вида в сопоставлении с русским и другими (в том числе и неславянскими) языками содержится в монографии: Stunová Anna. A Contrastive Study of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse. Amsterdam, 1993, s. 197–210.

Уже давно доказанным является тот факт, что значение презентных форм глаголов совершенного вида (далее СВ) реализуется в двух самостоятельных временных значениях будущего и неактуального настоящего. Будущее время глаголов совершенного вида легко обнаружить в условиях минимального контекста. Ср.: *Я вернусь (вечером, завтра, через год...)*, чешск. *Vrátím se (večer, zítra, za rok)*, словацк. *Vrátim sa (večer, zajtra, za rok)* и т. д.

Для выявления значения неактуального настоящего глаголов СВ и всех его частных значений необходимо изучение более широкого контекста, а также определенных типов контекста, содержащих квантификаторы повторяемости, узуальности, атемпоральности, потенциальности и некоторые другие значения. Разные авторы выделяют различное число частных значений неактуального настоящего. Так, например, А. Исаченко выделяет настоящее узуальное, повторяющееся, потенциальное и настоящее историческое [1960]. Е. Петрухина в рамках неактуального настоящего выделяет узуальное, потенциальное и атемпоральное значения [1983, с. 152–172].

И хотя настоящее повторяющегося действия глаголов СВ нередко сливается с настоящим узуальным, считаем целесообразным их рассматривать отдельно, так как повторение действия может иметь разную кратность (частую, редкую: *иногда, изредка, редко когда, порой, часто* и т. д.), в то время как под настоящим узуальным мы понимаем действия постоянные, обычные, привычные. Ср. примеры:

1. Настоящее повторяющегося действия с оттенками редкой, частой, регулярной и нерегулярной повторяемости действия. (Ср. в чешском лексические показатели: *někdy иногда, málokdy редко когда, denně ежедневно, ročně ежегодно, často часто, občas порой, každý týden, rok каждую неделю, год, každou chvíli каждую минуту* и др.).

Ср. отдельные примеры функционирования презентных форм глаголов в чешском и русском языках:

в чешском языке

Každý týden stráví několik dní za městem. (Škv.)

Denně přečte všechny noviny. (разг.)

Vrabce málokdy chytí, nýbrž spíš myš. (Pol.)

Někdy pan učitel vybere od nás po koruně, a pak jde do bejáku celá třída.

Občas kvítek zalétne do okna.

Dvakrát za noc se probudím.

...A táta s matou sedí na dece u lesa a

в русском языке

Каждую неделю он несколько дней проводит за городом.

Ежедневно он прочитывает все газеты.

[Ему] редко удается поймать воробья, скорее мышь.

Иногда пан учитель собирает с нас по кроне, и тогда весь класс идет в кино.

Порой цветок залетает в окно.

Ночью я просыпаюсь раза два.

...А отец с матерью сидят на

každou chvíli někdo z nich řekne: «Tak už dej pokoj». (Pluhář) *одеяле возле леса и каждую мину-
ту кто-нибудь из них говорит: «Да
оставь ты нас в покое».*
Zřídka kdy ho navštívím. *Я изредка навещаю его.⁵*

Близкая картина наблюдается и в словацком языке:

Raz do mesiaca pride navštíviť chorého otca. *Один раз в месяц он приходит
навестить больного отца.*
Každý týždeň zhotovia okolo 200 modelov. *Каждую неделю они изготавливают
около 200 моделей.*
Občas pred nimi zaspievam. *Иногда я пою перед ними.*

2. Значение узуального, постоянного, обычного неактульного действия выявляется, как правило, при наличии таких лексических показателей, как чешские *vždycky* *vсегда*, *stále*, *pořád* *постоянно*, *obvyčejně* *обычно*, *zpravidla* *как правило* и т. д. Ср.:

Vúbec je to u Soumarů dost báječně a vždycky tam dostanu čaj. (Pol.) *У Соумаров вообще (постоянно)
очень хорошо, и я всегда там по-
лучаю чай (меня угощают чаем).*
Salám si obvyčejně koupím na rohu naši ulice. (Barnetová) *Колбасу я обычно покупаю на углу
нашей улицы.*
Pajda je chytrý a vždycky včas uskočí. (Pol.) *Пайда хитрый, он всегда вовремя
ускользнет.*

Значение узуального настоящего может вытекать и из широкого контекста при отсутствии в нем лексических показателей постоянного, ставшего обычным действия, но в определенных синтаксических условиях: в сложноподчиненных предложениях с временными союзами *když*, *jakmile*, *kdydoli*, выражающих взаимообусловленность узуальных действий главного и придаточного предложений. Ср.:

Jakmile se píseň ta valečná ozve, již vyřítí se ze všech chatrčí, domků, ano i obydlí občané habrovští. (Pol.) *Как только раздается эта военная
песня, сразу же из всех хибарок,
домиков и жилищ выбегают габ-
ровские обыватели.*
Já jsem nejradší, když přijede před náš krám valník a přiveze zboží. (Pol.) *Я очень радуюсь, когда к нашей
лавке приезжает грузовик и приво-
зят товары.*
...Tatínek se podívá na plakát se zalíbením a pak praví: «Mami, pojd' sem». *Маминка přijde, utře si ruce a* *...Отец смотрит на плакат с удо-
вольствием и потом говорит: «Ма-
ма, пойдь сюда». Мама приходит,*

⁵ Примеры без указания автора или взяты нами у информантов, или же представляют устную разговорную речь (разг.).

taky se podívá a řekne: «ách!», pak přijde Krystýna s kuchyně, taky se podívá a řekne: «ách!», neboť se jim to líbí. (Pol.) *вытирает руки, тоже смотрит и говорит: «ах!», потом из кухни приходит Кристина, тоже смотрит и говорит: «ах!», потому что им это нравится.*

Во всех приведенных и подобных примерах при выражении узуальных действий в чешском языке употреблены глаголы СВ, в русском — НСВ. В отличие от глаголов НСВ, которые также могут выражать повторяющиеся и узуальные действия, глаголы СВ подчеркивают комплексность, целостность, нередко законченность и результативность повторяющихся и узуальных действий, а также динамизм событий.

В словацком языке узуальные действия, выражаемые глаголами СВ, также могут подкрепляться лексическими и синтаксическими средствами и широким контекстом. Ср. некоторые примеры:

<i>Žofia ju miesto milovania vždy dotrápi. (SSJ)</i>	<i>Жофия ее всегда вместо любви мучает (букв. замучает).</i>
<i>Ale my ich vždy zbadáme. (J.)</i>	<i>Но мы их всегда замечаем (букв. заметим).</i>
<i>Robím to každý rok a vždy nakreslím ženy všetkých barev. (J.)</i>	<i>Я делаю это каждый год и всегда рисую (букв. нарисую) женщин всех цветов.</i>
<i>A poľovník ...zvyčajne vezme do ruky zbraň a poriadne ju vyčistí. (SSJ)</i>	<i>А охотник обычно возьмет в руки ружье и хорошенько его чистит (букв. вычистит).</i>
<i>Potom to obvyčajne priestří. (J.)</i>	<i>Потом эта [ситуация] обычно обостряется (букв. обострится).</i>

3. Презентные формы глаголов СВ, наряду с НСВ, часто встречаются также при выражении атемпоральных, вневременных действий. Наиболее специфическим типом контекста в этих случаях являются пословицы, поговорки, загадки, научные формулировки, а также разного рода сентенции, отражающие человеческий опыт. Ср. примеры:

в чешском языке	в русском языке
<i>Sytý hladovému neuvěří.</i>	<i>Сытый голодного не разумеет.</i>
<i>S poctivostí nejdál dojdeš.</i>	<i>Честностью добьешься большего.</i>
<i>Jak si kdo ustele, tak si lehne.</i>	<i>Как постелешь, так и ляжешь.</i>
в словацком языке	в русском языке
<i>Kto jinému jami kope, sám do nej padne. (SSJ)</i>	<i>Кто другому яму копает, сам в нее попадает.</i>
<i>Kde ho ráno postaví, tam ho večer nájde. (SSJ)</i>	<i>Где его утром поставишь, там его вечером найдешь.</i>

Kde čert nemůže, tam pošle starú babu. Где черт не может сам, туда он посылает старую бабу. (MSJ)

Таким образом, при выражении вневременных действий наряду с глаголами НСВ в чешском и словацком часто употребляются глаголы СВ, что также свидетельствует о бóльшей функциональной нагрузке глаголов СВ в обоих западнославянских языках. В русском языке им чаще соответствуют глаголы НСВ.

4. Глаголы СВ в чешском и словацком языках значительно чаще употребляются также при выражении и такого оттенка значения неактуального настоящего, как способность / неспособность, возможность / невозможность субъекта совершить какое-либо действие. Ср.:

в чешском языке

TU-154 uletí tisíc kilometrů za hodinu. (noviny)

Kamarád uběhne stovku za 11 vteřin. (Korečný)

Vykouří denně 40 cigaret. (Korečný)

Ten všecko vydrží, snese a dokaže. (Čapek)

в словацком языке

Neznesiem, aby ťa niekto bil.

Ale čas a voda rozdrobí aj skálu. (SSJ)
Lahko unesie ten kufr.

On je taková povaha, všetko vyloží vo svoj prospech. (J.)

в русском языке

TU-154 пролетает (может, способен пролететь) 1000 километров в час.

Товарищ пробегает (может пробежать) стометровку за 11 секунд.

Он выкуривает (может выкурить) за день 40 сигарет.

Он все может выдержать, вынести и доказать.

в русском языке

Я не могу выносить (я не выношу), чтобы тебя кто-то бил.

Время и вода и скалу способны раздробить.

Он может легко пронести (нести) этот чемодан.

У него уж такой характер, что он все истолковывает (может истолковать) в свою пользу.

Если в русском языке при выражении различных оттенков значения неактуального настоящего (особенно при выражении повторяющихся и узуальных действий) представлена нейтрализация видового противопоставления, то есть употребление глаголов НСВ вместо СВ, то в чешском и словацком языках возможна конкуренция видов, при которой сохраняется различие между общими и частными видовыми значениями. Ср. чешское *Denně pije / vypije dvě kávy, Týdně vyrábíme / vyrobíme asi sto přístrojů.*

5. Нейтрализация видового противопоставления в русском языке представлена также и в случаях переносного употребления видо-временных форм. Так, в историческом презенсе в русском языке возможно только употребление глаголов НСВ, в то время как в чешском и словацком языках в подобных случаях свободно употребляются как глаголы НСВ, так и СВ. Ср.:

в чешском языке

*Šel jen tak v kabátě, najednou pozdvihne hlavu a rozhledne se. (Otčen.)
*Ukážu jim knihu, a oni mně ještě zasalutovali. (Hašek)
*Chytnu ho za límec, lekne se hrozně a ještě na mě namířil tu svoje směšnou pištálku. (Hašek)***

в русском языке

*Он шел просто так, в пальто, вдруг поднимает голову и оглядывается.
*Я показываю им книгу, а они мне еще и салютуют.
*Я хватаю его за воротничок, он страшно пугается и нацеливает на меня свой смешной пистолет.***

Нередко в одном и том же предложении в качестве однородных членов употребляется исторический презенс глаголов СВ и НСВ. Ср.:

в чешском языке

*Frantik Severýn přestane kývat nohama, zvedne hlavu a poslouchá s nataženým krkem. (Řezáč)
*Tak si představ: předevčirem mně dá šéf generálního štábu spis a povídá... (Capek)**

в русском языке

*Франтик Северин перестает болтать ногами, поднимает голову и слушает с вытянутой шеей.
*Ну так представь себе: позавчера шеф генерального штаба дает (букв. дал) мне рукопись и говорит...**

Аналогичная картина представлена и в словацком языке.

в словацком языке

*Otvorte dvere, nech je prievan, skríkne učitel. (SSJI)
*V tom si nás všimne jeden zbojník.
*Otec po chvíli pohne rukou a odrazu se posadí.***

в русском языке

*Откройте двери, пусть будет сквозняк, — закричал учитель.
*В этот момент нас замечает (=заметил) один разбойник.
*Минуту спустя отец шевельит (=шевельнул) руками и вдруг садится (=сел).***

Как видно из приведенных и подобных примеров, исторический презенс глаголов СВ употребляется в чешском и словацком языках не только для актуализации и драматизации действия, но и для передачи действий

⁶ На русский язык исторический презенс переводится либо глаголами НСВ (сохраняется временной план исторического настоящего), либо формой прошедшего времени (сохраняется вид).

внезапных, мгновенных, неожиданных, кратковременных, а также для передачи предшествования одного действия другому, выраженному глаголом НСВ. Ср. ...*Svleknú se a plavú s druhým koncem provázku na druhý břeh.* (Щарек) /...*Я раздеваюсь (=разделся) и плыву (=поплыл) со вторым концом веревки на другой берег.* [Подробнее см. А. В. Бондарко 1958, с. 556–584, Г. Кржижкова 1955, с. 241–255, Е. Пет-рухина 1977, А. Стунова 1988, 1992].

Даже неполный анализ функционирования презентных форм глаголов СВ в чешском и словацком языках в сопоставлении с русским позволяет прийти к выводу, что функциональная нагрузка глаголов СВ в рассмотренных западнославянских языках весьма значительна и что различия между русским и сопоставляемыми языками носят системный характер, хотя следует отметить, что употребление форм перфективного презенса в значении повторяемости (особенно узуальном) в определенных случаях возможно и в русском языке: а) при описании цепи событий с союзами *ли... ли, либо... либо, то... то* (*То как зверь она завоет, то заплачет как дитя*); б) при выражении внезапного, стремительного наступления действия с конструкциями *нет да и* (*Нет-нет да и остановится*), *да как* (*Сидит-сидит, да как засмеется*), со словом *бывает* (*Иногда бывает — купишь скучную книгу...*) и в некоторых других случаях [А. В. Исаченко 1960, с. 453–457].

3.3.2. Функционирование глаголов СВ в формах прошедшего времени в русском и западнославянских языках. Еще более значительные различия между русским и западнославянскими языками (чешским, словацким и польским), а также между словенским языком, принадлежащим к южнославянской группе языков, обнаруживаются при передаче глаголами СВ повторяющихся действий в плане прошлого. Речь идет прежде всего о выражении повторяющегося и обычного (узуального) действия видо-временного имперфектного значения, а также такой его разновидности, которая лишь в незначительной степени характеризует русский язык — это значение подчеркнутой длительности, средствами выражения которого является не только отрицание *ne, nie*, но и отрицательные слова типа чешских *nikdy, nikam, nikdo* и др.

Поскольку в нашу задачу входит лишь показать, что в западнославянских языках функциональная нагрузка глаголов СВ при передаче повторяющихся и узуальных действий значительно больше, мы не будем детально рассматривать особые случаи употребления глаголов СВ, достаточно подробно описанные на материале русского языка А. В. Бондарко, на материале чешского языка А. Г. Широковой [1963, с. 98–117] и Е. В. Петрухиной [1978, с. 57–66], на материале польского языка Н. Е. Ананьевой [1993, с. 65–80], словацкого Л. Н. Смирновым [1962, с. 28–43], словенского О. С. Плотниковой [1985, с. 231–242], а также другими исследователями.

Для нас важно подчеркнуть, что хотя основное видовое противопоставление глаголов СВ и НСВ в русском и западнославянских языках системно соотносительно, степень противопоставленности видов на уровне частных значений различна, а функциональные границы членов видового противопоставления в русском и сопоставляемых западнославянских языках не всегда совпадают.

1. Одним из наиболее ярких примеров проявления функциональных различий глаголов СВ и НСВ в русском и чешском языках является выражение повторяющегося и узуального действия во временном плане прошлого. Если в русском языке прошедшее время повторяющегося и узуального действия допускает преимущественно употребление одного несовершенного вида.⁷ (*Он обычно возвращался поздно, Он ежегодно уезжал за границу, Он всегда покупал это к празднику* и т. п.), то в чешском и других западнославянских языках наряду с глаголами НСВ могут свободно употребляться также глаголы СВ, сочетающиеся с лексическими показателями ограниченной и неограниченной кратности, а также узуальной повторяемости. Ср. примеры:

в чешском языке

Občas se ozval výstřel. (SSJČ)

Přisel obyčejně v pátek.

[Stejskal]. ...A ten nás vícekrát zavezl do přírody. (Pluh, 39)

[Stanka]. Pomalu se ztišila a jen občas trhavě vzlykla a utřela si oči. (Stýbl)

Několikrát jsme se ještě sešli, ale ne v bytě jako dřív. (Stýbl)

Každý den zajel za dětmi otec a vždycky jim přinesl nějaké dobroty. (Němcová)

в русском языке

Иногда слышался выстрел.

Обычно он приходил в пятницу.

[Стейскал]. ...Он нас много раз отвозил на природу.

[Станка]. Постепенно стихла и только порой судорожно всхлипывала и вытирала глаза.

Несколько раз мы еще встречались, но не в квартире, как раньше.

Отец каждый день заезжал за детьми и всегда им привозил что-нибудь вкусное.

Число примеров может быть значительно увеличено, но уже из приведенных видно, что чешским глаголам СВ при самых различных показателях определенной и неопределенной кратности и узуальности в русском языке соответствуют только глаголы НСВ. Основная причина этого — различное распределение функциональной нагрузки на члены видового противопоставления при выражении указанных выше значений, языковой узу, а также

⁷ Так, в русском языке при выражении суммарного значения возможно сочетание глаголов СВ лишь с показателями ограниченной кратности, к которым относится слово *раз* в сочетании с числительными и другими словами, обозначающими количество: *Он два раза постучал* (А. В. Бондарко, Л. Л. Була-нин 1967, с. 54).

невозможность образовать в ряде случаев парные глаголы несовершенного вида, что в большинстве случаев зависит от семантики глаголов, выражающих различные способы глагольного действия (*nadŕít se, nachodit se, načekat se, vyťancovat se* и т. п.), а также при употреблении некоторых союзов (*jakmile, kedykoli* и др.).

2. Ср. аналогичные примеры из словацкого языка:

V tábore boli aj ženy. Žili oddelene, zriedkakedy sme ich stretli na ceste z práce. (Lazarová)

В лагере были и женщины. Мы их изредка встречали (букв. встретили) на пути с работы.

Raz pýtal som si fotografiu. Sľubila, ale za mesiac ju uždy zabudla doma. (Lazarová)

Один раз я просил у нее фотографию. Она обещала, но через месяц всегда забывала (букв. забыла) ее дома.

Kedykoľvek zišla z ňou alebo s jej matkou, len pár slov prehovorila, i to len tak cez zuby. (Čaj)

Когда она встречалась с ней или с ее матерью, она говорила только пару слов и то сквозь зубы.

Po týchto slovách pani Gezdiková obvyčajne osmutnela a neraz si aj ticho poplakala. (Kráľ)

После этих слов пани Гездикова обычно становилась очень грустной и не раз тихонько плакала (букв. поплакала).

Nechajte ho, on sa po chvíli utiší... To sa mu už stalo niekoľko ráz. (Kráľ)

Оставьте его, он через минуту успокоится... Это с ним случалось (букв. случилось) уже несколько раз.

Ср. также примеры из разговорного словацкого языка:

Matka často pozrela na syna.

Мать часто смотрела на сына.

Raz do mesiaca prišiel navštíviť chorého otca.

Раз в месяц он приходил навещать больного отца.

3. Интересный и богатый материал на функционирование форм прошедшего времени СВ глаголов со значением повторяемости в польском языке в сравнении с русским содержится в статье Н. Е. Ананьевой [1993, с. 65–80]. Исключив из анализа случаи, когда действие повторяется ограниченное число раз (*dwukrotnie — дважды, kilkarazy — несколько раз*), так как в таких контекстах и в русском и в польском языках возможны претеритальные формы СВ, Н. Е. Ананьева сосредоточила свое внимание на условиях функционирования форм СВ прошедшего времени, которым в русском языке соответствуют формы НСВ. Она поставила перед собой также задачу выявить типичные синтаксические конструкции, благоприятствующие употреблению претеритальных форм СВ, и ответить на вопрос, существует ли у определенных лексико-синтаксических групп глаголов предрасположенность к их употреблению в форме СВ.

Поскольку в настоящей работе нам важно прежде всего показать применение функционального метода при изучении и описании языковых явле-

ний, мы воспользуемся некоторыми результатами анализа польского материала Н. Е. Ананьевой, чтобы сравнить его не только с русским, но с чешским и словацким. Н. Е. Ананьева отдельно рассматривает единичную претеритальную форму СВ с детерминантом, то есть лексическим показателем кратности (*a*), два хабитуальных действия, выраженных претеритальными формами, к одной из которых относится детерминатор повторяемости в простом (*b*) и сложносочиненном предложении (*в*), а также ряд действий в прошлом повторяющегося, узуального характера (*з*). Ср. некоторые, приводимые Н. Е. Ананьевой, примеры:

в польском языке

a) *Od czasu do czasu wśród zieleni zamigotała tafla jeziora.*

Często po obiedzie wypił kawę.

Zawsze dostrzegłam tam coś ciekawego...

Czasem wiatr zaszumił w gałęziach. (Reymont)

Nieraz zapłakał na wspomnienie dawnych czasów.

b) *A pani Irena jakoś to odczytywała i błędy poprawiała czasami.* (St. Zab)

в) *Kiedy wchodziłam do bufetu, ... milkły rozmowy i tylko kilka osób odważyło się usiąść przy stolku...* (KŻ)

в русском языке

Время от времени среди зелени мелькала гладкая поверхность озера.

Часто после обеда он пил (букв. выпил) чашку кофе.

Я всегда замечал (букв. заметил) там что-нибудь интересное.

Иногда ветер шумел (букв. зашумел) в ветвях.

Он часто (=не раз) плакал при воспоминании о давних временах.

А пани Ирена как-то прочитывала это и иногда исправляла ошибки.

Когда я входила в буфет, ... разговоры смолкали и только несколько человек отваживалось сесть за столик...

Н. Е. Ананьева приводит также примеры на употребление претеритальных форм СВ в составе главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения [1993, с. 79 и др.]. Все это позволяет прийти к заключению о том, что и в польском языке функциональная нагрузка глаголов СВ значительно больше, чем в русском языке, хотя трудно утверждать, что функциональные границы претеритальных форм глаголов СВ во всех трех западнославянских языках совпадают.

4. Отличительной особенностью сопоставляемых западнославянских языков в сравнении с русским является также употребление претеритальных форм глаголов СВ с отрицательной частицей *ne, nie* и с другими отрицательными словами: местоимениями, наречиями — для выражения подчеркнутой длительности. В отличие от русского языка, где употребление прете-

ритальных форм СВ с отрицательными словами ограничено⁸, в западнославянских языках сфера употребления претеритальных форм глаголов СВ значительно шире. Оно не обусловлено наличием значительных лексических средств подчеркивания и усиления отрицания, оно не зависит от экспрессивности высказывания. В формах прошедшего времени оно является настолько же обычным, распространенным -и стилистически нейтральным, как и употребление претеритальных форм СВ для выражения повторяющегося и узуального действия. Ср. примеры:

в чешском языке

Překrásná Luiza to je ta, s kterou jsem nikdy nesetkal. (Olbracht)

Fricek nikdy nezapomněl ani na ta slova, ani na to, jak bylo řečeno. (Olbracht)

Ten, na kterého byla řada, nepřišel nikdy. (Neruda)

Vzpomněl si velmi přesně na všechno, nikdy nic nezapomněl. (Kalčík)

в русском языке

Прекрасная Луиза — это та, с которой я никогда не встречался.

Фрицек никогда не забывал ни тех слов, ни того, как это было сказано.

Тот, очередь которого была, никогда не приходил.

Он отчетливо вспоминал все, никогда ни о чем не забывал.

Отрицательные конструкции с глаголом СВ с *nikdy* подчеркивают, как правило, безусловный характер отрицания действия. Достаточно распространенными являются, однако, случаи, когда лексические показатели указывают на определенный или неопределенный промежуток времени, в течение которого действие не происходило. Ср.:

в чешском языке

Někdy zajel se svým bratrem až v noci, a pak se zas neobjevil po celé týdny. (Němcová)

Už řadu měsíců se nepotkali. (разг.)

Paní Marešová vypověděla, že pan mistr celej tejdny nevyšel s bytu. (Čapek)

Neudělal jsem to už několik let. (Stýblová)

в русском языке

Иногда он заезжал со своим братом даже ночью, а потом не показывался целыми неделями.

Они не встречались уже на протяжении нескольких месяцев.

Пани Марешова рассказала, что господин актер целую неделю не выходил из квартиры.

Я не делал этого уже несколько лет.

Нередко в предложении употребляется несколько отрицательных слов, которые стимулируют употребление глаголов СВ, но не переводят его в

⁸ Оно возможно при усиленном отрицании типа *Он никогда сына пальцем не тронул*, в сочетании с *никогда не, ни разу, ни одного раза* (*Он ни разу не позвал меня, Он никогда не пригласил меня*), а также при ярко выраженной экспрессивности высказывания (*Он же с ребенком-то никогда не поиграл*).

разряд стилистически маркированных. Ср.: *Odtud se nikdo nikdy nedostal do divadla* (Technik). *Оттуда никто никогда не попадал в театр*. Во всех приведенных и подобных предложениях в русском языке, как следует из эквивалентных переводов, употребляются глаголы НСВ.

5. Употребление претеритальных глаголов СВ с отрицанием (+ *nikdy*) свойственно и словацкому языку. Однако, как указывает Л. Н. Смирнов [1971, с. 236–241], в этой же позиции широко употребляются и глаголы НСВ, особенно в рамках сложных предложений, в комбинации с глаголами СВ. Ср.:

в словацком языке

O ničom nehovorila s láskou, nikdy neukázala, že by niečo rada viděla. (Jes, 183)

Ale nikdy ho neprichytili pri čine. (Urb.)

Nikdy sa však nepriznal, že by si nevedel v niečom rady. (Křto)

Nikdy som sa neodvažil vzopriet, mal som ho rád. (Pláv.)

в русском языке

Она ни о чем не говорила с любовью, никогда не показывала вида, что она хотела бы что-нибудь видеть.

Но его никогда не заставляли на месте преступления.

Он никогда не признавался в том, что он не знает, что делать.

Я никогда не осмеливался воспротивиться ему, я любил его.

Считая словацкие конструкции *nikdy* + отрицательная форма претерита СВ или НСВ синонимичными, обозначающими, что выражаемое ими действие вообще не имело места (*nikdy nespomenul / nikdy nespominal, nikdy sa mi neprisnilo / nikdy sa mi nesnívalo* и т. п.), Л. Н. Смирнов, однако, не считает их тождественными, так как они не могут замещать друг друга в любом контексте [цит. соч. с. 240]. Однако анализ словацких отрицательных конструкций СВ + *nikdy* также привел автора к заключению, что их употребление не связано ни с какими дополнительными средствами усиления и подчеркивания отрицания и со стилистической маркированностью, как это имеет место в русском языке.

Факт широкого употребления парных претеритальных глаголов СВ с отрицанием в словацком и чешском языках, в соответствии с глаголами НСВ в русском языке также является свидетельством большей функциональной нагрузки претеритальных глаголов СВ в западнославянских языках.

6. Аналогичная картина наблюдается и в польском языке. Ср. некоторые, приводимые Н. Е. Ананьевой [1983] и В. Смехом [1971], примеры:

в словацком языке

Nigdy mi się dotąd nic podobnego nie zdarzyło. (KŻ)

Nigdy nie wygoniłem i nie wyrzuciłem jej z mieszkania. (KŻ)

в русском языке

Со мной никогда ничего подобного не случилось.

Я никогда не выгнал и не выбрасывал ее из квартиры.

<i><u>Długo nic nie napisał.</u></i> (Śmiech)	Он <u>долго</u> <u>ничего</u> <u>не</u> <u>писал.</u>
<i><u>Kilka dni nie pokazał się</u></i> (KŻ)	Он <u>не</u> <u>показывался</u> <u>несколько</u> <u>дней.</u>
<i><u>Dawno nie spotkałam tak</u> <u>roswrzeszczanych... dzieci w wieku od</u> <u>9 do 13 lat.</u> (KŻ)</i>	<i><u>Давно я не встречала</u> таких крик- <u>ливых... детей в возрасте от 9 до</u> <u>13 лет.</u></i>

Как видно из приведенных и подобных примеров, и в польском языке отрицательные глаголы СВ могут употребляться с различными детерминаторами (лексическими показателями), указывающими на продолжительность процесса. В русском языке им соответствуют, как правило, глаголы НСВ, а употребление СВ, как справедливо отмечает Н. Е. Ананьева, «требует введения определенных дополнительных усиливающих отрицание или конкретизирующих лексических средств типа *ни разу, ни одного раза* и т. п.» [1983, с. 71].

Таким образом, изучение функционирования претеритальных глаголов позволяет с полной уверенностью говорить об их значительно большей функциональной нагрузке в западнославянских языках в сравнении с русским.

3.4. Выявление функциональной нагрузки глаголов СВ в формах настоящего и прошедшего времени позволяет прийти к выводу, что функциональный метод изучения и описания языковых явлений, наряду с системно-структурным методом выступает как обязательный научный метод при сопоставительном изучении грамматического строя генетически родственных языков. Каково соотношение этих двух методов? На этот вопрос давали ответ как чешские лингвисты (В. Барнет, В. Барнетова, О. Лешка, Р. Мразек и др.), так и отечественные (А. В. Бондарко, А. Г. Широкова и др.).

Если системно-структурный подход делает акцент на принципах системного сопоставления, на установлении сходств или различий на уровне системной конфронтации, на изучении системы одного языка через призму другого языка, то при функциональном подходе центр сопоставления переносится на конфронтацию функциональную, позволяющую установить правила функционирования категорий или микросистем сопоставляемых языков в определенных условиях контекста и речевой ситуации. Объектом изучения являются не просто грамматические единицы (например морфологические категории и их члены), а грамматико-контекстуальные комплексы. «Это значит, — писал А. В. Бондарко, — что в центре внимания исследователя оказывается связь и соотношение грамматических единиц с лексикой и контекстом, участвующих в выражении того или иного содержания. Функциональный анализ компонентов грамматико-контекстуального комплекса позволяет сосредоточить внимание на сложных связях грамматических единиц с единицами других уровней, которые при системном подходе рассматриваются в разных разделах грамматических описаний. При функциональном анализе изучаются не только грамматические единицы языка, но учи-

тывается также, как система / микросистема языка реализуется в речи, как функционируют элементы системы, какова их функциональная нагрузка, употребительность в язы-ке. При этом изучается целый комплекс факторов как собственно лингвистических, так и экстралингвистических: реализация коммуникативного намерения говорящего, роль интенционального и эмоционально-оценочного фактора, лексическая компетенция грамматических правил, роль устойчивых элементов контекста и др. Таким образом изучается, как в конкретном высказывании, в рамках одного семантико-контекстуального комплекса объединяются диалектической связью различные лексические, грамматические, словообразовательные и другие средства.» [А. В. Бондарко 1983, с. 40–45 и др.].

Однако функциональный метод изучения и описания грамматических единиц (категорий и их форм) не снимает необходимости их анализа на уровне системы, на уровне грамматических абстракций, а дополняет такой анализ, как показал в своих работах по функциональной грамматике А. В. Бондарко, который писал, что в случае смещения акцентов в направлении от изучения системы к изучению функций исходным должно быть изучение системы, ее связей и структурной организации. Опора на знание системных свойств грамматических единиц является необходимой предпосылкой объективности и лингвистической достоверности анализа их функций. В этой связи вполне справедливым представляется утверждение автора, что субстанциональные признаки грамматических единиц, классов и категорий — основа всего, что проявляется в процессах функционирования (при всей важности контекста и речевой ситуации). Детальная разработка функционального аспекта грамматики не означает отказа от изучения формальной стороны грамматических объектов; «само понятие грамматики — безразлично, формальной или функциональной — невозможно без опоры на форму». При функциональном подходе система грамматических классов, категорий и их форм как самостоятельный объект изучения хотя и отодвигается в сознании исследователя как бы на второй план, но не исчезает из поля его зрения. Языковые средства описываются и изучаются не как таковые, а в их соотношениях с функциями, с учетом той роли, которую они выполняют в процессе коммуникации [А. В. Бондарко 1971, 1983, 1992].

Следовательно, функциональный метод изучения грамматических категорий и единиц дополняет системный анализ, расширяет его возможности, позволяет более полно и широко взглянуть на изучаемые грамматические объекты. Функциональный метод исследования языковых объектов с успехом позволяет изучать функционально-семантические категории, то есть комплекс морфологических, синтаксических, лексических, словообразовательных и контекстуальных средств выражения, объединяемых общим семантическим инвариантом [А. В. Бондарко 1971, с. 17 и далее]. Такому изучению могут быть подвергнуты функционально-семантические категории аспектуальности, темпоральности, модальности, квантитативности,

определенности / неопределенности, оптативности, поссессивности и др. Указанный принцип исследования, основанный на изучении функциональной эквивалентности языков, позволяет детально изучить не только сходства и различия в способах выражения одних и тех же содержательных категорий, но делает также возможным выявление их дистрибуции, комплементарности средств реализации функционально-семантических категорий, конкуренции синонимических средств выражения.

Конфронтация такого рода может привести к наблюдениям и выводам, имеющим большое значение для теории сопоставительных исследований.

4. Статистический метод

С функциональной стороны языковой системы тесно связано понятие частотности и количества, роль которых при сопоставительных исследованиях особенно велика. В самом деле, одни и те же языковые явления (например грамматические категории и их формы) могут иметь в системе языка различный удельный вес, различную частотность употребления, а следовательно, и различную функциональную значимость. Хорошо известно, например, насколько частотны в чешском и словацком языках формы настоящего времени глагола *být* (чешск. *jsem, jsi, je, jsme, jste, jsou*, словацк. *som, si, je, sme, ste, sú*), употребляющиеся как в качестве глаголов связи (*Jsem zdrav, jsem volán, som volaný, som zdravý*), так и в качестве вспомогательного глагола при образовании форм прошедшего времени (пропуск вспомогательного глагола наблюдается только в формах 3л. ед. и мн. числа). Ср.: **чешск.** *pracoval jsem, pracoval jsi, bratr pracoval*; **словацк.** *pracoval som, pracoval si...* С точки зрения типов спряжения глаголов различных классов парадигма спряжения глагола *být* в указанных языках в синхронном плане является аномальной. Тем не менее эта парадигма удерживается в языках благодаря своей необычайной употребительности и частой встречаемости.

Поэтому, чтобы обеспечить надежность, достоверность и обоснованность данных и выводов, полученных путем непосредственного наблюдения, анкетирования, опроса информантов и т. п., в лингвистике с успехом применяется специальный статистический метод сплошного или выборочного обследования текстов, желательного разнообразных в жанровом и стилистическом отношении. Следовательно, при обработке и описании лингвистических данных помимо применения научных методов познания языковых объектов большое значение имеет поиск статистической закономерности, позволяющей более точно определить особенности употребления языковых явлений, а если статистический (количественный) метод применяется на разных синхронных срезах, то и тенденции, направленность и динамику развития языковых явлений, а также их продуктивность в языке, что, в ко-

нечном счете, проясняет общие закономерности развития и функционирования языка и его отдельных уровней.

Статистический метод изучения и описания языков широко применялся в лингвистических исследованиях во всем мире. Он принес значительные результаты при изучении стилистического аспекта различных языков. Работы в области стилистики с применением статистического метода имеют давнюю традицию. Так, уже в 1938 году акад. В. В. Виноградов рекомендует использовать данные о частоте употребления разных типов слов в стилистике при изучении различных функциональных стилей. Он писал: «Повидимому, в разных стилях книжной и разговорной речи, а также в разных стилях художественной литературы употребление разных типов слов различно. Точные изыскания в этой области помогли бы установить структурно-грамматические, а отчасти и синтаксические различия между стилями.» [В. В. Виноградов, с. 9–10, 155].

Французский лингвист Марсель Коэн указывает, что пренебрежение числами в лингвистических исследованиях приведет к торможению дальнейшего развития науки о языке. Другой французский лингвист К. Жиро считает, что частота языковых знаков обладает функциональной значимостью и что даже существует статистическая языковая функция, не менее важная, чем функция семантическая, необходимая для понимания языковых фактов.

Выдающийся словацкий лингвист Й. Мистрик, перу которого принадлежит монументальное исследование по стилистике словацкого языка, установил необычайно важную закономерность: чем чаще повторяется грамматическое явление, тем слабее его стилистическая маркированность, и что стилистическая нейтральность грамматических форм прямо пропорциональна их употребительности [J. Mistrík 1970, с. 44.]. В книге «О точных методах исследования языка», в разделе, посвященном статистическим исследованиям языка, Р. Ф. Фрумкина сформулировала определение стиля как «совокупности статистических характеристик текста» [с. 54]. На Украине после выхода в свет «Очерков по стилистике украинского языка» И. Г. Чередниченко, в которых приводятся количественные данные по разным стилям украинского языка, все возрастает число публикаций по стилистике с применением статистического метода. То же наблюдается и в России. Так, несмотря на огромный тираж, книга Б. Н. Головина «Язык и статистика» мгновенно разошлась. Монография В. В. Налимова «Вероятностная модель языка» выдержала несколько изданий.

Практические результаты применения статистического метода получили также отражение в частотных словарях. Так, «Частотный словарь современного русского литературного языка» Эви Штейнфельд по существу является первым опытом частотного словаря современного русского языка,

в котором на большом материале последовательно осуществлен частотный принцип и проведена сплошная выборка слов, встречающихся в различных текстах. Ср. также «Материалы к частотному словарю языка Пушкина» и «Частотный словарь языка Пушкина» [1962]. Опубликованные данные, как и вступительная статья Р. Ф. Фрумкиной, содержат интересные данные не только для изучения структурной организации лексики Пушкина, но и для статистического изучения лексики вообще. Заслуживает внимания также «Частотный словарь русских морфем» Зд. Оливериуса.

Несколько интересных работ с применением статистического метода выполнены на материале чешского языка. Это коллективный труд «Частотность слов, частей речи и словоформ» Й. Бечки, Я. Елинка и М. Тешителовой [1970], «Количественная характеристика современного чешского языка», М. Тешителова и кол. [1985]. В этой коллективной монографии описана частотность фонем, графем, дана квантитативная характеристика словарного состава чешского языка, частей речи и характерных для них морфологических особенностей, а также неизменяемых частей речи. В работе впервые представлена статистическая характеристика синтаксической структуры чешского языка (прос-тых и сложных предложений, средств их связи, приведены наглядные таблицы частотности указанных выше лексических и грамматических разрядов).

Статистические характеристики явлений сопоставляемых языков важны для определения места изучаемых грамматических категорий в системе языка: является ли оно центральным или периферийным, частотным или редко встречающимся, а следовательно, стилистически нейтральным или стилистически маркированным. Большую роль статистические данные играют при определении удельного веса в системе или подсистеме языка вторичных функций грамматических категорий, которые, как правило, стилистически маркированы, ибо их употребление тесно связано с экспрессивностью как языковым отражением говорящим своего эмоционального отношения к фактам реальной действительности (см. главу третью). Совершенно очевидно, что показатели количественных характеристик языковых явлений определяются свой-ствами языка в целом, зависят от исторических условий его развития и функционирования. В этом смысле статистический анализ помогает вскрыть специфически национальные особенности сопоставляемых языков.

Однако, признавая все вышесказанное, нельзя обойти молчанием основной вопрос: исчерпывается ли сущность языка его исчисляемыми сторонами? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Например, такие понятия, как *значение, функция, диалект, язык нации, морфема, фонема, синонимы, антонимы, транспозиция* нуждаются в определении сущности явлений, которые стоят за этими понятиями, они нуждаются в качественном определении обычными средствами естественного языка [Ф. И. Филин 1970, с. 10].

Следовательно, статистический метод — это не универсальный научный метод, а специальный, вспомогательный, дополняющий характеристики, полученные путем применения общенаучных и научных методов. Его не следует возводить в абсолют и подменять им собственно научные лингвистические методы. Он может лишь дополнять их данными, полученными путем количественной оценки. Очевидным является бессилие статистического метода при анализе качественной стороны того или иного явления в языке. И хотя изучение механизма структуры какой-либо системы легко подвергается количественному анализу, результаты которого важны особенно для машинного перевода, для теории информации, однако в анализе механизма нельзя видеть конечную цель языкознания. Количественный анализ языкового материала всегда должен подводить к качественному анализу, к анализу системы и структуры языка как целого, к учету его функциональной специфики, к выявлению функциональной нагрузки изучаемых и сопоставляемых языковых объектов.

5. Другие методы

Рассмотрим в самом общем виде возможность применения при монологическом и полилингвальном сопоставительном изучении некоторых других методов, связанных, главным образом, с технической стороной оперирования фактическим материалом.

5.1. Метод дистрибутивного анализа. Метод дистрибутивного анализа, то есть изучение речевого окружения изучаемых и сопоставляемых языковых единиц, их сочетаемостных свойств, расположения отдельных частей высказывания относительно друг друга можно использовать как дополнительный метод, помогающий выявить синтаксическую сочетаемость, валентные свойства языковых единиц, их синтаксические функции. Дистрибутивный метод широко использовался не только в современной лингвистике, но и в лингвистике XIX века, так как полезность применения этого метода была осознана уже давно. Однако этот метод бессилен, если не определяются системные характеристики, структурные особенности и функциональная значимость сопоставляемых категорий, так как дистрибутивный метод не дает сведений о лексическом или грамматическом значении изучаемых и сопоставляемых языковых единиц, хотя в целом он привел к осознанию важности экспериментирования с языковым материалом.

Правда, более широко дистрибутивный метод может быть применен при сопоставительном изучении лексики, особенно близкородственных языков, так как он позволяет учитывать совокупность всех окружений, в которых может встречаться та или иная лексема, противопоставляемая всем

тем окружениям, в которых она встречается не может. Ср., например, в русском *молодой картофель* и в чешском *nové brambory*.

5.2. Трансформационный метод. Трансформационный метод основан на выведении сложных синтаксических структур из более простых с помощью небольшого набора правил преобразования (трансформаций). Трансформационный метод возник как дополнение к дистрибутивному анализу, который оказался неэффективным как средство обнаружения синтаксической структуры предложения. С течением времени происходило развитие и углубление этого метода, который апплицировался на материал разных языков. Исходными положениями этого метода являются следующие важнейшие допущения:

1. Синтаксическая система языка может быть разбита на ряд подсистем, у которых одна является исходной, ядерной, а все остальные — ее производными.

2. Ядерная подсистема представляет собой набор типов элементарных предложений, описывающих элементарную ситуацию.

3. Любой сложный синтаксический тип может быть образован из нескольких ядерных предложений, в результате применения к ним определенного набора обязательных и факультативных трансформаций, которые или сохраняют неизменным лексический состав ядерных предложений, или незначительно его изменяют. При этом синтаксические отношения между лексемами сохраняются [Ю. Д. Апресян, Л. Э. С. 1990, с. 519–520].

Трансформационный метод описания синтаксической структуры славянских и неславянских языков широко применялся на протяжении ряда десятилетий (особенно в 70–80-е годы). Трансформационный синтаксис предполагает, что в основе каждого предложения лежит так называемая глубинная структура, из которой при помощи разных операций образуется так называемая поверхностная структура предложения, то есть конкретно произнесенное или написанное предложение. Глубинная структура содержит так называемую семантическую базу (В) и комплекс так называемых индикаторов, которые дают указания о точной грамматической форме и коммуникативной функции генерируемого предложения: это индикатор времени, наклонения, индикатор актуального членения предложения и др. В зависимости от коммуникативного и стилистического замысла выбирается тот или иной индикатор. Глубинная структура превращается в поверхностную структуру при помощи реализации, в процессе которой все компоненты базы (В) приобретают конкретные грамматические формы. Ср. В: *рабочий*(sub) + *остановить*(pred) + *станок*(obj). При реализации глубинной структуры в поверхностную лексеме *рабочий* приписывается функция семантического субъекта, лексеме *остановить* — роль семантического предиката, а лексеме *станок* — роль семантического объекта. После этого выбираются и включаются индикаторы: индикатив прошедшего времени, общеин-

формативный тип актуального членения и др. В результате реализации индикаторов получается нужное предложение: *Рабочий остановил станок* [P. Adamec 1975, с. 570].

Родственные глубинные структуры находятся в трансформационных отношениях. Процесс превращения одной глубинной структуры в другую П. Адамец иллюстрирует на следующих примерах: *Автор высказывает гипотезу* (индикатор: **актив**) — *Автором высказывается гипотеза* (индикатор: **пассив**). Если в глубинной структуре декларативность заменить на интеррогативность, то можно получить вопросительное предложение: *Высказывает ли автор гипотезу?* и т. п. Таким образом возникает синтаксическая парадигма данной лексико-семантической базы, основным членом которой является ядерное предложение. Трансформационный метод, то есть метод не только порождения вторичных предложеческих структур, но и преобразования одних структур в другие, давно был известен лингвистам (Ср. например, работы Пешковского, Косериу). Он может также углубить наше представление о синтаксической структуре того или иного языка, о его специфике, о возможностях структурных изменений предложений, обусловленных коммуникативным намерением говорящего, но он не очень эффективен при сопоставительном изучении языков. О непригодности применения трансформационного метода в сопоставительных исследованиях хорошо написал Косериу: «Трансформационная грамматика пренебрегает парадигматической осью языка, так как она, хотя и констатирует, какие предложения являются грамматически правильными, но ничего не говорит о том, для выражения каких функций могут быть употреблены те или иные предложения». И далее Косериу пишет: «...Задачам языковой конфронтации более всего соответствует **системно-функциональный метод**, так как он облегчает переход от сообщаемого содержания к отдельным языковым функциям, предоставляя тем самым возможность более глубокого проникновения в язык» [Coseriu 1970, с. 14].

Следует, однако, признать правоту Д. Б. Никуличевой, которая в статье «Моделирование синтаксических групп как метод сопоставительного описания синтаксиса близкородственных языков» писала, что стратификационный характер языковой системы заведомо предполагает многообразие методов и что обращение исследователя к тому или иному уровню системы языка обуславливает выбор специфической методики контрастивного анализа, которая зачастую является неприемлемой на других уровнях. В своей статье автор ставит задачу разработать и применить такую методику сопоставительного анализа близкородственных «континентальных» скандинавских языков (датского, норвежского, шведского), которая бы позволяла выявить в систематизированном виде их синтаксические различия. Для достижения этой цели она предлагает переход от сравнения отдельных конструкций, понимаемых как частные варианты, к моделированию и дальнейшему сопоставлению инвариантных структур, которые помогли бы обобщенно

представить типологические особенности синтаксической организации каждого из сопоставляемых языков [Д. Б. Никуличева 1988].

Разумеется, в языках аналитического типа, к которым принадлежат континентальные скандинавские языки, отдельное слово нередко получает свое грамматическое определение лишь в зависимости от своего местоположения и по связи с окружающими его элементами. Именно поэтому для моделирования синтаксических групп служит метод позиционного синтаксиса, разработанный прежде всего в трудах датских лингвистов.

Опираясь на них, Д. Б. Никуличева пишет далее, что специальное позиционное исследование синтаксических групп позволяет не только проследить взаимное расположение входящих в их состав элементов, но и исчислить набор всевозможных перестановок этих элементов в пределах группы.

Встает вопрос о необходимости применения метода, вернее методики моделирования к материалу близкородственных славянских языков. Скорее приходится говорить о возможности применения этой методики к синтаксическому анализу, а также к анализу словообразовательных структур. Однако эффективность его применения будет зависеть от опоры на научные методы изучения и описания сопоставляемых лингвистических объектов.

При полилингвальном сопоставительном изучении языков возможно также применение и других методов и методик, связанных главным образом с технической стороной оперирования фактическим материалом, однако все эти методы являются сопутствующими, дополняющими, помогающими вскрыть системно-структурные особенности изучаемых и сопоставляемых объектов, а в ряде случаев также и функциональную значимость языковых единиц.

Глава 2. Условия сопоставительных исследований

1.

Значимость результатов сопоставительных исследований зависит не только от методологической и методической базы исследования, но и от качества привлекаемого фактического материала, от его пригодности для целей сопоставления. Для выявления объективной значимости, например, грамматических категорий или функционально-семантических категорий в двух и более сопоставляемых языках необходим такой отбор текстов и авторов, который бы был достаточно репрезентативным в отношении языка изучаемой эпохи, его функциональных разновидностей и стилей, так как сопоставление материала разных языков, извлеченного из произведений, различных в жанровом, стилевом и в стилистическом отношении, могло бы привести к неправильным оценкам и неточным выводам. При отборе произведений, подлежащих эксцерпированию, следует учитывать, к какому функциональному стилю они относятся (например, разговорному, публици-

стическому, научному, деловому и т. п.) и элементы каких стилей они отражают (ср. например, эксерпции из частной корреспонденции, из публицистического стиля, из художественной литературы разных жанров и т. п.). Необходимо также учитывать исторический колорит, случаи стилизации речи персонажей и автора с учетом их территориальной и социальной принадлежности, образовательного и возрастного ценза и ряда других экстралингвистических факторов. Так, например, произведения Б. Немцовой, Я. Неруды и других писателей XIX века можно использовать для изучения функционирования кратких (именных) форм прилагательных в XIX веке, но они не могут быть надежным источником для изучения порядка слов, случаев употребления согласованного и несогласованного определения и ряда других языковых особенностей современного чешского языка, а следовательно, и для сопоставления с другими современными славянскими языками. В произведениях таких различных писателей, как Б. Немцова, Я. Гашек и В. Ванчура, широко распространены деепричастия и деепричастные конструкции, но их употребление у названных авторов не корреспондирует с современным литературным и общенародным узусом, поэтому их нельзя использовать для характеристики норм современного литературного и обиходно-разговорного языка. Неправильно бы было также сравнивать конкретный материал, извлеченный из произведений чешских писателей (например Б. Немцовой, Фр. Палацкого, А. Ирасека) с эксерпциями из произведений современных русских писателей, таких как В. Шукшин, В. Распутин, В. Астафьев и др., как неправомерно бы было сравнивать эксерпции из произведений Пушкина с эквивалентными конструкциями из произведений чешских писателей XX века (М. Пуймановой, М. Майеровой, К. Гавела и других). Таким образом, предварительным этапом сопоставительного анализа грамматического строя современных славянских языков должна быть *близость* и *соотносительность* языковых норм с учетом возможности или ограниченности их реализации в тексте. По справедливому замечанию немецкого компаративиста Штернемана, сопоставляемые тексты должны быть коммуникативно эквивалентными и ситуативно соотносимыми [R. Sterneman 1981, с. 3 и след].

Итак, принцип сравнимости предполагает прежде всего определение функционально сходных явлений в коммуникативно и ситуативно соотносимых текстах.

1.2. Какой должна быть операция сопоставления? Необходимой предпосылкой сопоставительного анализа грамматического строя родственных славянских языков являются принципы описания, широко постулируемые прежде всего в отечественной и чехословацкой лингвистике: системный и функциональный подход к изучению языка и его различных языковых уровней. Системный подход к изучению языковых объектов предполагает рассмотрение комплекса языковых явлений, объединяемых взаимной син-

хронной связью в языковую систему. При функциональном подходе языковые факты рассматриваются с точки зрения функций и той роли, которую они играют в процессе коммуникации. Понимание языка как системно организованного целого позволяет установить системную соотносительность изучаемых языков. Функциональный подход к изучению языковых фактов дает возможность вскрыть различные способы стилизации одного и того же языкового явления в сопоставляемых языках, что, в свою очередь, позволяет более глубоко проанализировать структурные особенности описываемых языков.

Поскольку при сравнении (сопоставлении) явления одного языка освещаются сквозь призму другого языка, для сопоставительного изучения и описания существенно важно, как и чему явления одного языка соответствуют в другом языке. При этом простая констатация сходств и различий, описание явлений на эмпирическом уровне, как уже неоднократно указывалось [Vl. Barnet 1974, с. 3], имеют определенное значение, однако не объясняют всех связей изучаемой категории, ее места в системе языка, ее удельного веса и функционального объема в системе синонимических средств выражения.

Поэтому определение максимально эффективных методов сопоставительного исследования имеет большое значение не только для установления функциональной эквивалентности изучаемых родственных языков, но и для теории сопоставительных исследований.

Прежде всего следует согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что одной из необходимых предпосылок сопоставительного описания (как уже говорилось в первой главе), является различение уровня системы языка и области функций. Поскольку сходства и различия языков имеют характер эквивалентности, то при сопоставительном изучении систем речь может идти об эквивалентности системной, при сопоставлении функциональном — об эквивалентности функциональной. Акцент на одной из них зависит от целей описания и структурной близости сравниваемых языков: для конфронтации языков с более отдаленными структурами центр тяжести находится на конфронтации системной, при сопоставлении языков с близкими структурами центр тяжести перемещается на конфронтацию функциональную.

Многие исследователи сходятся в том, что необходимой предпосылкой сопоставительного анализа является разработка принципов структурного анализа языка.

Так, чешские слависты О. Лешка и А. Куримский выдвигают следующие принципы:

- 1) Исходным является простое описание сравниваемых языков: языки описываются как равноправные объекты.
- 2) Сравниваются явления одного плана (принцип гомоплановости).

3) При сопоставлении необходимо опираться на понятия, объединяющие сравниваемые явления, то есть необходимо соотносить изучаемые явления с унифицирующей понятийной системой [1962, с. 209].

Предложенные чешскими авторами принципы сопоставления являются достаточно известными и апробированными, хотя на практике они не всегда абсолютно применимы. Так, изучение языковых явлений как самостоятельных и равноправных объектов является идеальным способом сопоставления двух и более языков (обычно из второго сопоставляемого языка извлекаются лишь эквиваленты или делаются переводы), однако соблюдение принципа гомоплановости не всегда осуществимо, так как то, что в одном языке имеет последовательное морфологическое выражение, в другом языке может выражаться лексическими или синтаксическими средствами. Так, например, многократные глаголы в чешском и словацком языках имеют преимущественно морфологическое выражение (**чешск.** *chodívat, chodíval, nosívat — nosíval*, **словацк.** *chodievat' — chodieval, nosievat' — nosieval*), в русском же языке многократность выражается главным образом глаголами НСВ с лексическими показателями кратности [*Я (часто, редко, иногда, порой, каждый день) ходил, носил...*], хотя употребление лексических показателей в повторяющихся действиях наблюдается и в упомянутых выше языках. Кроме того, как было показано в первой главе, соблюдение принципа гомоплановости препятствует установлению сложности взаимоотношений различных языковых уровней (например морфологического, синтаксического и лексического), учета их многосторонних связей в системе языка, их изоморфизма. Так, грамматическая категория вида, с одной стороны, релевантна по отношению к плану морфологическому (семантика видового противопоставления, видообразование, регулярность видового противопоставления и пр.), а с другой стороны, она релевантна и по отношению к синтаксическому плану, так как функциональная значимость и функциональная нагрузка членов видового противопоставления в сравниваемых языках может быть выявлена только на синтаксическом / синтагматическом уровне, как это было показано в первой главе [ср. также О. Leška 1965, с. 2]. Таким образом, при сопоставительном изучении грамматических категорий и их форм важно не только сопоставление отдельных языковых уровней, но и учет их взаимопроницаемости и взаимообусловленности, их изоморфизм, так как изоморфизм постулирует отсутствие качественных различий между разными языковыми уровнями.

1.3. Для сопоставительного изучения вообще, близкородственных языков в частности, чрезвычайно важным также является разграничение плана выражения и плана содержания. Как уже указывалось, языковые явления, которые имеют сходное или близкое формальное выражение в сопоставляемых языках, могут иметь различную системную интерпретацию, различные

системные связи, различную дистрибуцию и функциональную нагрузку. Сравним два примера.

Категория числа, представленная в большинстве славянских языков оппозицией форм единственного и множественного числа, имеет очень близкое формальное выражение. Ср. **чешск.** ед. ч. *žena, slovo, muž, dub* — мн. ч. *ženy, slova, muži, duby*; **словацк.** *žena, mesto, chlap, dub* — мн. ч. *ženy, mestá, chlapi, duby*; **русск.** ед. ч. *жена, слово, конь, дуб* — мн. ч. *жены, слова, кони, дубы* и т. п.

Более того, на уровне инвариантных значений можно говорить и о системной соотносительности форм категории числа для языков, имеющих двучисловую оппозицию. Однако числовое оформление различных лексико-семантических разрядов лексики в разных славянских языках различно, что нередко обусловлено неодинаковым восприятием денотата носителями разных славянских языков. Это особенно относится к тем лексико-семантическим разрядам лексики, которые образуют категории существительных *pluralia* и *singularia tantum*, а также двуродовые существительные и др. Семантика существительных указанных разрядов позволяет при их выражении использовать разные числовые формы в зависимости от того, какой или какие семантические или дифференциальные признаки носителями данного славянского языка считаются релевантными: собирательность / несобирательность, определенность / неопределенность, исчисляемость / неисчисляемость и т. д. [В. Ф. Васильева 1975, 1974, с. 77–92]. Следствием этого являются различный удельный вес указанной лексики в разных славянских языках и их числовая разнооформленность, а также преимущественное употребление одной из числовых форм при возможности употребления обеих форм, т. е. различная функциональная нагрузка числовых форм.

При типологических и сравнительно-исторических исследованиях нередко исходят из общности языковой системы, сопоставляя ее реализацию в разных языках. В этом случае изучается, как одно и то же мыслительное содержание выражается в разных языках, как в сопоставляемых языках осуществляется процесс реализации сходных функциональных потребностей, каковы способы языковой стилизации, каковы комплексы языковых средств и правила их функционирования.

Как уже отмечалось, указанный принцип исследования с успехом позволяет изучить функционально-семантические категории, т. е. комплексы морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических и контекстуальных средств выражения, объединяемых общим семантическим инвариантом.

В связи с общей семантической направленностью лингвистических исследований во многих работах за исходное берутся содержательные категории языка и определяются их манифестации в сопоставляемых языках, ре-

пертуар средств выражения языковых значений на различных языковых уровнях.

Например, польская исследовательница З. Тополинская предлагает такую модель сопоставительного описания, в соответствии с которой следует идти от глубинной структуры к поверхностной, от семантики к грамматической форме и к субстанционализации этой формы. Предлагаемая З. Тополинской система описания — это система-посредник, которая должна быть системой семантических отношений, понимаемых как общая база сопоставляемых грамматических систем [Z. Topolińska 1974, с. 3].

К недостаткам указанного принципа сопоставительного анализа следует отнести то, что набор семантических значений и их оттенков почти неограничен, что делает предмет исследования нечетко очерченным и затрудняет установление системных характеристик и системной эквивалентности сопоставляемых языков. Формулы разных семантик совпадают, одной и той же структуре может соответствовать множество значений, поэтому описание от значения к форме может страдать нечеткостью и расплывчатостью, так как в современном языкознании до сих пор не разработана рационально и эмпирически обоснованная семантика, на которую бы могло опереться лингвистическое сопоставление [К. Hořálek, 1974, с. 22].

Более традиционным и достаточно апробированным является описание от формы к выражаемым значениям и функциям. При таком описании за исходное берутся грамматические категории, морфологические формы, синтаксические конструкции, устанавливается диапазон выражаемых ими значений с учетом взаимосвязей изучаемых категорий и их места в системе или подсистеме языка. Описание от формы к значению дает возможность более четкого и строгого отграничения изучаемого объекта, позволяет изучить его употребление в различных условиях контекста, определить функциональную дистрибуцию и спектр функциональных значений, установить в сопоставляемых языках системные и функциональные эквиваленты.

Одним из возможных вариантов такого описания является простое описание исследуемой категории в каждом из сопоставляемых языков с последующей конфронтацией полного диапазона значений и установлением функциональной корреспонденции в данных языках. Необходимым условием определения функционального объема исследуемой категории и диапазона ее функциональных значений является установление общих инвариантных значений, которые являются мотивирующей основой отдельных (частных) функций.

Таким образом, задача сопоставительного изучения двух (и более) близкородственных языков — это в первую очередь установление системных отношений между языками, языковыми уровнями и изучаемыми категориями, определение их инвариантных значений и диапазона функциональных значений.

1.4. Взаимоотношение плана выражения и плана содержания. При исследовании грамматического строя генетически родственных языков чрезвычайно важно учитывать сложное диалектическое единство формы и содержания. Сопоставительное изучение тождественных явлений группы западнославянских языков позволяет прийти к заключению, что диалектическое единство формы и содержания нельзя свести только к понятию означающего и означаемого. Понятие означающего и означаемого вытекает из формалистической точки зрения, которая делает акцент на форме, на средствах языкового выражения, на неизменности языкового знака. Так, глоссематика Л. Ельмелева и неопозитивистская дескриптивная лингвистика принципиально подчеркивают форму безотносительно к содержанию, возводя этот разрыв в теоретический принцип. Разумеется, в рабочем порядке можно сосредоточиться на одном из аспектов языковой структуры, на форме выражения того или иного содержания, на его «механизме», который легко подчиняется количественному анализу. Однако в анализе «механизма», формальной структуры, нельзя видеть конечную цель исследования, он не должен превращаться в самоцель, он должен всегда оставаться лишь рабочим приемом.

Для большинства же лингвистов общепринятым является положение, что любое содержание определенным образом оформлено. При этом под содержанием понимается единство его внутренних свойств, а под формой — способ внешнего выражения содержания, его тип в структуре.

Следует при этом принимать во внимание, что содержание и форма — это противоположности, находящиеся в единстве, хотя между формой и содержанием имеются внутренние противоречия, которые нередко приводят к тому, что старая форма перестает соответствовать изменившемуся содержанию, отстает от его развития. Так возникает несоответствие между формой и содержанием.

Как было показано рядом исследователей, важнейшей особенностью языкового знака является асимметрический дуализм формы и содержания, т. е. наличие у тех или иных грамматических единиц неадекватных форме содержательных структур [S. Karcevskij 1929, ср. также V. Skalička 1935 и др.]. В большинстве случаев форма беднее содержания, так как формулы разных семантик нередко совпадают. Однако степень асимметрии языкового знака у различных грамматических единиц различна.

Наиболее типичные случаи нарушения симметрии плана выражения и плана содержания в морфологической структуре слова в славянских языках были рассмотрены М. Докулилом в докладе на VI Международном съезде славистов [M. Dokulil 1968, с. 17–26].

На большом фактическом материале ряда славянских языков М. Докулил показал, что принцип корреспонденции плана выражения и плана содержания языковых единиц является основным принципом органи-

зации морфологической структуры славянских языков и что следует отказаться от требования отдельного, изолированного изучения плана выражения и плана содержания.

Разделяя положение М. Докулила о необходимости совместного рассмотрения плана выражения и плана содержания, мы хотели бы, однако, подчеркнуть, что членимость и комбинаторика этих двух планов в разных языках различны и требуют учета разнообразных факторов — как интра-, так и экстралингвистических.

Способы выражения одних и тех же значений в славянских языках многообразны, как, впрочем, многообразны и сами семантические явления языка. Иногда форма ясна, она адекватна содержанию, нередко же она бывает настолько завуалирована, что для обнаружения ее связи с содержанием необходимо прибегнуть к серьезному анализу предшествующих типов высказываний или целого текста с учетом многих факторов, о которых речь пойдет ниже.

Прямая связь между планом содержания и планом выражения обнаруживается довольно редко. Это представлено прежде всего у звукоподражательных слов, междометий типа *дзинь, бах, фуй*, чешских глаголов типа *šustět шушать, šuškat шушукаться*, а также у слов, сохраняющих внутреннюю форму, например чешское *listopad ноябрь* (месяц, когда падают листья), *srpen август* (месяц жатвы серпом) и др.

Некоторые грамматические значения (род, число, падеж) во флективных языках можно определить по стабильным формальным показателям. Так, прилагательное *dobrý* указывает на род (мужской), число (единственное) и падеж (именительный–винительный).

Однако внутренняя форма слов и категорий прослеживается не всегда. Как правило, план содержания неоднороден, он представляет, как будет показано на примере вторичных функций некоторых грамматических категорий глагола, явление комплексное и достаточно завуалированное.

Для решения поставленных задач существенно важно, как уже указывалось, признание асимметрического дуализма языкового знака, наличия у грамматических категорий славянских языков неадекватных форме содержательных структур. Общий принцип асимметрии плана выражения и плана содержания особенно выразительно обнаруживает себя при изучении вторичных функций грамматических категорий, когда форма выражения не только оказывается значительно беднее содержания, но и вступает с ним в противоречие (см. третью главу настоящей работы).

2. Основные понятия сравнительно-сопоставительных синхронных исследований

Важнейшими и ключевыми понятиями сравнительно-сопоставительных синхронных исследований являются *tertium comparationis* и

функционально-семантический эквивалент. В своей программной статье «К проблеме языковой эквивалентности при сравнении» В. Барнет отвергает универсальный прием простого сравнения, при котором, как он пишет, речь идет о параллельном изложении фактов двух языков, которое не ставит перед собой цель глубокого объяснения сопоставляемых явлений. Он приходит к заключению, что в различных направлениях сопоставительного языкознания, а именно в сравнительно-историческом, в ареальной лингвистике, в лингвистике перевода, в лингвистической типологии и в сравнительно-сопоставительной (конфронтативной) лингвистике, *tertium comparationis* (исходная база сравнения) и понятие *эквивалентности* получают различное содержание, включаясь каждый раз в иной концептуальный аппарат [В. Барнет 1983, с. 9–28, 1977, с. 3].

Не имея возможности подробно изложить все положения В. Барнета и понимание им *эквивалентности* и *tertium comparationis* в названных выше направлениях языкознания, остановимся лишь на этих понятиях в синхронной сравнительно-сопоставительной лингвистике, сделав при этом попытку уточнить некоторые положения В. Барнета и дополнить их своими соображениями и материалом.

В. Барнет справедливо указывал на необходимость дифференцированного понимания функции, считая это важным для установления правильного соотношения *tertium comparationis* и функциональной межъязыковой эквивалентности. Как указывалось выше, в функциональной лингвистике (см. главу первую) понятие *функция* включает цель, назначение и средства. Фр. Данеш это отношение выражает следующим образом:

- 1) явление [A] является средством для достижения цели [F];
- 2) явление [A] имеет функцию [F].

Из этого заключения вытекает, что свойство иметь функцию [F] равноценно свойству служить в качестве средства для достижения цели [F]. Иерархическое устройство языковой системы — от низших уровней к более высоким — приводит к тому, что цель быть средством низших уровней является средством реализации своих функций на более высоких уровнях (например фонема на морфологическом уровне и т. д.). В свою очередь высшие уровни по отношению к низшим являются областью функций средств более низких уровней. Таким образом, Фр. Данеш общефункциональное отношение между уровнями понимает как отношение средства и функции, то есть каждый уровень по отношению к более низкому уровню представляется областью его функций и, наоборот, по отношению к уровням более высоким — областью его средств [Fr. Daneš 1967, с. 341].

Поскольку в Пражской лингвистической школе всегда подчеркивалась не только важность отношений внутри языковой системы, но и отношение языковых систем к неязыковой действительности, В. Барнет считает, что на

основе этого понимания можно строить различия между *экстерными* и *интерными* функциями. При этом под экстерными функциями понимается непосредственное удовлетворение коммуникативных потребностей, а под интерными функциями — принцип образования структуры (слова, формы, частных морфологических систем, предложений и т. п.). Таким образом, интерные функции имеют характер конструкторов, обусловленных принципами построения. Выдвигается также требование различения коммуникативной и функциональной эквивалентности, поскольку оно устанавливается на основе экстерных функций. При этом важно отметить, что при коммуникативной эквивалентности речь идет о сигнификативном и прагматическом аспектах, а также об актуальном членении предложения. Два последних аспекта следует понимать как актуализированные отношением текста оригинала и перевода.

Разграничение экстерных и интерных функций имеет однако значение не только для установления эквивалентных явлений в сопоставляемых языках, но и для определения понятия *tertium comparationis* при системно-функциональной конфронтации. Выбор ориентации на экстерные или интерные функции определяется целью описания.

В современной сопоставительной лингвистике *tertium comparationis* чаще всего выделяется на основе логико-содержательных категорий, на основе функционально-семантических категорий, на базе грамматических категориальных значений и языковых моделей, а также на базе естественного языка, избранного в качестве общего знаменателя кон-фронтации [В. Барнет 1983, с. 19].

Е. И. Демина в своей статье «К теории сопоставительных исследований по грамматике» [1990, с. 4–14] указывает на разные варианты семиотического и логистического подхода к *tertium comparationis*, а также на подход с позиций универсалий, когда за основу сравнений берется достаточно широкое понятие типа (например темпоральность, модальность, аспектуальность, залоговость и т. п.) и рассматриваются лексико-грамматические средства их передачи в сравниваемых языках. При этом Е. И. Демина подчеркивает, что с таким подходом во многом сходен и ноэматический подход, суть которого заключается в том, что под ноэмой понимаются специально сконцентрированные единицы, не связанные с конкретными языками и не зависящие от особенностей одного или нескольких конкретных языков, но достаточно тесно связанные с языком в целом. Можно предположить, что альтернативой такого подхода, пишет далее Е. И. Демина, является подход к сопоставительному исследованию на основании так называемых функционально-семантических категорий или функционально-семантических полей А. В. Бондарко. Но, замечает она, это кажущаяся альтернатива, поскольку и здесь за основу сравнения берется «ноэма», выделяемая, однако, на основании того, что присущее ей содержание закреплено хотя бы в одном из язы-

ков какими-либо формальными грамматическими единицами. Со ссылкой на работу И. Вейнрейха, посвященной семантической структуре языка, Е. И. Демина присоединяется к сомнению автора, который считает, что семантическое членение действительности тем или иным языком является произвольным, а семантическая «карта» какого-либо одного языка отлична от семантических «карт» всех прочих языков [И. Вейнрейх 1970, с. 163].

Сомнение в эффективности сопоставления функционально-семантических категорий, которые представляют собой систему разнородных средств (морфологических, синтаксических, лексических, акцентологических и др.) выражает также болгарский исследователь И. Куцаров в своем «Очерке функционально-семантической грамматики болгарского языка». Он считает, что проводить сравнение на основании столь разнородного и широко понимаемого *tertium comparationis* очень трудно, так как в более сложных случаях подобное сравнение может привести к весьма аморфным выводам и при этом не бить в цель [И. Куцаров 1985, с. 81]. Е. И. Демина предлагает за основу сопоставления в ориентированных на динамический аспект грамматиках использовать набор и семантическую мотивировку тех минимальных различительных актов выбора, которые обязательно осуществляются носителем каждого из сравниваемых языков при построении сходных по содержанию и коммуникативному заданию сообщений [1990, с. 9].

До сих пор речь шла преимущественно об *экстерных* функциях, так как понимание *tertium comparationis* как логико-содержательной категории, а также как сходных по содержанию и коммуникативному заданию сообщений соответствует, как правило, установлению эквивалентности в рамках *экстерной* функции.

Эквивалентность же, сформулированную в понятии *интерной* функции, легче всего определить в тех случаях, когда понятие *tertium comparationis* основывается на категориально-грамматическом сравнении или на языковых моделях, которые, как указывает немецкий компаративист Г. Егер, могут быть выражены самым различным образом [G. Jäger 1973, с. 14]. Так, например, в работах польского исследователя Ст. Сятковского *tertium comparationis* представлен в большинстве случаев системно-структурными (морфолого-синтаксическими) конструкциями, которым в другом сопоставляемом языке устанавливаются структурно-морфологические корреляты, имеющие адекватную функционально-стилистическую характеристику [S. Siatkowski 1976, 1978, с. 361–366].

Важно подчеркнуть, что выбор *tertium comparationis* во всех случаях не является случайным: он определяет, к каким функциональным эквивалентностям (*экстерным* или *интерным*) мы можем прийти в результате сопоставления [Vl. Barnet 1983, с. 23–24]. Так, на *экстерных* функциях основывается эквивалентность при определении *tertium comparationis* в понимании функционально-семантических категорий или функционально-семантических

полей (Бондарко), включающих языковые средства различных языковых уровней, объединяемых общим семантическим инвариантом. При этом следует помнить, что эквивалентность, основанная на функционально-семантических категориях, приводит к установлению взаимоотношений как одного, так и разных языковых уровней.

Итак, отношение понятий эквивалентности и *tertium comparationis* взаимнообусловленно. Если при сравнении имеется в виду определенный тип эквивалентности, то этой цели необходимо подчинить понятие *tertium comparationis*, а также метод описания. При этом важно разграничивать внутренние и экстерные функциональные эквивалентности.

Следует, однако, помнить, что кроме системно-функционального сопоставления есть и другие типы сопоставлений. Во многих случаях речь может идти об узуальной реализации системы, нередко приводящей к образованию разных оппозиций в сопоставляемых языках. Поэтому для конфронтации необычайно важно различие системно-функциональной и узуальной эквивалентности; последняя тесно связана с национальным языковым узусом, она требует знаний не только лингвистических, но и экстралингвистических, в частности страноведческих и национально-культурных особенностей речевого поведения говорящих. В границы сопоставительных описаний входит еще один тип эквивалентности, включающий сферу ситуационно-условного выражения, одной из областей которой является речевой этикет. В этом случае речь идет о языковой ситуационной эквивалентности, которая базируется на функционально-категориальном подходе [Н. И. Форма-новская 1982].

Ниже будут рассмотрены все типы эквивалентностей.

3. Понятие функционально-семантического эквивалента

Если в предшествующем изложении понятие *tertium comparationis* (исходной точки сравнения) получило определение, то понятие функционально-семантического эквивалента нуждается в дальнейшем уточнении и конкретизации. На протяжении длительного времени понятию функционально-семантического эквивалента давались самые общие определения. Так, О. Лешка и А. Куримский считают эквивалентом постоянное смысловое соответствие, которое, как правило, не зависит от контекста [1962, с. 222]. Заслуживает упоминания определение функционально-семантического эквивалента, данное немецкими компаративистами, занимающимися теорией перевода. Так, Г. Егер понимает под функциональной эквивалентностью соответствие текста оригинала и перевода на сигнификативном, синтаксическом и прагматическом уровнях. В понятие эквивалентности он вводит ступенчатые оценки, выделяя максимальную и немаксимальную эквивалентности. Максимальную эквивалентность он трактует как совпадение коммуни-

кативной и функциональной эквивалентности при переводе [G. Jäger 1973, с. 14].

А. Нейберт предлагает двухступенчатое понимание коммуникативной эквивалентности перевода — на уровне текста и на уровне предложения языка оригинала и языка перевода. По его мнению, предложение является коммуникативно эквивалентным в том случае, когда оно выступает одновременно как составная часть коммуникативно-эквивалентного текста языка, на который делается перевод [A. Neubert 1977, с. 15–22].

Мы обратились к этому заслуживающему внимания определению эквивалентности перевода, так как вслед за В. Барнетом считаем, что лингвистика перевода является надстройкой над сравнительно-сопоставительным языкознанием, где при установлении функциональной эквивалентности необходимо также принимать во внимание коммуникативную эквивалентность текста.

Это важно еще и потому, что многие исследователи понимают под эквивалентом любое соответствие в языке перевода словоформе, словосочетанию или целому высказыванию языка оригинала, т. е. любое правильное соответствие микроединице перевода, на которой может лежать печать индивидуальности или окказиональности. Последние, в свою очередь, могут отражать находки переводчика, важные для передачи художественных образов, но не вписывающиеся в понятие функционально-семантического эквивалента. Часто исследователи стремятся учесть все нюансы употребления изучаемых и сопоставляемых явлений, все особенности индивидуального перевода, что делает результаты анализа труднообозримыми и затрудняет их практическое применение.

Лингвиста-компаративиста должны интересовать не любые способы передачи смыслов, а прежде всего типовые функционально-семантические соответствия. Следует также признать, что понятие функционально-семантического эквивалента не тождественно понятию эквивалента перевода, хотя в некоторых случаях они могут совпадать.

3.1. Каковы же критерии функционально-семантического эквивалента на уровне системно-функциональной конфронтации?

3.1.1. Тождество лексического значения «ключевого слова» или словосочетания при необязательности морфо-синтаксического тождества. Впервые на это обратил внимание Е. М. Верещагин при анализе переводов с греческого языка на славянский, сделанных Кириллом и Мефодием [1971, с. 88]. Ученый пришел к заключению, что переводу, как правило, подвергается «ключевое слово», тогда как зависимые слова дополняют предложение и даже словосочетание по законам языка перевода. Это в полной мере можно отнести к сопоставляемым славянским языкам.

3.1.2. Тождество выражаемых синтаксических отношений (например временных, пространственных, обстоятельственных, причинных и других типовых значений) при необязательности структурно-грамматического тождества. Ср. примеры на некоторые из указанных значений:

временные отношения

<i>To se stalo <u>za války</u>.</i>	<i>Это случилось <u>во время войны</u>.</i>
<i>Vrátil se <u>před týdnem</u>.</i>	<i>Он вернулся <u>неделю тому назад</u>.</i>
<i>Po <u>válce</u> bydleli jeho rodiče ve městě.</i>	<i><u>После войны</u> его родители жили в городе.</i>
<i>Známe se <u>léta létoucí</u> / <u>po dlouhá léta</u>.</i>	<i>Мы знакомы (знаем друг друга) <u>на протяжении многих лет</u>.</i>

пространственные отношения

<i>Auta stála <u>po obou stranách</u> silnice.</i>	<i>Автомобили стояли <u>по обеим сторонам шоссе</u>.</i>
<i>Zůstal stát <u>ve dveřích</u>.</i>	<i>Он остался стоять <u>в дверях</u>.</i>
<i>Na <u>polích</u> se orá.</i>	<i><u>На полях</u> идет пахота.</i>
<i>Sestra bydlela <u>v Nerudově ulici</u>.</i>	<i>Сестра жила <u>на улице Неруды</u>.</i>

причинные отношения

<i>Pes slákal <u>radostí</u>.</i>	<i>Собака прыгала <u>от радости</u>.</i>
<i>Petr byl bledý <u>hrůzou</u>.</i>	<i>Петр был бледен <u>от ужаса</u>.</i>
<i>Podíval se tam <u>ze zvědavosti</u>.</i>	<i>Он посмотрел туда <u>из любопытства</u>.</i>
<i>Pro <u>slzy</u> neviděla na cestu.</i>	<i><u>Из-за слез</u> она не видела дороги.</i>

обстоятельственные отношения

<i>Ilona pracovala <u>rychle</u>.</i>	<i>Илона работала <u>быстро</u>.</i>
<i>Letěl po <u>schodech jakoby hořelo</u>.</i>	<i>Он летел по лестнице <u>как на пожар</u>.</i>
<i>Mlčí <u>jakoby mu ústá zašili</u>.</i>	<i>Он молчит <u>словно воды в рот набрал</u>.</i>

3.1.3. Следующим важнейшим критерием типового функционально-семантического эквивалента являются его регулярное употребление в языке и речи, а также открытый синтаксический ряд, который всегда можно пополнить новым типовым словосочетанием и даже целым высказыванием.

Так, в чешском языке обычным, узуальным способом, служащим для выражения значения совета с оттенком необходимости и надлежащности совершения действия, является употребление кондиционала от глагола *mít*. Например:

<i>Měl bys mu to vrátit.</i>	<i>Тебе бы следовало вернуть ему это.</i>
<i>Měli byste nám pomoci!</i>	<i>Вам бы следовало помочь нам!</i>

Měla byste mu to říct!
Měl by se léčit!
Měli bychom se s ním poradit!

Вам бы нужно сказать ему об этом!
Ему бы следовало лечиться!
Нам бы нужно(следовало) посоветоваться с ним!

Число подобных разнооформленных высказываний в сопоставляемых языках можно значительно увеличить. Они частотны, регулярны, эквивалентны по своей содержательной сущности. В русском языке наиболее эквивалентным средством для выражения указанного значения является инфинитивная конструкция с модальным предикативом и дательным лица (см. приведенные выше примеры), хотя возможны и другие синонимические средства выражения. Аналогичная ситуация наблюдается и в словацком языке.

3.1.4. Необходимым критерием подлинной эквивалентности является также стилистическая адекватность сопоставляемых единиц. Регулярно употребляющиеся единицы языка, тождественные в отношении выражаемых ими лексических и грамматических значений, не могут считаться полными эквивалентами, если они характеризуют разные сферы языка и его стилистические пласты, не совпадающие при наложении функциональных изоглосс рассматриваемых языковых явлений. Так, стилистически равнозначным эквивалентом чешского предложения *Mít já volný čas, hned bych jel na výlet* в русском языке должно быть предложение с формой императива, транспонированного в область употребления сослагательного (условного) наклонения: *Будь у меня свободное время, я бы поехал на экскурсию.*

Содержательная тождественность, типичность и регулярная встречаемость, а также стилистическая маркированность приведенных выше предложений подтверждается в обоих языках значительным количеством примеров, характеризующих преимущественно разговорную, диалогическую, эмоционально окрашенную речь. Ср. нижеприводимые примеры.

чешский язык	русский язык
<i><u>Vědet to dřív, já bych tam nejel.</u></i>	<i><u>Знай я это раньше, я бы туда не поехал.</u></i>
<i><u>Nebýt zde Dana, všechno by dopadlo jinak.</u></i>	<i><u>Не будь здесь Даны, все было бы иначе.</u></i>
<i><u>Mít já peníze, hned bych si koupil nové auto.</u></i>	<i><u>Имей я деньги, я бы тотчас купил себе новую машину.</u></i>
<i><u>Být já mladší, zařídil bych všechno jinak.</u></i>	<i><u>Будь я моложе, я бы все устроил иначе.</u></i>

Наконец, необходимо подчеркнуть, что эквивалентность в значительной степени создается контекстом с типовым значением, его общей коммуникативной направленностью, характером коммуникативного акта. Приве-

денные выше примеры отражают как случаи экстерной (1, 2, 4), так и интерной эквивалентности, поскольку почти во всех случаях учитывалось не только содержательное тождество, но и системно-структурные особенности эквивалентов, характер их моделей.

4. Узуальная эквивалентность

Наряду с системно-функциональной эквивалентностью при сопоставительном анализе языковых явлений необходимо учитывать и другие типы эквивалентностей, в частности так называемую узуальную эквивалентность, которая характеризует *национальный* языковой узус, употребление тех или иных языковых явлений именно в данном языке.

По справедливому замечанию В. Барнета, несоответствия между системно-функциональными оппозициями и их узуальными реализациями можно обнаружить на разных языковых уровнях. В качестве иллюстрации исследователь приводит примеры узуальной эквивалентности на лексическом уровне (**чешск.** *sem / tam*, **русск.** *к себе, от себя [о двери]*), а также на синтагматическом (различные сочетаемостные свойства прилагательных *dlouhý* и *дolgий / длинный*) в чешском и русском языках [В. Барнет 1983, с. 25].

Нам бы хотелось развить эту мысль несколько в ином направлении.

Узус как пригодная для данной конкретной ситуации форма речи не может изучаться одними лингвистическими методами и приемами. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров абсолютно верно подчеркивают, что «узус — это речь как выразитель свойственной данной этнической общности национальной культуры. Это, короче говоря, речь в культуре» [1973, с. 89]. Следовательно, для правильной реализации формул общения при установлении узуальной эквивалентности необходимо выходить за пределы собственно языка, принимая во внимание связь между формой речи и условиями ее протекания. Короче говоря, изучение узуальной эквивалентности требует учета прагматических факторов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимоотношением в процессе коммуникации, с характером коммуникативного акта, с ситуацией общения. Необходимо также учитывать речевое поведение коммуникантов, организацию высказывания в соответствии с тем, чему в сообщении придается наибольшее значение.

На выбор формул речевого поведения влияет целый комплекс факторов как собственно лингвистических, так и экстралингвистических. К числу последних относятся факторы социолингвистические и психолингвистические. Действительно, проблематика речевого узуса и узуальной эквивалентности требует учета социальной дифференциации языка и использования ее в коммуникативных целях, определения характера коммуникативного акта, реальных условий выбора ситуации в зависимости от того, будет ли она официальной или неофициальной, будет ли общение носить частный или

общественный характер, будет ли контакт участников прямым или опосредованным, является ли высказывание спонтанным или подготовленным, ситуативно закрепленным или незакрепленным.

Необходимы также психолингвистический анализ характеристик говорящего и адресата, учет реакции говорящего на адресата разного социального статуса, возраста, образовательного ценза, его личностных качеств, а также вероятностной реакции адресата на содержание высказывания.

Несоблюдение этих условий нередко приводит к комическим результатам.

Рассмотрим несколько ситуаций, в которых можно обнаружить узуальные чешско-русские межъязыковые эквиваленты.

1. Ситуация **Обращения, Вежливого побуждения к ответу**. В данной ситуации в соответствии с русской речевой формулой *скажите, пожалуйста* в чешском языке в качестве специализированного актуализатора вежливости используется, как правило, форма 1-го лица ед. ч. настоящего времени от глагола *prosít* — *prosím*. Ср.:

чешский язык

– *Prosím vás, kde je stanice metra?*

– *Prosím vás, jak se dostanu k Národnímu divadlu?*

– *Prosím vás, co to znamená?*

русский язык

– *Скажите, пожалуйста, где находится станция метро?*

– *Скажите, пожалуйста, как пройти в Национальный театр?*

– *Скажите, пожалуйста, что это означает?*

В подобных случаях чешское *prosím* нередко бывает близко русскому *прошу вас* (= *скажите, пожалуйста*), так что в данной речевой ситуации узуальные чешско-русские эквиваленты обнаруживают известную соотносительность.

2. Иначе обстоит дело в других речевых ситуациях, например в ситуации **Выражение разрешения** или **Ответ на просьбу**, когда чешское *prosím* употребляется в соответствии с русскими утвердительно разрешающими словами *да, конечно, разумеется, пожалуйста*:

– *Můžu se vás na něco zeptat?*

– *Prosím!*

– *Mohli bychom už odejít?*

– *Prosím!*

– *Mohli bychom se podívat na tuto knihu?*

– *Prosím!*

– *Я могу вас о чем-то спросить?*

– *Да, конечно, разумеется* (= *пожалуйста*).

– *Мы уже можем уйти?*

– *Да, конечно, разумеется* (= *пожалуйста*).

– *Мы можем посмотреть эту книгу?*

– *Да, конечно, разумеется*

(= пожалуйста).

В этой ситуации наблюдается значительная делексикализация и деграмматикализация глагольной формы *prosím* и отсутствие лексической корреспонденции между чешскими и русскими узуальными эквивалентами.

3. В ситуации **Переспроса**, когда один из участников коммуникативного акта не понял своего собеседника и переспрашивает его. В данной ситуации чешскому вопросительному *prosím* в русском языке соответствует вопросительная конструкция *Что вы сказали?* или более разговорное *Что, что?, Как, как?* (= *Повторите, пожалуйста, я вас не понял!*). Например:

– <i>Máte dnes večer volno?</i>	– <i>Вы сегодня вечером свободны?</i>
– <i>Prosím?</i>	– <i>Что вы сказали? (= Я вас не понял.)</i>
– <i>Mohla bych vás pozvat na večeři?</i>	<i>Могу я вас пригласить на ужин? /
Могла бы я вас пригласить...</i>
– <i>Prosím?</i>	– <i>Что, что? (= Повторите, я вас не понял.)</i>
– <i>Nejsem se jist, že se vrátí včas.</i>	– <i>Я не уверен, что он вернется вовремя.</i>
– <i>Prosím?</i>	– <i>Что, что? Как вы сказали?
(= Повторите, я вас не понял.)</i>

В названных выше речевых ситуациях чешский узуальный эквивалент *prosím* выступает то в побудительной функции (*скажите, пожалуйста*), то в функции утвердительной частицы (*да, конечно, разумеется*), то как вопросительное слово (*что, что? как, как?*), побуждающее говорящего к ответу, к повторению вопроса или утверждения. При этом полифункциональное чешское *prosím* испытывает семантический сдвиг, свидетельствующий о выветривании первоначального лексического значения чешского глагола *prosím*. Лексическая близость чешско-русских эквивалентов в известной степени сохранилась только при употреблении его в значении *прошу* (= *пожалуйста*).

Любопытны случаи переноса узуса родного языка на используемый в общении изучаемый язык. Так, привычное для чехов *prosím* в значении *скажите, пожалуйста*, (редуцированное до *пожалуйста*), можно услышать в обращении типа *Пожалуйста, где находится кафедра русского языка?* (= *Prosím, kde je katedra rusistiky?*).

Если Вы услышите по телефону голос говорящего лица, которое представляется следующим образом: *Здесь Павел Новак*, то вы сразу же можете определить, что говорит чех, который привычное, узуальное для него выражение *Tady je Pavel Novák* перевел на русский язык, нарушив тем самым русский узус. В русском языке в подобных случаях представлены другие

формулы: *Позовите, пожалуйста...*, *Можно попросить к телефону X?*, *Говорит Здена Новакова. Могла бы я поговорить с X?* и т. п.

Закономерно встает вопрос, в чем заключается отличие условий выявления функционально-семантической и узуальной эквивалентности.

1. От типового функционально-семантического эквивалента узуальный эквивалент отличается тем, что он характеризует индивидуальные, национально-специфические особенности языка, его узус и норму, которые являются категориями не только лингвистическими, но также социальными и историко-культурными.

2. При установлении узуальной эквивалентности необходимо выходить за пределы собственно языка, принимая во внимание связь между формой речи и условиями ее протекания.

3. В отличие от функционально-семантического эквивалента, когда идет речь о выявлении содержательного тождества в текстах или высказываниях, соотносительных по своей коммуникативной направленности, при установлении узуального эквивалента необходимо изучать национально-культурные особенности речевого поведения адресанта и адресата не только путем сопоставления двуязычных соответствий, но и с помощью анализа как стандартных, так и вариативных, индивидуальных ситуаций речевого общения, их лингвистических и социолингвистических характеристик [о категориальной ситуации см. А. В. Бондарко 1988].

4. Узуальная эквивалентность характеризуется ситуативной закрепленностью, т. е. связью с определенной конкретной ситуацией, а также с определенным языковым кодом.

5. Выявление узуальных эквивалентов предполагает наличие не только коммуникативной соотносительности речевых ситуаций, но и их ситуативной тождественности при возможных семантических сдвигах и нарушении лексической корреспонденции ключевых слов и словосочетаний сопоставляемых высказываний.

6. Эквиваленты (особенно узуальные) могут быть полными или частичными, абсолютными и относительными. В случае обусловленного узусом употребления возможна даже нулевая эквивалентность.

5. Ситуационная эквивалентность речевого этикета как устойчивых формул общения

Н. И. Формановская, посвятившая русскому речевому этикету ряд своих работ, отмечает, что речевой этикет вербально обслуживает этикет поведения и составляет как широкую область стереотипов общения, применяемых в переменных ситуациях, так и узкую область стереотипов в границах обращения, поздравления, пожелания, благодарности, извинения, просьбы,

приглашения, совета, сочувствия, одобрения и некоторых других. Таким образом, речевой этикет в узком смысле слова — это национально специфические правила речевого поведения.

Ритуальные формы речевого поведения, как и узуальные эквиваленты, также обусловлены факторами социолингвистическими, так как носители языка объединены в социум, представляющий разные социальные группы с точки зрения социальной принадлежности и рода занятий, места жительства, возраста и т. п. [Н. Формановская – П. Туч-ны 1986, с. 5–7].

«Кроме постоянных социальных признаков, человек, попадая в разные условия общения, получает и переменные (ситуативные) признаки, исполняя разные роли: пешехода, пассажира, родителя, ученика, учителя, гостя, коллеги, друга, покупателя и многие другие. Эти переменные роли соединяются с постоянными, образуя сложный комплекс социальных характеристик, организующих речь» [Л. Крысин 1976, с. 12].

Справедливым является утверждение Н. И. Формановской, что стилистическая дифференция выражений речевого этикета проходит по экспрессивно-стилистической шкале и что ситуация речевого этикета — это ситуация непосредственного общения, когда собеседники встречаются «здесь» и «сейчас» [цит. соч., с. 9]. Речевой этикет входит как составная часть в проблематику лингвострановедения, он связан с национальной спецификой не только эквивалентными формами с другими сопоставляемыми языками, но нередко характеризуется фразеологически связанными выражениями, а также безэквивалентными формулами, отражающими обычаи и привычки народов, являющихся носителями сопоставляемых языков.

Приведем несколько примеров, свидетельствующих о сказанном. При этом следует иметь в виду, что так называемая неполная или частичная эквивалентность здесь представлена гораздо шире, чем в других, рассмотренных выше типах эквивалентностей.

1. В качестве переходного случая от узуальной эквивалентности к эквивалентности на уровне формул речевого этикета можно снова привести пример с глагольной формой *prosím*, которая употребляется также при обращении к незнакомому человеку в значении *простите, извините, Вы не скажете...* Ср.:

Prosím, jak se jede do centra města?
(при обращении к прохожему)

Простите (= Извините, пожалуйста), как проехать в центр города?

Prosím, co nám dáte k pití?
(при обращении к официанту)

Простите, / Извините (= Скажите, пожалуйста), что вы нам дадите попить?

Prosím, přejete si snad nějaký aperitiv?
(при обращении официанта к посетителю)

Извините (= Скажите, пожалуйста), может быть, вы хотели бы какой-нибудь аперитив?

2. К неполным эквивалентам можно отнести широко употребительное русское обращение *девушка*, которое безотносительно к возрасту стилистически снижено. Однако в чешском языке ему соответствует нейтральное в стилистическом отношении слово *slečna*. Ср.:

To je dárek pro vaši slečnu.

Это подарок для вашей девушки / девочки / дочери / племянницы и т. п.

2.1. Неполная эквивалентность наблюдается также в некоторых формулах приветствия. Так, русская формула *Здравствуйте!*, употребляемая в любое время в качестве универсального и нейтрального в стилистическом отношении приветствия, в чешском языке, как правило, соответствует формулам приветствия, различающим утро, день и вечер: *Dobré jitro! Dobrý den! Dobrý večer!* Следует, однако, отметить, что и в русском языке наряду с «вневременным» приветствием *Здравствуй* могут употребляться формулы приветствия *Добрый день! Добрый вечер!*, нередко с дополнительными коннотациями. Например, формула *С добрым утром!* содержит не только пожелания доброго утра, но может быть и сигналом к пробуждению [Н. Формановская, П. Тучны цит. соч., с. 9].

2.2. Еще более отличаются в двух сопоставляемых языках системы стилистически маркированных приветствий. Так, стилистически сниженному русскому *Привет!* в чешском языке соответствует *Ahoj!*, употребляющийся главным образом среди молодежи как при встрече, так и при прощании. Кроме того, *Ahoj!* в чешском языке употребляется при понукании запряженного скота в значении *Пошла! Давай!*

В подобных случаях наблюдается асимметрия значений сопоставляемых выражений, что также является свидетельством их неполной эквивалентности.

3. Имеется много случаев перехода от неполной эквивалентности к нулевой. Приведем примеры из цитированной работы Н. И. Формановской и П. Тучного. И в том и в другом языке в ситуации выражения вопроса, касающегося того, как идут дела, имеется множество этикетных выражений, например: *Как поживаете? Как живешь? Как идут твои дела?* и многое другое. В чешском языке им, как правило, соответствуют формулы *Jak se máš? Jak se vám (ti) dáří?* Однако разговорные *Как дела? Как жизнь?* в чешском языке имеют нулевой эквивалент.

4. Стилистически сниженным русским выражениям *Так себе! Не ахти как!* в чешском языке на вопрос *Как дела?* соответствует фразеологизм *Stojí to za starou belu* (*Как сажа бела, Ни к черту не годится*).

В заключение подчеркнем еще раз, что:

Диапазон эквивалентностей формул речевого этикета как устойчивых формул общения очень велик. Он обусловлен факторами социолингвистическими, психолингвистическими, личностными.

Формулы речевого этикета весьма разнообразны, переменны, имеют широкую стилистическую шкалу (от формул «высокого тона» до обиходно-разговорных, просторечных выражений, а также вульгаризмов).

Случаи типовой функционально-семантической эквивалентности, хотя и имеются, но как бы растворяются в большой массе разнообразных формул речевого этикета, носящих следы возвышенности, просторечности, разговорности, официальности, неофициальности и пр.

Наиболее устойчивым фактором при употреблении и сравнении формул речевого этикета является ситуативная закрепленность.

В понятие всех типов эквивалентностей, особенно связанных с речевым этикетом, следует ввести целую шкалу эквивалентностей, начиная от максимальной (полной) и кончая нулевой [St. Siatkowski 1978, см. также В. Г. Гак и Е. Б. Розенблит, 1965 с. 3–8 и др.].

Глава 3. Сопоставительное изучение стилистически маркированных высказываний

1. Экспрессивность и эмоциональность

Большие трудности при сопоставительном изучении языков вообще, а близкородственных языков в частности, представляет изучение эмоционально-окрашенных, стилистически маркированных высказываний, поиск функционально-семантических эквивалентов экспрессивных слов, грамматических категорий и их форм, употребленных в экспрессивной функции.

При этом следует сказать, что в языкознании уже давно (с момента выхода в свет Тезисов Пражского лингвистического кружка в 1929 году) утвердилось мнение, что язык выполняет не только коммуникативную, но и экспрессивную функцию, т. е. служит не только для выражения мыслей, но и для субъективного отношения говорящего к фактам реальной действительности [Тезисы ПЛК, с. 17–41].

Понятие экспрессивности тесно связано с такими понятиями, как образность, интенсивность, эмоциональность, стилистическая маркированность, а отчасти — и субъективная модальность.

Некоторые исследователи к экспрессивности относят также и оценочность — то есть свойство языковой единицы выражать ценностное представление говорящего об объекте. Однако если оценка не сочетается с выражением эмоционального отношения субъекта речи к объекту, она включается в нейтральный в экспрессивном отношении пласт лексики или грамматики. В этом случае мы не можем говорить об экспрессивной оценке. Ср., например, предложения типа: *Мне это не нравится; Это плохо / хорошо*, в которых выражается логическая, реферирующая констатация.

Экспрессивность связана не столько с оценкой, сколько прежде всего со стремлением говорящего усилить впечатление, выразить свою мысль особым, нестандартным образом, выпукло, необычно, ненейтрально, короче

говоря — образно. Поэтому образность тесно связана с экспрессивностью. Образная языковая единица всегда экспрессивна, она часто связана с эмоциональной оценкой, хотя в нашем представлении экспрессивность и эмоциональность не тождественны. Между ними нельзя ставить знак равенства, как это делают многие исследователи [R. Mrázek 1960, с. 161].

Экспрессивность по своему объему понятие более широкое, чем эмоциональность, так как экспрессивность включает в себя любое волевое стремление к выразительности и образности, а это не только вербальные средства, такие, как экспрессивная лексика (*реветь, хныкать, чешск. fňukat, польск. grubas*), наличие словообразовательных формантов (*чешск. kruťas, hubeňour, štabajzna, польск. podlizywacz* и др.), употребление различных фразеологизмов, междометий, эмоциональных частиц, транспонированных форм имени, глагола и др. частей речи [R. Zimek 1979, с. 99–104], но и невербальные средства выражения экспрессии, такие, как жест, мимика, пауза, смех, плач, темп речи, тембр голоса, его высота и сила. Поэтому не случайно, что, например, польская исследовательница А. Вежбицка рассматривает экспрессию в рамках общей теории семиотики [А. Wierzbicka 1969, с. 33–61].

Действительно, употребление различных средств экспрессии зависит от многих факторов экстралингвистических, таких как поведение адресата и адресанта, от их общественного и социального статуса, возраста, нередко пола, степени и близости знакомства, от ситуации, в которой реализуется речевое общение, от наличия зрительного и слухового контакта и многого другого, что обнаруживает тесную связь экспрессии как изобразительно-выразительного качества речи с социолингвистикой.

Эмоциональность же — это одно из состояний лица в процессе коммуникации. Эмоциональность является принадлежностью ментальной сферы чувств человека, одним из моментов отношения говорящего к содержанию высказывания. В качестве специфической составной части эмоциональность входит в совокупность так называемых *внутренних, прагматических* компонентов высказывания. Это психическое и эмоциональное состояние лица, получающее выражение в высказываниях, а следовательно, являющееся предметом не просто лингвистики, но и психолингвистики.

Вместе с тем, эмоциональность — это не только эмоционально-психическое состояние человека, но и языковое выражение эмоционального отношения к действительности экспрессивными средствами на разных языковых уровнях. Именно поэтому отделить эмоциональность от экспрессивности невозможно. Они взаимосвязаны, взаимообусловлены, находятся в диалектическом единстве. Экспрессивность как часть внутренней формы слов, словоформ, словосочетаний, синтаксических конструкций, употребленных в определенных типах контекста, сигнализирует об эмоциональной окрашенности той или иной языковой единицы. Следовательно, экспрессив-

ность и средства ее вербального выражения — это сигналы эмоциональности на разных языковых уровнях.

Экспрессивность на лексическом и словообразовательном уровне достаточно хорошо описана на материале разных славянских языков, в чешском (J. Zima 1961; R. Mrázek 1960; 1981, с. 93–98; R. Zimek 1979), в польском (Т. Skubalanka 1973; St. Grabias 1981; A. Wierzbicka 1969 и др.), в словацком (J. Mistrík 1974; M. Ivanová-Šalingová 1974 и др.), в русском (В. Н. Телия; В. Г. Гак и др.), хотя открытый характер и семантическая сложность лексической и словообразовательной систем любого славянского языка требует дальнейших разысканий и в этих областях.

2. Сигналы эмоциональности и экспрессивности на разных языковых уровнях

2.1. При сравнительно-сопоставительном изучении языков вообще, а близкородственных в частности, необходимо принимать во внимание стилистическую маркированность / нейтральность сопоставляемых явлений. При этом важно учитывать не только отдельные сигналы эмоциональности, но и их комбинаторику, а также разные типы отношений адресанта (говорящего или пишущего) к содержанию высказывания. Следует принимать во внимание также, что язык как орудие коммуникации предполагает такую теорию, которая синтаксис, семантику и прагматику интегрирует в одно целое, видит их взаимоотношение и взаимообусловленность.

На IV Международном симпозиуме синтаксистов в Брно М. Грепл в своем докладе «Коммуникативно-прагматические аспекты высказывания» [M. Grepl 1979, с. 19] показал, что говорящий занимает к пропозиционному содержанию не одно, а, как правило, одновременно несколько отношений, которые неравноценны по своему значению. Автор выделяет три основных типа отношений, каждый из которых имеет несколько частных значений:

тип **A** — выражает коммуникативно-интенционное отношение, основными значимостями которого являются декларативность, интеррогативность, императивность и оптативность. Реализацией и сигнализацией этих значимостей на уровне выражения являются коммуникативные типы высказываний: повествовательные, вопросительные, императивные и оптативные;

тип **B** — представлен отношением персуазивной модальности, то есть модальности истинности или правдивости, которая выражает различную степень субъективной уверенности говорящего в истинности пропозиционного содержания: *jsem si jist...*, я уверен...; *pochybují, že...* я сомневаюсь, что...; *zdá se mi...* мне кажется, что...

тип **C** — представлен эмоционально-оценочным отношением говорящего к содержанию высказывания. Этот тип отношения может быть репрезентирован различными значимостями. Так, формальными экспонентами названных выше отношений на синтаксическом уровне могут быть: интона-

ция (типы конечных каденций), глагольные наклонения, модальные глаголы и предикативы, частицы, порядок слов и прочие средства выражения эмоциональности.

Однако следует помнить, что сигналы эмоциональности могут встречаться в разных комбинациях на всех языковых уровнях, выступая в качестве репрезентантов экспрессивности и эмоциональной маркированности различных слов, словосочетаний и целых высказываний. Одни из них являются принадлежностью языка, другие — речи. Они являются внешними объективными индикаторами психического состояния говорящего субъекта, его эмоционального интереса и внутренней напряженности, что позволяет установить большую шкалу коннотаций, модифицирующих лексическую и грамматическую семантику употребленных средств выражения [М. Грепл, цит. соч.].

Важно принимать во внимание и тот факт, что если общая (нередко называемая объективной) модальность, а также темпоральные и локальные характеристики пропозиций являются обязательными аспектами реализации пропозиции в высказывании, то эмоциональный компонент, так же как и персуазивная модальность и средства ее интенсификации, являются факультативными актуализационными компонентами.

Следует учитывать также, что иерархически эмоциональность не находится на том же уровне, что остальные типы отношений к содержанию высказывания, хотя с интенсификацией и персуазивной модальностью ее связывает общая черта: выражение субъективного отношения к пропозиции. Если иметь в виду только синтаксический уровень, то следует подчеркнуть, что секундарно и факультативно эмоциональность накладывается на структуру нейтральных в эмоциональном отношении высказываний. Эмоциональность — это третья ступень в отношении к когнитивным и примарно коммуникативным компонентам высказываний [М. Грепл 1978, с. 230–277]. Из этого вытекает, что эмоциональность имеет качественно отличный характер по сравнению с другими актуализационными компонентами, к которым исследователи относят категорию лица, времени, наклонения, то есть категории, члены которых внутренне связаны с говорящим [Н. Křížková 1966, с. 172].

Существенным является решение вопроса, считать ли эмоциональность *семантическим* компонентом высказывания. Многие исследователи придерживаются именно такой точки зрения. Если это и так, то речь идет о совершенно иной семантике, так как эмоциональные высказывания не имеют в себе новых содержательных компонентов по сравнению с эмоционально нейтральными высказываниями. Речь скорее идет о коннотациях, которые наиболее точно определила В. Н. Телия. Она считает, что коннотация — это эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы

узуального (закрепленного в языке) или окказионального характера [ЛЭС, с. 236].

Будучи явлением комплексным и сложным, сигналы эмоциональности, как уже отмечалось, могут быть представлены на всех языковых уровнях, где они маркируют слова, словоформы, употребленные в определенных типах высказываний, словосочетания, различные коммуникативные типы высказываний и даже текст.

Рассмотрим лишь некоторые сигналы эмоциональности на разных языковых уровнях (на материале главным образом чешского языка) и соответствующих им русских эквивалентов.

2.2. Сигналы эмоциональности на звуковом уровне. На звуковом уровне представлен целый комплекс просодических средств. Это прежде всего интонация слова и целого высказывания, паузы (их длительность и местоположение), темп речи (быстрый, медленный), высота и сила голоса, особенности произношения гласных и согласных звуков, а именно:

а) продление гласных при подчеркивании и эмоциональном выделении, например, в чешском *Požár! Пожар!, Pomóc! На помощь!, Móře! Море!, Bóže!, Hónem, hónem! Скорей, скорей!* и др.;

б) удвоение согласных: *Brr!* (= холодно), *Zzima* (= какой холод!);

в) деформация слов; ср. в чешском *čěče* (= *člověče*);

г) использование для данного языка аномальных или нетипичных, редко встречающихся фонемных групп типа чешских *ňouta растяпа, fňukal нытик, fíflena фифа, taťulda папуленька* и др. [J. Zima 1961, с. 99].

Ср. также в словацком *frľoš болтун, čartoš увалень*;

д) семантически нерелевантное повторение слогов и слов; ср. в чешском *malilinkú малюсенький, čiročirý чистый-пречистый, celocelý целехонький* и др.

2.3. Сигналы эмоциональности на лексическом и словообразовательном уровнях. К их числу относится наличие экспрессивных наименований с выразительной позитивной или негативной коннотацией, которая дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ему экспрессивную окраску.

2.3.1. В чешском языке это:

а) наличие большого числа глаголов, у которых экспрессивность является частью их внутренней формы, т. е. случаи, которые Я. Зима называет *присущей* данному слову экспрессивностью (*inherentní expresivita*). Ср. примеры: *brečet реветь, čvachtat хлопать, чавкать, havkat тьякать, brňkat брнчать, тренькать, spinkat спать, баиньки* и т. п.;

б) употребление многочисленных экспрессивных существительных с формантами, малоупотребительными в нейтральных стилях литературного чешского языка, но широко распространенными в обиходно-разговорном языке. К ним относятся существительные с суффиксами мужского рода:

- **oun**: *křikloun* крикун, *šplhoun* подлиза, *drzoun* наглец, *blboun* балбес, *hezoun* красавчик;
- **out**: *žrout* обжора, *chotout* ограниченный человек, бездарь;
- **áč**: *břicháč* пузан, *břejláč* очкарик, *fňikáč* плакса;
- **ant**: *suchant* сухой человек, *suchar*, *pracant* работяга, *hluchant* глухой, *глухарь*;
- **ouš**: *chytouš* умник, *tlustouš* толстяк;
- **as**: *kruťas* крутой, жестокий человек, *prud'as* резкий, стремительный человек;
- **ous**: *dívous* бирюк, дикарь;
- **och**: *tlusťoch* толстяк;
- **our**: *huběour* худой, тощий, скелет, мощи;
- **al**: *koktal* заика, *kescal* трепач, *raskal* халтурщик;
- **dlo**: *fintidlo* франт, пижон, [женищина] франтиха;
- **ák**: *chytrák* хитрец, голова, *foťák* фотоаппарат.

Число примеров можно свободно увеличить не только за счет глаголов и существительных всех родов, но и за счет прилагательных, наречий. Ср. отдельные примеры: *chud'ouňký* беденький, *huběoučký* худенький, *staříčský* старенький, *řid'ouňký* реденький, *malílinký*, *malíkatý*, *malolouňký*, *maloučký*, *malíčkatý*, *malíčký*, *malilíčký* — маленький, малюсенький, *malilínko* немножечко и др. [примеры J. Zima 1961, с. 107]. Ср. также примеры в монографии Г. П. Нецименко [1968].

2.3.2. Словацкий язык. Автор известной «Стилистики словацкого языка» Й. Мистрик [1970] в качестве экспрессивов приводит следующие примеры:

- существительные с суффиксами **-áč**, **-ák**, **áň**, **-ian**, **-oš**, **-ba**: *brucháč* пузан, *брюхач*, *darmožrác* дармоед, *ušan* ушастый человек, *hnusák* гнусный человек, *grobían* грубиян, *držgroš* скряга, *tarboš* увалень, *dlaba* рука, *kotrba* голова и др.;
- экспрессивные глаголы: *fufňat'* гнусить, *fičat'* мчаться, лететь со свистом, свистеть, *šarpnúť* схватить, подхватить, стрельнуть, *fintit'* финтить, *chichotať sa* хохотать, *parkať* есть и др.;
- а также многие другие образования, включая деминутивы и аугментативы типа *rečíčku* разговорчики, *rotalíčký* малюсенький [с. 223–225]. [Ср. также M. Ivanová-Šalíngová, 1974].

2.3.3. Экспрессивность в польском языке с полным обзором работ, посвященных этой проблематике, интересно разработана в монографии С. Грабьяса «Об экспрессивности языка» [1981]. Автор также приводит большое количество существительных с экспрессивными формантами **-och**, **-ol**, **-al**, **-ca**, **-uch**, **-ok**, **-isko**, **-us**, **-aca** и др. Ср.: *tluścioch* жирняга, *łysoł* лы-

сьй [человек], *grubas* толстяк, *podlizywacz* подлиза, *wycieruch* бездельник, *piecuch* болтун, *pracuś* работага, *świntuch* свинья, *rapluga* трепач, похабник, *babsko* бабуща, *slonisko* слонище, *psisko* собачище и др.

2.3.4. К сигналам эмоциональности на лексическом уровне в **русском языке** Р. Зимек относит также употребление так называемых «поисковых» слов типа *значит*, вставных элементов типа *вот*, *ну*, *знаете ли*, *видите ли*, наличие текстуально необусловленных слов, употребление эмоциональных частиц, междометий, случаи синтаксических транспозиций и некоторые другие [R. Zimek 1979, с. 102].

Мы, однако, считаем, что отмеченные Р. Зимеком сигналы эмоциональности проявляются только на грамматическом (морфолого-синтаксическом) уровне, в стилистически маркированных высказываниях, отражающих не только коммуникативное намерение говорящего, но и эмоционально-оценочный момент. Ведь если эмоциональность мы характеризуем как выражение состояния лица в процессе коммуникации, то мы должны признать, что все это получает выражение исключительно в высказываниях.

2.4. Сигналы эмоциональности на грамматическом (морфолого-синтаксическом) уровне. На IV Международном симпозиуме синтаксистов (1979 г.) Роман Мразек в своем докладе «Эмоциональность предложения и перспектива его сравнительного изучения» особо подчеркнул, что «славянские языки располагают неодинаковой функциональной дистрибуцией трех возможных грамматикализованных десигнаторов: а) указательных слов; б) вопросительных слов и в) частиц». При этом Р. Мразек отметил, что указательные слова (согласуемые *ten*, *ta*, а также несогласуемое *to*) играют наибольшую роль в чешском, словацком и отчасти в лужицких языках. Ср. *Ta krásá!* Ну и красота!, *To je pivo!* Вот так пиво!

Далее Р. Мразек указывает, что вопросительные слова (функционально уже синтаксические частицы), представлены на всей остальной славянской территории. Например: *Kako sem se ustrašil* (= чешск. *To jsem se ustrašil*) и т. п. Частицы (и междометия) в той или иной мере свойственны всем славянским языкам. В восточнославянских языках получили распространение частицы дейктического происхождения: русское *вот*, украинское *ось*, *оце*, белорусское *вось* и др.

Наш материал полностью подтверждает высказанные Р. Мразеком положения.

Перейдем к рассмотрению наиболее выразительных особенностей чешских стилистически маркированных высказываний и их русских эквивалентов. При этом мы также принимаем во внимание, что под одинаковой поверхностной оболочкой могут быть скрыты два, три и более микротипа, а также структурно-грамматические модели высказываний.

2.4.1. В чешском языке указательные местоимения *ten, ta, to* (особенно в восклицательных именных предложениях) могут служить сигналами эмоциональности в следующих случаях:

а) при выражении явлений природы: *To horko! Ну и жара! / Вот так жара! Ta zima! Ну и холод! / Вот так холод!*;

б) в случаях выражения оценочной предикации: *Ta má oči! Вот так глаза у нее! / Ну и глаза у нее!* [черные, красивые, умные, выразительные и т. п.]; *Ta dnešní mládež! Ну и современная молодежь! / Вот так современная молодежь!*;

в) в роли субъектов, которым приписывается эксклюзивно-контрастный признак типа *Ten Ivan! Вот так Иван! / Ну и Иван!* [замечательный, отворотительный, молодец, подлец и т. п.]; *Ta Praha! Вот так Прага!* [красивая, замечательная, удивительная, прекрасная и т. п.]. (Использованы примеры Р. Мразека).

2.4.2. В чешском языке по сравнению с русским наблюдается очень частое употребление несогласованных указательных местоимений *to, ono* во вторичных функциях (функционально это уже эмоциональные частицы) в глагольных предложениях типа: *To prší! Ну и дождь!; To bouchlo! Ну и бабахнуло!; Ono není třeba spěchat! Да ведь не следует спешить!; Ono to už nějak půjde! Да как-нибудь это наладится!* (Подробнее см. П. Адамец 1983, с. 173–190, и А. Г. Широкова 1988, с. 29 и др.).

Уже приведенные выше примеры с полной наглядностью свидетельствуют о том, что эквивалентами употребляемых в чешском языке (с различной функциональной значимостью) указательных местоимений в русском языке являются экспрессивные (усилительно-выделительные) частицы или комбинаторика двух и более частиц (*ну и, вот так, да ведь* и т. п.), выступающих в качестве сигналов эмоциональности стилистически маркированных высказываний.

2.4.3. К эмоционально-мотивированным актуализациям относится также употребление в именных восклицательных предложениях формы родительного падежа указательных местоимений *ten, ta, to*: *Toho nábytku! Ну и мебели!; Těch ořechů! Ну и орехов! / Сколько орехов!; Těch řečí kolem toho! И сколько же разговоров вокруг этого!; Těch schůzek a těch plánů do budoucna! Сколько собраний и планов на будущее!*

2.4.4. Сигналом эмоциональности и разговорности нередко служит форма дательного падежа личного местоимения *já (mně, mi, nám)* — так называемый дательный этический (*dativus eticus*), выражающий позитивное или негативное отношение к содержанию высказывания. М. Грелл считает, что позитивную оценку выражают конструкции с дательным падежом дополнения:

To ti byl oběd!

Вот так обед был! / Ну и обед был!

(= отличный, хороший)

To je vám krása!

Ну и красота! / Вот так красота!

а негативную оценку выражают конструкции с дательным, обозначающим говорящего [М. Grepl 1986, с. 102]. Ср. примеры:

To jsou mi nové manýry!

Вот так манеры! / Тож же мне новые манеры!

A to je mi pěkný pořádek!

Вот так порядок! / Тож же мне порядок!

To mi zase nějaké novoty!

Опять какие-то новости! / Тож же мне новости!

Chlstat mi tu nebudeš!

Ты у меня тут пьянствовать не будешь!

2.4.5. К сигналам эмоциональности следует отнести также экспрессивные **междометия**, передающие очень широкую палитру коннотаций, выражающих различные волевые импульсы (прямой приказ, зов, оклик, обращение, в том числе и к животным, благодарность, приветствие, прощание и др.) (1), широкую гамму чувств и настроений (радость, восхищение, восторг, удовольствие, упрек, порицание, протест, досаду, злость, возмущение, неудовольствие, удивление, испуг, страх, изумление, недоверие и др.) (2), а также эмоциональную характеристику говорящего, оценку его высказывания и т. п. (3).

Ср. примеры:

1. *Pst! Tc-c!* (= тише); *Marš! Марш!*; *Hej! Эй!*; *Hele! Heled'(te)!*

Эй, вы [посмотрите]!; *Halo! Алло!*; *Kuř! Цыц, заткнись!*; *Puť-puť! Цып-цып!*; *Kš, kšš, kša! Брысь, кыш!*; *Hola hej! Эй ты (вы)!*; *Vole, tahej! Болван, давай (тащишь)!* *Pruč! Прочь!* и т. п.;

2. *Ach, to bolí! Ой, больно!*; *A jeje!* *Co jsem udělal! Ой-ой, что я наделал!*; *Aha, už vím! А, я уже знаю!*; *Oho, právě to jsem potřeboval! Ого! Именно это мне нужно!*; *Oho! Jaká je to krása! Ой, какая же это красота!*; *Věda, co se stalo! Ужас, что случилось!*; *Bylo mi to houbu platné! Черта с два мне это помогло!* [при отрицательном ответе]; *Och, jsem tak unavena! Ох, я устала же я!*; *Fuj, jsem se lekla! Фу ты, как я напугалась!*; *Fuj, to byla dřina! Уф / Фу, ну и работенка была!*; *Fl, styďte se! Фу, постыдитесь!*; *Ach, to je trápení! Ах / Ох, какое же это мучение!*; *Ahoj! Привет! Пока!*; *Díky! Спасибо!*; *S bohem! Прощай!*;

3. *Brr! To je zima! Брр, ну и холод!*; *Frr! Jakej ošklivej! Фу, какой мерзкий!*; *Člověče, celou noc jsem nespal! (Čapek) Господи, я ведь целую ночь не спал!*; *Panečku, to byl herec! (Čapek) Ну и актер это был!*; *Hrom do toho, — rozkřikl se soudce, — proč lžete, člověče? (Čapek) Черт вас побери, — вскричал судья, — почему вы врете!*; *Ach, Ježíškriste, — nařikal dr. Mejzlík (Čapek) Ах, господи боже, — жаловался доктор Мейзлик.*

Роль междометий в организации стилистически маркированных высказываний (и вообще текста) значительно отличается от той синтаксической функции, которую выполняют другие части речи, так как, по справедливому замечанию В. В. Виноградова, «...Междометия представляют собой обобщественный фонд языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов» [1972, с. 584]. Тем не менее междометия, особенно звукоподражательные, нередко выступают в качестве эквивалента предложений (а) или члена предложения (б).

а) междометия употребляются нередко (особенно в обиходно-разговорной речи) в односоставных предложениях типа: *Krucifix / Krucihiml / Kruci! Черт возьми!; Marš! Pst! Hrome!* и т. п.

б) звукоподражательные междометия типа *bác, hop, plesk, bum, břink, prásk, ťuk* и др. выступают в функции глагольного сказуемого. Ср.:

<i>Kluk <u>hop</u> do vody!</i>	<i>Мальчик <u>прыг</u> в воду!</i>
<i>Běží, běží, a najednou <u>bác</u> do bláta!</i>	<i>Бежит, бежит и вдруг <u>бац</u> в грязь!</i>
<i>Míč <u>plesk</u> do vody!</i>	<i>Мяч <u>раз</u> — и в воду!</i>
<i>A on <u>bum</u> na zem!</i>	<i>А он <u>бац</u> на землю!</i>
<i>Sklenice <u>břink</u> na podlahu!</i>	<i>Стакан <u>трах</u> на пол!</i>

Фр. Травничек считает, что в подобных случаях речь идет о вербализации междометий [Trávníček 1931, с. 28].

Уже из анализа приведенного материала следует, что выявление функциональной значимости междометий, не обладающих лексической семантикой, но имеющих большую функциональную палитру коннотаций, которые включают в себя выражение различных эмоций и волевых импульсов, возможно лишь при условии учета характера коммуникативного акта, эмоционально-оценочного момента, предметного содержания высказывания, а также интонации. Большую роль при этом играют также просодические средства (тембр речи, высота и сила голоса, длительность звучания, паузы и т. п.). Дополняющими факторами являются и внеязыковые средства, такие как жест, мимика и пр. На эмоциональную окрашенность междометий оказывают влияние и фонетическое качество звуков, составляющих междометия, а также их сочетаемость. Некоторые исследователи справедливо считают, что большую распространенность имеют такие междометия, которые оканчиваются на гласный или содержат в своем составе гласные, типа *hu, jé, jó, ó, aha, je, á, oho, och*. Следует, однако, заметить, что это касается прежде всего первичных (первообразных) междометий, которые возникли из эмоциональных выкриков, восклицаний, возгласов, являющихся первой реакцией субъекта на происходящее. В этом случае в сопоставляемых языках могут быть совпадения, сходства и различия в употреблении тождественных в звуковом отношении междометий [Л. А. Атучина 1985].

Что же касается вторичных (непервообразных) междометий, соотносительных со знаменательными частями речи, то они несут бóльшую семантическую нагрузку, чем междометия, непосредственно выражающие только эмоциональную реакцию говорящего. Однако в другом сопоставляемом славянском языке они не всегда имеют прямые семантические эквиваленты. В подобных случаях эквивалентность высказываний текста определяется другими сигналами эмоциональности: интонацией (прежде всего восклицательной), порядком слов, различными просодическими и иными лексическими средствами. Ср. отдельные примеры на материале чешского и русского языков: *Člověče, celou noc jsem nespal!* (Čapek). *Я целую ночь не спал!* Обращение *Člověče* невозможно перевести на русский язык словом *человек*. Чешский узус в данном случае не имеет прямого соответствия в русском языке, следует искать иные средства, например *господи, черт возьми, знаете ли*.

Приведем еще несколько примеров:

<i>Panečku, to byl herec!</i> (Čapek)	<i>Ну и актер это был!</i>
<i>Lidičky, to byla hrůza!</i>	<i>Ну и ужас это был, скажу я вам!</i>
<i>Člověče sakra, – vykřikl plukovník bez dechu, – kde to máte?</i> (Čapek)	<i>Черт побери, – крикнул полковник вне себя, – Где это у вас?</i>
<i>To by, pane, koukalo, hm, na nějaké – já nevím...</i> (Marek)	<i>Это, знаете ли, скорее похоже на что-то такое – я не знаю...</i>
<i>Houbu, co jsi udělal?</i> ⁹	<i>Черт побери, что ты натворил?</i>

Как видно из приведенных и подобных примеров, степень лексической соотносительности междометий незначительна, хотя их коммуникативная и функциональная значимость выявляется отчетливо при помощи других средств.

В определении функциональной значимости (особенно первичных) семантически диффузных междометий, как уже говорилось, большую роль играют интонация, экспрессивно-смысловые, фонетические и интонационно-мелодические элементы.

В разных контекстуальных и просодических условиях одни и те же междометия могут быть полифункциональными, то есть выражать различные эмоции и волевые импульсы. Например, междометие *oho* может выражать (при поддержке интонации и лексических средств):

одобрение: *Oho, to právě to, co jsem potřeboval! Да, это именно то, что мне нужно!*

порицание: *Oho! Jakou hrubku jsi udělal! Ну и ошибку ты сделал!*

радость: *Oho, jak jsem rád to vidět! Ой, как же я рад это видеть!*

восхищение: *Oho, jaká je to krása! Ох, какая же это прелесть!*

⁹ В чешском языке *houby* — это *грибы*.

удивление: *Oho! Jak jsi rychle přišel! Oů / Ožo, как же ты быстро пришел!*

сожаление: *Jo / Oho, to jsou časy! Oх, ну и времена!*

Число подобных примеров можно свободно умножить, но и из приведенных с полной очевидностью вытекает, что функциональная значимость (не *значение*, как часто можно слышать) междометий определяется коммуникативной направленностью высказывания, эмоционально-оценочным фактором, характером ситуации, прагматическими условиями формирования высказывания.

2.5. Употребление эмоциональных частиц как сигналов эмоциональности. Весьма выразительным сигналом эмоциональности высказываний на грамматическом (синтаксическом) уровне является употребление **частиц** и их различных комбинаций. И в этом случае наблюдаются значительные различия между чешским и русским языком, так как и в том, и в другом языке представлен свой набор наиболее употребительных частиц, функционирующих в разнообразных условиях широкого контекста и коммуникативной ситуации, что обуславливает их полифункциональность.

В. В. Виноградов указывает на то, что частицы представляют «классы таких слов, которые не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических, а следовательно, и логических, и экспрессивных отношений». Далее автор продолжает: «семантический объем частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны, они находятся во власти синтаксического употребления» [1972, с. 520].

Словацкий лингвист Й. Мистрик характеризует частицы как слова, позволяющие устанавливать говорящему связь с контекстом и широкой ситуацией, подчеркивая при этом, что они выражают оттенки значения целых высказываний, а также контекстные или актуализационные отношения [Morfológia slovenského jazyka 1966, с. 748].

В лингвистике нет однозначного определения функциональной значимости частиц, которую различные авторы толкуют по-разному. Так, академическая «Грамматика чешского языка» (1986 г.) определяет частицы как текстовые части речи. Автор раздела о частицах О. Уличный пишет, что «частица — это служебная часть речи, выражающая отношение говорящего к сообщаемым фактам, к адресату, к содержанию либо членению текста» [Mluvnice češtiny 1987, с. 228–229].

В приведенных высказываниях есть много общего и различного при определении функциональной значимости частиц. Акценты смещаются.

Совершенно очевидно, что проблему функциональной значимости частиц нельзя решать однозначно для всего класса слов, входящих в эту категорию, ибо она необычно пестра и разнородна как с формальной, так и с

семантической точки зрения. Различное происхождение частиц, их полифункциональность, обусловленность их употребления коммуникативной направленностью высказывания и эмоционально-оценочным моментом — все это заставляет искать такой метод изучения и описания материала, который бы адекватно отражал особенности данной категории. Наиболее приемлемым с этой точки зрения оказывается функциональный метод. Подходя на его основе к решению рассматриваемой проблемы, мы вслед за А. В. Бондарко [1973] считаем, что значение частиц является комплексным, реализующимся при выполнении ими разных функций: структурной, семантической, стилистической и эмоционально-экспрессивной. При этом очевидно, что в процессе функционирования у разных групп частиц в качестве ведущей и основной выдвигается одна из указанных выше функций, в то время как другие могут выступать как сопутствующие.

Структурная функция частиц проявляется особенно явно в тех случаях, когда они оформляют высказывание по общей модальности, выступая наряду с интонацией и глагольным наклонением в качестве конституирующего элемента побудительных, желательных, вопросительных, а также модифицированных повествовательных предложений. В этом случае в чешском языке употребляются частицы *at'*, *necht'*, *aby*, *kdyby*, *kěž*, *copak*, *kampak*, *cože*, *však*, *ale* и др. (см. примеры ниже).

Выделение семантической функции частиц наталкивается на серьезные разногласия исследователей, одни из которых вообще отрицают у частиц наличие лексической семантики [Н. Ю. Шведова 1960], другие, напротив, признают ее [Д. С. Светлышев 1955].

Интересную семантическую градацию частиц предложил Й. Мистрик: не отрицая наличия у них лексической семантики, под которой ученый понимает актуализацию языковых единиц, он установил целую шкалу значений, где крайними полюсами являются частицы с широким семантическим диапазоном и бедным, «выветрившимся» лексическим значением и частицы с узким семантическим диапазоном, но выраженным специфическим значением [Morfológia slovenského jazyka 1966, с. 748].

Формальным показателем семантической градации частиц является порядок их следования в предложении: частицы с широким семантическим диапазоном, относящиеся ко всему высказыванию в целом, как правило, расположены в начале предложения (так называемые предложенческие частицы), в то время как специфические частицы (так называемые членские) находятся непосредственно перед модифицируемым выражением. Таким образом, предложенческие частицы, вводящие целые высказывания, предшествуют частицам с более узкой, но специфической семантикой, выражающей отношение лишь к части высказывания. Приводимые Й. Мистриком примеры, а также материал чешского языка, извлеченный нами из произведений художественной литературы, полностью подтверждают это положение. [А. Г. Широкова 1988, с. 39 и след.]

Кроме оформления высказываний по общей модальности и привнесения в них дополнительных семантических и модальных оттенков частицы служат для выражения *эмоционального* отношения говорящего к сообщаемому, указывают на связь высказывания с ситуацией. Большинство частиц модифицирует высказывания в стилистическом отношении, выполняя тем самым одну из важнейших своих функций – эмоционально-экспрессивную.¹⁰

В большинстве случаев частицы характеризуют эмоциональные, стилистически маркированные высказывания, являющиеся достоянием не только системы языка, но и речи, особенно обиходно-разговорной. Не случайно, что более или менее систематическому изучению частиц способствовало значительное усиление интереса к проблемам коммуникативного синтаксиса, а также к проблемам прагматики и эмоциональной выразительности высказываний.

Следовательно, при сопоставительном изучении частиц в близкородственных языках необходимо учитывать целый комплекс взаимосвязанных факторов, среди которых далеко не последнее место занимает эмоционально-оценочный момент, ибо эмоциональность и оценка входят в качестве специфической составной части в совокупность так называемых внутренних прагматических компонентов высказывания, без которых изучение функционирования частиц невозможно.

Академическая «Грамматика чешского языка» считает даже, что в своем большинстве частицы экспрессивно окрашены и что их экспрессивность, проявляющаяся в актуализационной функции колеблется между крайними точками эмоциональности и интеллектуальности. При этом под актуализацией понимается каждая субъективная, т. е. мотивированная с точки зрения говорящего, выразительность языковых средств. Частицы выражают изменение, или сдвиг в тексте, привлечение внимания к тому или иному языковому средству на фоне обычности и нейтральности средств, не содержащих частиц [1987, с. 228]. Таким образом, актуализация нейтрального языкового выражения передает саму сущность выражения эмоциональности, а частицы, будучи словами-актуализаторами, являются связующим звеном между модифицированным выражением и ситуацией.

Проиллюстрируем сказанное на примере функционирования некоторых частиц только в двух коммуникативных типах высказываний: в повествовательном и вопросительном.

2.5.1. В повествовательных высказываниях, нейтральных в стилистическом отношении, модальная схема построения не содержит частиц как обя-

¹⁰ В отличие от А. В. Бондарко, стилистическую и эмоционально-экспрессивную функции частиц мы объединяем, так как эмоционально окрашенные высказывания всегда стилистически маркированы. Вместе с тем, мы отдаем себе отчет в том, что не каждое стилистически маркированное высказывание обязательно является экспрессивным.

зательных компонентов высказывания, что убедительно показал М. Грепл в ряде своих исследований [1987, с. 277–301]. Эмоциональная актуализация заключается прежде всего в изменении интонации и в употреблении различных частиц. Так, изменение утвердительно-констатирующей интонации на восклицательную приводит к стилистической маркированности высказывания. Ср.:

Tatínek už přijel.

Папа уже приехал.

Tatínek už přijel!

Папа уже приехал!

Это положение действительно как в отношении русского языка, так и других славянских языков.

Присоединение различных частиц делает нейтральную форму повествования эмоционально актуализированной и стилистически маркированной. При этом состав употребляемых частиц в сопоставляемых славянских языках в большинстве случаев различный. Так, чешским частицам *ale, no, vždyť, však, to, ono, že, pak, ba* и др. в русском языке соответствует в рамках повествовательных предложений совершенно иной набор частиц (ср. приводимые далее примеры):

2.5.2. Частицы, оформляя высказывание по общей модальности, служат одновременно, как правило, для выражения эмоционального отношения говорящего к содержанию высказывания, выполняя одну из важнейших своих функций — эмоционально-экспрессивную. Ср. некоторые примеры.¹¹

Vždyť já se bojím jít ven!

Ведь я уж боюсь выйти на улицу!

Vždyť nemůžeme zůstat tady!

Да ведь мы не можем остаться здесь!

Když se mi to nepovedlo!

Ну раз мне это не удалось!

Když já ho nenávidím!

[что делать] Раз я его ненавижу!

Však jsem si to hned myslel!

Да ведь я сразу же об этом подумал!

Však na tebe také dojde!

Да и до тебя дойдет [очередь]!

Bezťak se ti to nepovede!

Все равно тебе это не удастся!

Ten je ale nafoukaný!

Ну и надутый же он!

Dnes je ale počasí!

Ну и погода сегодня!

To je ale mistr!

Ну и мастер же он! / Вот так мастер!

To byl ale janek! (Marek)

Ну и дурак же он был!

Частица *ale*, соотносительная с противительным союзом *ale* (*pokoј byl malý, ale světlý*), выступает в чешском языке в качестве экспрессивной и

¹¹ Часть примеров взята из монографии М. Грепла: М. Grepl, Emocionálně motivované aktualizace v syntaktické struktuře výpovědí. Brno, 1961.

интенсифицирующей частицы, которой в русском языке соответствует чаще всего комбинаторика частиц *ну и*. Употребленная в начале высказывания частица *ale* сохраняет большую семантическую соотносительность с союзом *ale* и передает меньшую степень экспрессивности (особенно в ответе на вопрос). Ср.:

<i>Ale vůbec jsem si nespěl!</i>	<i>Да / Но я вовсе не ошибся!</i>
<i>Ale nebudeme, maličký!</i> (Čapek)	<i>Ну да не будем, малыш!</i>
<i>A rychle ho pusťte! – Ale!</i>	<i>И быстро его отпустите! – Вот еще!</i>
<i>Ale co, nějak to dopadne.</i> (Marek)	<i>Да что там, как-нибудь все уладится!</i>

Употребляется *ale* в различных типах высказываний. Находясь в антепозиции, она выступает в функции вводной (а по терминологии Мистрика — вводящей) частицы, в постпозиции функционирует как оценочная частица, а при самостоятельном употреблении является репликой отрицания или несогласия. Как видно из примеров, частица *ale* является принадлежностью обиходной сферы языка, отличается высокой частотностью, полифункциональностью, способностью (при наличии особой интонации) привносить в высказывание целую шкалу коннотаций, реализующих ее широкий семантический потенциал. В русском языке в тождественных контекстах этой частице соответствуют *ну и*, *да*, *а*, *же* и составные частицы типа *Ну вот еще!* (См. примеры выше).

2.5.3. Большой интерес представляет функционирование в чешском языке полифункциональной частицы *že* (также омонимичной подчинительному союзу *že*, ср.: *Řekl, že tam nepůjde!* / Он сказал, что туда не пойдет), которая по частотности употребления и способности сообщать высказыванию широкую палитру различных коннотаций выделяется на фоне других частиц (особенно в сравнении с русским языком). В зависимости от коммуникативного намерения говорящего, характера выражаемой модальности и эмоциональности частица *že* может находиться в антепозиции ко всему высказыванию, в постпозиции к вопросительному слову, а в конце предложения выступать в сочетании с вопросительным словом *co* (*co že*), в комбинации с частицей *jo*, (*že jo*) и в других случаях.

В повествовательных восклицательных высказываниях частица *že* является вводящей — она придает им оттенок сожаления, разочарования, упрека, предупреждения. Ср.:

<i>Že jsem to nevěděl!</i>	<i>Как же так я этого не знал!</i>
<i>Žes na to nezapomněl!</i>	<i>И как же так ты забыл об этом!</i>
<i>Že já tenkrát nešel pěšky!</i> (GrepI)	<i>И как это я не пошел тогда пешком! (= мне жаль, что я не пошел тогда пешком!)</i>

В вопросительных высказываниях частица *že*, в зависимости от интонации и местоположения, может выражать различные коннотации:

а) В общих вопросах *že* выражает сомнение и неуверенность говорящего:

– <i>Že by se o tom už psalo?</i>	– <i>Неужели об этом уже писали?</i>
– <i>Že si nikdy nic nevyčítám?</i>	– <i>Разве я никогда ни в чем не упрекаю себя?</i>
– <i>Že byste mě nepoznal?</i>	– <i>Разве вы меня не узнали?</i>
– <i>Že by neměl pravdu?</i>	– <i>Неужели он (был) не прав?</i>

Že здесь является конститутивным членом общего делиберативного вопроса.

б) В вопросе, который является реакцией на чье-либо сообщение, частица *že* передает чувство удивления и сомнения, нередко с оттенком возмущения, протеста. Ср. примеры:

– <i>Kdy že se vrátí? (Šv.)</i>	– <i>Так когда же он (она) вернется?</i>
– <i>Ta že je hezká?</i>	– <i>Это она-то красивая?</i>
– <i>Kde že jsi byl?</i>	– <i>Так где же ты был?</i>
– <i>Cože, já že jsem zlý?</i>	– <i>Как, это я-то злой?</i>

в) Занимая самостоятельное место в конце вопросительного предложения, частица *že* выражает призыв к согласию:

– <i>Je tam zima, že?</i>	– <i>Там холодно, да? (правда?)</i>
– <i>Ty neumíš poslouchat, že?</i>	– <i>А ты не умеешь слушать, да? (так ведь?)</i>
– <i>Jsme blázni, že?</i>	– <i>Мы сумасшедшие, не правда ли? (не так ли?)</i>
– <i>Půjdem tam, že jo?</i>	– <i>Мы пойдём туда, так ведь? (да?)</i>

Русская эквивалентика чешской частице *že* разнообразна и выражается различными частицами, простыми и составными, наречиями, но никогда не передается частицей *что*, равнозначной чешскому союзу *že*. В этом, как и в других случаях, отражаются языковая специфика, языковый узус обоих языков, а также трудности в поисках эквивалента.

2.5.4. Вопросительно-относительное местоимение *co* широко функционирует как частица, которая, в зависимости от местоположения в различных коммуникативных типах высказываний, может выражать:

а) вопрос с оттенком призыва к согласию, подтверждению, например *To je ale smůla, co? Вот так неудача, да? / не правда ли?* В подобных случаях частица *co* находится в конце предложения, отделена паузой и синонимична частице *že*;

б) вопрос с оттенком удивления:

- Co, on už je tady? – Как, он уже здесь?
 – Co, tak ty tam nepůjdeš? – Как, так ты туда не пойдешь?

В таких высказываниях *co*, не потерявшее связи с вопросительным местоимением, находится в начале высказывания;

в) большую меру действия или его интенсивность (в повествовательных восклицательных предложениях):

- Co jsem se s tím nazlobil! – Ну и насердился же я! (= сильно, много сердился)
 – Co ta s tím už měla starostí! – Сколько же у нее было с этим хлопот!

г) другие оттенки значений (безразличия, успокоенности и т. п.) в сочетании с частицами *ale*, *ni* и др.:

- Ale co, nějak to dopadne! (Marek) – Да что там, как-нибудь все уладится.
 – Ni co, tak už toho necháme. (Marek) – Ну что же, оставим тогда это.

Для усиления эмоционального элемента высказывания часто употребляются сложные частицы *copak*, *což*, *cože*:

а) в общем вопросе, например:

- Copak vypadám jako nějaký zločinec? (Marek) – Разве я похож на преступника?
 – Copak nemůžeš být zticha? – Ты что, не можешь вести себя тихо?

б) в риторических вопросах:

- Copak za to můžu? – А разве я в этом виноват? (= я не виноват)
 – Copak jsem s vámi nepracoval? – Да разве я с вами не работал? (= работал)

в) при выражении других коннотаций. Ср. Copak já, vždyť o to nejde! Да что я, ведь речь идет не обо мне!

Выделительно-оценочная частица *což* близка частице *copak*. Она может приносить различные коннотации, например:

а) удивления с оттенком упрека: *Což* ty jsi o tom nic nevěděl? Разве ты об этом ничего не знал?;

б) пренебрежения, безразличия: *Což* at' se třeba nevrací. (Marek) / Ну что же, пусть он и не возвращается.;

в) уверенность в справедливости своего суждения, ср. *Co* ten, ten to umí dělat dobře! / Да что там он, он-то все умеет делать хорошо!;

г) призыв к согласию, ср. *Má* to někdo štěstí, cože? / Везет же людям, не так ли? / да? / правда?

Об употреблении указательных местоимений *to, ono* в функции эмоциональных частиц речь шла выше (см. п. 2.4.2). Тем не менее приведем еще несколько показательных примеров:

- а) – *To ti to sedí!* – *Hu u idet že тебе это!*
– *To jsem se najedl.* – *Vom tak (hu u) наелся я.*
– *Proc telefonuješ? To nepřijdeš domů?* – *Ты почему звонишь? Ты что же, не придешь домой?*
- б) – *Ono to už nějak půjde.* – *Да как-нибудь это наладится.*
– *Ono s tím je vždycky dost práce!* – *Да с этим всегда много работы!*
– *Ono tu nebylo dobře.* – *Ему было как-то не по себе.*
– *Ono je všechno složité.* – *Да сложно все как-то.*

Употребление указательных местоимений в функции частиц значительно отличает чешский узус от русского. Поиск функционально-семантического эквивалента нередко представляется очень сложным, требующим выхода в стилистику текста.

Ограничим рассмотрение фактического материала приведенными выше примерами, позволяющими сделать некоторые общие выводы.

1. Частицы — это очень сложная и емкая часть речи, способная, в зависимости от характера коммуникативного акта и широкой ситуации высказывания, выражать различные типы отношений говорящего к содержанию высказывания в целом или к какой-либо его части.

2. Частицы полифункциональны. В зависимости от целеустановки частицы могут выполнять функцию связи с предшествующим контекстом, придавать высказыванию различные оттенки значений, присуждать ему большую гамму оценочных и эмоциональных коннотаций, которые переводят стилистически нейтральные коммуникативные типы высказываний в разряд стилистически маркированных.

3. Функциональную значимость частиц можно выявить лишь на основе анализа текста с учетом характера коммуникативного акта и ситуации высказывания. Поэтому установление межъязыковых эквивалентов требует привлечения для анализа высказываний и текстов, соотносительных в коммуникативном отношении, что позволит вскрыть сходства и различия в функциональной корреспонденции, а также языковой узус каждого из сопоставляемых языков.

3. Образно-экспрессивное употребление форм грамматических категорий в эмоционально-маркированных типах высказываний

3.1. Образно-экспрессивное употребление форм грамматических категорий возможно лишь в условиях стилистически-маркированного контекста,

что является необходимой предпосылкой для установления коммуникативной соотносительности речевых ситуаций и функционирования сопоставляемых языковых объектов.

Для выявления образно-экспрессивного употребления грамматических категорий и их форм важным является определение степени и характера эмоциональной окрашенности высказываний: являются ли они лишь *модификациями* нейтральных в эмоциональном отношении высказываний с различными фонетическими, просодическими, словообразовательными, лексическими и т. п. сигналами эмоциональности или же представляют собой «деформацию» нейтральных предложенческих схем, то есть случаи морфологических и предложенческих транспозиций [R. Zimek 1979]. Обязательным средством «деформации» предложений является сильная актуализация и как следствие этого развитие вторичных значений форм грамматических категорий. К их числу относится транспозиция форм некоторых грамматических категорий, а в ряде случаев и предложенческая транспозиция, выраженная лишь в условиях широкого контекста и коммуникативной ситуации, которая, по определению В. Барнета, «представляет собой сферу социальной коммуникации и сферу социальной психологии» [Vl. Barnet 1973, с. 100]. Развивая эту мысль В. Барнет далее пишет, что отношение высказывания к ситуации осуществляется через коммуникативный акт и посредством коммуникативного акта.

Кроме того, при построении высказывания важно учитывать и коммуникативный аспект, то есть то, что каждое сообщение не является простым выражением какой-либо информации, а включает в себя и характеристику говорящего, его отношение к содержанию высказывания, его эмоциональную оценку сообщаемого, его отношение к адресату. Следовательно, высказывание передает информацию не только о предметных отношениях, но и об отношении говорящего к сообщаемому, к ситуации [В. Гак 1973, с. 352].

Из сказанного вытекает, что при изучении не только первичных, но и вторичных функций грамматических категорий и их форм, следует учитывать целую совокупность факторов как собственно лингвистических, так и экстралингвистических. При этом важно принимать во внимание следующее.

3.2. Развитие вторичных функций (транспозиция) в славянских языках происходит не у всех грамматических категорий, а преимущественно у так называемых актуализационных категорий, т. е. у категорий, которые с точки зрения говорящего передают один из вышеназванных аспектов отношения содержания высказывания к действительности. Это прежде всего категории лица, времени, наклонения, категории, «члены которых внутренне связаны с говорящим, с его оценкой реальности или нереальности действия, с моментом речи» [H. Křížková 1966, с. 43].

В близкородственных славянских языках система грамматических категорий глагола базируется на общих семантических принципах, что обуслов-

ливают тождество или близость категориальных значений и основных, первичных функций этих категорий. Однако их структурная организация и функционально-семантический объем в разных славянских языках обнаруживают различия, и нередко существенные.

Транспозиция членов грамматических категорий оказывается возможной благодаря наличию в их семантическом потенциале общих семантических признаков, которые по отношению к доминанте семантического содержания категории, т. е. к дифференциальному семантическому признаку, лежащему в основе инвариантного значения грамматической формы, являются дополнительными, факультативными. Именно из числа этих семантических признаков можно выделить такие, которые, будучи контекстуально и ситуативно обусловленными, пересекаются с неспецифицированными признаками других грамматических категорий и оказываются базой для их параллельного употребления в одной и той же функции, хотя полного совпадения значений при этом не происходит [А. В. Бондарко 1971, с. 94–97, 1978, с. 128–119]. Например, для форм повелительного и сослагательного наклонений таким общим семантическим признаком является значение нереальности, точнее, нереализованности действия. Формы обоих наклонений выражают прежде всего нереализованные действия, нелокализованные во времени. Значение нереализованности служит здесь основой для формирования значений побуждения, желательности и других смысловых оттенков при определенных условиях реализуемых действий.

3.3. Средства выражения эмоционально-оценочного отношения говорящего к содержанию высказывания, наслаиваясь на общую модальность, взаимодействуют с ней и вызывают такие изменения, которые не только способствуют выявлению частных планов широкой семантической категории модальности, но и создают условия для перекрещивания семантических признаков разных наклонений в **лексически, контекстуально и ситуационно** обусловленных высказываниях.

Приведем примеры. Так, индикатив, инвариантным значением которого является выражение реального действия в плане настоящего, прошедшего или будущего времени, при соответствующей императивной интонации, а также под влиянием эмоционально-оценочного фактора может выражать значение побуждения, приказа, запрета, предупреждения (нередко с оттенком угрозы). Ср.: *Убереешь комнату и сейчас же ляжешь спать!* — эмоциональный приказ; **чешск.** *Uklidíš pokoj a půjdeš hned spát!*; **словацк.** *Upratíš izbu a pôjdeš hned' spat'!*; **польск.** *Sprzątniesz pokój i położysz się spać!*

В приведенных примерах представлена транспозиция индикатива в область употребления императива. Подобное переосмысление языкового знака в славянских языках довольно распространено. Ср. примеры транспозиции форм индикатива в область функционирования императива с одновременным изменением повествовательного предложения в вопросительное: **русск.** *Ты перестанешь или нет?* (= *перестань, а то будет плохо*); **чешск.**

Přestaneš nebo ne? / Dáš pokoj nebo ne?; словацк. Prestaneš či nie? / Skončíš či nie?; польск. Przystaniesz czy nie? / Zamilkniesz czy nie?

Следует еще раз подчеркнуть, что развитие вторичных функций грамматических категорий и их форм не является изолированным фактом. Оно сопряжено с изменением общего модального статуса высказывания. Следовательно, переосмысление значений той или иной формы влечет за собой изменение не формы его выражения, а функциональной значимости и заданности всего высказывания, что устанавливается на более высоких языковых уровнях.

3.4. Формы индикатива могут употребляться также при выражении потенциальных значений предположительности, возможности, желательности, побудительности и др. оттенков значений, то есть функционировать и в той области, которая закреплена не только за императивом, но и за сослагательным наклонением и его коррелятами в других славянских языках (кондиционалом, конъюнктивом, потенциалом). При этом возможно параллельное употребление форм индикатива и сослагательного наклонения. Ср. примеры:

русск.: *Может быть, ты выпьешь кофе? / Может быть, ты выпил бы кофе?; Ты не хочешь прогуляться? / Ты бы не хотел прогуляться?; Ты не перестанешь работать? / Ты не перестал бы работать?;*

чешск.: *Dáš si kávu? / Nedáš si kávu? / Dal bys si kávu?; Nepůjdeme se projít? / Co kdybychom se šli projít?; Nedáš pokoj s tou práci? / Že bys přestal s tou práci?;*

словацк.: *Azda si dáš kávu? / Azda pôjdeme na prechádzku?; Azda prestaneš pracovať?;*

польск.: *Może napijesz się kawy? Może się przejdziemy? / Może pójdziemy się przejść? Może przestaniesz pracować?*

Не принимая во внимание различные средства маркировки выражения указанных значений, можно утверждать, что в целом направление развития вторичных функций индикатива, равно как и его модификаций, в славянских языках довольно близкое. При соответствующей императивной интонации, а также при поддержке лексических средств и контекста формы настоящего / будущего (прежде всего глаголов совершенного вида) легко вторгаются в область функционирования первичных функций императива и в пересекающуюся с ней область функционирования сослагательного наклонения.

3.5. Примером значительных расхождений в характере и объеме вторичных функций в славянских языках могут служить ирреальные наклонения — императив и сослагательное наклонение. Сигналом к употреблению императива вместо индикативных форм всегда является субъективное стремление говорящего выделить то или иное действие, актуализировать его, а нередко и драматизировать [А. Г. Широкова 1990, с. 15–35].

С этим связано и то обстоятельство, что формы императива представлены в отношении только тех лиц, которые выступают в качестве адресата речи, т. е. прежде всего 2-го л. ед. и мн. ч., а в некоторых славянских языках также в отношении 1-го л. мн. ч. (чешский, словацкий; ср. также формы инклюзива в русском языке).

Поскольку императив не выражает временной локализованности действия и не сигнализирует момента его совершения, потенциальная возможность осуществления действия, зависящая не только от говорящего, но и от адресата, относится к плану будущего. Нереализованность и несвязанность выражаемого императивом действия с моментом речи являются теми факторами, которые в определенных условиях контекста сближают значение императива со значением сослагательного наклонения (и его коррелятами в других языках), а также со значением будущего времени индикатива. Указанное обстоятельство обуславливает возможность пересечения семантических полей разных наклонений и развития у них вторичных функций, которые в зависимости от общего семантического объема категории наклонения и от особенностей ее функционирования в том или ином славянском языке имеют различный характер и направленность, о чем свидетельствует сопоставление эквивалентных средств их выражения.

Анализ конкретного материала убеждает в том, что транспонированные формы императива в разных славянских языках имеют неодинаковую функциональную нагрузку — это свидетельствует о том, что и общий семантический потенциал данной категории по славянским языкам неодинаков. Так, в русском языке транспозиция форм императива представлена шире, чем в некоторых других славянских языках (чешском, сербохорватском, словацком), как в область употребления индикатива (главным образом прошедшего времени), так и в область функционирования сослагательного наклонения.

3.6. В русском языке транспонированные формы императива могут выражать целую палитру таких значений, которые в других славянских языках либо имеют иные средства выражения, либо употребляются весьма ограниченно. Достаточно употребительным в разговорной речи является в русском языке выражение формами императива действий, которые совершились в прошлом, типа *А я и позабудь об этом* (= *Я об этом позабыл*), а также действий неожиданных, произвольных, часто нежелательных, вызывающих либо отрицательную реакцию говорящего, либо запрещение производить

называемое говорящим действие. Ср.: *Мы все пришли вовремя, а он возьми да опоздай!* (= он опоздал).¹²

В современных чешском, словацком и польском языках этот тип транспозиции как факт системы отсутствует.

3.7. В русском языке транспонированные формы неизменяемого императива в условиях стилистически маркированного контекста употребляются также для выражения долженствовательной модальности, то есть в высказываниях типа: *Вы развлекаетесь, а я работай. Он ходит по театрам, а я сиди дома. Он тратит деньги, а я плати.*

В качестве нейтрального в эмоциональном отношении способа выражения долженствовательной модальности в русском языке выступают конструкции: модальный предикатив (*надо, нужно, следует, надлежит* и др.) в сочетании с инфинитивом (*надо это сделать, тебе следует туда поехать* и др.), а в западнославянских языках (чешском, словацком и польском) в подобных случаях используются личные формы модальных глаголов (**чешск.** *mít, muset*; **словацк.** *mať, musieť*; **польск.** *mieć, musieć*) с зависимым инфинитивом. Ср. в **чешском**: *Žena utrácí peníze, a já mám platit*; в **словацк.**: *Žena mána peniaze, a ja musím platiť*; в **польск.**: *Ona wydaje pieniądze, a ja tam płacić / ...muszę płacić.*

Как экспрессивный, стилистически маркированный способ передачи этого же значения, эквивалентный в функционально-семантическом отношении русскому неизменяемому императиву, в чешском языке употребляются также формы кондиционала, слившиеся с союзом *a* в одно целое: *Žena utrácí peníze, a já abych platil. Жена тратит деньги, а я плати (должен платить).* *Ona vuvádí, a já abych trpěl. Она валяет дурака, а я терпи (должен терпеть).* *On se baví, a tu abychom seděli doma. Она развлекается, а мы сиди дома (должны сидеть дома).*

Для словацкого и польского языков этот тип транспозиции в наших материалах не обнаружен.

В подобных случаях одно и то же мыслительное содержание в сопоставляемых языках имеет совершенно различное формально-структурное выражение, которое, на первый взгляд, находится в полном противоречии со значением высказывания. Однако диалектическое единство содержания и формы здесь сигнализируется не самой формой, а сложным отношением высказывания ко всему тексту, через широкий контекст и коммуникативную ситуацию.

3.8. Вторичные функции **сослагательного** наклонения (кондиционала) в славянских языках также имеют существенные различия. Определенное сходство обнаруживается лишь при транспозиции сослагательного наклоне-

¹² Наряду с транспозицией форм императива в область функционирования индикатива сигналами эмоциональности в приведенных и подобных типах предложений является также употребление усилительных частиц *a, da*.

ния (кондиционала) в область первичных функций индикатива. Ср. примеры:

русск.: *Я бы вам не советовал* (= я вам не советую); *Мне бы хотелось подчеркнуть, что* (= я хочу подчеркнуть...);

чешск.: *Neradil bych vám to* (= *Neradím vám to*); *Chtěl bych říct, že...* (= *Chci říct, že...*).

Ср. также: *Prosil bych o chvílku pozornosti* (= *Prosím o chvílku...*); *Nemyslel bych, že by to bylo nejlepší řešení* (= *Nemyslím, že je to...*); *To bych ani nevěděl* (= *To ani nevím*); *Prosila bych o radu* (= *Prosím o radu*).

Почти аналогичная ситуация представлена и в **словацком** языке:

A to by bolo všetko, čo som vám chcel povedať (Hečko) (= *A to je všetko, čo...*);

Mal by som k tejto veci krátku poznámku (= *Mám k tejto veci...*);

Já by som myslel (= *Ja myslím*); *Nemohol by som s tým súhlasiť* (= *Nemôžem s tým súhlasiť*) [Horák 1973, с. 153–156].

Как видно из приведенных выше примеров, субституция форм индикатива формами сослагательного наклонения (кондиционала) не обнаруживает расхождений в характере и направленности указанного явления.

3.9. Транспозиция форм кондиционала в область первичных функций императива представлена в сопоставляемых славянских языках достаточно широко и разнообразно.

Как уже указывалось, общим семантическим признаком, составляющим основу взаимодействия двух наклонений, является значение нереализованности действия во времени. При этом значение императива предполагает презентно-футуральную перспективу, а значение форм сослагательного наклонения (кондиционала) лишь допускает возможность реализации действия в будущем. Для западнославянских языков это действительно только в отношении кондиционала настоящего времени, так как кондиционал прошедшего времени может выражать только ирреальные, уже неосуществимые действия, в то время как в русском языке сослагательное наклонение характеризуется нелокализованностью действия во времени.

Общей линией транспозиции форм сослагательного наклонения / кондиционала в область функционирования императива можно считать употребление формы 2-го лица ед. и мн. числа для выражения ослабленных оттенков побуждения (пожелания, просьбы, ненастойчивого совета, предостережения и др.) при наличии побудительной интонации и фразового ударения на глагольных формах. В русском языке в подобных случаях обязательно употребление форм личных местоимений (*ты, вы*). Ср.: *Ты бы отдохнул!* / *Тебе бы надо отдохнуть* (= *отдохни!*); *Вы бы нам посоветовали!* (= *посоветуйте нам, пожалуйста!*); *Ты бы позанимался хорошенько* / *Тебе бы надо позаниматься хорошенько!* (= *позанимайся...*).

В чешском и словацком языках в качестве эквивалента здесь выступает кондиционал настоящего времени от модальных глаголов *mít, mať* (лицо

выражается вспомогательной формой глагола). Ср. **чешск.** *Měl by sis odpočnout!; Měl bys pořádně studovat; Měli byste nám pomoci!; Měli byste nám poradit;* **словацк.** *Mal by si si oddýchnuť; Mal by si si poriadne študovať; Mali by ste nám pomôcť!; Mali by ste nám poradiť.*

В **польском** языке формы сослагательного наклонения в аналогичных случаях образуются от модального глагола *móc*: *Możebyś trochę odpoczęła! Możebyś zaczęła pracować!* и т. п.

Отличие русского языка в этом отношении заключается в том, что в нем для выражения ослабленного побуждения кроме транспонированных форм сослагательного наклонения часто употребляется инфинитивная конструкция с дат. падежом личных местоимений (*нам, тебе*).

Узуальный характер указанных инфинитивных конструкций в русском языке, их лексическая несвязанность и широкая употребительность являются свидетельством того, что морфологическое сослагательное наклонение в русском языке несет меньшую функциональную нагрузку, чем его функционально-семантические эквиваленты в западнославянских языках.

Примером неодинакового оформления одного и того же мыслительного содержания может служить также выражение побуждения с оттенком нерешительности, неуверенности, колебания, размышления (в форме общего вопроса). Ср.:

в русск.: *А не пойти ли нам в кино? А не выпить ли нам чего-нибудь?
А не пообедать ли нам вместе?;*

в чешск.: *Co kdybychom šli do kina? Co kdybychom si něco dali k
pít? Co kdybychom spolu poobědovali?;*

в словацк. *Čo keby sme šli do kina? Čo keby sme si niečo vypili? Čo keby sme
sa spolu poobedovali?;*

в польск.: *A może byśmy poszli do kina? A może byśmy się czegoś napili?
A może byśmy razem zjedli obiad?*

Как видно из примеров, русский язык в подобных случаях отдает предпочтение формам индикатива, в то время как в прочих сопоставляемых языках та же функциональная потребность удовлетворяется иными языковыми средствами, прежде всего формами кондиционала с частицами *co, čo*. Разумеется, во всех языках возможно употребление и других синонимических средств выражения.

Более серьезные различия представлены при выражении побуждения в форме предупреждения. Если в русском языке в этом случае употребляется императив в своей первичной функции с усилительной частицей *смотри* или инфинитивная конструкция с дательным лица и частицей *бы*, то в чешском, словацком и польском языках более обычными являются формы кондиционала (с частицами и междометиями), транспонированные в область побудительной семантики. Ср.:

русск.: *Смотри, не говори с ним об этом!; Смотри не опоздай на работу!; Не вздумай ехать туда!;*

чешск.: *Abys s ním o tom nemluvil!; Koukej, abys nepřišel do práce pozdě! Aby tě nenapadlo tam jet ! (= Ať tě nenapadne tam jet);*

словацк.: *Aby ťa nenapadlo hovoriť s ním o tom!; Aby ťa nenapadlo tam ísť! Nie aby si prišiel neskoro do práce!;*

польск.: *Żeby ci do głowy nie przyszło mówić z nim o tym! Uważaj, żebyś się nie spóźniła do pracy!; Żeby ci do głowy nie przyszło pojechać tam!*

При выражении категорического приказа или запрета, нередко с оттенком строгого предупреждения и даже угрозы, в чешском и словацком языках обязательным является употребление отрицательных частиц *ne, nie*, находящихся в препозиции ко всему высказыванию: **чешск.** *Ne abys tam zůstal až do rána! / Не вздумай там остаться до утра!;* **словацк.:** *Nie aby si to vykecal!;* **польск.:** *Uważaj, żebyś się nie wygadał! / Смотри не проболтайся!*

В русском языке, как видно из приведенных примеров, более обычной является делексикализованная форма императива *смотри, не вздумай* (функция усилительной частицы) плюс императив или инфинитив смыслового глагола.

Большой интерес представляет транспозиция форм времени, в частности транспозиция форм настоящего времени в область функционирования прошедшего времени индикатива (так называемый «презенс исторический»). Так как эта проблематика достаточно широко разработана (см. исследования Г. Кржижковой, А. В. Бондарко, Е. В. Петрухиной, А. Г. Широковой, В. Барнетовой, А. Стуновой и других), то мы не будем на ней останавливаться.

Рассмотрение условий возникновения вторичных функций грамматических категорий позволяет сделать некоторые **общие выводы**.

1. В разных славянских языках представлена сложная и многообразная картина речевого употребления вторичных функций грамматических категорий.

2. Транспозиция относится к явлениям, проявляющимся в плане содержания; сущность ее заключается в переосмыслении языкового знака при сохранении формы, которая внешне находится в явном противоречии с выражением содержания.

3. Развитие вторичных функций имеет свое внутреннее обоснование в основном, непереносном значении категорий, в возможности перекрещивания главным образом их неспецифицированных функций.

4. Вторичные функции реализуются в речи, хотя благодаря своей связи с первичными функциями занимают определенное место и в языковой системе (как несобственные функции морфологических категорий, по определению А. В. Бондарко [1978, с. 149]).

5. Взаимообусловленность планов модального и эмоционального, приводящая к изменению модального статуса членов грамматических категорий и целых предложенческих схем, сопровождается употреблением частиц, междометий, обращений, восклицаний и других средств актуализации, а также варьированием типов конечной интонации.

6. Следствием транспозиции форм наклонений является транспозиция целых модальных схем. И то и другое есть результат изменения коммуникативного намерения говорящего, у которого возникает субъективное желание актуализировать действие, воздействовать на адресат путем включения в высказывание и широкий контекст различного рода актуализированных средств, стремление к нестандартности и образности средств речевого акта. Однако транспозиция грамматических категорий и целых модальных схем — это не только один из примеров актуализации, но и в определенной степени изменение функциональной заданности текста.

7. Можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что при употреблении грамматической единицы во вторичной функции значения категории и спецификаторов расходятся. Следует, однако, подчеркнуть, что употребление грамматической категории во вторичной функции всегда соответствует коммуникативному намерению говорящего и его эмоционально-оценочному отношению к содержанию высказывания.

8. Взаимодействие формы и содержания в различных случаях функционирования грамматических единиц неоднозначно. Содержание отличается большей подвижностью и изменчивостью. Форме свойственна прежде всего устойчивость. Ведущая роль в переосмыслении языковых единиц принадлежит содержанию.

9. Из общего принципа асимметрического дуализма формы и содержания вытекает важный вывод о полисемантической и полифункциональности средств языкового выражения, что в свою очередь является предпосылкой для развития вторичных функций у некоторых грамматических категорий (в нашем случае — у категорий глагола).

10. Противоречие содержания и формы является одним из внутренних источников развития языка. Хотя вторичные функции являются в языке факультативными, их развитие представляет один из путей обогащения функциональных и стилистических возможностей грамматического строя языка, пополнения средств его стилистического арсенала, что обеспечивает возможность варьирования языковых средств.

Литература

- Адамец П. Функции указательных местоимений в чешском языке в сравнении с русским // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. Москва, 1983.
- Ананьева Н. Е. Функционирование форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в польском языке (в сопоставлении с русским) // *Badania nad czasownikiem w językach słowiańskich*. Warszawa, 1993.
- Апресян Ю. Д. Трансформационный метод // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990.
- Атучина Л. А. Междометия в чешском языке: АКД, СПб., 1985.
- Барнет В. К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. Москва, 1983.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Вид и время русского глагола. Москва, 1967.
- Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Ленинград, 1978.
- Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Ленинград, 1971.
- Бондарко А. В. Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида // *Славянское языкознание*. Москва, 1959.
- Бондарко А. В. Настоящее историческое (*praesens historicum*) глаголов совершенного и несовершенного видов в чешском языке // *Slavia XXIII*. Praha, 1959.
- Бондарко А. В. О значениях видов русского глагола // Вопросы языкознания. № 4, Москва, 1990.
- Бондарко А. В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. Ленинград, 1973.
- Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и аспектологии. Ленинград, 1983.
- Бондарко А. В. Проблемы и методы сопоставительного изучения грамматических категорий в славянских языках с точки зрения глагольного вида // *Славянское языкознание*. Москва, 1988.
- Бондарко А. В. Русский глагол. Москва, 1967.
- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Ленинград, 1976.

- Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Ленинград, 1984.
- Васильева В. Ф. Существительные Pluralia tantum в современном чешском языке: АКД, Москва, 1975.
- Васильева В. Ф. Существительные Pluralia tantum как лексико-грамматическая категория в чешском и русском языках // Konfrontační studium ruské a české grammatiky a slovní zásoby. Praha, 1974.
- Вейнрейх И. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Москва, 1970.
- Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Москва, 1971.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Москва, 1973.
- Виноградов В. В. Русский язык. Москва, 1972.
- Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика (Извлечения). Москва, 1963.
- Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. Москва, 1973.
- Гак В. Г., Розенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. Москва, 1965.
- Головин Б. Н. Язык и статистика. Куйбышев, 1973.
- Грепл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии. Москва, 1978.
- Данеш Фр., Гаузенблаз К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы знаковых средств // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. Москва, 1969.
- Демина Е. И. К теории сопоставительных исследований по грамматике. // Проблемы сопоставительных исследований славянских языков. Москва, 1990.
- Демина Е. И. Theoretische Aspekte des Problemes der Vergleichenden Sprachuntersuchung // Linguistische Arbeitsberichte. № 20, Leipzig, 1978
- Демина Е. И. К проблеме tertium comparationis в сопоставительных исследованиях. Zeitschrift für Slawistik. Bd. XIV, 1980.
- Деянова К. Функционален развой на инфинитива в сърбохорватски език (в сравнении с български). София, 1982.
- Ицкович В. А. Очерки стилистической нормы / Конструкции с зависимым инфинитивом // Сб. Синтаксис и норма, Москва, 1974.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. II, Братислава, 1960.

- Кржижкова Г. Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм // *Travaux linguistiques de Prague*. 1966.
- Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Сб. Социолингвистические исследования. М., 1976.
- Куцаров И. Очерк по функционально-семантической грамматике на български език. Пловдив, 1985.
- Мартине А. Структурные вариации в языке // Новое в лингвистике. вып. IV, Москва, 1965.
- Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. Москва, 1970.
- Мразек Р. Замечания о сущности модальности // *Otázky slovanské syntaxe* III. Brno, 1973.
- Мразек Р. Эмоциональность предложения и перспектива ее сравнительного исследования // *Otázky slovanské syntaxe*. IV/2. Brno, 1981.
- Налимов В. В. Вероятностная модель языка. Москва, 1979.
- Нещименко Г. П. История именного словообразования в чешском литературном языке в XIII–XX вв. (прилагательные). Москва, 1968.
- Никуличева Д. Б. Моделирование синтаксических групп как метод сопоставительного описания синтаксиса близкородственных языков // Сб. Методы сопоставительного изучения языков. Москва, 1988.
- Оливериус З. Частотный словарь русских морфем. Прага, 1971.
- Петрухина Е. В. Категория глагольного вида и транспозиция морфологических форм (на материале чешского языка в сравнении с русским) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. № 6, 1977.
- Петрухина Е. В. О функционировании видового противопоставления в русском языке в сопоставлении с чешским. // Вестник МГУ, серия 9. Филология № 6, Москва 1978.
- Петрухина Е. В. Функционирование презентных форм глаголов совершенного вида в чешском языке в сопоставлении с русским // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским и другими славянскими языками. Москва, 1983.
- Плотникова О. С. Некоторые особенности функционирования перфектных форм совершенного вида в словенском языке // *Badania nad czasownikiem w językach słowiańskich*. Warszawa, 1985.
- Светлышев Д. С. Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском языке: АКД. Москва, 1955.

- Смирнов Л. Н. Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке (сравнительно с русским) // Исследования по славянскому языкознанию. Москва, 1971.
- Смирнов Л. Н. Сопоставительное употребление форм прошедшего времени в словацком языке // Ученые записки Института славяноведения. XIV, Москва, 1960.
- Смирнов Л. Н. Употребление форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в словацком литературном языке // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. вып. 5, Москва, 1962.
- Сятковский С. Основные принципы сопоставительного изучения языков // Русский язык за рубежом. № 4 (статья первая), № 5 (статья вторая), Москва, 1976.
- Сятковский Ст. Структурные и узואльно-стилистические свойства межъязыковых соответствий в сопоставительных исследованиях. Третий международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Warszawa, 1976.
- Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок, сб. статей. Москва, 1967.
- Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990.
- Формановская Н. И. Употребление русского языкового этикета. Москва, 1982.
- Формановская Н. И., Тучны П. Русский речевоу этикет в зеркале чешского. Москва, 1986.
- Фрумкина Р. Ф. О точных методах исследования языка. Москва, 1961.
- Частотный словарь языка Пушкина. Москва, 1962.
- Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. // Коллективный сборник Института языкознания АН под ред. В. Н. Телия. М. 1991.
- Чердниченко И. Г. Очерки по стилистике украинского языка. Киев, 1962.
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва, 1960.
- Широкова А. Г. Методологические проблемы сопоставительного изучения близкородственных языков // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 4, 1983.

- Широкова А. Г. Теоретические предпосылки сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков // Вестник МГУ. Сер. IX, Москва, 1978.
- Широкова А. Г. Об употреблении глаголов совершенного вида для обозначения многократного действия в чешском языке // Славянская филология, № 4, Москва, 1963.
- Широкова А. Г. Способы выражения многократности в чешском языке (в сравнении с другими славянскими языками) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1966.
- Широкова А. Г. Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках // Исследования по славянскому языкознанию. Москва, 1971.
- Широкова А. Г. Проблемы сопоставительного изучения образно-экспрессивного употребления форм грамматических категорий // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. Москва, 1990.
- Широкова А. Г. Об имплицитной полифункциональности указательного местоимения *to* в чешском языке и его эксплицитных эквивалентах в русском // Сопоставительно языкознание. XV, кн. 4, София, 1990.
- Широкова А. Г. Сопоставительное изучение структурных и функциональных особенностей неполнознаменательных частей речи // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, № 4, 1988.
- Штейнфельд Э. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград, 1974.
- Adamec P. Transformační syntax ruštiny. Praha, 1975.
- Barnetová V. Barnet V. O konfrontačním studiu příbuzných jazyků // AUC, Slavica pragensia. IV, Praha, 1962.
- Barnet V. K problému ekvivalence při lingvistickém srovnání // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby, II. Praha, 1983.
- Barnet V. Konfrontace a ostatní druhy polilingvalního popisu // Slavica Slovaca. r. IX, 1974.
- Barnet V. Kommunikativní situace a výpověď // Otázky slovanské syntaxe IV. Brno, 1973.
- Bečka J., Jelínek J., Těšitelová M. Frekvence slov, slovních druhů a tvarů. Praha, 1970.
- Coseriu E. Über Leistungen und Grenzen der Kontrastiven Grammatik // Probleme der Kontrastiven Grammatik. Düsseldorf, 1970.
- Daneš Fr. O pojmu "jazykový prostředek" // Slovo a slovesnost, 28, Praha, 1967.

- Dokulil M. Dialektika významu a výrazu v morfologické struktuře slova v slovanských jazycích // Československé přednášky pro VI mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1968.
- Grabias St. O expresywności języka. Wydawnictwo Lubelskie, 1981.
- Grepl M. Komunikativně-pragmatické aspekty vypovědi // Otázky slovanské syntaxe IV/I. Brno, 1979.
- Grepl M., Karlík P. Skladba spisovné češtiny. Praha, 1986.
- Horálek K. Kvantitativní aspekt konfrontačního výzkumu // Československá rusistika. r. VII, č. 4, Praha, 1962.
- Horálek K. Lingvistické předpoklady konfrontačního studia // SaS, 1974, r. XXXV.
- Horálek K. O překladání infinitivních konstrukcí // Kniha o překladání. Praha, 1953.
- Horák J. K transpozicii modálnosti // Otázky slovanské syntaxe. III, Brno, 1973.
- Jäger G. Kommunikative und funktionelle Äquivalenz. Linguistische Arbeitsberichte. 1 7, Leipzig, 1973.
- Jvanová-Šalingová M. Z výskumov expresivity // Jazykovedné Štúdie. XII, Bratislava, 1974.
- Karcevskij S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1929.
- Křížková H. K problematice aktuálního a neaktuálního užití časových a vidových forem v češtině a ruštině // Československá rusistika. r. 4, 1958.
- Křížková H. K problematice presentu historického v ruštině a češtině // Sovětská jazykověda. Praha, 1955.
- Křížková H. Příslovečné určení s významem časové míry ve spojení s dokonavými slovesy // Naše řeč. r. 49, č. 2, Praha, 1966.
- Leška O. K systémovému a funkčnímu pohledu na jazyk // Sb. Problémy marxistické jazykovědy. Praha, 1962.
- Leška O., Kurimskij A. O konfrontační metodě v jazykovědě // Česko-slovenská rusistika. r. VII, 1962.
- Leška O. O vztahu mezi morfologií a syntaxí // Slovo a slovesnost. r. 26, 1965.
- Mistrík J. Štylistika slovenského jazyka. Bratislava, 1974.
- Mistrík J. Morfológia slovenského jazyka. Bratislava, 1966. (совтор)
- Mistrík J. K otázce částic v slovenčině // Jazykovedné štúdie. r. IV, 1959.
- Mistrík J. Částice a intonacia // Slovenská reč. r. IV, Bratislava, 1966.
- Mluvnice češtiny. Praha, d. II, 1986, d. III, 1987.

- Mrázek R. K zásadám zpracování velké porovnávací mluvnice // Československá rusistika. r. 7, Praha, 1962.
- Mrázek R. Emocionálnost sdělení // Rusko-české studie. Praha, 1960.
- Neubert A. Zur kommunikativen Äquivalenz // Linguistische Arbeitsberichte. ¹ 16, Leipzig, 1977.
- Řeháček L. Sémantika a funkce polského infinitivu. Praha, 1966.
- Řeháček L. Syntaktické funkce polského infinitivu (ve srovnání s ruštinou) // Sborník slavistických prací věnovaných IV. mezinárodnímu sjezdu slavistů v Moskvě. Praha, 1958.
- Siatkowski St. Strukturalne i usualno-stylistyczne właściwości odpowiedników międzyjęzykowych. // Slavia Orientalis. r. XXVII, ¹ 3, 1978.
- Skalička V. Pražský a kodaňský strukturalismus // Slovo a slovesnost. r. X, Praha, 1947/1948.
- Skalička V. Asymetrický dualismus jazykových jednotek // Naše řeč. Praha, 1935. R. 19.
- Skubalanka T. O ekspresywności języka a mowa potoczna // Poetyka a stylistyka słowiańska. 1973.
- Śmiech W. Funkce aspektów czasownikowych we współczesnym języku ogólnopolskim. Łódź, 1971.
- Sterneman R. Aufgaben und Probleme der Konfrontation in Vergangenheit und Gegenwart // Съпставително езикознание. София, 1981.
- Stunová A. A Contrastive Study of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse. Amsterdam, 1993.
- Těšitelová M. Kvantitativní charakteristika současné češtiny. Praha, 1985.
- Topolińska Z. System-pośrednik v badaniach kontrastivnych // Slavica Slovaca. r. IX, 1974.
- Trávníček Fr. Neslovesné věty v češtině. Věty interjekční. Brno, 1931.
- Wierzbicka A. Problemy expresji. Jich miejsce w teorii semantycznej. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1969.
- Zima J. Expresivita slova v současné češtině. Praha, 1961.
- Zimek R. Odraz emocionálnosti v sémantické a gramatické výstavbě výpovědi // Otázky slovanské syntaxe IV/II. Brno, 1979.

Источники

- Aškenazy L. Etudy dětské a nedětské. Praha, 1963.
- Čapek Karel. Pocičky z obou kapes. Praha, 1972.

Marek. Panoptikum města pražského. Praha, 1979.
Marek Jiří. Panoptikum starých kriminálních příběhů. Praha, 1981.
Otčenášek K. Romeo, Julie a tma. Praha, 1965.
Poláček K. Bylo nás pět. Praha, 1965.
Němcová Božena. Babič. Praha, 1974.
Neruda J. Málostranské povídky. Praha, 1968.
Stýblová V. Mne soudila noc. Praha, 1975.
Techník L. Majáky televize. 1964.

ЧАСТЬ 2

В. Ф. Васильева

Предметная номинация в русском и чешском языках (сопоставительный аспект)

Введение

В настоящем исследовании делается первая попытка в истории сопоставительного изучения лексики русского и чешского языков представить системное описание предметной номинации.

Автор не ставит своей целью провести глобальный анализ языкового материала. Это невозможно уже в силу технических обстоятельств.

Наша главная цель — показать перспективность предлагаемой нами концепции. Ее основные постулаты следующие:

1. Принцип последовательной реализации в языке результатов человеческого познания.
2. Комплексный логико-семантический подход к феномену языковой номинации.
3. Признание за номинативной единицей ее двойного статуса — системно-структурного и функционального.

Остановимся несколько подробнее на изложенных положениях.

В связи с тем, что в чешской лингвистике в так называемые «перестроечные годы» большую популярность приобрели постклассические направления в языкознании, отрицающие, в частности, знаковую природу языка, не считающие язык средством общения, определяющие семантику как «способ существования языка» и объявляющие философскую теорию отражения наивной и несостоятельной (Peregrin 1994), считаем необходимым изложить в общих чертах нашу методологическую позицию.

Наш подход к ономазиологическому анализу основывается на признании семиотической природы языка, того факта, что «язык как материально-идеальное образование сочетает в себе по отношению к объективной действительности свойства обозначения и отражения» («Языковая номинация» 1977, с. 3). Отсюда следует, что образование в языке наименования любого типа есть результат процесса знакообразования.

Акту наименования, т. е. наречения объектов действительности, предшествует ряд логико-мыслительных процессов, а именно, вычленение подлежащего наименованию объекта из окружающей среды, обобщение его конституирующих свойств и зачисление в ряд подобных объектов.

Результатом такого рода абстрагирующей деятельности сознания есть образование логического понятия, языковая стилизация которого служит семантической базой номинативной единицы. Таким образом, семантика номинативной единицы, ее смысловое наполнение, представляет собой не отвлеченный «способ существования языка», как трактуют так называемые неоклассики, но всегда триединство языкового знака (его графическое или звуковое подобие), денотата, как предмета мысли, и закрепленной за знаком определенной кодифицированной мысли.

Объективируя понятие, номинативная единица приобретает свойство обобщенного означения объектов действительности и входит в систему языка как виртуальная языковая единица. В процессе функционирования, при указании (назывании) конкретного предмета происходит ее актуализация.

По этой причине мы не разделяем точку зрения, согласно которой наименование (номинативная единица) исключается из системы языка и признается данностью коммуникативного акта, будучи противопоставлена слову как лексической единице (Веёка 1986, с. 36).

Принадлежность номинативной единицы к системе языка, с одной стороны, и функционирование в речи, с другой, определяет ее неоднозначное отношение к денотату.

На уровне речи номинативная единица соотносится с конкретным внеязыковым объектом — денотатом-референтом.

На уровне системы языка номинативная единица воспроизводит денотат как отвлеченный объект, мыслительный конструкт, репрезентирующий класс однородных объектов. Воспроизводя объект реального мира в разных языковых ракурсах, номинативная единица определенным образом модифицирует и свойства соответствующего денотата.

На системном уровне смысловое наполнение номинативной единицы представляет собой языковую объективацию понятия и прежде всего его содержания — сигнификата.

Речевая номинация является реализацией потенциальных возможностей системно-языковой номинации.

Реализация системных потенциалов номинативной единицы предполагает, как правило, сужение содержания понятия и тем самым конкретизацию предмета мысли-денотата.

Если на уровне системы языка номинатом имени является понятие (сигнификат), то на уровне речи «объектом значения являются денотаты — прежде всего реальные предметы, лица, признаки, действия, чувства, а также продукты человеческого сознания: отвлеченные понятия, вымышленные объекты и т. п.» (Гак 1977, с. 250–251).

Изложенное нами понимание природы номинативной единицы и механизма самого процесса номинации выводит проблемы номинации далеко за пределы чисто структурной техники словообразования. В центре

внимания оказывается фундаментальный вопрос философии о взаимосвязи действительности, мышления и языка. Само наименование при этом становится предметом многоаспектного рассмотрения, включающим, в частности, следующие отношения:

1. Наименование и понятие — обобщенный образ класса однородных объектов (гносеологический аспект).

2. Наименование и предмет мысли: языковая стилизация денотата на системном уровне — единичность / множественность, расчлененность / нерасчлененность, дискретность / недискретность и т. п. обозначаемого объекта (лексико-грамматический аспект).

3. Наименование и внутренняя форма слова (семасиологический аспект).

4. Наименование и его системная значимость: характеристика парадигматических и синтагматических отношений номинативной единицы (организация системных отношений в лексике).

5. Наименование и способы его выражения, структуризации в языке (словообразовательный аспект).

6. Наименование и процесс коммуникации: актуализация наименования как виртуального языкового знака (функциональный аспект).

Обращенность наименования к внешнему миру, с одной стороны, и принадлежность к языковой системе, с другой, требует при анализе номинативных процессов учета как интерных, обращенных внутрь языковой системы, так и экстерных функций языкового знака, используемых в целях языковой стилизации мыслительного содержания (Барнет 1983, с. 19 и сл.; Hlavsa 1975, с. 9; Dolník a kol. 1993, с. 20).

Таким образом, номинация как представление объекта в знаке, рассматривается нами как многоаспектное языковое явление, включающее в себя не только внешнюю структуризацию номинативной единицы, но и смысловое наполнение языкового знака, а также его системную значимость.

Под этим углом зрения и выявляются в настоящей работе сходства и различия в системах современного русского и чешского языков, обусловленные процессами номинации.

Заметим попутно, что на синхронном срезе наименования предстают как результаты некогда имевших место номинативных процессов, суть которых может быть раскрыта только при этимологическом или историческом анализе. С развитием абстрагирующей деятельности сознания, в связи с научными открытиями, как, не в последнюю очередь, и с развитием самого языка, отношение номинативной единицы к понятию и объекту реальной действительности может претерпевать различные изменения. Подобные факты хорошо известны в лингвистике. Необходимо, однако, подчеркнуть, что при всей возможной семантической и

структурной модификации номинативной единицы, ее главная функция — способность отражения и обозначения фактов реальной действительности и результатов мышления — остается неизменной. Именно эта константность функции и позволяет проводить исследование на материале современных языков.

Глава 1. Системно-структурный анализ предметной номинации в русском и чешском языках

1. Понятие и номинация

Из признания того факта, что номинативная единица как системное образование есть по сути своей языковая объективация логического понятия, следует, что сама номинативная система базируется на результатах языковой реализации системы логических понятий. В подтверждение нашей мысли заметим, что, как в русском, так и в чешском языках существует прямая корреспондирующая связь между видом понятия и лексико-грамматическим классом имен. Так, конкретные понятия корреспондируют с конкретными именами, абстрактные — с классом абстрактных имен, собирательные понятия имеют языковую реализацию в собирательных существительных. Общие понятия соотносительны с нарицательными существительными, а единичные — с собственными именами. Можно полагать, таким образом, что названные выше предельно общие лексико-грамматические классы имен являются каркасом номинативной системы, характеризующейся признаком целостности, дискретности и взаимосвязи между ее составляющими.

Последующая классификация имен является структурно-семантической конкретизацией базовых классов. Так, в частности, как субразряды конкретных имен можно выделить имена вещественные, одушевленные / неодушевленные, личные / неличные и т. п.

В классе абстрактных имен субразрядами являются имена со значением конкретного действия: *бег, ходьба, плавание, чтение, рисование*; чешск. *běh, chůze, plavání, čtení, kreslení, mluvení, spaní, čekání*... Этим именам в общем разряде абстрактных номинаций противопоставляются имена со значением отвлеченной мыслительной деятельности: *мышление, понимание, раздумья, философствование*...; чешск.: *myšlení, chápání, uvažování, pochybnost, porozumění, vysvětlení, filozofování*...

Отдельный подразряд абстрактных номинаций представляют собой существительные со значением чувств и волеизъявлений: *любовь, ненависть, злоба, зависть, сочувствие, сожаление*...; чешск.: *láska, nenávisť, zlost, závist, soucit, zármutek, zoufalství, radost, stesk, smutek*...

Субкатегоризация имен может быть детализирована до мельчайших подробностей, ибо реальный мир бесконечно многообразен. Для нас в процессе субкатегоризации представляется важным то, что частные лексико-

семантические разряды имен с точки зрения явления номинации могут рассматриваться как ноэтические пространства, заполняющие те или иные понятийные зоны.

В сопоставительном плане обращает на себя внимание конвергентность подобных лексико-семантических классификаций. Объяснение этого кроется не только в генетической близости русского и чешского языков, но и в адекватном влиянии на оба языка универсальных процессов человеческого мышления. Анализ языкового материала убедительно показывает, что взаимосвязи между классами номинаций, частными разрядами и отдельными номинативными единицами в сопоставляемых языках являются проекцией логических отношений. Подобно тому, например, как перекрещиваются понятия по признаку объема и содержания (конкретные понятия могут включать в себя понятия единичные, общие и собирательные), точно так же в разряд конкретных наименований входят имена собственные, нарицательные и собирательные. И подобно тому, как, например, конкретные и абстрактные понятия находятся в отношении противоположности, конкретные имена на уровне языковой системы противопоставлены именам абстрактным.

Отношения между понятиями находят, несомненно, отражение в организации системно-структурных связей в лексике.

Так, отношениям между совместимыми понятиями соответствуют в лексике отношения синонимии, гиперонимии, полисемии.

Отношения между несовместимыми понятиями прослеживаются в лексике на отношениях когипонимии, антонимии и омонимии.

Рассмотрим суть указанных корреспондирующих логико-семантических связей несколько подробнее.

Среди совместимых понятий различают три вида отношений:

1) тождества, 2) подчинения и 3) перекрещивания.

Логическому отношению тождества в полной мере соответствуют синонимические отношения. Следует, однако, иметь в виду, что в значении синонимов, помимо собственно понятийного компонента, реализуется часто и компонент прагматический. Поскольку, однако, он имеет чисто оценочный характер и не привносит изменений в объем словесного знака, подобного рода отношения могут быть определены как отношения тождества, или эквивалентности. Примерами выражения тождественных отношений в лексике служат такие корреляции, как *мальчик / парень, девушка / барышня, апатия / вялость / безразличие / рав-нодушие, аромат / благоухание, архитектор / зодчий, беспокойство / волнение / тревога / смятение, летчик / пилот*. Чешск.: *chlapeц / hoch / kluk, dívka / děvče / holka, letec / pilot, vůně / vůňa...*

Проекцией логических отношений подчинения являются лексические отношения между гиперонимами и гипонимами типа *мебель: стол, стул, кровать, диван* и т. д.; чешск. *nábytek: židle, skříň, válenda...* В приведенных примерах гиперонимы *мебель, nábytek* являются подчиняющимися понятиями,

а гипонимы *стол, стул, кровать...* stůl, židle, skříň... объективируют в себе подчиненные понятия.

Отношение переkreщивания характерно для полисемии, если семемы полисемичной лексемы рассматривать как семантические инварианты. Так, семантическими инвариантами прилагательных лег-кий / lehký будут признаки 1) «незначительный по весу» и 2) «незначительный по силе». Ср.: *легкий чемодан* и *легкое ранение*, чешск. lehký kufř, lehké zranění. Общий смысловой компонент и явится областью пересечения лексических инвариантов.

На отношении переkreщивания основывается и принцип семантической деривации, которая, однако, выходит за пределы парадигматики.

Использование в языке имеющихся номинативных средств с целью вторичной номинации оказывается возможным в силу того, что новые номинативные значения тесно связаны со значением опорного наименования, т. е. «...непрямое отображение действительности здесь как бы преломляется под воздействием содержательной стороны опорного наименования» (Телия 1977, с. 131). Общий смысловой компонент опорного наименования, присутствующий в словесном знаке, употребляющемся во вторичной функции наречения, и составляет то общее семантическое пространство, которое объединяет первичную и вторичную номинативные единицы. Так, общим смысловым компонентом у слов *заяц* — наименование животного и *заяц* — о трусливом человеке является понятие трусости. Аналогично этому у слов *осел* — наименование животного и *осел* — о человеке общим семантическим компонентом является понятие глупости. Ср. также примеры семантической деривации в чешском языке: vlk v gouše beránčím — *волк в овечьей шкуре*, liška mazaná — *пронрыливая лиса*, podlá krysa — *подлая крыса*, který osel měl ten nápad? — *какому дураку это пришло в голову?* kus osla — *большая глупость*, být černou ovčí (v rodině) — *быть паршивой овцой в стаде / в семье не без урода*.

Несовместимые понятия характеризуются отношением 1) соподчинения, 2) противоречия и 3) противоположности.

Языковой реализацией отношений между несовместимыми понятиями являются, как указывалось выше, лексические отношения когипонимии, антонимии и омонимии. Несмотря на общность родового признака, объемы когипонимов тем не менее являются несовместимыми, т. к. семантическое наполнение одного когипонима исключает содержание другого. Например, семный состав наименования *стол* не совместим с семантическим содержанием лексемы *стул*. Но при этом оба наименования входят в состав более широкого класса номинаций, обозначаемого наименованием *мебель*. Рассмотренный тип отношений в лексике соотносится с внеположенными понятиями в логике, с возможной соподчинительной связью.

Логическое отношение противоречия характеризует контрадикторные антонимы типа *курящий — некурящий, виновность — невиновность, согласие — несогласие*; чешск.: *kuřák — nekuřák, vina — nevina, souhlas — nesouhlas*.

Отношение противоположности характерно для контрарных антонимов, объективирующих противоположные понятия типа *жизнь — смерть, мужчина — женщина, зрячий — слепой*; чешск.: *život — smrt, muž — žena, vidomý — nevidomý*.

Как языковую проекцию логических отношений между несовместимыми понятиями следует рассматривать и отношения омонимии. Омонимы объективируют внеположенные понятия, не имеющие обще-го родового признака. Значения, объединенные одной словесной формой, исключают друг друга: *завод* — «предприятие» и *завод* — «при-способление для приведения в действие механизма»; чешск.: *závod* — «предприятие» и *závod (sport)* — «соревнование, состязание».

Объективируя понятие, словесный знак становится его символом, своеобразным кодом, служащим цели воспроизведения «картины мира». Эта кодовая связь «срабатывает» лишь при условии наличия в сознании соотносительности формы словесного знака с заключенным в нем смыслом. Отсутствие подобной связи приводит к ложному представлению об объектах действительности. Так, носители русского языка, не владеющие чешским, ошибочно соотнесут наименования *stůl* (стол) и *pokoj* (комната) с понятиями, объективированными русскими наименованиями «*стул*» и «*покой*».

Проследившая соотносительность логических и языковых структур, мы не абсолютизируем логические и языковые параллели. Корреспондирующие связи между логическими и языковыми структурами не являются одномерными и прямолинейными. Достаточно указать на то, что одному и тому же логическому понятию в языке могут соответствовать несколько наименований. Случаи такого рода хорошо известны в логике и лингвистике. Одно и то же понятие выражается, например, наименованиями *лингвистика* и *языкознание, Венера* и *утренняя* или *вечерняя звезда, монстр* и *чудовище...*; чешск.: *jazykověda = jazykozpyt, vtip = anekdota, kázeň = disciplína*. Причина нарушения строгой соотносительности между логическими и языковыми структурами кроется прежде всего в действии принципа произвольности языкового знака как номинативной единицы. Принцип произвольности означает относительную свободу интерпретации языковым знаком мыслительного содержания. Это находит свое проявление, в частности, в дифференцированном и недифференцированном выражении мыслительного содержания, а также в разной степени и в разных способах его конкретизации.

Дифференцированная объективация понятия характерна для моносемичных номинативных структур, когда одна номинативная единица соответствует одному понятию: *бук* — «крупное дерево с гладкой светло-серой

кроной и твердой древесиной», *бур* — «инструмент для бурения», *диск* — «предмет для метания», *ночь* — «часть суток от вечера до утра», *платина* — «драгоценный тугоплавкий металл серовато-белого цвета». Аналогично в чешском; *buk* — *бук*, *disk* — *диск*, *noc* — *ночь*, *platina* — *платина*.

Недифференцированную объективацию понятия демонстрируют полисемичные номинативные структуры, заключающие в себе несколько понятий. Ср.: *бас* — 1. «самый низкий мужской голос», 2. «певец с таким голосом», 3. «медный духовой инструмент низкого регистра и тембра»; *владыка* — 1. «властелин, тот, кто обладает властью», 2. «титлование архиерея, епископа»; *измена* — 1. «переход на сторону врага», 2. «нарушение верности кому-чему-нибудь». В чешск.: *lázně* — 1. *баня*, 2. *курорт*; *líčení* — 1. *описание* (природы), 2. *судебное разбирательство*; *oko* — 1. *глаз*, 2. *петля* (на чулке), 3. *силос*, 4. *очко* (*карточная игра*). Принцип произвольности языкового знака объясняет возможное сосуществование различных структурных форм выражения мыслительного содержания в пределах одного и того же ноэтического пространства — наименований аналитических (составных) и синтетических (простых), мотивированных и немотивированных.

В зависимости от своей структуры номинативные единицы интерпретируют мыслительное содержание с разной степенью полноты.

Аналитические наименования в сравнении с наименованиями синтетическими способны к более детальной передаче мыслительного содержания, т. к. включают в себе больший набор эксплицитно выраженных сем. Ср.: *копирка* — *копировальная бумага*, *купальник* — *купальный костюм*, *бор* — *хвойный лес*, *ластик* — *резинка для стирания написанного*, *институт* — *высшее учебное заведение* и т. п.

Различия между мотивированными и немотивированными наименованиями вытекают из особенностей природы конвенциональности языкового знака.

Немотивированные в плане современного языка наименования являются чисто конвенциональными. Ср.: *лес*, *нож*, *снег*; чешск.: *les*, *nůž*, *sněh*...

Мотивированные наименования можно считать, с определенной долей условности, импликационными, принимая во внимание опосредованный характер номинативного процесса, осуществляющегося с опорой на существующие в языке номинации. Ср.: *учить* — *учитель*, *береза* — *березняк*, *дождь* — *дождевик*, *снег* — *снеговик*; чешск.: *učit* — *učitel*, *bříza* — *březina*, *děšt* — *deštník*, *sněh* — *sněhulák*.

Произвольность языкового знака, при широком понимании этого явления, формирует национальные специфические особенности языков и может служить причиной межъязыковой асимметрии.

Выявление межъязыковой асимметрии на всех языковых уровнях позволяет обнаружить специфику номинативных систем сопоставляемых язы-

ков, а главное, особенности функционирования этих систем, что особенно важно при сопоставительном изучении близкородственных языков.

2. Виды логической абстракции и семантика номинативных разрядов

Обращение к проблеме логической абстракции и способов ее реализации в языке продиктовано необходимостью, используя конкретный языковой материал, еще раз показать, что лексическая семантика не есть порождение «способа существования языка» (Peregrin 1994) и не может рассматриваться как некая субъективная данность того или иного языка, но что она «задана» языку логическим понятием, концептом, реализация которого есть прерогатива экстерных функций языка.

В своем анализе мы исходим из понимания абстракции как процесса, с одной стороны, и его результатов — с другой.

Как процесс познания абстракция предполагает мысленное отвлечение от ряда свойств предметов (объектов познания) и отношений между ними и одновременное выделение, вычленение интересующего нас свойства или отношения.

В зависимости от того, какие признаки, свойства, отношения обобщаются в процессе абстрагирования и от чего происходит отчуждение, различаются несколько видов абстракций: абстракция отождествления, или обобщающая абстракция, абстракция конструктивации, абстракция актуальной бесконечности и др. В процессе познания происходит взаимодействие нескольких видов абстракций, часто при ведущей роли одного из них.

Важно подчеркнуть, что виды логической абстракции как процесса познания, универсальны, имеют объективный характер и не зависят от «способа существования» языка.

Остановимся кратко на тех видах логической абстракции, которые, на наш взгляд, способствуют формированию таксономической номинации.

Ведущая роль в процессе восприятия действительности, формирования видов понятий и, соответственно, номинативных классов принадлежит, как нам представляется, абстракции отождествления, или обобщающей абстракции.

Этот вид абстракции предполагает отвлечение от несходных, различающихся свойств объектов и одновременное выделение одинаковых, тождественных свойств.¹

Абстракция отождествления получает языковую реализацию прежде всего при формировании предельно общих разрядов слов, объективирующих понятие субстанции, с одной стороны, и ее признаков — с другой. Ука-

¹ Определение отдельных видов абстракции дается с учетом работ Горского Д. П. 1961, 1987 и Войшвилло Е. К. 1967.

занное различие конкретно выражается в языке в противопоставленности категории имени существительного остальным знаменательным частям речи — глаголу, прилагательному, наречию.

В рамках предметной номинации языковая реализация результатов процесса абстракции отождествления прослеживается в именах собственных, нарицательных и собирательных.

Так, в собственных именах, аналогах единичных понятий, на основе абстракции отождествления обобщается один признак денотата, а именно его количественная ограниченность, исчисляемая единицей. Ср.: *Москва, Волга, Урал, Марс...*, аналогично в чешском: *Praha, Vltava, Mars*.

Конституирующим признаком нарицательных имен, объективирующих общие понятия, является признак реальной множественности денотатов. Семантический объем нарицательных имен, в отличие от имен собственных, измеряется числовым множеством: *стол — столы, книга — книги, город — города...*, чешск.: *stůl — stoly, kniha — knihy, město — města, řeka — řeky*.

В разряде собирательных имен, корреспондирующих с собирательными понятиями, очевидно взаимодействие двух видов абстракции — абстракции конструктивации и абстракции отождествления.

В результате процесса абстракции конструктивации разрозненные, реально существующие элементы превращаются в «жесткое тело», мыслительный конструкт, представляющий множество реально существующих самостоятельных объектов в гипотетическом, нерасчлененном единстве.

Признак «множества в единстве» является конституирующим свойством при формировании класса собирательных имен, который в данном процессе абсолютизируется абстракцией отождествления. Ср.: *студенты — студенчество, молодые люди — молодежь, листья — листва*; чешск.: *studenty — studenstvo, učitelé — učitelstvo, listy — listí*.

Заметим попутно, что из данного нами определения собирательности следует, что вещественные имена не могут быть безоговорочно отнесены к разряду собирательных имен, несмотря на признак делимости объекта, обозначаемого вещественным существительным: *вода, масло, крупа, сахар, ситец, железо...*; чешск.: *máslo, kroupy, kvasnice, cukr, železo*.

Если при формировании класса собственных, нарицательных и собирательных имен, аналогов единичных, общих и собирательных понятий, абсолютизируются количественные параметры объектов, то в процессе формирования конкретных и абстрактных имен отчуждаются качественные признаки означаемых реалий, а именно те из них, которые для данных классов являются конституирующими.

Конкретные имена обозначают сам предмет в его целостности. Абстрактные имена обозначают не сам объект, а его свойства или отношения, взятые в качестве самостоятельного объекта мысли. Образование абстрактных имен, т. е. имен, соотносительных с абстрактными понятиями, происхо-

дит в результате взаимодействия двух видов абстракции — абстракции отождествления и изолирующей абстракции.

Последний вид абстракции трактуется в логике как процесс отвлечения свойства или отношения от предметов, с которыми они в действительности неразрывно связаны. На основе изолирующей абстракции происходит отчуждение свойств и отношений от их материальных носителей.

«Опредмечивание» свойств и отношений является тем общим началом, которое объединяет все абстрактные имена и реализующиеся в них абстрактные понятия.

Вместе с тем абстрактные имена в содержательном плане, как это уже отмечалось нами, неоднородны. Субкатегоризация абстрактных имен осуществляется путем абстрагирования, т. е. отчуждения, выделения из семантического объема того или иного признака или свойства — 1) признака конкретного действия: *бег, ходьба, пение...*; чешск.: *běh, zpívání...* 2) отвлеченного действия: *разочарование, теоретизирование, правдоискательство*; чешск.: *zklamání, teoretizování, pravdymilovnost...* 3) чувственного восприятия: *горечь, сладость, свежесть, холод, жара, белизна, темнота*; чешск.: *hořkost, sladkost, svěžest, bělost...* Очевидно таким образом, что при формировании класса абстрактных имен «продукт» изолирующей абстракции с необходимостью дополняется результатами абстракции отождествления.

Важные наблюдения относительно роли абстрагирующей деятельности сознания при формировании классов имен позволяет провести анализ семантического объема так называемых «широкозначных» имен, с выветрившейся лексической семантикой, типа русск. *дело, вещь, обстоятельство, явление* и т. п.; чешск.: *věc, okolnost, jev, případ, příběh...*

Указанные и им подобные имена обнаруживаются как в разрядах конкретных, так и в разрядах абстрактных номинаций. Они соотносятся с предельно широкими понятиями, не имеющими видо-родовой классификации, не поддающимися обобщению и определяемыми в логике как категории. Имена, объективирующие подобные категории, интересны тем, что в процессе их функционирования наблюдается разноразное восприятие денотата. Реальный объект действительности в определенных условиях контекста может мыслиться как конкретный предмет, отличительные признаки и свойства которого, однако, не выражаются номинативной единицей эксплицитно; она как бы выполняет действительную функцию. Ср.: *Дай мне эту вещь; Объясни мне одну вещь*. В чешском: *Dej mi tu věc; Vysvětli mi jednu věc*. Та же самая номинативная единица может использоваться для общей идентификации коммуникативной ситуации: *Произошла странная вещь.*, чешск.: *Stala se podivná věc*. Объем понятия при этом мыслится предельно широко, так что номинативная единица, реализующая в языке это понятие, может относиться к самым разнообразным явлениям действительности. Ср. для иллюстрации несколько примеров: *бег*

— *дело полезное; дело мира и безопасности в Европе; Не дело ты затеял; Делу время, а потехе час* и т. п.

В результате предельной широты объема понятия максимально деконкретизируется его содержание и при участии абстракции конструктивации, а также идеализации на уровне системы, создается гипотетический объект с «туманным концептом». В результате абстрагирующей деятельности сознания разрозненные в реальной действительности объекты мысленно как бы подводятся под одно определение, объединяясь в один «жесткий объект», порожденный мыслительной деятельностью носителя языка. Таким образом происходит обобщение понятия, своеобразный переход от вида к роду. Тем самым логические операции обеспечивают номинативным единицам, реализующим в языке подобные понятия, самые широкие области референции, а следовательно, и функционирования.

Предельная обобщенность семантических признаков позволяет номинативной единице — аналогу обобщенного понятия — быть использованной для наименования объектов самых различных областей материального мира. Ср.: *вещь* — «всякое материальное явление, отдельный предмет, изделие и т. п.»; *случай* — «положение, происшествие, то, что случилось, произошло, ... подходящее время, обстоятельство»; *явление* — «то, в чем сказывается, обнаруживается сущность, а также вообще всякое проявление чего-н., событие, случай»; *дело* — «...круг ведения; то, что непосредственно относится к кому-чему-н., входит в задачи кого-чего-н.» (Ожегов 1973).

Сфера функционирования так наз. широкозначных имен не имеет, таким образом, четко очерченных границ. Чем шире объем понятия, тем более актуально наличие контекста для раскрытия номинативной единицей его содержания.

При актуализации номинативной единицы с широким понятийным значением имеет место логическая операция, позволяющая совершить переход от понятия большего объема к понятию меньшего объема, т. е. происходит ограничение понятия.

Идентифицируя с помощью контекста различные ситуации, широкозначное наименование выполняет репрезентативную функцию, которая заключается не в описании, т. е. указании тех или иных признаков, а в представлении объекта (ситуации). Ср.: *«Дело было в Пенькове»* (название фильма). *История наших отношений уходит в давнее прошлое.* Чешск.: *Já mám tuhle jeden případ, se kterým si nevím rady.* (Čapek) — *У меня здесь один случай, с которым я не знаю, что делать. ...tento příběh se nemohl stát u nás ani ve Francii ani v Německu...* (Čapek) — *...эта история не могла произойти ни у нас, ни во Франции, ни в Германии...*

Описание ситуации, репрезентируемой широкозначным именем, содержится, как правило, в более широком контексте. Ср.: 1. *Погода была*

нелетная: низкая облачность и густой туман. **Обстоятельства**, с которыми необходимо считаться. 2. В больнице не хватает медикаментов, перевязочных средств. **Ситуация** сложная.

Поскольку объем понятий, реализующихся в широкозначных существительных, не имеет строго детерминированной структуры, семантическая структура самих имен также не имеет строго очерченных контуров. Это создает, в частности, благоприятные условия для выражения ими различного рода оценочных значений. Ср.: Я видел новую постановку МХАТа. Вот это вещь!; — Viděl jsem novou inscenaci ve MCHATu. To je ale věc!

Аморфность семного состава широкозначных имен, размытость границ функционирования приводит к десемантизации рассматриваемых имен.

Процесс десемантизации многоступенчатый, в чешском и в русском языках он имеет неодинаковые результаты. Чешский язык, как показывает материал, склонен к более ограниченному, по сравнению с русским языком, употреблению десемантизированных, «пустых» номинаций. Чешский язык чаще прибегает к семантической конденсации, избегая употребления словесных штампов. Ср. несколько примеров: *послужить делу упрочения доверия* — upevnit důvěru; *в случае неуплаты штрафа* — při nezaplacení pokuty; *успех в деле воспитания* — úspěch při výchově; *бороться за дело мира и демократию* — bojovat za mír a demokracii.

Часто нарушается адекватность употребления широкозначных имен в обоих языках при выражении ими оценочных значений.

Ср.: *Взялись за работу. Вот это дело!* — Dali se do práce. Správně! / Tak by to mělo být. *Вот так штука!* — Tady to máme! *Плохо дело!* — Je to špatné!

3. Система предметной номинации в отношении к грамматическим категориям имени существительного

Поскольку языковое воплощение единицы мышления осуществляется не иначе как посредством грамматической формы, анализ роли собственно грамматической абстракции в процессе формирования номинативных разрядов имеет особую важность.

Объективация явлений действительности в предметной форме есть прерогатива имени существительного.

Выше было показано, что понятия, «как слепок» действительности, реализуются в предельно общих лексико-грамматических разрядах существительного. Эту стадию языковой реализации понятий следует определить как высшую стадию языковой абстракции на системном уровне.

Выражение значения предметности — примарная ономаσιологическая функция имени существительного. Она закреплена грамматическими категориями рода, числа и падежа. Однако значимость каждой из этих категорий в процессе отражения далеко не одинакова.

Самое непосредственное отношение к воспроизведению явлений действительности на собственно языковом уровне имеет категория числа.

Дело в том, что когнитивная функция категории числа дает возможность, как будет показано ниже, обозначить способ существования воспроизводимого объекта действительности так, как это представляется нашему сознанию.

Степень участия в процессе отражения категории рода значительно слабее в сравнении с категорией числа. Дело в том, что отражательная функция категории рода не имеет общекатегориального характера, в отличие от категории числа. Когнитивная (отражательная) функция категории рода реализуется при формировании хотя и обширного, но тем не менее не исчерпывающего весь словарный состав класса имен по признаку пола, т. е. речь идет об обозначении по признаку естественного рода особей человека и реже животного. Ср.: *муж — жена, дочь — сын, брат — сестра, племянник — племянница, сосед — соседка, учитель — учительница, студент — студентка, спортсмен — спортсменка; петух — курица, кот — кошка, баран — овца, козел — коза, волк — волчица* и т. п. Аналогично в чешском: *muž — žena, syn-dcera, bratr — sestra, synovec — neteř, soused — sousedka, učitel — učitelka, student — studentka, sportovec — sportovkyně; kocour — kočka, beran — ovce, kozel — koza, býk — kráva, vlk — vlčice, kohout — slepice...*

Заметим, однако, что дифференциация в пределах естественного рода в русском языке и в меньшей степени в чешском проводится не всегда последовательно. Для русского языка весьма типичны случаи, когда половые различия не выражаются морфологически. Например, при обозначении лица по профессии или роду занятий: *инженер, дирижер, строитель, министр, коллекционер, музыковед, садовод, прозаик, романист, литератор, скульптор, экскурсовод, краевед, фотограф, антиквар*. И хотя указанные профессии и виды занятий свойственны лицам как мужского, так и женского пола, они тем не менее закрепляются

в русском языке в форме мужского рода.

В чешском языке морфологическая родовая дифференциация имеет более последовательное выражение. Так, родовая дифференциация имеет регулярный характер при обозначении лиц по профессии и роду занятий, ср., например, *inženýr — inženýrka, dirigent — dirigentka, stavitel — stavitelka, architekt — architektka, ministr — ministryně, soudce — soudkyně, sběratel — sběratelka, literát — literátka, sochař — sochařka, sociolog — socioložka, pedagog — pedagožka, filolog — filoložka, romanista — romanistka, průvodce — průvodkyně, fotograf — fotografka...*

В чешском языке прослеживается более последовательная родовая дифференциация имен в разряде фамилий. Регулярные морфологические формы женского рода имеют не только собственно чешские фамилии: *Novák — Nováková, Zahrádka — Zahrádková, Svoboda — Svobodová,*

Hronek — Hronková, но также и иностранные фамилии, с нетипичной для чешского языка фонетической огласовкой: Nehrú — Nehrúová, Gándhí — Gándhíová, Moe — Moeová.

Наконец, в чешском языке является более распространенным, чем в русском, образование личных имен женского рода от имен мужского рода. Ср.: Jan — Jana, Jaromír — Jaromíra, Ivan — Ivana, Michael — Michaela, Pavel — Pavla, Petr — Petra, Gustav — Gustava, František — Františka, Zdeněk — Zdena, Miloslav — Miloslava, Jaroslav — Jaroslava, Gabriel — Gabriela. Однако, несмотря на существующие различия

в области функционирования, общекатегориальной функцией морфологической категории рода как в русском, так и в чешском языках является функция формально-классификационная, состоящая в распределении наименований по определенным классам и не задействованная непосредственно в процессе отражения — создании языковых образов внеязыковых реалий.

Категория падежа выполняет в языке функцию структуризации предложения. Она значима для пропозитивной номинации, т. е. номинации на уровне предложения или шире — номинации на уровне текста.

Пропозитивная номинация является самостоятельным объектом исследования. Ее анализ не входит непосредственно в нашу задачу. Оставляя в стороне проблемы пропозитивной номинации, остановимся несколько подробнее на роли категории числа и рода в процессе номинации.

3.1. Морфологическая категория числа и номинация. Морфологические формы числа закрепляют на высшем уровне языковой абстракции, какой является абстракция грамматическая, семантически значимые признаки денотата, его онтологические свойства.

Речь по сути дела идет о морфологической объективации логических структур понятия — объема и содержания — на уровне языковой системы.

Морфологические формы числа эксплицируют весь спектр дистриктивных признаков денотата, отраженных в структуре понятия:

1. Класс дискретных объектов, существующих изначально в количестве, равном одному. На логическом уровне указанные реалии объективируются единичными понятиями. На языковом уровне значение единичности, точнее единственности, выражается формой единственного числа при отсутствии корреляции с формой множественного числа: Москва, Европа, Волга, Венера... чешск.: Praha, Evropa, Vltava, Venuše...

2. Класс однородных объектов, каждый из которых может быть выделен из этого класса. На логическом уровне это общие понятия. Их языковой реализацией являются существительные с регулярной противопоставленностью форм единственного и множественного числа: *книга — книги, дом — дома, город — города, звезда — звезды, ученик — ученики, мальчик — мальчики, профессор — профессора* и т. п. Аналогично в чешском: *kniha —*

knihy, divadlo — divadla, dítě — děti, budova — budovy, město — města, hvězda — hvězdy, žák — žáci, kluk — kluci...

3. Класс объектов, существующих изначально в отдельности, но мыслимых как неделимая целостность — собирательные понятия. На морфологическом уровне они реализуются прежде всего в существительных *singularia tantum* со значением собирательности: *листва, зверье, студенчество, купечество, молодежь, пролетариат, администрация, начальство, аристократия, буржуазия, крестьянство, беднота, интеллигенция, мускулатура, тряпье, барахло, рухлядь* и т. д. В чешском: *lístí, studentstvo, zvířectvo, mládež, rolnictvo, dělnictvo, svalstvo, haraburdí, křoví, dubina, březina...*

Однако понятие собирательности может реализоваться не только на морфологическом, но также и на собственно лексическом уровне при морфологической противопоставленности числовых форм: *стадо — стада, лес — леса, кустарник — кустарники, роца — роци, косяк рыбы — косяки рыбы*; в чешск.: *stádo — stáda, hejno — hejna, háj — háje, les — lesy, bor — bory.*

В морфологических формах числа выражается языковая стилизация не только объема понятия (понятия единичные, общие и собирательные), т. е. количественная характеристика именуемого объекта, но также эксплицируются и некоторые признаки, относящиеся к его качественному потенциалу. Имеется в виду языковая объективация конкретных и абстрактных понятий, противопоставленных друг другу по своим содержательным свойствам.

Конкретные понятия воспринимаются в сопоставляемых нами языках как объективация дискретных объектов, характеризующихся признаком цельности. Причем дискретность, что особо важно подчеркнуть, иногда является условной, «продуктом» сознания языкового коллектива. И тогда эта качественная характеристика закрепляется отношением противопоставленности морфологических форм числа. Ср.: *дождь — дожди, туман — туманы, буря — бури, снег — снега, песок — пески; победа — победы, радость — радости, несчастье — несчастья*. В чешск.: *děšť — deště, smršť — smrště, sníh — sněhy (pouště), radost — radosti, smutek — smutky, vítr — větry...*

Абстрактные понятия реализуются в абстрактных именах (см. с. 109). Понятие абстрактности выражается в ущербности числовой парадигмы: *ненависть, добро, зло, мужество*; чешск.: *nenávisť, dobro, zlo, statečnost...*

Таким образом, выражение (или нарушение) морфологической противопоставленности форм числа оказывается релевантным, помимо выделенных выше трех классов, при объективизации еще двух классов объектов.

4. Класс дискретных объектов, характеризующихся в сознании признаком целостности: *туча — тучи, облако — облака, день — дни, лужа — лу-*

жи, яма — ямы, праздник — праздники; чешск.: *mak — maky, oblak — oblaky, den — dny...*

5. Класс неисчисляемых, недискретных объектов. Объем понятий, относящихся к подобным объектам, не имеет числового значения, что находит выражение в ущербности числовой парадигмы соответствующих имен: *героизм, реализм, темнота, безжалостность, себялюбие...*; чешск.: *hrdinství, vlastenectví, realismus, lítost, vášnivost, ješitnost, milosrdenství...*

Противопоставленность имен, обозначающих указанные классы объектов, располагается на семантической оси, на одном полюсе которой находятся наименования объектов с четко выраженной числовой структурой. К ней может быть применимо определение «мощность множества», когда единицей количественного измерения является число. Например, объекты, измеряемые единицей: *Россия, Италия, Кавказ, Крым*; чешск.: *Rusko, Itálie, Kavkaz, Krym*. Объекты, способные находиться в количестве, большем единицы: *дом — дома, стол — столы, дерево — деревья*; чешск.: *dům — domy, stůl — stoly, strom — stromy, kniha — knihy, řeka — řeky...*

На другом, противоположном полюсе этой семантической оси располагаются наименования объектов неисчисляемых. Их количественный состав характеризуется не числовым множеством, а характером проявления признака: *(маленькая) обида, (большое) горе, (свет-лая) печаль, (тихая) радость*; чешск.: *(malá) urážka, (velké) hoře, (jemný) stesk, (tichá) radost*.

Между двумя крайними качественными полюсами помещается обширный по составу класс наименования объектов, весьма разнородных по своей количественной характеристике и обнаруживающих тяготение к одному или другому полюсу.

Прежде всего необходимо отметить двойственную природу наименований объектов, воспринимаемых как единое целое, но состоящее в реальности из совокупности самостоятельно существующих объектов. С одной стороны, подобные объекты могут исчисляться, и в этом случае обозначающие их имена имеют морфологическую числовую корреляцию: *стадо — стада, табун — табуны*; чешск.: *stádo — stáda, smečka — smečky*. С другой стороны, подобные объекты не поддаются числовому измерению, и тогда их наименования имеют ущербную морфологическую числовую парадигму: *купечество, профессура, молодежь...*; в чешск.: *učitelstvo, obyvatelstvo, malinová, drůbež...*

Колебания в отношении морфологической числовой корреляции наблюдаются и в разряде наименований абстрактных предметов. Релевантным признаком наименований абстрактных предметов является ущербность числовой парадигмы, как это было отмечено выше: *мужество, преданность, патриотизм...*; в чешск.: *oddanost, vlastenectví, statečnost, ušlechtilost...*

Однако отчужденные от своих носителей свойства и качества могут восприниматься в сознании как дискретный, целостный объект.

В этом случае соответствующие номинации характеризуются морфологической противопоставленностью числовых форм: *красота* — *красоты*, *печаль* — *печали*, *обман* — *обманы*, *страсть* — *страсти*...; чешск.: *krása* — *krásy*, *vášeň* — *vášně*...

Значения расчлененности, т. е. отдельности, и нерасчлененности, совокупной целостности, неделимости объекта формируют ядерный и периферийный семантический потенциал категории числа. Ее семантическое ядро образуют имена, функционирующие в качестве наименований объектов, имеющих числовое исчисление, т. е. нарицательные имена со значением конкретности.

Ущербность числовой парадигмы, проявляющаяся в тех или иных разрядах, свидетельствует о периферийном положении номинаций в структуре морфологической категории числа.

Таким образом, все сказанное позволяет заключить, что способ существования денотата, т. е. представление субстанции в форме расчлененности / нерасчлененности, дискретности / недискретности, единственности / множественности и т. д., реализующееся в языке через стадию понятия, оформляется на грамматическом уровне морфологическими формами категории числа. Грамматическая категория числа оказывается, следовательно, непосредственно задействованной в процессе конституирования номинативных разрядов предметной лексики, воспроизводя в языке образы, точнее говоря, форму «слепков» действительности. В этом суть отражательной функции, выполняемой категорией числа.

Анализируя когнитивную функцию категории числа, нельзя тем не менее не обратить внимания на то обстоятельство, что использование форм числа для представления объекта в языковом знаке регулируется не только смысловыми, семантическими факторами, но и чисто структурными, формальными причинами. Именно этим можно объяснить наличие асимметрии числовых форм у семантически близких имен. Сравним для иллюстрации несколько примеров: *красота* — *красоты*, *забота* — *заботы*, но *доброта* — \emptyset ; *страсть* — *страсти*, *милость* — *милости*, но *злость* — \emptyset , *ненависть* — \emptyset ; *страдание* — *страдания*, *мучение* — *мучения*, но *терпение* — \emptyset , *возбуждение* — \emptyset ; чешск.: *vlastnost* — *vlastnosti*, *vzácnost* — *vzácnosti*, *vroucnost* — \emptyset , *ješitnost* — \emptyset .

Стирание признаков так называемой внутренней расчлененности обозначаемого объекта приводит в языке к лексикализации форм числа и способствует развитию межъязыковой числовой асимметрии. Так, в русском и чешском языках, с одной стороны, наблюдается адекватное употребление форм числа при наименовании идентичных объектов, с другой стороны, очевидны расхождения в употреблении числовых форм. Наиболее показательны в этом отношении существительные *pluralia tantum*.

Ср. для иллюстрации:

Адекватное употребление

вилы — vidle
ворота — vrata
клевцы — kleště
лыжи — lyže
рукавицы — rukavice
сани — sáně
ясли — jesle
ножницы — nůžky
плавки — plavky
грабли — hrábě
оковы — okovy
крестины — křtiny
именины — jmeniny
опилки — piliny

Числовая асимметрия форм числа

печень — játra
повидло — povidla
спина — záda
борона — brány
сенокос — senoseky
сватовство — námluvy
устав — stanovy
краснуха — zarděnky
похороны — pohřeb
качели — houpačky
счеты — počítadlo
роды — porod
духи — voňavka
ножны — pochva

Границы между морфологическими формами числа столь же подвижны, сколь непрерывны взаимосвязи мира реальных вещей. Подтверждением такой лабильности могут служить, в частности, широко распространенные в русском и чешском языках случаи употребления существительных *singularia tantum* во множественном числе.

В дополнение к приведенным выше и подобного рода примерам можно сослаться на данные Словаря литературного чешского языка (SSJČ 1958–1971), в котором приводятся, в частности, формы мн. числа у собирательных существительных с суф. *-ina* типа *smrčina, bučina, olšina, jetelina, březina, dubina*.

Не исключается также возможность приобретения форм ед. числа существительными *pluralia tantum*, что устраняет противоречие между реальной единичностью объекта и множественностью его обозначения. Ср.: чешск. сленг: *hezka brýle, slušivá kalhota* (Mluvnice češtiny, 2 1986, с. 46).

3.2. Морфологическая категория рода и номинация. «Вклад» грамматической категории рода в процесс формирования номинативных разрядов имени существительного менее значителен в сравнении с номинативной функцией категории числа в том отношении, что когнитивная функция морфологической категории рода не имеет общекатегориального характера.

Роль категории рода в процессе номинации ограничивается фактически, как было отмечено, областью функционирования лишь некоторых частных номинативных разрядов, а именно имен, называющих лиц или животных с учетом половых различий. Причем необходимо заметить, что в процессе создания подобных номинаций, наряду с собственно морфологическими

средствами, активное участие принимают средства лексические (*муж — жена, мальчик — девочка*; чешск. *chlapec — holčička*), словообразовательные (*художник — художница, актер — актриса*; чешск.: *herec — herečka*), синтаксические (*молодой шимпанзе, филиппинский какаду*; чешск.: *tiskový atašé, mladý abbé*).

При анализе когнитивной функции категории числа и категории рода обнаруживаются две концептуальные параллели. Если категория числа объективирует главным образом способ существования денотата, что является ее общекатегориальной функцией, то категория рода, в пределах номинаций «биологически» живых существ, дифференцирует смысловое содержание именуемого объекта. В основе дифференциации лежит внеязыковой по своей природе признак — естественный род именуемой особи. Тем самым дифференциация имен происходит внутри двух компонентов (граммем) морфологической категории рода — мужского и женского. Средний род в этой классификации номинаций участвует в очень ограниченной степени. Средний род в подавляющем большинстве случаев в сопоставляемых нами языках связан с названиями биологически неодушевленных предметов. Из одушевленных имен значение среднего рода в русском языке имеет небольшая группа номинаций: *дитя, существо, животное, божество*, а также названия зоологических видов, подвидов и родов. Ср.: *пресмыкающееся, беспозвоночное, млекопитающее, земноводное*. По понятным причинам указанные и подобные имена не имеют морфологической родовой корреляции, т. е. не образуют родовые оппозиции.

В чешском языке к среднему роду относятся названия детенышей животных и реже — молодых особей человека: *house, kotě, štěně, hříbě, tele, jehně; dítě, děvče, dvojče, nemluvně, vnuče...*

Эти имена по своему лексическому значению связаны с существительными, обозначающими «биологически» живые существа мужского и женского пола. Поэтому они образуют с ними трехчленные геторонимные или деривационные родовые оппозиции. Ср.: *muž — žena — dítě, dědeček — babička — vnuče; pes — fena — štěně, kačer — kachna — kachně, tigr — tigřice — tygře, vik — vlčice — vlče*.

Если мужской и женский род имеют одну общую форму, название детеныша образуется деривационным способом: *kavka — kavče, veverka — veverče, had — hádě*.

Кроме указанных частных различий, родовая дифференциация имен в русском и чешском языках обнаруживает предельное системное сходство, что подтверждается наличием общих для обоих языков разрядов имен, в которых находят отражение половые различия живых существ.

Ноэтическое пространство, формирующееся на основе родовой дифференциации имен, включает в себя в сопоставляемых языках следующие группы номинаций:

1. Наименования, являющиеся фамилиями и личными именами человека: *Иванов — Иванова, Петров — Петрова, Лукин — Лукина; Валентин — Валентина, Виктор — Виктория, Евгений — Евгения.*

В чешск.: Smolák — Smoláková, Forman — Formanová, Kyrš — Kyršová, Dvořák — Dvořáková; Vladimír — Vladimíra, Vladislav — Vladislava, Oldřich — Oldřiška, Bohdan — Bohdana, Bohuslav — Bohuslava, Ludvik — Ludvika...

В чешском языке родовая корреляция фамилий, а также личных имен представлена шире, чем в русском (с. 114). Особенно показателен в этом отношении сопоставительный анализ фамилий неславянского происхождения: *Kraus — Kraus / Krausová, Матезиус — Mathesius / Mathesiusová, Фишер — Fisher / Fisherová, Ионеску — Jonesku / Jonesková, Ким — Kim / Kimová, Бовари — Bovary / Bovaryová.*

Отличительной особенностью чешского языка является отсутствие в нем наименований по отцу, подобно русским *Петрович / Петровна, Романович / Романовна, Васильевич / Васильевна, Викторovich / Виктор-ровна* и т. п.

2. Наименования, обозначающие особи человека по возрастному признаку: *мальчик — девочка, юноша — девушка, мужчина — женщина, старик — старуха.* К этой же группе могут быть отнесены наименования, употребляющиеся часто в качестве обращения, такие как *кавалер — барышня, сударь — сударыня, господин — госпожа.* В чешск.: *chlapec — dívka, mladík — slečna, mladý pán — mladá paní, pán — paní, muž — žena, stařec — stařenka, kluk — holka...*

3. Наименования лиц по признаку родственных отношений: *муж — жена, отец — мать, сын — дочь, брат — сестра, племянник — племянница, дедушка — бабушка, дядя — тетя, свояк — свояченица, зять — теща, свекор — свекровь, деверь — золовка...* В чешск.: *manžel — manželka, otec — matka, syn — dcera, bratr — sestra, synovec — neteř, strýc — teta, švagr — švagrová, tchán — tchyně, bratranec — sestřenice.*

4. Самый многочисленный разряд номинаций с родовой дифференциацией составляют наименования лиц по профессии, роду занятий, виду какой-либо деятельности: *учитель — учительница, продавец — продащица, спортсмен — спортсменка, студент — студентка, актер — актриса, писатель — писательница, летчик — летчица, парашютист — парашютистка, официант — официантка, скрипач — скрипачка, пианист — пианистка, певец — певица.* В чешском: *učitel — učitelka, prodavač — prodavačka, sportovec — sportovkyně, student — studentka, herec — herečka, zpěvák — zpěvačka, spisovatel — spisovatelka, letec — letkyně, číšník — číšnice, dělník — dělnice, houslista — houslistka, klavírista — klavíristka, malíř — malířka, jezdec — jezdyně, ministr — ministryně, košíkář — košíkářka, kadeřník — kadeřnice, holič — holička, soustružník — soustružnice...*

К рассматриваемой группе имен с точки зрения смыслового содержания тесно примыкают наименования, обозначающие лицо по титулу или социальному положению: *граф* — *графиня*, *князь* — *княгиня*, *помещик* — *помещица*, *дворянин* — *дворянка*, *мещанин* — *мещанка*, *крестьянин* — *крестьянка*. В чешск.: *hrabě* — *hraběnka*, *statkář* — *statkářka*, *rolník* — *rolnice*, *měšťan* — *měšťanka*...

5. Наименования по признаку пола представителей фауны: *петух* — *курица*, *баран* — *овца*, *жеребец* — *кобыла*, *бык* — *корова*, *кот* — *кошка*, *волк* — *волчица*, *медведь* — *медведица*, *тигр* — *тигрица*, *козел* — *коза*, *лев* — *львица*, *гусь* — *гусыня*... Аналогично в чешском: *kohout* — *slepice*, *býk* — *kráva*, *kocour* — *kočka*, *vlk* — *vličice*, *medvěd* — *medvědice*, *tygr* — *tygřice*, *lev* — *lvíce*, *zajíc* — *zaječice*...

6. Особый разряд наименований с учетом половых различий составляют клички животных: *Чап*, *Трезор*, *Черныш*, *Бим*, *Мухтар*, *Рекс*, *Васька*, *Мурзик*, *Мишка*, *Бася*, *Жучка*, *Мурка*, *Буренка*, *Пеструха* и т. п. В чешском: *Foxlík*, *Astor*, *Antoušek*, *Felix*, *Vořech*, *Azor*, *Alík*, *Micka*, *Minda*, *Mourek*, *Líza*, *Bulena*, *Stračena*, *Malina*...

Родовая корреляция имен в указанных выше группах обнаруживает разную степень регулярности. Наиболее последовательно она проявляется в разряде фамилий, в наименованиях лиц по возрастному критерию и характеру родственных отношений, в кличках животных. В остальных разрядах — не является регулярной.

Для русского и чешского языков характерно то, что в обоих языках в мужском роде идея грамматического рода выражена сильнее, чем идея пола, а в женском роде — наоборот.

Наименования мужского рода со значением лица в сопоставляемых языках заключают в себе прежде всего общее представление о человеке, обозначают его социальную или профессиональную принадлежность независимо от пола. Поэтому они могут употребляться применительно к лицу как мужского, так и женского пола. Например: *выпускники Московского университета* — *absolventi Moskevské univerzity*, *претенденты на место* — *uchazeči o místo*, *абитуриенты нынешнего года* — *letošní abiturienti*. Морфологические формы женского рода в подобных случаях являются маркированными, эксплицитно выражающими идею пола.

Однако при общем сходстве значений, выражаемых морфологическими формами рода, в самом процессе образования коррелирующих родовых пар между русским и чешским языками имеются заметные различия. В отличие от русского языка, где часто функционирует только одна синкретичная в отношении рода морфологическая форма имени, в чешском языке имеет место, за небольшим исключением, парадигматическое образование обеих морфологических родовых форм. Таким образом русские наименования мужского рода как на уровне системы, так и на уровне речи часто оказываются эквивалентами двух чешских морфологических форм — мужского и

женского родов. Ср.: *инженер* — inženýr / inženýrka, *композитор* — skladatel / skladatelka, *доцент* — docent / docentka, *архитектор* — architekt / architektka, *врач* — lékař / lékařka, *судья* — soudce / soudkyně, *председатель* — předseda / předsedkyně, *секретарь* — sekretář / sekretářka, *писарь* — písař / písařka, *диктатор* — diktátor / diktátorka, *министр* — ministr / ministryně, *профессор* — profesor / profesorka, *директор* — ředitel / ředitelka, *депутат* — poslanec / poslankyně, *ректор* — rektor / rektorka, *декан* — děkan / děkanka, *следователь* — vyšetřovatel / vyšetřovatelka, *адвокат* — advokát / advokátka, *прокурор* — prokurátor / prokurátorka, *вождь* — vůdce / vůdkyně, *пейзажист* — krajinář / krajinářka, *дирижер* — dirigent / dirigentka, *дипломат* — diplomat / diplomatka, *посол* — vyslanec / vyslankyně, *доктор* — doktor / doktorka, *конструктор* — konstruktér / konstruktérka, *конспиратор* — konspirátor / konspirátorka, *конференансье* — konferenciér / konferenciérka, *консул* — konsul / konsulka, *скульптор* — sochař / sochařka.

Несмотря на высокую словообразовательную стандартизацию, и в чешском языке у определенных разрядов имен наблюдается ущербность родовой парадигмы. Нарушения в родовой корреляции могут обуславливаться экстралингвистическими причинами и наблюдаются в названиях профессий исключительно женских: *pokojská, švadlena, pradlena, letuška, modelka* или исключительно мужских: *hutník, horník, montér, dělostřelec, lodník...* Кроме того, нарушение противопоставленности родовых форм характерно для некоторых оценочных имен: *lenoch, opilec, zuřivec, povýšenec, lakomec, snaživec...* (Mluvnice češtiny, 2 1986, с. 33–34).

Родовая противопоставленность имен по признаку пола в обоих языках не имеет последовательного выражения в разряде номинаций, обозначающих представителей животного мира. Одно наименование часто служит обозначением особей обоего пола. Ср.: *стрекоза, мышь, крыса, щука, жаворонок, белка, рысь, собака, лошадь, попугай, жук, кукушка, муха, паук, аист, журавль, синица, сойка, канарейка, трясогузка, уж, гадюка...*, в чешск.: *myš, krysa, štír, rys, brouk, pavouk, kukačka, moucha, straka, sýkora, kanár, skřivánek, veverka, čáp, kobyłka, jeřáb, štika, zmije, papoušek, opice.*

Морфологическая дифференциация имен по признаку пола связана с лексическим, деривационным, а также (у заимствованных несклоняемых имен) и с синтаксическим (согласование) способами.

Гетеронимные родовые номинации имеют наиболее широкое распространение в разрядах имен, обозначающих лицо по признаку родственных отношений, возрастному критерию, а также в разрядах наименований домашних животных. Ср.: *мать — отец, брат — сестра, дядя — тетя, дочь — сын, бабушка — дедушка, зять — теща, деверь — золовка, муж — жена, шурин — свояченица, девочка — мальчик, юноша — девушка; овца — баран, петух — курица, бык — корова, селезень — утка, жеребец — кобыла.* В

чешск.: otec — matka, bratr — sestra, strýc — teta, syn — dcera, babička — dědeček, bratranec — sestřenice, snacha — zeť, chlapec — holčička...

Наличие в русском и чешском языках указанных и подобных коррелятивных родовых пар, не типичных для современного словообразования, свидетельствует о древнем периоде происхождения этого пласта лексики, когда языки не знали морфологической дифференциации имен по признаку естественного рода (Mluvnice češtiny, 2 1968, с. 33).

Для современного состояния русского и чешского языков характерно тесное взаимодействие морфологической категории рода с деривационной номинацией. Эта связь отчетливо прослеживается в разрядах наименований лица по профессии, роду занятий, социальному положению и т. д., а также в разрядах наименований диких животных. Ср. дополнительно: *учитель — учительница, летчик — летчица, художник — художница, артист — артистка, герой — героиня, спортсмен — спортсменка, гимнаст — гимнастка, писатель — писательница, певец — певица*... В чешск.: *právník — právnička, jezdec — jezdyně, tajemník — tajemnice, sedlák — selka / sedlačka, kolega — kolegyně, král — královna, správce — správcová*...

Итак, оппозиция грамматического рода у названий лиц, а также у названий представителей животного мира, хотя и с меньшей регулярностью, перекрывается с различием по признаку пола.

У наименований объектов реального мира, биологически неодушевленных, морфологическая родовая классификация не участвует непосредственно в формировании смыслового содержания номинаций. Родовая объективация субстанции в этом случае не касается когнитивного аспекта языкового знака, и грамматический способ ее реализации выполняет собственно языковые задачи, устанавливая способ словоизменения и нормы синтаксического согласования той или иной лексемы как номинативной единицы.

Морфологическая дифференциация номинаций по признаку пола на логическом уровне представляет собой операцию ограничения понятия, в ходе которой совершается переход от понятия большего объема к понятию меньшего объема. Этот переход совершается путем «добавления к признакам исходного понятия признаков, относящихся лишь к части предметов, входящих в объем исходного понятия» (Горский 1956, с. 21). Половой признак в данном случае является тем дифференциальным признаком, который позволяет совершить переход от родового понятия к видовому. Ср.:

в русском языке

человек: мужчина — женщина
супруг: муж — жена
родитель: отец — мать
ребенок: мальчик — девочка
лошадь: жеребец — кобыла

в чешском языке

člověk: muž — žena
choť: manžel — manželka
rodič: otec — matka
dítě: chlapec — holčička
kůň: hřebec — klisna

собака: кобель — сука

kur: kohout — slepiče

Иногда одна и та же номинативная единица может выполнять как родовую, так и видовую функции. Ср. русск.: *кошка, утка, волк, медведь, слон, свинья, воробей* и т. д. В. чешск.: *kočka, kachna, pes, vlk, medvěd, zajíc, tygr, slon...*

4. Предметная номинация в отношении к словообразованию

Языковая объективация явлений действительности, опосредованная понятием и опирающаяся на лексико-грамматические классы существительного, получает свое дальнейшее развитие и конкретизацию в словообразовательной сфере.

Анализ системы деривационной номинации предполагает выявление механизма формирования деривационного ноэтического пространства и установление его границ, определение набора тех значений, которые в данном языке находят формулу своего выражения с помощью материальных словообразовательных средств и могут ими регулярно воспроизводиться. Необходимо также обоснование принципов классификации разрядов деривационной номинации и членения ноэтического пространства.

Релевантным признаком деривационной номинации, можно сказать, ее отличительной онтологической особенностью, является эксплицитное структурное выражение отношений, существующих между явлениями реальной действительности. Очевидно, что в случае деривационной номинации знаковая ситуация не просто «развертывается параллельно миру действительности и миру сознания как их языковой аналог» (Никитин 1988), но развертывается с обязательной фиксацией в знаке типов или характера отношений между явлениями. Формирование деривационной номинации порождается, как мы полагаем, наличием своеобразной импликационной связи между реалиями внешнего мира, точнее, их обобщенным отражением в сознании, и знаковой ситуацией. Суть этой импликационной связи в том, что определенные типы внеязыковых отношений обязательно порождают, имплицитно в языке словообразовательные парадигмы — типизированные словообразовательные структуры, объективирующие, в частности, отношения субстанции и ее признаков. К числу таких типизированных структур в рамках предметной номинации могут быть отнесены разряды деривационной номинации со значением предметного, процессуального и статичного качественного признака. Ср.: *хранить — хранитель, держать — держатель; фокус — фокусник, зависть — завистник; отличный — отличник; торфяной — торфяник*. В чешск.: *sbírat — sběratel, držet — držitel; kouzlo — kouzelník, závist — závistník; falešný — falešník*.

Деривационные структуры, фиксирующие отношения субстанции и ее признаков, по сути своей объективируют «субъект, развертывающий свое содержание», и тем самым образуют ономазиологическую основу языка,

«базу называния», определяемую в теории словообразования как ономаσιологическая, или понятийная категория (Dokulil 1962, s. 29). Поскольку ономаσιологические категории являются способом выражения результатов обобщенных процессов мышления, они могут быть отнесены к разряду языковых универсалий.

Содержание субъекта в деривационной номинативной единице конкретизируется в разных направлениях. Так, в категории носителя процессуального признака выделяются такие подразряды (или ономаσιологические подкатегории), как имена, мотивированные

1) отношением к производителю действия: *учитель* тот, кто учит; чешск.: *učitel je charakterizován tím, že učí*;

2) отношением к средству действия: *точило* — то, что точит; чешск.: *gýpadlo — zařízení charakterizované tím, že slouží k gýpání*;

3) отношением к признаку действия: *рыжик* — становящийся рыжим; чешск.: *modrák — substance (houba) charakterizovaná tím, že modrá*;

4) отношением к объекту действия: *мученик* — тот, кого мучают; чешск.: *trestanec, vyznačující se tím, že je trestán*;

5) отношением к результату действия: *набросок* — результат «набрасывания»; чешск.: *výtisk — věc určená tím, že je výsledkem (vy) tištění*;

6) отношением к участию в действии: *разносчик* — тот, кто что-либо разносит; чешск.: *roznášeč je charakterizován tím, že se účastní roznášení něčeho* (Dokulil 1962, с. 34).

И при самой подробной классификации номинаций внутри каждой ономаσιологической категории отождествление объекта осуществляется в рамках типизированного, обобщенного отражения действительности в сознании. Знаковое наполнение ономаσιологических разрядов и категорий в целом различно, однако принципы структуризации деривационной ономаσιологической категории являются общими как для родственных, так и неродственных языков. Структура ономаσιологической категории двучленна и включает в себе три этапа «познания предметов»: их вычленение, отождествление и классификацию (Арутюнова 1980, с. 12). Обозначаемое явление (предмет) прежде всего включается в определенный понятийный класс, имеющий в данном языке свое категориальное выражение, к примеру, обозначение производителя действия, орудия действия, результата действия и т. д. Затем в рамках этого класса он наделяется определенным признаком. Понятийный класс включается в ономаσιологическую структуру понятия как элемент определяемый — ономаσιологическая база; признак, в свою очередь, — как элемент определяющий — ономаσιологический признак (Докулил 1962, с. 29). Так, ономаσιологическая база имен со значением «носитель процессуального признака», типа русск.: *учитель, строитель, мыслитель* и т. п., чешск.: *učitel, stavitel, myslitel*, выражается суффиксом, а корневая морфема выступает в качестве конкретизатора родового понятия, т. е. является ономаσιологическим признаком данного разряда имен. Оно-

масиологическая база, на основе которой осуществляется категориальная классификация вновь образованных деривационных структур, выполняет, таким образом, интегрирующую функцию. Оно масиологический признак, который, наоборот, выделяет эту структуру из ряда подобных номинаций, обладает дифференциальными свойствами.

Деривационные номинации, в отличие от лексических номинаций — немотивированных образований, имеют двойную референцию.

С одной стороны, это отношение к внелингвистическим реалиям, с другой — к собственно языковым структурам, служащим базой образования номинативной единицы. Эти два типа референции не всегда согласуются друг с другом (Filipcs 1985, s. 85).

Структура деривационной номинативной единицы далеко не всегда эксплицитно фиксирует все существенные признаки предметов и явлений, содержащиеся в понятии. Наряду с формально выраженными смысловыми компонентами, в деривационной номинативной единице часто заключаются так называемые скрытые семы. Случаи такого рода хорошо известны в разных языках. Приведем для иллюстрации лишь несколько примеров. Русское существительное *желтуха* и аналогичное чешское *žloutenka* обозначают не просто предметы желтого цвета, но прежде всего являются названием болезни, протекание которой сопровождается пожелтением кожи. Смысловой компонент, заключающий в себе понятие болезни в приведенных номинациях, не имеет формального выражения, является смысловым приращением (Ермакова 1984, с. 6). Аналогичные семантические приращения со всей очевидностью прослеживаются далее у русск.: *столяр* и чешск.: *truhlář*. *Столяр* обозначает лицо, изготавливающее не только столы, но «рабочего, занимающегося обработкой дерева и изготовлением изделий из него» (Ожегов 1973). Аналогичное чешское *truhlář* (*truhla* — *сундук*) не только тот, кто делает сундуки, но вообще столярный мастер. Перечень подобных примеров можно свободно увеличить, однако не вызывает сомнений, что деривационная номинативная единица способна более широкий набор смысловых компонентов репрезентировать более ограниченным набором эксплицитно выраженных компонентов.

В этой связи уместно отметить своеобразие объективации действительности деривационной номинативной единицей, на которое обратил внимание В. Матезиус. Он указывал, что даже в тех случаях, когда мотивация наименования осознается носителями языка, «сила выражения» такого наименования исходит не из смысловой очевидности составляющих это наименование структур, а прежде всего из того, что своей знаковой функцией оно вошло в тесную прямую связь с обозначаемым предметом. Реальное значение мотивированного наименования не всегда дано значением его составляющих структур (Mathesius 1982, s. 98). Добавим к сказанному, что реальная «заданность» смыслового потенциала деривационной номинативной единицы может не

совпадать с семантическим потенциалом ее эксплицитно выраженных компонентов уже изначально. В словообразовательную структуру деривационной номинативной единицы часто не полностью входит формирующий ее ономазиологический признак. Так например, в русской словообразовательной модели: основа глагола (ономазиологический признак) + суф. *-тель* (ономас. база), обозначающей производителя действия по роду деятельности, обычно остается невыраженным объектом действия. Указание на него, вероятно, часто оказывается невозможным ввиду широких сочетаемостных связей мотивирующего глагола. Ср.: *ценитель* ← *ценить*: *свободу, дружбу, человека, работника* и т. д.; *любитель* ← *любить*: *родину, детей, работу, природу*... Отсутствие в словообразовательной структуре деривационной номинативной единицы указания на объект действия может иметь своим результатом неоднозначное толкование смысла номинации. Так, *писатель* обозначает не просто пишущего человека, но того, кто занимается литературной деятельностью, пишет литературные художественные произведения. Теоретически, однако, не исключено толкование слова *писатель* как орудия действия. В орудийном значении суффикса «это слово могло называть то, чем пишут (карандаш, ручку и т. п.)» (Ермакова 1984, с. 8).

Подобная неполная выраженность ономазиологического признака и возможность широкой трактовки ономазиологической базы характеризует и чешские деривационные номинативные единицы. Ср. для примера такие дериваты, как *skladatel* — *композитор*, *spisovatel* — *писатель*, *hlasatel* — *диктор*, *volitel* — *выборщик* и др. Наименование рода деятельности в приведенных случаях имеет более конкретный характер, чем тот, который дают результаты формального синтеза словообразовательных компонентов деривата.

Взаимосвязь собственно словообразовательного и номинативного значения деривата представляет собой самостоятельную многоаспектную проблему. Ей уделяется большое внимание отечественными и зарубежными лингвистами (Кубрякова 1981, Улукханов 1977, Гинзбург 1979, Милославский 1980; Dokulil-Kuchař 1962, *Tvoření slov v češtině*, 2 1967).

Мы же коснулись этого вопроса лишь с той целью, чтобы еще раз обратить внимание на специфичность знаковой функции номинативной единицы. Хотя значение деривационной номинативной единицы не остается в границах первоначальной словообразовательной мотивации, тем более с учетом семантического развития слова, неоспоримым остается тот факт, что языковое сознание стремится упорядочить разносторонние отношения реального мира на основе общих логико-семантических координационных связей. Деривационная номинативная единица, независимо от степени структурной эксплицитности, оказывается действенной, т. е. способна выполнять свою функцию лишь при одном неперемennom условии, а именно тогда, когда языковой знак в сознании носителей языка прочно ассоциируется с определенным понятием, посредством которого и осуществляется постоянная и регулярно воспроизводимая связь с объектами реального ми-

ра. Эта кодовая связь номинативной единицы с логическим аналогом — понятием, является «актуализатором» мысли, непременным условием фиксации в сознании «картины мира». Все сказанное позволяет заключить, что деривационная номинативная единица, как, впрочем, и лексическая номинативная единица, удовлетворяет требованию знаковой функции, ибо «знак есть нечто, зная которое, мы узнаем нечто большее»².

Поскольку деривационная номинация есть по сути своей вторичное языковое образование, т. е. формирующееся на базе существующих в языке средств выражения, встает вопрос о принципе отбора «строительного материала» для деривационной номинативной единицы. Важно уяснить принципы ее структуризации. Мы полагаем, что деривационная номинативная единица — это конденсированный структурный коррелят, своего рода универб как активно функционирующей в языке, так и потенциально возможной описательной смысловой структуры, объективирующей в себе логическое понятие. На наш взгляд, требуют четкого разграничения два момента, касающиеся мотивации номинативной деривационной единицы. Во-первых, форма логической мотивации деривационной номинативной единицы и, во-вторых, собственно языковая структурная мотивация.

Если мы признаем, что номинативная производная единица есть результат взаимодействия субстанции (в рамках предметной номинации) и ее признаков, следовательно, эти отношения и ложатся в основу мотивирующей смысловой структуры. На логическом уровне — это смысловые структуры, поясняющие понятие, подлежащее языковой структурной трансформации. На языковом уровне — это синтаксические конструкции, свободные субстантивные сочетания, типа *учащийся школы — школьник, маленький стол — столик, дождевой плащ — дождевик* и т. п.

Можно было бы полагать, что непременным условием деривационной номинативной единицы как структурно-семантического конденсата определенной смысловой структуры является непременное функционирование в языке некоей развернутой описательной структуры, объективирующей в себе определенный тип смысловых отношений. Практика, однако, показывает, что такое условие не является строго обязательным. Нельзя, например, не признать того очевидного факта, что такие корреляты, как *соусник — сосуд для соуса* или *салатница — посуда для салата* в функциональном плане не адекватны. Трудно также представить, чтобы вместо наименования гриба *моховик* или *подберезовик* в языке активно употреблялись развернутые конструкции «гриб, растущий во мху», или «гриб, растущий под березой». Таким образом, номинативная деривационная единица, хотя за ней и стоит развернутая смысловая структура, не обязательно является простым универбом функционирующей в языке описательной конструкции. Непре-

² Ч. Пирс, цитируется по В. А. Звегинцев, «Язык и лингвистическая теория», М., 1973, с. 232.

менным же условием образования номинативной деривационной единицы является, во-первых, наличие в языке лексемы, которая бы поясняла определяемую субстанцию, и словообразовательного форманта, зачисляющего вновь образованную номинацию в разряд подобных.

Охарактеризовав природу деривационной номинации, можно дать определение деривационному ноэтическому пространству. Мы рассматриваем его как обобщенное представление в языковом знаке результатов отношений между смысловыми структурами при регулярной воспроизводимости типов этих отношений.

Объем деривационного номинативного пространства исчисляется набором типов связей, существующих между объективируемыми смысловыми структурами. Содержание деривационного номинативного пространства складывается из совокупности номинаций, объективирующих в себе результаты этих типов связей. Так, объем деривационного номинативного пространства, в котором объективируются смысловые структуры со значением носителя признака, будет складываться из структур со значением конкретного и отвлеченного процессуального признака, качественного статичного признака и предметного признака. А содержанием указанного ноэтического пространства явится весь лексический фонд, реализующий этот тип отношений.

В качестве внутрикатегориального параметра деривационного ноэтического пространства следует рассматривать тип связи между исходной содержательной структурой и той, которая создается на ее основе. Имеются в виду такие отношения, как, например, *учить* (объективируемое действие) и *учитель* (объективируемый объект); *стол* (объективируемый объект) и *столлик* (объективируемый исходный объект + дополнительный оценочный признак); *добрый* (объективируемый статичный признак субстанции) и *доброта* (объективируемый статичный признак, отвлеченный от субстанции) и т. п.

Соотношение между базовой структурой и структурой, от нее производной, формирует так называемые реляционные ономаσιологические категории, важнейшими из которых является модификационная, мутационная и транспозиционная категории (Dokulil 1962, s. 34–49; он же 1982, с. 257–271).

Удельный вес каждой реляционной ономаσιологической категории на определенном участке ноэтического пространства различен и по этой причине может рассматриваться как типологический параметр деривационного ноэтического пространства. Ноэтические пространства, реализующие однотипные смысловые структуры, не всегда полностью перекрываются в структурном отношении даже в близкородственных языках. Так, в русском языке наименования помещений по совершаемому в нем действию, по лицу, для которого оно предназначено, по характерному для него предмету и т. п., образуются путем транспозиции определяющего сло-

ва, в чешском — в подобных случаях отдается предпочтение мутационному способу. Ср. для примера несколько русско-чешских функционально-семантических эквивалентов: *столовая* — *jídelna*, *парикмахерская* — *kadefnictví*, *учительская* — *sbogovna*, *кондитерская* — *sukrárna*, *молочная* — *mlékárna*, *передняя* — *předsíň*, *ванная* — *koupelna*, *переговорная* — *hovorna*.

Определение общих положений, касающихся теории номинации, позволяет перейти к конкретному анализу предметной номинации в русском и чешском языках на системно-функциональном уровне.

Глава 2. Системно-функциональный анализ предметной номинации в русском и чешском языках

1. Языковая асимметрия и номинативная эквивалентность

Синхронное сравнительно-сопоставительное изучение языков в последние десятилетия является одним из центральных направлений в отечественном и зарубежном языкознании. Однако, несмотря на необычайно стремительное и всестороннее развитие сравнительно-сопоставительной лингвистики, сопоставительное изучение номинативных систем все еще остается на периферии исследовательской деятельности. Большая часть исследований по сопоставительной ономазиологии имеет атомарный характер и посвящена в основном анализу структурных средств номинации, их «катологизации», определению «удельного веса» тех или иных средств номинации в сопоставляемых языках. Логико-семантическому, на наш взгляд, базисному аспекту в теории номинации пока не уделяется должного внимания и тем самым сопоставительная ономазиология не получает комплексного освещения. В нашем исследовании делается попытка частично восполнить существующий пробел.

Каждое сопоставительное исследование языковых явлений основывается на двух ключевых понятиях — понятии *tertium comparationis* (исходной базы сравнения) и понятии функционально-семантического эквивалента (А. Г. Широкова 1980, 1992; В. Барнет 1983). Поскольку содержательное наполнение номинативной единицы, как мы пытались показать, есть перевоплощение «идеи» логической в «идею» семантическую, то, очевидно, что исходной базой сравнения при сопоставительном изучении номинации может стать реализующееся в языке логическое понятие, его структурные параметры — объем и содержание. Функциональная эквивалентность при этом основывается на экстерных функциях языка, обращенных к внеязыковой действительности (Барнет 1983, с. 19–20).

Сравнительно-сопоставительный метод исследования предполагает четкую дефиницию функционально-семантического эквивалента.

Функционально-семантическим эквивалентом не может считаться любое, произвольно выбранное соответствие. Понятие функционально-

семантического эквивалента включает в себя, как известно, ряд обязательных требований: смысловое и реляционное тождество, стилистическую адекватность и регулярное воспроизводство в речи сравниваемых языковых единиц.

Так как «мысль оставляет языку большую свободу в выборе способов ее выражения и даже в степени полноты ее передачи» (Ники-тин 1988, с. 47), предварительным и необходимым этапом функционально-сопоставительного исследования номинативных систем должно стать выявление языковых ярусов, в пределах которых в сопоставляемых языках реализуется логическое понятие с обязательным учетом возможной межъязыковой асимметрии. Языковая асимметрия функционально-семантических номинативных эквивалентов понимается при этом как их возможная принадлежность к неадекватным структурным, а также и собственно семантическим уровням.

В основе межъязыковой асимметрии при интерпретации логического понятия лежит так называемый принцип произвольности языкового знака. Соотнесенность понятия с языковым знаком не является строго детерминированной. Широко известны случаи, когда даже в пределах одного языка одно и то же понятие может выражаться разными номинативными способами и средствами, что приводит к образованию синонимов. Ср. русск.: *квадрат* = *равносторонний прямоугольник*, *высокомерие* = *надменность*; чешск.: *večernice* = *jítřenka* = *Venuše* — Венера.

Произвольность языкового знака с еще большей очевидностью прослеживается в сопоставительном плане. Как бы на поверхности лежат различия функционально-семантических номинативных эквивалентов, проявляющиеся в корреляции составных (в одном языке) и простых (в другом) наименований, собственных и заимствованных, мотивированных и немотивированных. В русском языке, по мнению некоторых исследований, преобладают составные наименования. Чешский язык в свою очередь отдает предпочтение простым наименованиям (Chlupáčová 1974, с. 117).

Ср. для иллюстрации несколько примеров: *железная дорога* — *železnice*, *дойная корова* — *dojnice*, *белый гриб* — *hřib*, *большой палец* — *palec* и т. д. Сказанное, разумеется, не означает отсутствия обратной корреляции, т. е. случаев, когда чешское составное наименование соотносится с русским простым наименованием, включая функционирующие в русском языке заимствования. Ср.: *mlýnek na maso* — *мясорубка*, *mrazicí vůz* — *рефрижератор*, *lyžařská stola* — *лыжня* и др. Заметим, однако, что чешские составные наименования нередко являются кальками или описательными конструкциями иностранных слов, и именно поэтому в русском языке они часто соотносятся с заимствованиями, гибридными наименованиями. Ср. дополнительные примеры: *mleté maso* — *фарш*, *obložený chlebiček* — *бутерброд*, *tisková konference* — *пресс-конференция*, *bramborová kaše* — *пюре*, *pochyblivé schodiště* — *эскалатор* и т. п. Вопрос заключается в том, чтобы

выявить конкретные нозтические пространства, в которых указанные различия не являлись бы случайным наблюдением, но получили бы свое объяснение и могли быть квалифицированы как типологические различия номинативных систем. Выявление собственно структурных типологических различий важно не только для описания организации номинативных частных систем, но оно необходимо и для установления собственно семантических различий номинативных эквивалентов. Так, преобладание в языке сложных наименований свидетельствует о способности языка с большей степенью детализации обозначать внеязыковые реалии. Сложное или составное наименование в силу своих структурных особенностей имеет больше возможностей для эксплицитного означивания явлений действительности, чем простой дериват или тем более немотивированное наименование.

Формально-структурные различия обусловлены внутренними законами языка, особенностями его исторического развития. Так, выявляя различия в соотношении собственных и заимствованных наименований в русском и чешском языках, необходимо учитывать разную роль пуризма в истории обоих языков (Исаченко 1958). В силу исторических особенностей развития русский язык обнаруживает большую терпимость к заимствованиям по сравнению с чешским. Ср. к приведенным уже примерам: *билет* — *lístek*, *газ* — *plyn*, *марка* — *známka*, *парашют* — *padák*, *пейзаж* — *krajiná*, *фуникулер* — *lanovka*, *флаг* — *vlajka* (Chlupáčova 1974, Копецкий 1972, с. 152). Учет общих тенденций развития языка позволяет выявить причины, порождающие межязыковую асимметрию, во многом объясняет существующие различия при языковой интерпретации понятия. Именно потому, что любая системность не исключает асистемности, наличия антиномии, сравнение номинативных систем целесообразно производить в общем контексте сопоставительного исследования номинаций. Имея в виду, например, «прямолинейность, стандартность словообразовательных средств» чешского языка и, наоборот, исторически сформировавшуюся тенденцию русского языка к широкой стилистической и словообразовательной дифференциации (Исаченко 1958, с. 350), можно предположить неодинаковое соотношение в этих языках мотивированных и немотивированных номинаций. Так, в частности, несмотря на значительную продуктивность русских суффиксов *-ест-/-ост-*, образование абстрактных имен с этими суффиксами не имеет такой степени стандартизации, которая характеризует чешские аналогичные существительные. Ср.: несколько примеров в чешском: *dnešnost*, *milostivost*, *českost*, *ruskost*

и лакуны в русском: *сегодняшний* — □, *милостивый* — □, *чешский* — □.

Не имеет чешской парадигматичности и образование в русском языке отглагольных существительных с суффиксами *-ни- / -ени- / -ти-*. Ср. чешские дериваты с суффиксами *ní, tí* и невозможность подобных случаев образования в русском: *šumět* — *šumění*, *hrát* — *hraní*, *běžet* — *běžení*, *hvízdát* —

hvízdání, brát — brání, moknout — moknutí; шуметь — □, играть — □, бежать — □, свистеть — □, брать — □, мокнуть — □.

Явление асимметрии обычно затрагивает одновременно несколько языковых уровней. Структурная асимметрия функционально-семантических эквивалентов может быть причиной их собственно-семантических различий. Так, синтетические номинации имеют больше потенциальных возможностей для развития полисемии по сравнению

с номинациями аналитическими (описательными, составными наименованиями), как уже отмечалось выше. Межъязыковая эквивалентность подобных номинантов может означать, что в одном языке имеет место недифференцированное означение действительности, а в другом — дифференцированное. Ср. для иллюстрации несколько примеров: *generálka*³ — 1) *генеральная репетиция*, 2) *генеральная карта*, 3) *капитальный ремонт*; *kadeřnictví* — 1) *парикмахерская*, 2) *профессия парикмахера*; *vodárna* — 1) *водопроводная станция*, 2) *водонапорная башня*.

Структурная и семантическая специфика функционально-семантических номинативных эквивалентов, несмотря на тесную взаимозависимость и взаимообусловленность плана значения и плана выражения, ставит вопрос о выявлении асимметрии на отдельных языковых уровнях: лексико-семантическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом.

Лексико-семантическая асимметрия номинативных эквивалентов означает прежде всего неравнозначность семантических объемов номинантов при существующей в сопоставляемых языках их соотнесенности с одним и тем же объектом действительности. В этом случае речь идет о неидентичной семантической сегментации действительности. На лексическом уровне это выражается в разной степени полисемантической активности эквивалентных номинантов. Ср., например, русск. *земля* и чешские эквиваленты: 1) *země*, 2) *půda*, 3) *pozemek*, 4) *stát*. В чешско-русском плане *cesta* — 1) *дорога, путь*; 2) *путешествие*; 3) *поездка*.

Как специфическое проявление лексико-семантической асимметрии можно рассматривать различие признаков, положенных в основу наименования объекта, т. е. нетождественность внутренней формы слова. Ср.: *бесмертник* — *slaměnka*; *кольцо* (украшение) — *prsten*; *черника* — *borůvka* и т. п.

Словообразовательную асимметрию мы рассматриваем как проявление собственно структурных различий эквивалентных номинантов. К этому уровню асимметрии может быть отнесена корреляция простых и составных

³ Чешский универб в современном языке широко употребляется в стилистически нейтральной речи, и на этом основании его можно рассматривать в качестве эквивалента нейтральных русских наименований.

наименований: *hlediště* — зрительный зал, *krasobruslení* — фигурное катание, *rtěnka* — губная помада.

В области собственно деривационного образования к частичной асимметрии можно отнести дериваты с неидентичными в структурном отношении аффиксами. Ср.: *стоянка* — *stanoviště*, *сушильня* — *sušárna*, *извозчик* — *vozka*, *умывальник* — *umyvadlo*, *бегун* — *běžec* и т. п.

Структурная асимметрия характерна для корреляций мотивированных и немотивированных номинативных эквивалентов: *plot* — *за-бор*, *podlaha* — *пол*, *zdvihák* — *домкрат*, *lanovka* — *фуникулер*.

Морфологическая асимметрия является результатом неадекватного употребления определенных морфологических форм или же различной частеречной принадлежности номинативных эквивалентов. Типичным случаем морфологической асимметрии является неадекватная числовая корреляция номинативных эквивалентов. Это порождается неодинаковой функциональной нагрузкой морфологических форм числа в сопоставляемых языках, а также лексикализацией числовых форм. Например: *День учителя* — *Den učitelů*, *ансамбль песни и пляски* — *soubor písní a tanců*, ср. также корреляцию лексикализованных форм числа: *сени* — *předsín*, *помолвка* — *zásnuba*, *сватовство* — *námluva*; *печень* — *játra*, *бойня* — *jatky* и т. д.

Относительно последовательное проявление родовой асимметрии существительных в русском и чешском языках можно констатировать в некоторых разрядах заимствований. Ср., в частности, корреляцию форм мужского и женского родов в следующих примерах: *гараж* — *garáž*, *пляж* — *pláž*, *инструктаж* — *instruktáž*, *монтаж* — *montáž*; *графема* — *grafém*, *морфема* — *morfém*, *семема* — *semém*, *фонема* — *foném*, *проблема* — *problém*; *телеграмма* — *telegram*, *программа* — *program* и т. д.

Частеречная асимметрия, являясь разновидностью морфологической асимметрии, может использоваться в целях пропозитивной номинации, как бы перемещаясь на синтаксический уровень. В подтверждение нашей мысли сравним структуру нескольких односоставных предложений с широким значением бытийности в русском и чешском языках: *Пожар!* — *Hoří! Na ulice doждь.* — *Venku prší*; *На улице мороз* — *Mrzne*; *Молния!* — *Blýská se!* и т. п. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в русском языке коммуникативная установка — выражение состояния природных или каких-либо стихийных сил — реализуется путем использования предметной номинации. Чешский язык в тех же целях использует глагольную лексику, несмотря на наличие в языке синонимичных именных лексем: *požár* = *hoří*, *blesk* = *blýská se*, *mráz* = *mrzne*.

Приведенные и подобные односоставные предложения в структурном отношении можно рассматривать как своеобразную синтаксическую универбизацию. В русских предложениях признак субстанции — значение про-

цессуальности: *пожар (вспыхнул), дождь (идет), мороз (крепчает), молния (сверкает)* — не имеет эксплицитного выражения. В чешских функционально-семантических эквивалентах признак выражается эксплицитно, а его носитель мыслится имплицитно, если учесть, что признак не существует сам по себе, в отрыве от субстанции. Таким образом, семантические структуры русских и чешских предложений по-разному проецируют связи между субстанцией и ее признаком, манифестируя различные способы выражения самой субстанции и ее признака. Функциональная эквивалентность русских предметных и чешских глагольных наименований оказывается, на наш взгляд, возможной благодаря тому, что русские существительные обозначают явления, способные развиваться во времени, выполняя как бы как свою первичную (предметную), так и вторичную (признаковую) функции.

Анализ межязыковой асимметрии на каждом языковом уровне способствует решению конкретных задач сопоставительного описания номинативных систем. Так, выявление лексико-семантической асимметрии, обусловливаемой неодинаковой полисемантической активностью номинаций в сопоставляемых языках, различным соотношением гиперонимов и гипонимов, неодинаковой протяженностью синонимических рядов и рядом других причин, позволяет установить различия в количественной характеристике номинаций, различия в диапазоне функционирования эквивалентных номинантов, что в конечном счете означает разную степень дифференцированности при интерпретации понятия на лексическом уровне. Так, если в определенном ноэтическом пространстве в чешском языке будут преобладать номинанты с высокой полисемантической активностью, это будет означать, что они имеют широкий диапазон употребления. Подобные номинации могут иметь в русском языке эквиваленты с более узким семантическим объемом и, соответственно, с меньшим диапазоном функционирования (Chlupáčová 1974, с. 122). Ср. для иллюстрации:

	1. шаг (строевой)
	2. поход, марш (военный)
pochod —	3. марш (музыкальное произведение)
	4. процесс (мыслительный, производственный)
	1. коллектив, состав (учительский, преподавательский)
sbor —	2. корпус (дипломатический)
	3. хор (певческий)
	1. роль (специалиста в производстве)
	2. задача (поставленная перед коллективом, математическая)
úloha —	3. задание (домашнее)
	4. роль (театральная)

Если подобные корреляции в определенном ноэтическом пространстве будут иметь регулярный характер, это позволит сделать вывод о типологических различиях номинаций в заданной функциональной области.

Анализ межязыковой асимметрии на собственно словообразовательном уровне позволяет выявить степень активности словообразовательных способов и средств при выражении ономазиологических структур. Так, в частности, бóльшая степень стандартизации в области деривационного образования в чешском языке в сравнении с русским наглядно проявляется при сравнении собирательных имен, интерпретирующих собирательные понятия. Соотношение характеризованных и нехарактеризованных в деривационном отношении собирательных имен распределяется таким образом, что в чешском языке насчитывается большее количество имен с эксплицитно выраженным значением собирательности, т. е. с использованием специальных словообразовательных формантов, морфемная сочетаемость которых часто шире сочетаемостных возможностей эквивалентных русских аффиксов. В ряде случаев механизм образования собирательных имен в чешском языке близок к парадигматическому. Подтверждением сказанного могут служить собирательные имена с суффиксом **-tvo-** / **-stvo-**. Они образуются без особых структурных ограничений и входят в самые различные лексико-семантические разряды собирательных существительных. Ср.: *žactvo* — *ученики*, *učitelstvo* — *учителя*, *koňstvo* — *лошади*, *ptactvo* — *птицы / пернатые*, *včelstvo* — *пчелиная семья*, *živočišstvo* — *животные / животный мир*, *rostlinstvo* — *растительность*, *šatstvo* — *одежда*, *lodstvo* — *флот*, *vodstvo* — *воды*, *svalstvo* — *мускулы / мускулатура*, *nervstvo* — *нервная система*, *horstvo* — *горная система* и т. д.

Разная степень словообразовательной активности аффиксов в русском и чешском языках имеет своим результатом структурную асимметрию функционально-семантических эквивалентов. В связи с этим чешскому словообразовательному деривату в русском языке часто соответствуют составные номинативные единицы, выраженные словосочетанием. Например: *učivo* — *учебный материал*, *osivo* — *посевной материал*, *посевное зерно*, *kuřivo* — *табачные изделия*, *peřivo* — *хлебобулочные изделия* и т. п. Структурная словообразовательная асимметрия функционально-семантических эквивалентов может также выражаться и в том, как уже отмечалось, что коррелятами чешских словообразовательных дериватов в разряде собирательных имен являются существительные в форме расчлененного множественного числа, а так-же безаффиксные существительные со значением лексической собирательности с точки зрения современного состояния языка. Ср.: *stromoví* — *деревья*, *paroží* — *рога*, *kvítí* — *цветы*, *rákosí* — *камышы*, *zrní* — *зерно*, *uhlí* — *уголь*, *haraburdí* — *рухлядь*, *baraхло*, *sloupoví* — *колоннада* и т. д.

Более развитое деривационное образование в разряде собирательных имен в чешском языке в сравнении с русским свидетельствует

о том, что представление понятия в языковом знаке в данном ноэтическом пространстве характеризуется в чешском языке более последовательной структурной соотносительностью логических и собственно языковых категорий, чем это наблюдается в русском языке.

Межъязыковая асимметрия номинативных функционально-семантических эквивалентов имеет неодинаковую онтологическую значимость для характеристики объективируемого денотата.

Асимметрия числовых форм, как результат их неодинаковой функциональной нагрузки, представляет денотат, с одной стороны, как класс однородных объектов и, с другой стороны, как совокупность представителей данного класса. Указанная противопоставленность выявляется на уровне пропозитивной номинации при выражении формами числа родового (генерического) или обобщенно-собирающего значения. Чешский язык при этом более последовательно, чем русский, фиксирует расчлененность денотата — совокупную множественность. Русский язык в подобных случаях представляет денотат как целостный, неделимый объект. Ср.: *Odedávna jsou proslulí kabardinští koně. — Издавна славится кабардинский конь. Kdy s Němci uzavřeme mír? — Когда*

с немцем замиряться будем? (А. Толстой) *Staří a mladí běželi po ulicích. — Старый и малый бежали по улицам.* Формам расчлененного множественного числа отдается приоритет в чешском языке и при выражении дистрибутивного значения. Ср.: *Psi běželi se zvednutými ocasy. Собаки бежали, задрав хвост. Všichni stáli po kolena ve vodě. Все стояли по колено в воде. Přítomní otočili hlavy a podívali se na dveře. Присутствующие повернули голову в сторону дверей.*

Асимметрия родовых форм в пределах естественного рода указывает на то, что в одном языке денотат воспринимается как дифференцированный объект, а в другом — недифференцированный. Родовая асимметрия, как правило, бывает обусловлена деривационной, т. е. собственно словообразовательной, асимметрией. Ср.: *врач — lékař/-ka, инженер — inženýr/-ka, профессор — profesor/-ka, доцент — docent/-ka, министр — ministr/-yně, директор — dirigent/-ka.*

Поскольку различия близкородственных языков проявляются не столько на системном, сколько на функциональном уровне (Широко-ва 1978), то для выявления закономерностей межъязыковой асимметрии должна быть предложена классификация, которая бы учитывала как системно-структурный, так и функциональный аспекты. Она должна с учетом функциональной направленности конкретизировать общие разряды номинаций, т. е. выделенные нами ранее лексико-грамматические разряды имен, объективирующие систему логических понятий. Таким образом, за исходное направление выбирается дедуктивный подход, когда выявление и сопоставление частных номинативных разрядов, а также, возможно, и отдельных номинаций осуществляется

в процессе конкретизации предельно общих понятийных категорий. На собственно языковом уровне это означает трансформацию абстракции грамматической в абстракцию лексическую. Функциональный параметр, положенный в основу классификации, с одной стороны, служит объединяющим началом номинаций, функционирующих в языке, с другой стороны, выполняет роль того механизма, который дифференцирует, разветвляет это единоначалие.

Кроме того, мы учитываем тот факт, что мир реальных вещей не имеет жестких границ, что обуславливает наличие переходных понятийных зон.

Перейдем к конкретному сопоставительному рассмотрению отдельных ноэтических пространств в русском и чешском языках, определив предварительно понятие функционального номинативного типа.

Языковая функция понимается нами (и как она была определена представителями Пражской лингвистической школы) как целевая направленность, целевая установка языкового знака («Пражский лингв. кружок» 1967, с. 17). В таком понимании функция есть своеобразный «мост» между внешней структурой и «внутренним движением мысли» («Пражский лингв. кружок» 1967, с. 11).

Номинативная функция языка «запрограммирована», по нашему убеждению, онтологической природой логических понятий. Каждое понятие в той или иной степени служит цели идентификации, интерпретации, отождествления и оценки того или иного объекта, явления действительности, таким образом, функциональный параметр каждого вида понятия мотивирует функциональную нагрузку каждого разряда номинации. Причем номинативные разряды в процессе функционирования могут между собой пересекаться подобно тому, как пересекаются логические понятия. Так, конкретные понятия включают в себя понятия единичные и понятия общие. Точно так же конкретные номинации представлены в языке именами собственными (единичными) и нарицательными (общими).

Учитывая соотношенность функционального объема понятий и номинаций, следует признать субкатегоризацию номинативной функции языка. Как и функциональный объем логических понятий, она формируется на основе идентификации, интерпретации, отождествления и оценки явлений действительности. Это позволяет в системе номинаций выделить соответственно номинативный разряд собственно идентифицирующий, собственно функциональный (в узком понимании это-го термина — наименования артефактов), признаковый и оценочный.

Мы полагаем, что субкатегориальные номинативные функции языка имеют свое выражение на лексическом уровне в функциональных типах лексического значения (Арутюнова 1980).

2. Функциональные номинативные разряды в русском и чешском языках в сопоставительном аспекте

2.1. Идентифицирующее значение. Во всей функциональной палитре номинаций ведущую роль, на наш взгляд, играет идентифицирующее значение, так как прежде чем охарактеризовать какое-либо явление внешнего мира и дать ему оценку, необходимо это явление идентифицировать. На этом основании можно полагать, что элемент идентификации присутствует в каждом функциональном номинативном типе. В этой связи представляется целесообразным различать собственно идентифицирующую функцию номинаций, служащую цели идентификации, вычленению объекта из общего континуума, и идентифицирующий компонент, присутствующий в функциональном потенциале всех остальных номинативных типов.

Итак, собственно идентифицирующий номинативный тип формируется на базе той лексики, которая имеет ярко выраженный таксономический характер при отсутствии каких-либо дополнительных коннотаций.

В разряд собственно идентифицирующих номинаций входят прежде всего конкретные имена, как собственные, так и нарицательные.

В наиболее «чистом» виде рассматриваемый тип представлен собственными именами. В разряде собственных имен идентифицирующая функция полностью совпадает с классификационной. Идентифицируя, определяя единичный объект, мы тем самым и классифицируем его. «Для имен собственных основной является функция называния предметов действительного и воображаемого мира. Собственные имена неконнотативны. Они называют предмет, но не приписывают ему никаких свойств» (Арутюнова 1977, с. 189).

Из разряда нарицательных имен к идентифицирующему типу относятся имена, называющие различные области мироздания — мир флоры и фауны, рельеф, различные природные явления и т. п.

Не имея возможности проводить детальный сопоставительный анализ всех обозначенных выше разрядов идентифицирующей лексики в сопоставительном плане, обратим внимание лишь на те из них, которые в современных чешском и русском языках обнаруживают наибольшее сходство или же, наоборот, существенные различия. С этой точки зрения заслуживает внимания сопоставительный анализ собственных имен. Эквивалентные номинанты этого разряда являются обычно в сопоставляемых языках полными синонимами как на уровне денотатов, так и на уровне сигнификатов. Собственные имена в своей первичной функции реализуют в языке, как мы пытались показать, единичное понятие, что имеет своим результатом тождество семантических объемов сопоставляемых номинантов. Различия между языками при объективации единичных понятий относятся не к плану содержания, а к плану выражения, к структурному способу представления объекта в знаке. Причем структурные различия наиболее показательны там, где отсутствует семантическая мотивация и наименование объекта осуществляется по существующим в языке моделям. Именно этим обстоятельством объясняет-

ся наш интерес к заимствованной топонимике в русском и чешском языках. Чешский язык в этой области нэотического пространства, как показывает наш материал, обнаруживает склонность к употреблению существительных pluralia tantum, в то время как русский язык отдает приоритет морфологическим формам единственного числа. Ср. для иллюстрации: *Бавария* — Bavoru, *Венеция* — Benátky, *Антверпен* — Antverpy, *Бремен* — Brémy, *Тироль* — Tyroly, *Брюгге* — Bruggy, *Ахен* — Cáchy, *Фландрия* — Flandry, *Лурд* — Lurdy, *Мец* — Mety, *Мюлуз* — Mulhúzy, *Сопот* — Sopoty, *Шницберген* — Spicberky, *Бранденбург* — Branibory и т. д. На ту же склонность чешского языка к использованию лексикализованных форм множественного числа, в частности и в области собственно чешской топонимики и урбанистики, обратил в свое время внимание известный чешский литературный критик, поэт и переводчик П. Айзнер: «Чешский язык густо наполнен фактами, свидетельствующими об особом увлечении чешского человека формами плюрала в процессе высказывания и называния» (Eisner 1964, s. 94).

Важно при этом отметить чрезвычайно широкое употребление в чешском языке лексикализованной формы множественного числа как специфического средства языкового выражения в самых различных нэотических пространствах. Обращаясь вновь к области топонимики, можно обнаружить функционирование существительных pluralia tantum во всех ее частных подсистемах: при наименовании страны: *Čechy*, *Uhry* (*ист.*), наименовании городов, разного рода урбанизмов, населенных пунктов: *Budějovice*, *Litoměřice*, *Mokropsy*, *Příkory*, *Olšany*, *Rokycany*, наименовании рельефных особенностей, участков суши: *Beskydy*, *Krkonoše*, *Pomořany*.

Русский язык в области топонимики, хотя тоже довольно широко использует лексикализованные формы множественного числа, в ряде случаев отдает предпочтение иным способам выражения и в частности, аналитическим образованиям. Это касается наименований прежде всего островных образований, наименований горных массивов. Для адекватности сравнений подтвердим наше предположение примерами заимствованных топонимов:

<i>Azory</i> — <i>Азорские острова</i> ,	<i>Karolíny</i> — <i>Каролинские острова</i> ,
<i>Aleuty</i> — <i>Алеутские острова</i> ,	<i>Kerguleny</i> — <i>Кергуленские острова</i> ,
<i>Aldany</i> — <i>Алданские острова</i> ,	<i>Komory</i> — <i>Коморские острова</i> ,
<i>Amiranty</i> — <i>Амирантские острова</i> ,	<i>Lofoty</i> — <i>Лофонтенские острова</i> ,
<i>Adamany</i> — <i>Адаманские острова</i> ,	<i>Moluky</i> — <i>Молуккские острова</i> ,
<i>Antily</i> — <i>Антильские острова</i> ,	<i>Nikobary</i> — <i>Никобарские острова</i> ,
<i>Bahamy</i> — <i>Багамские острова</i> ,	<i>Orkneje</i> — <i>Оркнейские острова</i> ,
<i>Baleáry</i> — <i>Балеарские острова</i> ,	<i>Taury</i> — <i>Тауроогенский горный массив</i> ,
<i>Bermudy</i> — <i>Бермудские острова</i> ,	<i>Abzuzy</i> — <i>Абруцкие горы</i>
<i>Dolomity</i> — <i>Доломитовы Альпы</i> ,	и др.

Используя составные аналитические наименования, русский язык имеет возможность более детально, с большей степенью эксплицитности в сравнении с чешским языком, отдающим предпочтение высокостан-

дартизированной морфологической форме, характеризовать объекты внешнего мира. Если в приведенных выше русских номинациях понятие «остров» и «гора» выражаются специальной лексемой, т. е. эксплицитно, то в чешских эквивалентных номинациях эти же понятия выражаются имплицитно. Синонимия номинаций на уровне сигнификатов не исключает, следовательно, разного соотношения в эквивалентных языковых знаках основной (эксплицитной) и фоновой (имплицитной) информации. Более того, тождество экстенционала (объема) и интенционала (содержания) эквивалентных номинаций — межъязыковых синонимов — не нарушается и возможной неидентичностью их внутренней формы. Признаки, положенные в основу наименования, могут относиться к разным сторонам проявления внеязыкового объекта, эксплицируя, например, в одном языке его функциональные признаки, а в другом — собственно качественные. При этом, однако, в обоих языках формируется одно и то же понятие о внеязыковом объекте. В разряде собственных имен показателен в этом отношении, в частности, сопоставительный анализ наименований церковных праздников и обрядов. Хотя в номинациях обнаруживается национальная культурологическая специфика, они стилизуют идентичные понятия из области христианства. Так, русским названиям обрядов *Страстной Четверг*, *Страстная Пятница*, *Страстная Суббота* с признаком, выраженным относительным прилагательным, в чешском языке соответствуют наименования *Zelený čtvrtek*, *Velký pátek*, *Bílá sobota* с определением, выраженным качественным прилагательным.

Семантическая асимметрия внутренней формы номинаций, синонимичных на уровне сигнификата, — явление, широко распространенное. Ср. дополнительные примеры, относящиеся к разряду наименований праздников и обрядов: *Крещение* — svátek Tří králů, *родительская Суббота* — Dušičky, *Сочельник* — Štědrý večer, *Успение (богородицы)* — Nanebevzetí (Panny Marie), *масленица* — masopust, *престольный праздник* — posvícení, *Спас* — svátek Spasitele и многие другие.

Одной из причин семантической асимметрии (асимметрии внутренней формы) функционально-семантических эквивалентов может быть наличие заимствованных номинаций в одном из языков. Ср.: *рождество* (собств.) — vánoce (заимств.), *пасха* (заимств.) — velikonoce (собств.) и др.

Что касается вопроса происхождения идентифицирующей лексики в целом, то здесь выявляются следующие типы корреляций:

1) использование в обоих языках собственных номинаций, часто восходящих к общеславянской лексике и по этой причине близких по фонетической огласовке: *дуб* — dub, *трав* — tráva, *волк* — vlk и т. д.

2) использование в обоих языках собственных номинаций, имеющих, однако, неодинаковую фонетическую структуру: *пустырник* — *srdečník*, *калужница* — *blatouch*, *курица* — *slepice*, *цыпленок* — *kuře* и др.;

3) использование в обоих языках заимствованной лексики: *Марс* — *Mars*, *Юпитер* — *Jupiter*, *плутоний* — *plutonium*, *лотос* — *lotos* и др.;

4) использование в одном языке собственных наименований, в другом — заимствованных: *январь* — *leden*, *февраль* — *únor*, *картофель* — *brambor* и др.

Не ставя перед собой цель проведения конкретного статистического анализа по выявлению количественных соотношений указанных типов корреляций (см.: Кореčný 1981; Vlček 1985), отметим тем не менее, что эти соответствия в отдельных разрядах идентифицирующих номинаций проявляются по-разному. Так, можно констатировать, что в некоторых разрядах флоры и фауны преобладает общеславянская лексика. Номинанты при этом, обнаруживая синонимию как на уровне денотатов, так и на уровне сигнификатов, характеризуются дополнительно близостью фонетической огласовки. Ср.:

<i>липа</i> — <i>lípa</i>	<i>малина</i> (ягода) — <i>malina</i>
<i>береза</i> — <i>bříza</i>	<i>мох</i> — <i>mech</i>
<i>верба</i> — <i>vrba</i>	<i>корень</i> — <i>kořen</i>
<i>ива</i> — <i>jíva</i>	<i>медведь</i> — <i>medvěd</i>
<i>клен</i> — <i>klen</i>	<i>заяц</i> — <i>zajíc</i>
<i>яблоня</i> — <i>jabloň</i>	<i>корова</i> — <i>kráva</i>
<i>груша</i> — <i>hruška</i>	<i>ворона</i> — <i>vrána</i>
<i>вишня</i> — <i>višně</i>	<i>осел</i> — <i>osel</i>
<i>осина</i> — <i>osika</i>	<i>рыба</i> — <i>ryba</i>
<i>бук</i> — <i>buk</i>	<i>муха</i> — <i>moucha</i>
<i>тополь</i> — <i>topol</i>	<i>вол</i> — <i>vůl</i>
<i>пшеница</i> — <i>pšenice</i>	<i>бык</i> — <i>býk</i>
<i>овес</i> — <i>oves</i>	<i>баран</i> — <i>beran</i>
<i>лен</i> — <i>len</i>	<i>лось</i> — <i>los</i>
<i>ячмень</i> — <i>ječmen</i>	<i>олень</i> — <i>jelen</i>
<i>просо</i> — <i>proso</i>	<i>кролик</i> — <i>králík</i>
<i>чеснок</i> — <i>česnek</i>	<i>овца</i> — <i>ovce</i>
<i>тыква</i> — <i>tykev</i>	<i>коза</i> — <i>koza</i>
<i>морковь</i> — <i>mrkev</i>	<i>мышь</i> — <i>myš</i>
<i>мак</i> — <i>mák</i>	<i>ягненок</i> — <i>jehně</i>

В разрядах наименований флоры близость фонетической огласовки характеризует прежде всего названия деревьев, хотя это положение не является абсолютным. Ср.: *сосна* — *borovice*, *ель* — *smrk*, *пихта* — *jedle*, *лиственница* — *modřín*. В наименованиях мелкой растительности — названия кустарников, цветов, ягод, а также плодов более часты случаи несовпадения

фонетических структур синонимичных номинаций. При этом возможна корреляция собственных наименований в одном языке и заимствованных в другом. Ср.: *крыжовник* — *angrešt*, *смородина* — *gubíz*, *помидор* — *rajče*, *звездика* (цветок) — *karafiát*, *ромашка* — *heřmánek*, *цикорий* — *čekanka*, *маргаритка* — *sedmikráska*, *лук* — *sibule*, *можжевельник* — *jalovec*, *орешник* — *líška*, *боярышник* — *hloh*, *сирень* — *šeřík*, *акация* — *akát*, *камыш* — *rákos*.

Различия в фонетической и прежде всего словообразовательной структуре синонимичных номинаций свидетельствуют об асимметрии их внутренней формы, различии признаков, положенных в основу наименований цветов и трав. Ср.: *анютины глазки* — *macešky*, *первоцвет* — *petrklič*, *одуванчик* — *rampeliška*⁴, *бессмертник* — *slaměnka*, *зверобой* — *třezalka*⁵ (*zděšenec*), *череда* — *dvouzubec*, *черника* — *borůvka*, *ежевика* — *ostružina*, *голубика* — *vlochyně*.⁶

Наш материал, однако, не позволяет в различиях внутренней формы синонимичных номинаций установить какие-либо типологические параметры. Выбор признаков представляется скорее спонтанным, по очевидным признакам растения, чем сознательно целенаправленным, отдающим предпочтение качественным или же функциональным свойствам растений. Заметим попутно, что именно функциональный характер признака, положенный в основу наименования, дает основания классифицировать ботаническую лексику как номинативный разряд переходного типа — от имен идентифицирующих к именам собственно функциональным (в узком понимании этого термина).

Если в собственных номинациях внутренняя форма может служить «образом значения», по выражению А. А. Потебни, «представлением», которое «облегчает обобщение» (Потебня 1989, с. 216), то в заимствованных наименованиях чужеродный звуковой комплекс по понятным причинам в этом отношении «безмолвствует». Выявление заимствований в сопоставительном анализе может использоваться как свидетельство конвергентного или же дивергентного развития близкородственных языков. Так, в разряде идентифицирующих имен русский и чешский языки без особых препятствий заимствовали наименования, относящиеся к астрономической лексике. Ср.: *астероид* — *asteroid*, *планета* — *planeta*, *метеор* — *meteor*, *метеорит* — *meteorit*, *галактика* — *galaxie*, *космос* — *kosmos*, *комета* — *kometa*, *зенит* — *zenit*, *зодиак* — *zodiak*, *Юпитер* — *Jupiter*, *Марс* — *Mars*, *Меркурий* — *Merkur*, *Сириус* — *Sirius*, *Орион* — *Orion*, *Плеяды* — *Plejády*, *Аполлон* — *Apollo*, *Андромеда* — *Artemis*.

⁴ Элемент *rompel* означает густой белый сок, который роняет цветок (Machek 1971).

⁵ От др.-чешск. *dřezaly* «дрожащий» (Machek 1971).

⁶ Вероятно, связано с *hluchý* в значении «поддельный» (Machek 1971).

Наблюдения над заимствованной лексикой позволяют сделать предположение, что более свободно заимствуется терминология, что имеет свое обоснование, — номинанты единичных и обобщенных понятий. По мере детерминологизации первоначальные заимствованные термины часто «обрастают» синонимами языка-рецептора, причем новообразования могут иметь дополнительные коннотации. Ср. для примера собственно чешские синонимы к заимствованному термину *комета*: *kometa* — *vlasatá hvězda*, *vlasatice*, *bludná hvězda* (*поэт.*), *bludice*, *bludička*, *metla nebes*, *metla boží* (*арх.*). Аналогично: *meteor* — *povětrň* (*арх.*), *letavice* (*проф.*), *blýskavice*, *jasice* (*поэт.*); *zodiak(us)* — *zvířetní kruh* (*устар.*), *dvanáctero znamení nebeských*, *zvěrokruh*, *zvířetník*, *souhvězdí zvířetníková*.

Интенсивность заимствований в идентичных или смежных ноэтических пространствах в близкородственных языках часто оказывается неодинаковой. Так, если в названиях небесных тел, космических систем можно констатировать примерно одинаковое количество заимствований, то в наименованиях астрономических промежутков времени между чешским и русским языками очевидны принципиальные различия. Известно, что в X веке, с принятием христианства, в Древнюю Русь перешло и летоисчисление, применявшееся римлянами: юлианский календарь, римские названия месяцев. В современном русском языке римские названия месяцев сохранились практически без изменений.

В чешском закрепились названия месяцев собственного происхождения, восходящие к общеславянской лексике. Ср.: *январь* — *leden*, *февраль* — *únor*, *март* — *březen*, *апрель* — *duben*, *май* — *květen*, *июнь* — *červen*, *июль* — *červenec*, *август* — *srpen*, *сентябрь* — *září*, *октябрь* — *říjen*, *ноябрь* — *listopad*, *декабрь* — *prosinec*.

При наименованиях частей света в русском и чешском языках: *восток* — *východ*, *запад* — *západ*, *север* — *sever*, *юг* — *jih* — обращают на себя внимание прежде всего различия в первой паре коррелятов. Русское *восток*, по мнению исследователей, является калькой греческого *anatole* (Vlček 1985, s. 165). Кроме того, чешские *východ* и *západ* полисемичны. *Východ* является синонимом, помимо приведенного выше соответствия, также русских номинаций *выход* (*из дома*, *со двора*) и *восход* (*солнца*), а чешское *západ* — соответствует русским *закат*, *заход* (*солнца*). В русском языке, таким образом, можно констатировать более строгую терминологизацию при обозначении частей света, чем в чешском.

В номинациях дней недели очевидна общность происхождения, функционирующих в современных языках обозначений, о чем свидетельствует фонетическая огласовка наименований. Ср.: *понедельник* — *pondělí / pondělek*, *вторник* — *úterý / úterek*, *среда* — *středa*, *четверг* — *čtvrtek*, *пятница* — *pátek*, *суббота* — *sobota*, *воскресенье* — *neděle*. Лишь наименования седьмого дня недели имеют разное происхождение. Современное русское *воскресенье* является, собственно, заимствованием из старо-

славянского. Что же касается чешских наименований *pondělí, úterý*, то они возникли в результате эллипсиса: *ponedělní den, druhý den* (Vlček 1985, s. 162).

Поскольку основная цель нашего исследования заключается в выявлении общих типологических свойств номинативных систем русского и чешского языков, мы оставляем в стороне анализ причин, имеющих своим результатом семантическую, а также и стилистическую неадекватность отдельных номинаций с близкой фонетической структурой, восходящих к общеславянскому лексическому фонду, таких как *конь* — *kůň*, *лес* — *les*, *свинья* — *svině*, *змея* — *zmije*; *слива* — *slíva*, *бор* — *bog*, *репа* — *řepa*; *неделя* — *neděle*, *май* — *máj*, *час* — *čas* и т. п. Указанные и подобные случаи описаны исследователями (Vlček 1985).

В свете наших задач представляется целесообразным несколько подробнее остановиться на анализе гиперонимов в разряде идентифицирующих номинаций. Рассматриваемый пласт лексики характеризуется ярко выраженной таксономией, которая в свою очередь реализуется в системных гиперо-гипонимических отношениях. Гиперонимы — подчиняющие понятия и гипонимы — подчиненные понятия по сути своей являются языковой стилизацией логических родо-видовых отношений. Поскольку гиперонимы в разряде идентифицирующей лексики занимают по своей системной значимости конституирующее положение, то их характеристика может быть показательна при выявлении типологических свойств номинативных систем.

Гиперонимы систематизируют прежде всего разряды номинаций, относящихся к области флоры и фауны. В силу логических обстоятельств гиперонимы в указанных ноэтических пространствах характеризуются высокой степенью терминологизации и по этой причине являются в сопоставляемых языках полными синонимами как на уровне денотатов, так и на уровне сигнификатов. Однако их структурная характеристика в сопоставительном плане выявляет как сходства, так и различия. В обоих языках для обозначения родового понятия могут употребляться субстантивные прилагательные: *хвойные* — *jehličnaté*, *широколиственные* — *širokolisté*, *мотыльковые* — *motýlokvěté*, *бесчерепные* — *bezlebeční*, *масляничные* (растения) — *olejnaté (rostliny)*, *плодовые* (овощи) — *plodová (zelenina)*.

Однако в чешском языке субстантивация прилагательных, как явление функциональной морфологической транспозиции, не имеет столь последовательного выражения, как это наблюдается в русском языке, где целый ряд лексико-тематических групп представлен субстантивированными прилагательными, которые могут служить моделью для образования новых субстантивированных прилагательных, хотя и в узких семантических рамках (Исаченко 1965, с. 233–240). По этой причине и в нашем случае более типичной является корреспонденция субстантивированных прилагательных с субстантивными дериватами. Ср.: *позвоночные* — *obratlovci*, *земноводные* —

obojživelníci, *тра-воядные* — býložravci, *парнокопытные* — sudokopytníci, *млекопитающие* — savci, *иглокожие* — tlustokožci, *ракообразные* — korýši, *членистоногие* — členovci, *четвероногие* — čtyřnožci, *пернатые* — ořepenci, *жвачные* — přežvýkavci, *непарнокопытные* — lichokopytníci, *хоботные* — chobotnatci, *китообразные* — kytovci, *ластоногие* — ploutvonožci, *насекомоядные* — hmyzožravci, *рукокрылые* — letouni, *сумчатые* — vačnatci, *пре-*
смы-
кающиеся — plazi, *мягкотелые* (моллюски) — měkkýši; *зерновые* — obilniny, *бобовые* — luskoviny, *пропашные* — okopaniny, *кормовые* — píceňniny, *папоротникообразные* — kapradorosty, *плодовые* (деревья) — ovocnáře (разг.)

Приведенный материал, иллюстрирующий словообразовательную асимметрию на уровне гиперонимов в разряде идентифицирующей лексики, подтверждает, на наш взгляд, высокий деривационный потенциал чешского языка, превосходящий деривационные возможности русского языка. Деривационная асимметрия, таким образом, является одним из отличительных типологических параметров в области идентифицирующей номинации сопоставляемых языков.

Различия на структурном уровне тем не менее не нарушают адекватности передачи логической информации. Коррелирующие гиперонимы воспроизводят в обоих языках понятие класса как мыслительного конструкта, воспринимаемого в единстве лишь на сигнификативном уровне. На уровне денотата — это реальное множество. За гиперонимом всегда стоит ряд дискретных однородных предметов, которые по крайней мере потенциально доступны пересчету.

Идентифицирующая номинация, как нами уже было отмечено, — это номинация прежде всего естественных классов, создающих жизненную среду. Можно полагать, что универсальность объективируемых явлений обуславливает идентичность их восприятия носителями близкородственных языков, заселяющими смежные территориальные пространства. Идентичность восприятия внеязыковых явлений накладывает, в свою очередь, отпечаток на способы языковой стилизации объективируемых фактов действительности. Эта особенность заключается в преобладании в сопоставляемых языках адекватной сегментации поэтических пространств. Идентифицирующая номинация — наименования флоры, фауны, рельефа, астрономических систем и явлений

и т. п. — в значительной степени терминологизирована, и это объясняет преобладание в ней межъязыковых синонимов. Функционально-семантические эквиваленты в разрядах идентифицирующей номинации в

преобладающем большинстве случаев являются синонимами не только на денотативном, но и на сигнификативном уровнях.⁷

Центральным вопросом, относящимся к структурному уровню идентифицирующей номинации, является вопрос о том, имеет ли идентифицирующий компонент значения свои собственные способы выражения. На этот вопрос, по нашему мнению, следует ответить отрицательно. В разрядах номинаций с идентифицирующим значением преобладает не столько эксплицитно выраженный в языковом отношении, сколько логический, структурно не мотивированный параметр объединения объектов в один номинативный разряд. Идентифицирующее значение в преобладающем большинстве случаев или вообще не эксплицируется (у немотивированных имен на синхронном срезе) или эксплицируется языковой структурой неоднозначно, в силу полифункциональности аффиксов. В качестве примера можно, в частности, сослаться на чешские суффиксы *-stvo / -ctvo, -í / -oví* со значением собирательности, которая в чешском языке является категорией в структурном отношении более стандартизированной в сравнении с русским. Указанные суффиксы оформляют в чешском языке имена, которые могут быть отнесены к разряду идентифицирующих — собирательное обозначение флоры и фауны, рельефных особенностей и т. д. Ср.: *ptactvo* — *птицы, пернатые*, *živočišstvo* — *животные, животный мир*, *rostlinstvo* — *растительность*; *horstvo* — *горная система*, *vodstvo* — *водная система*, *koňstvo* — *лошади*, *včelstvo* — *пчелиная семья*, *stromoví* — *деревья*, *kvítí* — *цветы*, *rákosí* — *камышы*, *zrní* — *зерно*. Вместе с тем эти же суффиксы употребляются и при образовании имен с функциональным и даже оценочным значением — обозначение лиц по профессии, роду занятий, сословной принадлежности, а также наименования артефактов и т. п. Ср.: *žactvo* — *учащиеся*, *učitelstvo* — *учителя*, *studentstvo* — *студенчество*, *dělnictvo* — *рабочий класс*, *měšťanstvo* — *городское сословие*, *řemeslnictvo* — *ремесленники*, *rolnictvo* — *крестьянство*, *námořnictvo* — *морской флот*, *dělostřelectvo* — *артиллерия*, *letectvo* — *авиация*, *čtenářstvo* — *читатели, читательская общественность*, *posluchačstvo* — *слушатели*, *voličstvo* — *избиратели*, *předsednictvo* — *президиум*, *členstvo* — *члены, членский состав*; *náčelnictvo* — *начальство*; *nádobí* — *посуда*, *sloupoví* — *колоннада*, *haraburdí* — *рухлядь, барахло*, *harampádí* — *хлам, барахло* и т. д.

Необходимо заметить также, что у номинаций с суффиксом *-ctvo/-stvo* в ряде случаев наблюдается семантический сдвиг от значения «функциональная общность» коллектива к наименованию «инструмента» деятельности. Так, наименования *dělostřelectvo*, *lod'stvo*, *letectvo* обозначают не только коллективы людей по профессии, но и предметы деятельности: *самолеты, орудийные установки* (Tvoření slov v češtině 1976, с. 481). Кроме того, с

⁷ Дивергентное развитие переносных значений у исконных межъязыковых синонимов является отдельной проблемой и нами в расчет не принимается.

суффиксом -stvo образованы некоторые анатомические наименования с ярко выраженным значением целевой предназначенности именуемого объекта. Ср.: *nervstvo* — *нервная система*, *cévstvo* — *система кровеносных сосудов*, *žilstvo* — *венозная система*, *čívstvo* — *нервная система* (книжн.), *ústrojstvo* — *анатомические органы*, *svalstvo* — *мускулатура*.

Полифункциональность словообразовательных способов и средств в русском языке также не позволяет говорить о строгой эксплицитной выраженности идентифицирующего компонента. Так, в частности, распространенным способом образования гиперонимов в разряде флоры и фауны является, как было отмечено выше, субстантивация. Но этот способ встречается и в ряде других неэтических пространств: при обозначении лица по роду занятий или профессии, в названиях помещений, мастерских, цехов, в названиях торговых заведений, в названиях блюд и кушаний, в различного рода терминологических системах и др. Ср. для иллюстрации: *портной*, *пожарный*, *лесничий*, *учащийся*, *дежурный*; *столовая*, *гостиная*, *кладовая*, *приемная*, *диспетчерская*, *булочная*, *кондитерская*; *жаркое*, *мороженое*, *сладкое*; *касательная*, *прямая*; в фонетической терминологии — *губной*, *взрывной*, *заднеязычный* и многие другие.

Тем более не имеет структурного эксплицитного выражения идентифицирующий компонент в структурно не мотивированных в синхронном плане языка номинациях, таких как *лес*, *гора*, *небо*, *воздух*, *трава* и т. п., восходящих часто к общеславянской лексике.

Идентифицирующее значение, как уже отмечалось, не имеет эксплицитного выражения, по понятным причинам, и в заимствованиях, входящих в разряде идентифицирующей номинации в терминологические системы.

Изложенные факты позволяют, на наш взгляд, утверждать, что идентифицирующая лексика группируется прежде всего по логическому признаку — в ее основе лежит объективация конкретных идентифицирующих понятий. Для типологической характеристики идентифицирующих имен в сопоставительном плане важно отметить явление сигнификативной синонимии, имеющее широкое распространение в рассматриваемом разряде номинаций.

Что касается структурных различий сопоставляемых языков, то анализ идентифицирующей лексики, несмотря на всю фрагментарность проведенного исследования, все же дает основания подтвердить концепцию, изложенную впервые проф. А. В. Исаченко, о более высокой степени деривационной стандартизации чешского языка в сравнении с русским.

Сопоставительный анализ заимствованной топонимики подтверждает большую предрасположенность морфологической формы мн. числа чешских существительных к лексикализации в сравнении с русским языком.

2.2. Собственно функциональное значение (как эксплицитное, так и имплицитное) понимается нами как выражение целевого назначения объективируемого предмета реальной действительности. Функциональное значение обнаруживает некоторое сходство с идентифицирующим значением. Так же как и идентифицирующие номинации, имена с функциональным значением характеризуются высокой степенью таксономии, замкнутой границей референции, обусловленной реалиями внешнего мира. Собственно функциональный тип номинативного значения можно было бы определить как двухкомпонентное значение: «идентификация + идея целевой предназначенности называемого объекта». Экзистенциальное начало реализующегося в номинативной единице объекта дополняется, таким образом, «родом деятельности» внеязыковой реалии.

Имена с собственно функциональным значением обнаруживают большую внутреннюю неоднородность, что касается денотируемых классов объектов, с одной стороны, и положения функциональных имен в лексической системе, с другой. «Функциональные имена социологичны в том смысле, что в закономерностях развития этого разряда лексики и ее употребления обнаруживается прямая зависимость от практической жизни общества» (Арутюнова 1980, с. 203).

1. К разряду номинаций с собственно функциональным значением следует прежде всего отнести наименования многочисленных и самых разнообразных артефактов. Это имена орудий и средств действия: *шило* — *šídlo*, *мыло* — *mýdlo*, *выключатель* — *vypínač*, *вешалка* — *věšák*, *точилка* — *ořezávátko*, *клещи* — *kleště*, *молоток* — *kladivo*, *терка* — *struhadlo*; наименования одежды и обуви: *рубашка* — *košile*, *носки* — *ponožky*, *шапка* — *čepice*, *шляпа* — *klobouk*, *варежки* — *palčáky*, *перчатки* — *rukavice* и т. д.

2. К разряду номинаций с собственно функциональным значением следует далее отнести конкретные имена, обозначающие различного рода вещественные продукты искусственного происхождения, как, например, продукты питания, напитки, названия блюд, а также лекарственные препараты: *хлеб* — *chléb*, *сыр* — *sýr*, *творог* — *tvaroh*, *каша* — *kaše*, *пиво* — *pivo*, *вино* — *víno*; *снотворное* — *prášek pro spaní*, *слабительное* — *projímadlo*, *противовоспалительное* — *protizánětlivý prostředek*, *успокоительное* — *utišující prostředek*.

3. Особое место в разряде имен с функциональным значением занимают названия лиц по профессии и роду занятий. Однако следует заметить, что «функциональные наименования лиц сосуществуют с многими другими способами обозначения, в том числе именами собственными... лица... всегда включаются одновременно во многие — крупные и мелкие, социальные, родственные и характерологические объединения, каждое из которых выделяется по одному или немногим признакам» (Арутюнова 1980, с. 209).

К номинациям с собственно функциональным значением исследователи обычно относят лишь те, которые эксплицитно, структурными средствами, выражают значение целевой предназначенности денотируемого объекта (Dokulil-Kuchař 1962, s. 236). В соответствии с этим принципом такое наименование, как *регулировщик*, «отвечает функциональному принципу номинации, а такие существительные, как *мигалка*, *светофор*, *вертушка* (о турникете, телефоне), хотя и относятся к предметам, объединяемым в класс по функциональному критерию, к собственно функциональным номинациям не принадлежат. Только глаголы, обозначающие действие (абитуальное или окказиональное) по его цели, порождают функциональные номинации предметов» (Арутюнова 1980, с. 203).

В соответствии с нашей концепцией более правомерной представляется классификация имен с собственно функциональным значением, как впрочем, и других разрядов номинаций, по принципу имен характеризованных и не характеризованных в структурном отношении. Нам представляется, что такой подход отвечает требованию единоначалия номинативной единицы — языкового знака, объективирующего логическую структуру, прежде всего, понятие. Однако поскольку сам процесс объективации понятия в языке не является прямолинейным и одномерным, что уже неоднократно нами отмечалось, то и результаты языковой стилизации внешнего мира характеризуются разнообразием языковых средств выражения. В пользу предлагаемого нами подхода свидетельствует и тот факт, что характеризованные и нехарактеризованные имена выполняют идентичные морфологические и синтаксические функции и имеют однотипную референцию. Ограничение же корпуса номинаций рамками только деривационной ономастиологии может исказить типологический образ номинативных систем сопоставляемых языков.

Признание наличия в разряде собственно функциональных имен характеризованных и нехарактеризованных номинаций делает актуальным выявление в пределах рассматриваемого разряда словообразовательной асимметрии и прежде всего установления соотношения в обоих языках мотивированных, т. е. структурно характеризованных, и немотивированных, структурно не характеризованных, номинаций.

Поскольку собственно функциональные номинации характеризуются развитой таксономией, важным аспектом исследования указанного разряда является сопоставительное соотношение гиперо-гипонимических связей.

Семантическое многообразие и обширность состава номинаций с собственно функциональным значением весьма затрудняет их классификацию по тематическому признаку. Мы имеем возможность лишь выборочно остановиться на некоторых типологических особенностях рассматриваемого разряда.

Номинации с собственно функциональным значением объективируют конкретные понятия, формирующиеся на основе чувственного восприятия.

Именно «живое созерцание» объекта накладывает отпечаток, как нам представляется, на особенности языковой стилизации объекта. В том случае, если объект воспринимается как монофункциональный, есть основания полагать, что объективирующая этот объект номинативная единица будет относиться к разряду моносемантических. Имеются в виду прежде всего различные терминологические системы,

в которых формирующие их лексические единицы являются, как правило, в сопоставляемых языках синонимами не только на денотативном, но и на сигнификативном уровнях. Это общеизвестное положение не требует каких-либо дополнительных иллюстраций. Тот же функциональный принцип, формирующий представление о предмете, оказывает влияние на характер семантической структуры номинаций, относящихся к разряду общеупотребительной лексики. Нетрудно заметить, что номинативные единицы, служащие наименованиями «одно-мерных» в функциональном отношении предметов, характеризуются

в русском и чешском языках сигнификативной синонимией. Сказанное относится и к заимствованиям с функциональным значением. Ср. для иллюстрации несколько примеров: *утюг* — žehlička, *очки* — brýle, *серьги* — naušnice, *солонка* — slánka, *пудреница* — pudřenka, *ковер* — koberec, *мяч* — míč, *браслет* — náramek, *карандаш* — tužka, *люстра* — lustr, *выключатель* — vupínač, *гвоздь* — hřebík, *подсвечник* — svícen, *зеркало* — zrcadlo, *зубочистка* — rárátko, *пишущая машинка* — psací stroj, *швейная машинка* — šicí stroj. Многие из сигнификативных синонимов указанного разряда номинаций характеризуются общностью происхождения, на что указывает их словообразовательная структура. Ср.: *нож* — nůž, *грабли* — hrábě, *вилы* — vidle, *пила* — pile, *лопата* — lopata, *коса* — kosa, *серп* — srp, *игла* — jehla, *сито* — síto, *шило* — šídlo, *долото* — dláto, *борона* — brány, *сани* — sáně, *ложка* — lžíce, *вилка* — vidlička

и многие другие.

Асимметрия на уровне сигнификатов обусловлена комплексом причин как собственно языкового, так и экстралингвистического характера.

Размытость границ референции номинанта может обуславливать нечеткость смысловых объемов номинаций и служить основанием для неадекватной семантической сегментации ноэтических пространств. Рассмотрим выдвигаемое нами положение на конкретном примере. Русский номинант *посылка* относится к любому предмету, который упаковывается и посылается по почте или с кем-то. Интенционал (ядро содержания) номинативной единицы образуют два смысловых компонента, довольно общего содержания: 1) «посылать», 2) «упаковывать». Обобщенность концептов позволяет номинативной единице включать в свой объем денотируемые объекты, характеризующиеся указанными признаками, несмотря на их принадлежность к разным тематическим классам. Сема «посылать» дает возможность, как нам

представляется, использовать номинант «посылка» в качестве термина в логике: «суж-дение, служащее основанием для вывода».

Чешский язык для наименования посылаемых по почте предметов выбирает сему “balit” «упаковывать» — balík. И опять же, как и в русском языке, но в еще более расширенном объеме, общий смысловой характер семы “balit” позволяет в одном номинанте объединить широкий состав разнородных денотируемых объектов. Ср.: balík — *посылка, бандероль, сверток, тюк, рулон, пачка, связка (книг), плитка (шоколада)*. Приведем еще один аналогичный пример. Функциональной разнородностью характеризуются предметы, объединяемые общим наименованием *кран*. Ср.: *водопроводный кран, пожарный кран, кран экстренного торможения*. Этот же номинант используется в русском языке для обозначения технических сооружений: *подъемный кран, тигель-кран, погрузочный кран* и т. д. Чешский язык в рассматриваемом случае стремится дифференцировать предметы, выполняющие, с одной стороны, процессы, связанные с выпуском жидкости или газа, и перемещением и подъемом грузов, с другой. Причем, примечательно, в обоих случаях используется вторичная номинация *kohout / kohoutek* (букв. *петух, петушок*), *jeřáb* (букв. *журавль*). Кроме того, и в первом значении чешский язык дифференцирует экстралингвистические реалии, что на языковом уровне находит выражение в образовании семантически близких лексем. Ср.: *водопроводный кран* — *kohoutek*, *смазочный кран* — *mazací kohout*, *кран экстренного торможения* — *kohout / rukojet' záchranné brzdy, пожарный кран* — *hydrant*.

Семантическая сегментация в каждом языке имеет свои особенности и может служить одной из типологических характеристик номинативной системы языка. Так, по мнению исследователей (Исаченко, Хлупачова), русский язык в сравнении с чешским в целях номинации анализирует окружающую действительность более подробно, с большей степенью детализации и точности. Чешский язык в отличие от русского имеет больше общих наименований, более неопределенных в семантическом отношении, но имеющих широкий диапазон употребления. В русском языке с такими наименованиями обычно соотносятся несколько лексем с более узким и более строго очерченным семантическим объемом (Chlupáčová 1974, с. 122 и след.).

Наши данные, касающиеся некоторых ноэтических пространств функциональных имен, подтверждают это важное наблюдение. Можно, например, констатировать, что чешский язык в отличие от русского использует одно и то же наименование для называния профессии или ремесла и помещения, каким-либо образом связанного с ними. Такие имена обычно оформляются с помощью суффикса -*ství*. Ср. для иллюстрации:

- cukrářství* — 1. кондитерское дело
2. кондитерский магазин / кондитерская

<i>krejčovství</i> —	1. портняжное дело 2. швейная мастерская
<i>kadeřnictví</i> —	1. парикмахерское ремесло 2. парикмахерская
<i>holičství</i> —	1. профессия парикмахера 2. парикмахерская
<i>řeznictví</i> —	1. профессия мясника 2. мясной магазин
<i>uzenářství</i> —	1. колбасное производство 2. колбасный магазин
<i>zelinářství</i> —	1. огородничество / овощеводство 2. овощной магазин
<i>hodinářství</i> —	1. ремесло часовщика 2. часовой магазин / часовая мастерская
<i>železářství</i> —	1. черная металлургия 2. магазин скобяных товаров

Многие чешские наименования могут использоваться, как справедливо отмечает К. Хлупачова, для обозначения как производителя, так и продавца товаров. В русском языке в подобных случаях употребляются дифференцированные обозначения (Štíbráčová 1974, с. 121). Ср.:

<i>zelinář</i> —	1. овощевод 2. продавец овощей
<i>sklenář</i> —	1. стекольщик 2. торговец стеклом
<i>dobytkář</i> —	1. скотовод 2. торговец скотом
<i>kloboučník</i> —	1. изготовитель шляп / шляпник 2. продавец шляп и т. д.

Приведенные и подобные примеры указывают на то, что русский язык стремится не только более разветвленно дифференцировать денотируемые объекты, но и более детально их характеризовать, о чем свидетельствует использование аналитических наименований.

Межъязыковая асимметрия на сигнификативном уровне в разряде собственно функциональных номинаций имеет более широкое распространение, чем, например, в разряде собственно идентифицирующих номинаций. Думается, что при означивании артефактов в языковом коллективе имеется больше возможностей для «маневрирования» в выборе способов номинации, чем при наименовании естественных классов объектов.

Сопоставительный анализ русской и чешской предметно-бытовой лексики — наименования одежды, обуви, предметов повседневного обихода — подтверждает большую в сравнении с русским склонность чешского языка к использованию номинаций с широким семантическим объемом. Причем полисемантичность характерна и для заимствованных имен. Ср. для иллюстрации несколько примеров:

kabát — *пальто, пиджак, жакет*;

plášť — *пальто, плащ, халат* (рабочий)

boty — *ботинки, туфли, сапоги*;

mísa — *миска, блюдо, салатница, супница*;

špendlík (нем.) — *булавка, шпилька, заколка*;

knoflík (нем.) — *пуговица, запонка, кнопка (звонка), клавиша (радиоприемника), набалдашник (тростки)*;

konvice — *кувшин, чайник, кофейник, молочник*;

hrnec — *горшок (глиняный), кастрюля*.

Наличие в номинативных системах языков семантически обобщенных номинаций закономерно выдвигает вопрос о способах конкретизации подобных имен в разных языках. Такая операция является по сути своей аналогом логической операции ограничения понятия, позволяющей совершить переход от понятия большего объема к понятиям меньшего объема. Этот переход совершается путем добавления к признакам исходного понятия новых признаков, относящихся лишь к части предметов, входящих в объем исходного понятия.

На языковом уровне конкретизация понятия, репрезентируемого номинативной единицей с широким семантическим объемом, часто осуществляется синтаксическими средствами. В русском и чешском языках для этой цели используются согласованные и несогласованные определения. Ср.: *чайный сервиз, глубокая тарелка, обеденный стол*, аналогично в чешском: *čajová souprava, hluboký talíř, jídelní stůl*.

Что касается конструкций с несогласованным определением, то в чешском языке имеет место более ограниченное употребление в этой функции беспредложного родительного падежа в сравнении с русским. Тем не менее конструкции с родительным беспредложным параллельно функционируют в обоих языках. Ср.: *спинка сиденья* — *opěradlo sedadla*, *стрелка часов* — *ručička hodin*, *маятник часов* — *kivadlo hodin*, *ножка стула* — *nožka stolu* и т. п.

Наряду с функционированием идентичных конструкций, используемых в целях смысловой конкретизации номинативной единицы, оба языка располагают и специфичными средствами. В русском языке, в частности, к таким отличительным конструкциям относятся сочетания с предлогами **в**, **по**. Ср.: *юбка в клетку, платье в горошек, рубашка в полоску*. Эквивалентами указанных русских конструкций с предлогом **в**

обычно в чешском языке бывают беспредложные конструкции с согласованным определением: *kostkovaná sukně, puntíčkované šaty, pruhovaná košile*. Эквивалентом предлога **по** в значении целевой предназначенности, как правило, является предлог **pro**. Ср.: *комитет по делам беженцев — výbor pro záležitosti běženců, комитет по делам искусств — výbor pro záležitosti umění*. В этом же значении употребляются в чешском языке и беспредложные конструкции: *управление по делам церкви — církevní správa, цех по сушке молока — sušárna mléka*.

Высоко стандартизированной чешской морфемой, выступающей в роли семантического конкретизатора в значении целевой предназначенности, является предлог **na** в сочетании с вин. пад. существительного. Эквивалентом указанной конструкции в русском языке обычно бывают беспредложные адъективные сочетания, сложные слова, а также простые дериваты. Ср.: *kartáč na šaty / boty — платяная / сапожная щетка, skříň na šaty — платяной шкаф, hrnec na květiny — цветочный горшок, kartáček na zuby — зубная щетка, mlýnek na kávu — кофейная мельница / кофемолка, konvice na mléko — молочник, police na knížku — книжная полка, hadr na podlahu — половая тряпка*.

Эта же конструкция употребляется в чешском языке для наименования разного рода производственных предприятий по выполняемой ими функции. Ср.: *továrna na automobily / letadla / traktory — автомобильный / авиационный / тракторный завод, továrna na obuv — обувная фабрика, továrna na sukna — суконная фабрика, továrna na punčochy — чулочная фабрика, továrna na cukrovinky — кондитерская фабрика, továrna na koberce — ковровая фабрика и т. д.*

Наличие в чешском языке строго специализированной модели с широким функциональным диапазоном, используемой в качестве конкретизатора понятия, следует рассматривать как стремление языка к упорядочению языковой стилизации логических понятий, а тем самым и к упорядочению структурных принципов «каталогизации» экстралингвистических реалий.

Та же тенденция к более строгой структурной корреляции логических и языковых категорий прослеживается в чешском языке в разряде гиперонимов функциональных имен. В нем более последовательно, чем в русском, при образовании гиперонима употребляются, в частности, характеризованные собирательные номинации, т. е. номинанты со структурно выраженным значением собирательности. Ср. приводимые ниже номинации, относящиеся к разным разрядам функциональных имен: *šatstvo — одежда, платье; nářadí — орудия сельскохозяйственные, ремесленные; nádobí — посуда; pečivo — хлебобулочные изделия; šití — швейные принадлежности; obvazivo — перевязочный материал (мед.); léčivo — лекарственные средства; pletivo (устар.) — материал для вязания*.

Обнаруживая «зависимость от практической жизни общества», номинации с собственно функциональным значением имеют возможность отражать этнографические и, шире, культурологические особенности носителей языковых коллективов. Существующие в этом отношении различия находят выражение прежде всего в семантических разрядах так называемой безэквивалентной лексики. Значительное место в ней занимают этнографизмы, т. е. наименования, связанные с особенностями быта, материальной, а также и духовной культуры того или иного народа (Судаков 1986).

Для иллюстрации назовем некоторые из таких разрядов собственно функциональных имен:

1. Номинации, относящиеся к области повседневного быта — наименования одежды, обуви, национальных блюд, напитков и т. п. Ср. русск.: *сарфан, лапти, борщ, цы, пельмени, квас, бублик, пирожок...*; чешск.: *kajda, flámiška* (обл.), *shrnovačku, česnečka, špekáčku, knedlíky*;

2. Номинации, относящиеся к области общественного производства — наименования промышленных изделий — марки автомашин, самолетов, тракторов и т. п.: автомобиль «*Жигули*», самолеты «*Ил*», «*Ту*», «*Ан*», трактор «*Беларусь*», комбайн «*Дон*»; *emběčko, škodovka, tatrovka, spartak* — подобные номинации имеют разговорный характер.

3. Номинации, относящиеся к общественному устройству — наименования различного рода государственных и общественных организаций, учреждений, учебных заведений, культурных и спортивных учреждений, заведений общественного питания и прочих институций: *Дума, Федеральное собрание, Союз 12 декабря, Московский государственный университет, Российская академия наук; Спортивный комплекс Лужники, пельменная, закусовая, чайная...* Чешск.: *Poslanecká sněmovna, Občanské fórum, Karlova univerzita; hospoda, hostinec...*

Безэквивалентная, или страноведческая лексика, демонстрирующая способность языка отражать всю специфику среды его функционирования, вместе с тем является одной из причин, нарушающих как качественный (семантический), так и количественный баланс словарного состава сопоставляемых языков, образуя в них лексические лакуны. Случаи несопоставимости реалий материальной и духовной культуры приводят к образованию денотативных диспропорций и, как следствие, — языковой асимметрии.

Обобщая результаты сопоставительного анализа номинаций с собственно функциональным значением, можно сделать следующие выводы:

1. В разряде номинаций с собственно функциональным значением менее последовательно, чем в разряде имен с собственно идентифицирующим значением, обнаруживается сигнификативная синонимия, что означает не-

адекватное сегментирование русским и чешским языками семантического пространства.

2. Русский язык в разряде номинативных областей обнаруживает бóльшую склонность в сравнении с чешским языком к дифференцированному, условно говоря, эксплицитному, детальному отображению внешнелингвистических объектов.

3. Имена с собственно функциональным значением представляют обоим языкам широкие возможности для использования обширного арсенала словообразовательных средств.

4. Отражая национальную специфику языкового коллектива, функциональные имена образуют особые разряды безэквивалентной лексики.

5. Более высокая стандартизация словообразовательных средств в чешском языке имеет в ряде случаев своим результатом более последовательную структурную соотнесенность между логическими и собственно языковыми категориями, а тем самым и более строгую в структурном отношении объективацию реалий действительности.

2.3. Признаковое значение имен в разряде предметной номинации имеет свои отличительные особенности. «Чистые» предикаты, каковыми являются прилагательные и глаголы, конкретизируют понятие и тем самым денотируемый объект на уровне синтагматических отношений между данным предикатом и предметным номинантом: *красная роза, спящий ребенок*. Предикатные имена лишены «прямой отнесенности к предмету действительности» (Арутюнова 1977, с. 306). Иная ситуация в разряде признаков (предикатных) имен предметной номинации, заключающих в себе и понятие субстанции, и понятие признака, т. е. на уровне системы являющихся в этом плане синкретичными. Признаковость предметных имен находит выражение в том, что они, подобно предикатам, имплицитно семантические позиции, заполняемые носителями признака: *невежливый ответ / невежливость ответа, нежный взгляд / нежность взгляда, живой ум / живость ума, убогое жилище / убогость жилища, великодушный поступок / великодушие поступка*.

Очевидно, однако, что транспозиция признака модифицирует его смысловую нагрузку на уровне языкового знака. Происходит трансформация чувственно конкретного образа в обобщенно отвлеченное представление, нуждающееся в конкретизации и уточнении. Именно поэтому такие синтагмы, как например, *беглость речи, интеллигентность вида, яркость света* и т. п. не воспринимаются как цельнооформленные номинативные структуры в отличие от мотивировавших их сочетаний *беглая речь, интеллигентный вид, яркий свет*. А в ряде случаев употребление подобного предикатного субстантива оказывается вообще невозможным или же является искусственным. Ср.: *знатный человек* — **знатность человека, засушливый район* —

**засуш-ливость района, завещательное письмо — *завещательность письма, за-взятый рассказчик — *завзятость рассказчика.*

В структурном отношении предикатные субстантивы имеют четко очерченное ядро и размытую периферию с возможными переходными зонами.

Ядро признаков предметных номинаций в русском и чешском языках формируется на основе языковой стилизации результатов изолирующей абстракции (см. выше), конституирующей абстрактные понятия типа *белизна, твердость, красота, скука, желание* и т. п. Аналогично в чешском: *bělost, tvrdost, krása, přání, veselost...*

На периферии признаков имен находятся номинации, совмещающие в себе компоненты идентифицирующего и признакового значений. К ним относятся так называемые широкозначные имена с широкой понятийной основой, включая и научные понятия: *явление, ситуация, обстоятельства, сущность, факт, значение, причина, равенство, торжество, версия* и т. д. Аналогично в чешском: *jev, význam, příčina, rovnost, totožnost, verze...*

Ядро и периферия признаков имен имеют некоторые общие свойства, что и служит основанием для их общей классификации. Таким связующим, объединяющим звеном является прежде всего тип денотата, характерный как для ядра, так и для периферии. В разряде всех признаков имен денотат является мыслительным конструктом, языковой стилизацией результатов абстрагирующей деятельности сознания (см. с. 110). Он имеет слабо очерченные предметные контуры, а его количественные параметры содержат не числовое измерение, а включают в себя обычно степень проявления качества или свойства, заключенного в абстрактном предмете: *страх — страхи, ужас — ужасы, необходимость — необходимости*. Аналогично в чешском: *strach — strachy, hrůza — hrůzy, nutnost — nutnosti*.

Заложная в признаковых именах размытость экстенционала порождает неопределенность интенционала, содержания понятия, объективируемого языковым знаком. Этим объясняются широкие сочетаемостные возможности признаков номинаций. Ср.: *белизна снега, беля, зубов; красота мира, природы, образа, движения, женщины; значение большое, второстепенное, политическое, культурное, географическое, научное, языковое, местное; явление массовое, природное, нездоровое, редкое, повсеместное, обычное, чрезвычайное, уникальное, новое, неожиданное, а также явление природы, нашей жизни, в политике, в обществе*

и т. д. Ср. также в чешском: *bělost sněhu, porcelánu, měsíčního, světla; krása ženská, dívčí, tělesná, duševní, uměleckého díla, přírodní*.

Функционально-семантическое своеобразие признаков номинаций очерчивает контуры сравнительно-сопоставительного анализа. Представляется необходимым определить потенциальные возможности русского и чешского языков при образовании абстрактных имен, выявить сходства и различия системной значимости абстрактных имен в обоих языках, обозначить межъязыковую синонимию.

Рассмотрим в общих чертах намеченные вопросы.

В образовании абстрактных имен участвуют общие для русского и чешского языков словообразовательные аффиксы, унаследованные обоими языками от эпохи праславянской общности. Это суффиксы *-ость, -ота, -ство, -ина* в русском и соответственно *-ost, -ota, -ství, -ina* в чешском. Ср.: *смелость, хитрость; доброта, краснота; равенство, достоинство; белизна, новизна* и т. д. В чешском: *smělost, chytrost; доброта, tesknota; mučednictví, tuláctví; otročina (expr.), dřina (expr.)*. Имена со значением отвлеченного процессуального признака в русском и чешском языках образуются соответственно с помощью суффиксов *-ни- (-ани-, -ени-), -ти-* и *-ní- (-ení-, -ání), -tí*: *мигание, рисование, чтение, восприятие, бытиё; mrkání, kreslení, čtení, vnímání, bytí*.

В образовании абстрактных имен довольно активное участие в обоих языках принимает полисемантический суффикс *-ка / -ка*: *зимовка, чистка, заготовка, стыковка; šířka, dálka, hloubka, délka, výška*. Наименования с суф. *-ка* в разряде отвлеченных имен обозначают в чешском языке размеры в пространстве. Наличие общих суффиксов, участвующих в образовании абстрактных имен в русском и чешском языках, свидетельствует об общих деривационных процессах в этой области номинации. Вместе с тем в рассматриваемом разряде имеет широкое распространение межъязыковая словообразовательная асимметрия. Она прослеживается в нескольких направлениях:

1. Разная функциональная нагрузка генетически родственных суффиксов в словообразовательном процессе приводит к нарушению отношения тождества.
2. Семантические области функционирования структурно идентичных суффиксов полностью не перекрываются, что приводит к случаям структурной диспропорции номинаций, возможных языковых синонимов.
3. О нарушении параллелизма в образовании признаков имен свидетельствует наличие в одном из языков лакун.

Проиллюстрируем указанные случаи межъязыковой словообразовательной асимметрии конкретным материалом.

Одним из наиболее продуктивных и частотных суффиксов в разряде абстрактных имен в русском и чешском языках, как, впрочем, и в других славянских языках, является суффикс *-ость, -еть / -ost, -est*. Очевидно, однако, что чешский суффикс имеет более обширную область функционирования в сравнении с аналогичным русским. В русском языке, наряду с суффиксом *-ость*, в образовании имен с отвлеченным значением признака широко употребляются также суффиксы *-изна, -ина*. Ср. *белизна, голубизна, желтизна, крутизна, дешевизна; седина, величина, глубина, ширина, толщина*.

Суффикс *-ота*, выражая значение отвлеченного признака в своей первичной функции, указывает на какое-либо физическое или душевное со-

стояние: *духота, краснота, глухота, немота, теплота, щедрота, дурнота* и т. д.

Чешский суффикс *-ost* занимает часто более активную позицию в сравнении с русским аналогичным суффиксом, беря на себя функционально-семантическую нагрузку, которая в русском языке выражается дифференцированно несколькими суффиксами. Ср.: *белизна* — *bělost*, *седина* — *šedivost*, *желтизна* — *žlutost*, *величина* — *velikost*, *дешевизна* — *lacinost*, *кривизна* — *křivost*, *глухота* — *hluchost*, *правота* — *správnost*. Суффикс *-ost* может употребляться параллельно с другими суффиксами в синонимичных наименованиях: *hluchost / hluchota*, *vlhko / vlhkost*, *pustota / pustost*.

Следует отметить также, что номинации с суффиксом *-ost* имеют в чешском языке более широкую словообразовательную базу. Некоторые такие имена образованы от адъективных местоимений и числительных и не имеют аналогов в русском языке: *jakost*, *kolikost*, *veškerost*, *dvojitost*, *trojitost*.

Семантическая асимметрия в разряде отвлеченных имен характерна для суф. *-ka / -ka* (см. выше).

Еще более наглядно словообразовательная асимметрия прослеживается при сопоставительном анализе номинаций с отвлеченным процессуальным признаком.

В чешском языке отглагольные имена с суффиксами *-ní, -tí* имеют почти парадигматическое образование. Исключением из словообразовательной базы этих имен являются фактически лишь модальные, вспомогательные, некоторые фазовые глаголы и глаголы-связки, т. е. такие, как: *chtít, moci, muset / musít, smět, bývat, stát se, zůstat*.

Семантико-словообразовательная особенность рассматриваемых имен в чешском языке заключается также в их беспрепятственном образовании от обеих видовых пар глагола: *zjistit / zjišťovat* — *zjištění / zjišťování*, *rozhodnout(se) / rozhodovat(se)* — *rozhodnutí / rozhodování*, *koupit / kupovat* — *koupení / kupování*, *nahradit / nahrazovat* — *nahrazení / nahrazování*.

Несмотря на высокую продуктивность русских существительных со значением отвлеченного процессуального признака, они тем не менее обладают меньшей степенью регулярности образования, чем их чешские эквиваленты. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что многие чешские существительные с суффиксами *-ní, -tí* соотносятся в русском языке с именами, не имеющими в своей структуре суффиксов *-ни, -ти*. Наиболее часты случаи аффиксальной асимметрии при сопоставлении чешских имен, образованных от глаголов с суффиксом *-nou* со значением однократного действия, с их русскими эквивалентами. Ср.: *plesknutí* — *всплеск*, *křiknutí* — *крик*, *mávnutí* — *взмах*, *šplouchnutí* — *плеск*, *kývnutí* — *кивок*, *hvízdnutí* — *свист*, *klofnutí* — *клевок*, *štípnutí* — *укус*, *klepnutí* — *стук*, *odpočinutí* — *отдых*, *zapomenutí* — *забытьё* и т. д. В ряде случаев чешские отглагольные имена вообще не имеют в русском языке субстантивных эквивалентов. Ср. *klopýtnutí* от глагола *klopýtnout* — *споткнуться*, *pláchnutí* от глагола

pláchnout (экспр.) — *драпануть*, smeknutí от глагола smeknout se — *поскользнуться*, dotknutí от глагола dotknout se — *тронуть, дотронуться*, smání от глагола smát se — *смеяться*, имея в виду, что русское *смех* является эквивалентом чешского smích.

Кроме отмеченных семантико-словообразовательных особенностей отглагольных имен в русском и чешском языках, следует также обратить внимание на парадигматическое образование этих существительных в чешском языке от соотносительных по виду глаголов, что не всегда прослеживается у русских аналогичных имен. В результате русские существительные соотносятся с двумя чешскими коррелятами, противопоставленными по видовым признакам:

zlepšení — *улучшение*

zlepšování

zvýšení — *повышение*

zvyšování

zásobení — *снабжение*

zásobování

snížení — *снижение*

snížování

rozšíření — *расширение*

rozšiřování

zúžení — *сужение*

zuzování

Сохранение видовых формантов в структуре отглагольных имен и их регулярная противопоставленность по основам мотивирующих глаголов указывает на способность отглагольных существительных с суффиксами -ní, -tí выражать оттенки видового значения (Tvoření slov v češtině 1967, s. 546).

В русском языке «видовое значение мотивирующего глагола, как правило, не отражается на семантике существительного» (Русская грамматика, т. 1 1980, с. 159). В русском языке в отличие от чешского возможно употребление отглагольных имен, образованных от соотносительных глаголов совершенного и несовершенного вида, в тождественных контекстах. Ср.: *процесс переосмысления* и *процесс переосмысливания*; *завершено формирование правительства* и *завершено сформирование правительства* (Русская грамматика, т. 1 1980, с. 160).

Семантико-грамматические различия отглагольных имен в русском и чешском языках, а также разная степень интенсивности их воспроизводства в сопоставляемых языках позволяет сделать вывод о не-полной адекватности их системного статуса.

Различия в системной значимости прослеживаются при сопоставительном анализе и у имен со статичным признаком. Нами уже были отмечены частные функциональные и деривационные особенности некоторых из них в сопоставительном плане. Для характеристики системной значимости признаков имен показательна мера, с которой они способны развивать синонимические отношения. Дело в том, что синонимия является важным системообразующим фактором в словарном составе языков в целом и в разряде

признаковых имен в частности. Особая «предрасположенность» имен со значением статичного признака к развитию синонимических отношений заключается в том, что эти имена, обозначая абстрактное качество, обладают широкими потенциальными возможностями для различного рода языковой стилизации понятия качества. Имеется в виду, во-первых, возможность дифференцированного обозначения качества или какого-либо его проявления в одном языке и недифференцированного или менее дифференцированного — в другом. Ср., например: *jasnost světla, barev; jasnost hlasu, tónu; výkladu*, но в русском: *яркость света, красок; чистота / звучность / звонкость голоса, тона; ясность изложения*. Во-вторых, благодаря способности номинативной единицы выражать значение качества, язык имеет возможность отграничивать объекты друг от друга, подчеркивая то общее, что их объединяет. Ср.: *единство взглядов / требований / мыслей / интересов* и *единство людей / коллектива / народа / участников митинга*. Синонимия на этом фоне может рассматриваться как выражение семантического разнообразия качества в его единстве.

Предпосылкой развития синонимических отношений в разряде признаковых имен служат два момента: 1) субъективная трактовка качества на уровне бытового восприятия и 2) относительная произвольность языкового знака. Известно, например, что жители Крайнего Севера усматривают в белом цвете более широкую цветовую гамму, чем жители других географических поясов. Примером субъективного восприятия качества и проявления закона относительной произвольности языкового знака можно усмотреть в отсутствии в западноевропейских языках специальной лексемы для обозначения голубого цвета.

Указанные факторы являются, на наш взгляд, основной причиной, обуславливающей асимметрию синонимических рядов в разряде признаковых имен.

Диспропорции в протяженности синонимических рядов, выражающиеся в неодинаковом количестве лексических единиц, формирующих синонимические ряды в русском и чешском языках, — явление довольно распространенное в разряде имен со значением абстрактного качества. Для иллюстрации ограничимся несколькими примерами. Согласно словарным данным, существительное *вежливость* имеет пять синонимов: *учтивость, любезность, деликатность, корректность, обходительность* (Словарь синонимов русского языка 1970). Его чешский эквивалент *zdvořilost* насчитывает семь синонимов: *slušnost, úcta, uctivost / způsobnost, vybranost, uhlazenost, korektnost* (Slovník českých synonym 1994).

Аналогичная асимметрия прослеживается в синонимических рядах эквивалентных имен *равнодушие* и *lhostejnost*. Ср.: *равнодушие* — *безучастность, бесстрастность, бесчувственность, безразличие*; *lhostejnost* — *nevšímavost, netečnost, vlažnost, apatičnost, indifferenc*. Русское *верность* в значении «постоянный в своих взглядах и отношениях» имеет своими сино-

ними *надежность, преданность*. Чешское *věrnost* в том же значении имеет четыре синонима: *roctivost, oddanost, opravdovost, spolehlivost*. Перечень подобных примеров можно без труда продолжить. Не вызывает сомнений, однако, что указанные и аналогичные случаи асимметрии свидетельствуют о неодинаковой семантической плотности анализируемого поэтического пространства.

Рассмотренные случаи структурной и семантической асимметрии позволяют также заключить, что синонимия номинативных единиц на уровне сигнификатов, не говоря уже о денотативной синонимии, обязательной для признания факта функционально-семантической эквивалентности, не является основанием для признания тождественности системной значимости эквивалентных номинаций.

Имена с признаковым значением часто заключают в себе и оценку денотируемого объекта, явления, выражая эмоциональное отношение говорящего к высказыванию. Ср.: *жадность, грубость, лицемерие, скупость* — имена, выражающие отрицательное отношение к явлению действительности. И, наоборот, положительную оценку заключают в себе такие номинации, как *доброта, великодушие, вежливость, честность, щедрость* и т. п.

Наличие дополнительных коннотаций в значении некоторых признаковых имен дает основания рассматривать их как переходный тип от собственно признаковых имен, не содержащих в своем значении дополнительных прагматических сем (*зелень, глубина, ширина, высота, тишина*), к именам с собственно оценочным.

2.4. Оценочное значение номинаций формируется в процессе взаимодействия актов номинации с прагматическими факторами. В результате такой взаимосвязи номинативные единицы приобретают дополнительные коннотации, выражающие эмоциональное, оценочное отношение к именуемому объекту. В разряд оценочных номинаций, в широком понимании этого определения, могут быть включены все разряды номинаций, отражающие функционально-стилистическую стратификацию языка, в частности, поэтизмы, просторечия, сленги и т. д. Однако проблемы собственно стилистической дифференциации языка выходят за пределы поставленных нами задач и относятся к области функциональной стилистики. Анализ нашей проблематики требует, во-первых, уяснить природу коннотативных значений в разряде предметной номинации и, во-вторых, определить круг вопросов, относящихся к области сопоставительного исследования номинативных систем русского и чешского языков. Если исходить из последовательного признания того факта, что любое отражение действительности опосредовано сознанием, то коннотации следует рассматривать как дополнение к сигнификативному значению, и прагматический уровень языка понимается при этом как подуровень уровня семантического (Filipcs 1985). Прагматические семы как бы имеют статус вторичных сем, не меняю-

щих денотативного значения номинативной единицы, но являющихся лексической базой для образования стилистических синонимов. Ср.: *дача — фазенда* (в экспрессивном знач.), *богач — богатей*, *танцы — танцульки*, *дом — домина*, *скука — скучища* и т. д.

Возникновение коннотации порождается, с одной стороны, качествами и свойствами самих объектов действительности, возможно, и мыслительных конструкторов, с другой, — и это главное, отношением носителей языка к этим денотируемым объектам.

Поскольку любой объект действительности, независимо от его материальной природы, может вызывать к себе как положительное, так и отрицательное отношение, постольку оценочные значения способны иметь номинации всех уровней номинативной системы, т. е. имена собственные и нарицательные, собирательные, конкретные и абстрактные. Ср.: *Ваня — Ванюша*, *русалка — русалочка*, *дерево — деревце*, *зверь — зверюшка*, *лес — лесочек*, *горе — горюшко*, *мысль — мыслишка*, *дела — делюшки* и т. д. В чешском: *strom — stromek — stromeček*, *ryba — rybka — rybička*; *Marie — Maruška*, *Martin — Martínek*, *Věra — Věruška*...

Хотя номинативные разряды в русском и чешском языках характеризуются структурной и функциональной близостью, для типологии номинативных систем представляется необходимым выявить различия в способах выражения оценочности в обоих языках. В связи с этим целесообразно сопоставить арсенал структурных оценочных средств и определить потенциальные способности каждого языка к его использованию.

Весь корпус оценочной лексики в русском и чешском языках в общих чертах можно расклассифицировать на следующие разряды:

1. Уменьшительно-оценочные (*deminutiva*) и увеличительно-оценочные (*augmentativa*) номинации: *стульчик, шкафчик, улочка, се-стренка; домина, конфетина, холодина*; чешск.: *stolek, větrík, bratříček; chlapák*.

2. Имена стилистической модификации. Многие из них представляют собой разговорные или просторечные синонимы мотивирующих слов и имеют широкую тематическую разветвленность: *овраг — овражина, зверь — зверина, ткань — тканина, казак — казачина*; *chata — chajda, důmbarabizna, chasa — sebranka*.

3. Номинации с условно называемым значением идеологической оценки: *сговор, соглашательство, начетничество, примиренчество, беспочвенность*; *spiknutí, smířlivectví, udavačství, bezzasadnost*. Подобные номинации характеризуют в первую очередь публицистический стиль.

4. В отдельную группу, на наш взгляд, можно было бы объединить имена, определяемые нами как номинации с коннотативной интенсификаци-

ей. Они обычно образуют синонимические ряды с усилением степени выражаемого признака. Ср.: *злость — гнев — ярость — бешенство — иступление; опасность — боязнь — страх — ужас; радость — веселье — ликование; гордость — надменность — высокомерие*. В чешском: *radost — potěšení — uspokojení — veselost — veselí, ctnost — čest — počestnost — roctivnost — mravnost, hoře — zármutek — žal — bol — bolest*.

Из перечисленных разрядов коннотативных номинаций наиболее подробно описана деминутивная и аугментативная лексика. Репертуар словообразовательных средств этих номинаций довольно полно представлен в современных грамматиках русского и чешского языков и в специальных исследованиях по проблемам словообразования (Mluvnice češtiny, d. 1 1986, s. 300–304; Tvoření slov v češtině, d. 2 1967, s. 494–535).

Заслуживают внимания наблюдения исследователей, касающиеся различий в функционировании уменьшительно-оценочных имен в русском и чешском языках (Нещименко 1963, с. 144; Straková 1973, s. 93–109).

Мы разделяем точку зрения Г. П. Нещименко о том, что при значительном сходстве тенденций употребления оценочных образований в чешском языке уменьшительно-оценочная лексика употребляется бо-лее широко и более последовательно, чем в русском.⁸

Имена стилистической модификации в разряде оценочных номинаций важны при изучении обиходно-разговорного русского и чешского языков.

Выделенные нами номинации с так называемым значением идеологической оценки, а также номинации с коннотативной интенсификацией не были предметом сопоставительного анализа интересующих нас языков. Тем бóльшую важность представляют они для исследования при комплексном изучении номинативных систем русского и чешского языков.

Номинации с идеологической оценкой обнаруживают в сопоставляемых языках, по нашим наблюдениям, структурную и семантическую близость. В обоих языках они являются результатом преимущественно деривационной ономазиологии. В структурном и семантическом отношении эти номинации могут рассматриваться как своеобразные универбы развернутых синтагм, представляя собой «свернутые суждения, обладающие особой силой убеждения» (Эпштейн 1991, с. 20). Ср.: *Во всем его поведении сквозило любованье собой / самодовольство; пришли к позорному соглашению / к сговору; тайное соглашение было раскрыто / заговор...* В чешском: *Zúčastnili se tajné dohody / spiknutí; Přinesl úřední papíry / lejstra*.

На фоне общего сходства имен с идеологической оценкой в обоих языках обнаруживаются и некоторые различия. Обследованный нами материал, в первую очередь большой русско-чешский словарь (Velký ruskó-český slovník 1952–1964), дает основание предположить, что в рус-ском языке

⁸ Возражение по этому вопросу см. Straková 1973, s. 100.

лексическая экспрессивность имеет более последовательное выражение. Экспрессивная ориентированность русского языка проявляется, в частности, в том, что специализированной русской номинативной единице в чешском языке соответствуют описательные структуры в составе нейтрального и часто полисемантического существительного и определяющего его прилагательного, выражающего определенную степень проявления признака. Ср.: *попустительство* — škodlivá shovívanost, *делячество* — úzký praktikismus, *самоуспокоенность* — neoprávněné uspokojení, *всепрощеньство* — naprosté odpuštění, *упрощеньство* — přílišné zjednodušování, *потуги* — marná snaha, *пораженчество* — politika porážky, *самоуправство* — svévolné jednání.

На ослабленное выражение экспрессивности в чешском языке указывают и то, что чешская номинативная единица иногда соотносится в русском языке с ярко выраженной, менее выраженной экспрессивной и даже в оценочном отношении нейтральной номинативной единицей. Ср.:

разгильдяйство
ротозейство — lajdáctví
халатность
посулы
обещания — sliby
застой
стагнация — stagnace
барьеры
прибыль — zisk

Случаи обратного соответствия нами не зафиксированы. К сказанному следует добавить, что некоторые номинации с ярко выраженным экспрессивным значением возникли под влиянием русского языка, а иногда являются и прямыми заимствованиями: *уравнительство* — govnostářství, *обезличка* — obezlička. Под влиянием русского языка оценочное значение приобрели существительные *čistka, rozdělení*: *партийная чистка* — čistka ve straně, *национальное размежевание рабочих* — národnostní rozdělení / rozdělování dělnictva.

Сопоставительный анализ номинаций со значением коннотативной интенсификации, типа *печаль, грусть, горесть, скорбь, тоска*; чешск.: smutek, zármutek, žal, žalost весьма затрудняется отсутствием строгих критериев в градации значения эмоциональности. Однако результаты такого сопоставления важны для определения семантической плотности оценочных ноэтических пространств русского и чешского языков.

Таким образом, каждый разряд оценочных имен имеет свой ракурс в общей системе выражения оценочности.

Изложенная нами концепция сопоставительного исследования номинации русского и чешского языков в пределах предметной номинации, разу-

меется, не претендует на завершенность и тем более универсальность. Она имеет скорее рабочий характер. Однако сам метод исследования, основывающийся на комплексном подходе к чрезвычайно сложному процессу языковой номинации и ее результатам в близкородственных языках и совмещающий в себе системно-структурный и функциональный аспекты, представляется нам плодотворным и перспективным.

Литература

- Арутюнова Н. Д., Номинация, референция, значение. Языковая номинация (Общие вопросы), М., 1977.
- Арутюнова Н. Д., К проблеме функциональных типов лексического значения. Аспекты семантических исследований, М., 1980.
- Барнет В. К проблеме языковой эквивалентности при сравнении. Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками, Изд. МГУ, 1983.
- Войшвилло Е. К. Понятие, М., 1967.
- Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций. Языковая номинация (Общие вопросы), М., 1977.
- Горский Д. П. Логика, М., 1955.
- Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий, М., 1961.
- Горский Д. П. Идеализация и познание. — Логика научного познания, М., 1987.
- Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис, М., 1979.
- Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке, М., 1984.
- Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория, Изд. МГУ, 1973.
- Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. — *Slavia*, 1958, 27, seš. 3.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка, Морфология, ч. 1, Братислава, 1965.
- Копецкий Л. В. Пособие по лексикологии русского языка, Прага, 1972.
- Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. (Семантика производного слова) М., 1981.
- Милославский И. Г. О регулярном приращении значения при словообразовании. — *Вопросы языкознания*, 1975, № 6.
- Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза, М., 1980.
- Нещименко Г. П. Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке. — *Исследования по чешскому языку*, М., 1963.
- Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения, М., 1988.
- Пражский лингвистический кружок, М., 1967.
- Русская грамматика, 1, М., 1980.
- Судаков Г. В. Предметно-бытовая лексика в ономаσιологическом аспекте. — *Вопросы языкознания*, 1986, № 5.

- Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания, М., 1977.
- Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды. — Языковая номинация (Виды наименований), М., 1977.
- Уфимцева А. А. Лексическая номинация — Языковая номинация (Виды наименований), М., 1977.
- Широкова А. Г. Некоторые вопросы эквивалентности в связи с транспозицией форм наклонения. — Сопоставительное языкознание, V. София, 1980.
- Широкова А. Г. Системно-функциональная и узуальная эквивалентности при сопоставительном изучении славянских языков — Вестн. Моск. ун-та, сер. 9, филология, 1992, № 4.
- Эпштейн М. Н. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) — Вопросы языкознания, 1991, № 6.
- Языковая номинация. Виды наименований, М., 1977.
- Bečka J. V. Slovo, jeho význam a užití, Praha SPN, 1986.
- Dokulil M. Tvoření slov v češtině, Teorie odvozování slov 1. Praha, 1962.
- Dokulil M. K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvl. transpozice — Slovo a slovesnost, 1982, č. 4.
- Dokulil M. — Kuchař Jar. Vztah jazyka a myšlení ve struktuře pojmenování — Problémy matrxistické jazykovědy, Praha, 1962.
- Dolník J. — Benkovičová J., Jarošová A. Prognóza opis lexikálnej zásoby. Bratislava, 1993.
- Eisner P. Chrám a tvrz, Praha 1946.
- Filipec J. — Čermák Fr. Česká lexikologie, Praha, 1985.
- Hlavsa Zd. Denotace objektu a její prostředky v současné češtině, Praha, 1975.
- Chlupáčová K. Některé otázky konfrontační charakteristiky pojmenování — Bulletin ruského jazyka a literatury, 1974, XVIII.
- Mathesius V. Řeč a sloh — Jazyk, kultura a slovesnost, Praha, 1982.
- Mluvnice češtiny 1–2. Praha 1986.
- Peregrin Jar. O čem je sémantika — Slovo a slovesnost, 1994, č. 2.
- Tvoření slov v češtině, 2, Praha, 1967.
- Straková V. Substantivní derivace (v ruštině a češtině), Praha, 1973.
- Vlček J. Porovnání slovní zásoby ruského jazyka se slovní zásobou českého jazyka, Praha, 1985.

Словари

- Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка, М., 1973.

Словарь синонимов русского языка, 1–2, Л., 1970.
Český slovník věcný a synonymický, 1–2, Praha, 1974.
Machek V. Etimologický slovník jazyka českého, Praha, 1971.
Příruční slovník jazyka českého, Praha, 1935–1957.
Pala K. — Všianský J. Slovník českých synonym, Praha, 1994.
Slovník spisovného jazyka českého, Praha 1958–1971.
Velký rusko-český slovník, Praha, 1952–1962.

ЧАСТЬ 3

А. И. Изотов

К соотносительности функционально-семантических категорий побуждения в современных чешском и русском языках

Введение

Настоящий раздел коллективной монографии представляет опыт сопоставительного описания высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения в современных чешском и русском языках.

Целью предпринятого исследования было установление имеющей полевую структуру функционально-семантической категории побуждения в современном чешском языке, определение ее формально-структурных характеристик и особенностей функционирования в сопоставлении с аналогичной функционально-семантической категорией, вычлняемой в современном русском языке.

Для достижения названной цели решались более конкретные задачи, среди которых наиболее важными являлись:

1. Содержательное определение побудительных высказываний, отличающее их от высказываний с иной коммуникативной установкой.
2. Смысловые интерпретации побудительных высказываний (приказ, совет, просьба...) в обоих языках и соотносительность этих интерпретаций.
3. Иерархизация формальных средств обоих языков, способных формировать высказывания с актуальной коммуникативной функцией побуждения.

Актуальность избранной темы обусловлена наличием четко выраженного несоответствия функционально-семантических категорий побуждения в сопоставляемых языках, что, в частности, проявляется в следующем:

1. Не совпадают инвентари императивных форм, конструкции с которыми, безусловно, относятся к наиболее специфицированным средствам выражения побуждения в обоих языках. Это несовпадение относится ко всем формам — кодифицированным и некодифицированным, синтетическим и аналитическим, узуальным и малоупотребительным.
2. Чешский и русский императив характеризуются нетождественным семантическим потенциалом и неравными транспозиционными возможностями.

3. Чешскому и русскому речепотреблению свойственна неодинаковая узуальная предпочтительность в выборе тех или иных средств и способов выражения неспецифицированного побуждения (побуждения через вопрос, через оптативность, через презентно-футуральную индикативность и т. п.).

Кроме того, обращает на себя внимание своего рода асимметрия обработки чешского и русского материала в существующих исследованиях. Мы стали свидетелями появления в последнее десятилетие целого ряда блестящих работ, ориентированных прежде всего (одни в большей, другие в меньшей степени) на русский язык (ср. [Храковский, Володин 1986]; [ТФГ 1990], [Храковский и др. 1992]). Что же касается чешских работ, то для них характерна отчасти меньшая привязанность к конкретному материалу и бóльшая включенность проблематики побудительных высказываний в проблематику более широкую — в изучение проблем модальности, семантико-прагматических аспектов речевой деятельности. Отметим и связанный с этим меньший, как нам представляется, «императивоцентризм» чешских исследований, что,

в свою очередь, может рассматриваться как одна из причин отсутствия появления крупных работ, посвященных чешскому императиву.

В настоящем исследовании мы придерживались принципов теоретического сопоставления языков, изложенных в разделе настоящей монографии, написанной проф. А. Г. Широковой, пользуясь прежде всего системно-структурным и функциональным методом, привлекая в ограниченном объеме статистический метод.

Мы опирались прежде всего как на ставшие классическими работы по теории речевых актов (ср. [Austin 1962], [Grice 1975], [Strawson 1964], [Searle 1969], [Searle 1975], [Searle 1976]) и теории транспозиции (ср. [Skalička 1959], [Leška 1960], [Кржижкова 1966]), так и на более поздние семантико-прагматические исследования, ср. материалы брненских конференций в сборниках [Otázky...1973], [Otázky...1979], [Otázky...1980], которые легли, в частности, в основу концепций пражских грамматик русского и чешского языков ([РГ 1979], [МČ 1987]).

И, безусловно, мы со всем вниманием относились к концепциям и материалу упоминавшихся отечественных монографий.

При отборе фактического материала мы следовали обычной в русистике практике (ср., например, [Виноградов 1972], [РГ 1980]) иллюстрации положений современного русского языка эксерпциями из произведений художественной литературы XIX–XX вв. Сплошной выборке нами был подвергнут избыливающий репликами персонажей роман А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Привлекались также эксерпции из ряда других произведений А. и Б. Стругацких, а также из произведений А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского,

И. С. Тургенева, А. П. Чехова.¹ Что же касается чешского материала, то сплошной выборке подвергся богатый диалогами детективный роман М. Капека, в меньшем объеме использовались произведения К. Чапека, К. Полачека, Й. Марека, В. Эрбена. Учитывались также некоторые чешские тексты XIX века, в частности, роман Б. Немцовой «Бабушка», который Вл. Грабье счел возможным использовать в качестве одного из источников фактического материала для своей работы [Грабье 1983].²

Некоторая асимметричность охватываемых чешского и русского пластов объясняется очень просто — чешская литература нового времени существенно «моложе» русской. Во времена жарких литературных споров «Беседы любителей русского слова» с «Арзамасом» (1815–1816) не было не только новой чешской литературы, но и сам чешский был вытеснен из большинства сфер функционирования естественного языка, так что даже Й. Добровский — автор грамматики, легшей впоследствии в основу чешского литературного языка нового времени (написанной, естественно, по-немецки) — «не считал, что чешский язык нужно развивать для тонкого языка искусства и научного стиля» [Petr 1989, с. 35]. Лишь т. н. «второе поколение чешского национального возрождения» (середина XIX в.) поставило грандиозную задачу «сделать из чешского языка развитый национальный язык, который мог бы <...> во всех областях жизни заменить немецкий язык» [Petr 1989, с. 37], ср. об этом также [Нещименко, Широкова 1978]. Во времена А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя — «золото-го века» русской литературы — художественные произведения на чешском языке лишь начинают появляться. Воссозданный «будителями» на основе текстов эпохи Я. А. Коменского чешский литературный язык развивался, впитывая в себя лексические и грамматические элементы из диалектов и других языков и постепенно избавляясь от чересчур архаичных или же не прижившихся иноязычных черт, пока не приобрел где-то к началу XX века более или менее современный вид.

¹ Грибоедов А. С. Избранное. М., 1986; Гоголь Н. В. Повести. Ревизор. М., 1984; Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. М., 1988; Набоков В. Защита Лужина. Таллинн, 1991; Некрасов Н. А. Избранное. М., 1977; Островский А. Н. Пьесы. М., 1982; Стругацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу. Минск. 1986; Стругацкие А. и Б. Полдень, XXII век. М., 1990; Стругацкие А. и Б. Обитаемый остров. Малыш. М., 1995; Тургенев И. С. Романы. М., 1955; Чехов А. П. Избранное. М., 1977.

² Čapek K. Povídky z jedné kapsy. Praha, 1976; Čapek K. Povídky z druhé kapsy. Praha, 1976; Erben V. Poklad byzantského kupce. Bláznová smrt. Praha, 1986; Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka. Praha, 1955; Kapek M. A je to gól! Praha, 1983; Marek J. Můj strýc Odysseus. Praha, 1979; Němcová B. Babička. Praha, 1981; Poláček K. Hostinec U kamenného stolu. Praha, 1974.

Не случайно положения современного чешского языка иллюстрируются, как правило, эксцерпциями из чешской литературы, начиная от К. Чапека, ср., например, статьи А. Г. Широковой, Е. В. Петрухиной и П. Адамца в сб. «Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками» (1983). Всего нами было обследовано около пяти тысяч высказываний (около двух с половиной чешских и столько же русских), способных, по нашему мнению, интерпретироваться как побудительные. Большая часть приводимых чешских примеров снабжена нашими переводами, причем в каждом конкретном случае мы пытались найти приемлемый компромисс между «экстер-ной» и «интерной» эквивалентностью (об экстерных и интерных функциях см. [Барнет 1983]).

Глава 1. Содержательное определение побудительных высказываний

Говоря о побудительных высказываниях, мы исходим из предположения о принципиальном тождестве существенных черт их логико-содержательного аспекта и существенных черт логико-содержательного аспекта высказываний, содержащих конструкцию с императивом. В последующем изложении мы попытаемся выделить эти наиболее существенные черты, которые позволяют считать императивные высказывания ядром общего массива побудительных высказываний и в чешском, и в русском языке, а также объяснить как возможность экспликации побуждения высказываниями, не содержащими императивных форм, так и возможность непобудительного употребления императивных конструкций (последнее характерно прежде всего для русского языка).

Наиболее общим определением побудительных высказываний будет, пожалуй, их характеристика как высказываний, актуальной коммуникативной функцией которых является провоцирование к осуществлению (или же неосуществлению) некоей деятельности (действия). Для того, чтобы уточнить это интуитивно приемлемое определение, мы воспользовались (в несколько модифицированном виде) предложенной Л. А. Бирюлиным (который опирается, в свою очередь, на принятое в теории речевых актов трехуровневое представление высказываний) моделью структуры содержания побудительного высказывания, включающей в себя:

1) план прескрипции (= иллокутивный акт), который включает Прескриптора, Получателя прескрипции и Исполнителя прескрипции;

2) план коммуникации (= локутивный акт), который включает Говорящего³, Слушающего / Слушающих (= Получателя / Получателей прескрипции)

³ У Л. А. Бирюлина и В. С. Храковского *Говорящего (= Прескриптора)*.

и Лицо / Лиц, не участвующее в коммуникативном акте, т. е. 3-е л. ед. / мн. ч.;

3) план каузируемого положения вещей (= пропозициональный акт), который включает некое действие Р и его Агенса (= Исполнителя прескрипции).

Возражая широко распространенному мнению, что Слушающий (= Получатель прескрипции) и Агенс (= Исполнитель прескрипции) непременно должны быть одним и тем же лицом, Л. А. Бирюлин и В. С. Храковский склонны считать, что Агенсом действия (= Исполнителем прескрипции) может быть любой из заданных участников коммуникативного акта и любая теоретически допустимая совокупность этих участников (ср. [Храковский и др. 1992, с. 6–8]). Тезис о факультативности кореференции Слушающего и Агенса позволяет обосновать возможность расширения массива побудительных высказываний, в частности, включения в него высказываний типа *Пусть он (они) еще подождет (подождут)! Пойдём(те) скорей! Пойду(-ка) подгоню их!* и т. п.⁴

⁴ Л. А. Бирюлин и В. С. Храковский иллюстрируют материалом русского языка 17 логических возможностей, в соответствии с которыми «Агенсом (= Исполнителем прескрипции) могут быть:

- 1) Говорящий, т. е. 1-е л. ед. ч.: *Схожу-ка я в магазин, Дай посмотрю, Дайте посмотрю;*
- 2) Слушающий, т. е. 2-е л. ед. ч.: *Садись, Сходил бы ты за молоком, Ты можешь выйти, Завтра тебе дежурить;*
- 3) Слушающие, т. е. 2-е л. мн. ч.: *Садитесь, Сходили бы вы за молоком, Вы можете выйти, Завтра вам дежурить;*
- 4) 3-е л. ед. ч.: *Пусть Петров подождет, Иванову завтра дежурить;*
- 5) 3-е л. мн. ч.: *Пусть студенты соберутся в актовом зале;*
- 6) Говорящий и Слушающий, т. е. 1-е л. ед. ч. + 2-е л. ед. ч. (= совместное лицо ед. ч.): *Давай молчать, Поедем;*
- 7) Говорящий и Слушающие, т. е. 1-е л. ед. ч. + 2-е л. мн. ч. (= совместное лицо мн. ч.): *Давайте молчать, Поедемте;*
- 8) Говорящий и 3-е л. ед. ч.: *Решено, я с ним спую, Дай я с Петей пройду;*
- 9) Говорящий и 3-е л. мн. ч.: *Решено, я с ними спую, Дай я с ними пройду;*
- 10) Слушающий и 3-е л. ед. ч.: *Сходи с Петей в магазин, Ты можешь выйти вместе с ним, Завтра тебе с Петей дежурить;*
- 11) Слушающий и 3-е л. мн. ч.: *Сходи с подругами в магазин, Ты можешь выйти вместе с подругами, Завтра тебе дежурить вместе с ребятами из нашей группы;*
- 12) Слушающие и 3-е л. ед. ч.: *Сходите с Петей в магазин, Сходили бы вы с Машей за молоком, Завтра дежурить вам и лейтенанту Петрову;*
- 13) Слушающие и 3-е л. мн. ч.: *Сходите с детьми в театр, Сходили бы вы*

Мы склонны выдвинуть еще один тезис — тезис о факультативности кореференции Говорящего и Прескриптора. Это позволит на законном основании включить в анализируемый массив явно побудительные высказывания, в которых говорящий дистанцируется (более или менее решительно) от роли Прескриптора, беря на себя лишь посреднические функции. Прескриптором же подобного побуждения является лицо, непосредственно не участвующее в конкретном коммуникативном акте, ср.: *Господин директор просит Вас еще немного подождать*. Как нам представляется, сюда можно отнести случаи, когда Прескриптор персонально не определен, т. е. когда в его роли выступает как бы сам миропорядок в целом, ср.: *Вы должны быть более внимательны!* Отметим, что подобные ‘долженствовательно-побудительные’ высказывания, возможные и в русском речепотреблении, в речепотреблении чешском весьма узуальны, ср.: *Musíš pryč!* букв. ‘ты должен уйти’, *Už máte jít* букв. ‘нам уже надо идти’.

Нам представляется также необходимым отметить еще один важный компонент содержательной структуры побудительного высказывания, незаслуженно недооцениваемый, как нам кажется, даже в весьма солидных исследованиях (ср. [Русская грамматика 1979, с. 195], [Храковский и др. 1992, с. 7]), — каузацию в о з м о ж н о с т и действия Агенса. Возможность, безусловно, может быть интерпретирована через необходимость (например ‘возможность некоторого действия’ как ‘отсутствие необходимости воздержания от него’ или как ‘отсутствие необходимости некоторого альтернативного действия’, что хорошо прослеживается, в частности, на примерах употребления чешских модальных глаголов *tosí, muset* с отрицанием и без него), однако нам представляется оправданным введение данного компонента как самостоятельного, тем более, что он может выступать на передний план в семантической структуре некоторых социально значимых семантических интерпретаций побуждения, например, в семантической структуре разрешения, ср.: *Садитесь, пожалуйста* = ‘Вы можете сесть’.

Суммируя изложенное, мы склонны охарактеризовать в качестве побудительных такие высказывания, в которых Говорящий сообщает Слушающему о необходимости и / или возможности осуществления Агеном некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия

с детьми в театр, Завтра дежурить вам и курсантам вашего взвода;

14) Говорящий, Слушающий и 3-е л. ед. ч.: *Давай поедем с Петей в Крым, Давай строить вместе с Петей новый дом;*

15) Говорящий, Слушающие и 3-е л. ед. ч.: *Давайте поедем с Петей в Крым, Давайте строить вместе с Петей новый дом;*

16) Говорящий, Слушающий и 3-е л. мн. ч.: *Давай поедем с детьми в Крым, Давай строить вместе с детьми новый дом;*

17) Говорящий, Слушающие и 3-е л. мн. ч.: *Давайте поедем с детьми в Крым, Давайте строить с детьми новый дом.*» [Храковский и др. 1992, с. 8–9].

самим фактом своего сообщения, при этом необходимость и / или возможность может обуславливаться волеизъявлением одного из участников плана коммуникации и / или его интересами. (Естественно, что ‘воздержание от действия’ также является своего рода ‘действием’; равно как ‘сообщение о необходимости’ или ‘со-общение о возможности’ может каузировать не только ‘необходимость’ или ‘возможность’, но и ‘отсутствие необходимости’ или ‘отсутствие возможности’.)

Глава 2. Смысловые интерпретации побудительных высказываний

В рамках общей совокупности побудительных высказываний могут быть выделены более конкретные подтипы побуждения (приказ, просьба, предложение и т. п.), которые различаются по ряду параметров, таких как степень настоятельности побуждения, субординация участников акта коммуникации, бенефактивность (в чьих интересах – говорящего, адресата либо кого-то ещё предполагается осуществление каузируемого действия), спровоцированность / неспровоцированность акта побуждения, определённости / неопределённости референции и т. д.

Выражаясь императивной конструкцией, все эти подтипы побуждения могут сигнализироваться интонацией⁵, лексическим значением императивной формы⁶, а также контекстом и ситуацией высказывания⁷ и не имеют специальных грамматических средств для своего выражения, по крайней мере, не имеют в русском языке [РГ 1980, т. 1, с. 624]⁸.

⁵ Ср.: «*Приходи!*, сказанное с интонацией мольбы, означает то же самое, что *Я умоляю тебя прийти*; *Приходи!*, сказанное с интонацией приказа, означает то же самое, что *Я приказываю тебе прийти*; *Приходи!*, сказанное с интонацией совета, означает то же самое, что *Я советую тебе прийти*, и т. д.» [Wierzbicka 1972], цит. по [Вежицка 1985, с. 256].

⁶ Очевидно, что, например, интерпретационные возможности высказывания *Убирайся!* существенно уже интерпретационных возможностей высказывания *Приходи!* из примера А. Вежицкой.

⁷ Ср.: «Обстоятельства высказывания оказывают очень важную помощь. Так, мы можем сказать: “*Его* слова я воспринимаю как приказ, а не как просьбу”» [Austin 1962], цит. по [Остин 1986, с. 71–72].

⁸ В. С. Храковский мотивирует неправомерность рассматривать мольбу, приказ, совет и т. п. как частные грамматические значения, выражаемые специальным грамматическим средством («интонацией мольбы», «интонацией приказа», «интонацией совета» и т. п.) тем обстоятельством, что «каждая из семи выделяемых в русском языке интонационных конструкций (ИК) соотносится, как правило, более чем с одной семантической интерпретацией повелительных предложений» [ТФГ 1990, с. 203]. Отметим, впрочем, что и А. Вежицка цитируемым тезисом отнюдь

В специальной литературе мы можем встретиться с самыми разными комбинациями подтипов побуждения. Так, в 10 работах ([Артёмов 1966], [Брым 1974], [Виноградов 1938], [Исаченко 1960], [Косилова 1962], [Мильх 1953], [Мучник 1955], [Немешайлова 1961], [Пешковский 1956], [РГ 1980]) В. С. Храковский и А. П. Володин обнаружили около 30 различных семантических интерпретаций императивных конструкций, большая часть которых совпала со значениями знаменательных каузативных глаголов, и перечислили эти интерпретации, отмечая в скобках, сколько источников из названных десяти данную интерпретацию выделяют. Это просьба (8), совет [= рекомендация, наставление] (8), приказание (7), приглашение (7), увещание [= убеждение] (6), требование (5), разрешение [= допущение] (5), заклинание (4), предложение (4), призыв (4), согласие (4), пожелание (4), мольба (4), предупреждение (3), команда (3), распоряжение [= инструкция] (2), наказ (2), разъяснение (1), одобрение (1), привлечение внимания (1), извинение (1), привет (1), долженствование (1), невыполнимость (1), подстрекательство (1), принуждение (1), предположение (1), предостережение (1), вызов (1), упрощение (1). Нельзя не разделить сомнений В. С. Храковского и А. П. Володина в том, все ли единицы приведённого списка в равной степени важны и не представляют ли многие из них всего лишь «отдельные каузативные (и не только каузативные) лексемы, которые к тому же иногда являются синонимичными» [Храковский, Володин 1986, с. 133–134].

В русистике неоднократно предпринимались попытки классификации подтипов побуждения на основе тех или иных эксплицитно сформулированных и тем самым верифицируемых параметров. К сожалению, все эти классификации (последняя из нам известных разграничивает *команду, приказ, наказ, пожелание, побуждение, запрещение, позволение, просьбу, предостережение, увещание, мольбу*, в этой последовательности располагая их на шкале семантика «внутреннего» волеизъявления ↔ семантика «невнутреннего» волеизъявления [Панин 1993, с. 86]) никак нельзя считать безупречными. Так, В. С. Храковский и А. П. Володин, критически проанализировав классификацию М. В. Косиловой⁹ и охарактеризовав более позднюю классификацию

не постулирует наличие однозначного соответствия между набором интонаций и набором типов высказываний, а лишь возражает тем лингвистам, которые видят в высказывании с императивной конструкцией приказ, сужая тем самым его интерпретационные возможности.

⁹ Предложено три классификационных признака, каждый из которых принимает три значения. I. Отношение между участниками коммуникативного акта: 1) адресат зависит от воли говорящего, 2) между адресатом и говорящим нет зависимости, 3) говорящий зависит от воли адресата; II. Отношение говорящего к действию: 1) хочет его исполнения, 2) считает его исполнение целесообразным, 3) не хочет его исполнения; III. Отношение адресата к действию: 1) хочет его исполнения, 2) его отношение к действию неизвестно, 3) не хочет его исполнения. Из теоретически

И. С. Андреевой¹⁰ как «недостаточно чёткую и последовательную», предлагают собственную классификацию¹¹, которая, увы, также уязвима. И дело не только в том, что для характеристики *санкции* и *пожелания* авторам приходится обращаться к иным критериям. Не оговорено место в таблице анализируемых чуть далее *запрета* (с. 147 след.) и *предостережения* (с. 150 след.). В более поздних работах В. С. Храковский квалифицирует в качестве *запрета* каузацию неисполнения контролируемого действия (типа

полного набора логических возможностей сочетаний классификационных признаков приводятся только те, которым соответствуют определенные интерпретации побуждения (при этом, впрочем, одной и той же интерпретации могут соответствовать различные наборы классификационных признаков): I₁, II₁, III₂ – приказ; I₁, II₁, III₃ – требование; I₁, II₂, III₁ – разрешение, запрещение; I₁, II₂, III₂ – приказ; I₁, II₂, III₃ – требование; I₁, II₃, III₁ – разрешение, допущение; I₂, II₁, III₂ – призыв, просьба; I₂, II₂, III₁ – согласие; I₂, II₂, III₂ – совет, предположение; I₂, II₂, III₃ – убеждение, увещание, предостережение; I₃, II₁, III₂ – мольба, упрощение [Косилова 1962], приводится по [Храковский, Володин 1986, с. 135].

¹⁰ Различается «смягченное» побуждение (*просьба, мольба, уговаривание, упрощение, убеждение*), «категорическое» побуждение (*приказ, запрет, команда, требование*) и «нейтральное» побуждение (*совет, пожелание, приглашение*) [Андреева 1971].

¹¹ Учитываются такие обстоятельства, как спровоцированность или неспровоцированность акта побуждения (A1 – «импульс каузации» исходит от говорящего, A2 – от слушающего), заинтересованность в исполнении каузируемого действия (B1 – исполнение каузируемого действия в интересах говорящего, B2 – в интересах слушающего), субординация (B1 – говорящий ставит себя выше слушающего, B2 – говорящий ставит себя не выше слушающего), в связи с чем выделяются:

Классификационные признаки и их значения			Частные семантические интерпретации императивного значения
импульс каузации	заинтересованность	субординация	
A1	B1	B1	Приказ
A1	B1	B2	Просьба
A1	B2	B1	Инструкция
A1	B2	B2	Предложение
A2	B2	B1	Разрешение
A2	B2	B2	Совет
A2	B1	B1	—
A2	B1	B2	—

Кроме того, оговаривается *санкция* (каузируется продолжение уже осуществляющегося действия), которая может накладываться на все названные интерпретации, кроме *инструкции*, и *пожелание* (каузируются действия и состояния, в норме не подконтрольные воле человека типа *Опомнись!*, *Ликуй!*, *Будь здоров!* или же состояния персонифицированного объекта неживой природы типа *Пылай, камин!*, *Гори, прежняя жизнь!*), накладывающееся на все шесть интерпретаций (приказ-пожелание, просьба-пожелание и т. д.) [Храковский, Володин 1986, с. 136–145].

Не рисуй!, Не читай эту книгу!), а в качестве *предостережения* – каузацию неисполнения неконтролируемого действия (типа *Не поскользнься!, Стекло не разбей!*) [Храковский и др. 1992, с. 35]. Применительно к приведённой таблице это могло бы означать, что и *запрет*, и *предостережение* (аналогично *санкции* и *пожеланию*) накладываются на выделенные шесть интерпретаций. Мы склонны, однако, вслед за [Searle 1969], [Wierzbicka 1972] и [МЩ 1987] рассматривать *запрет* как коррелят *приказа* и *разрешения* (общий компонент – признаваемое собеседником право говорящего на авторитарную позицию), а *предостережение* – как коррелят *совета* (советом каузируется действие, желательное для адресата, а предостережением – действие нежелательное). Нам не кажется удачным использование в качестве классифицирующего параметр «импульс каузации». По этому и только (!) по этому критерию В. С. Храковский и А. П. Володин противопоставляют *совет предложению*, а *разрешение – инструкции*, но ведь и совет, и разрешение могут реализовываться не только в реактивных, но и в инициативных¹² высказываниях. Так, нетрудно представить инициативное разрешение (ср. обращение директора к посетителю: *Присаживайтесь!* = *‘Вы можете присесть’*), что же касается советов, то они даются говорящим по собственной инициативе, пожалуй, ничуть не реже, чем запрашиваются. В более поздних работах В. С. Храковский отмечает, что «совет может быть и пермиссивным, и фактитивным» [ТФГ 1990, с. 204], ср. аналогичный тезис в [Храковский и др. 1992, с. 15]. Нам представляется, что теоретически и инициативными («фактитивными») и реактивными («пермиссивными») могут быть *все* приводимые в таблице интерпретации, ср., например, реактивный приказ: (Подхалюзин) <...> *Прикажитесь на колени стать.* (Липочка) *Станьте.* (А. Н. Островский.) Различие же между советом и предложением мы склонны видеть, вслед за авторами [МЩ 1987, с. 345], не в инициативности или реактивности, а в том, что предложением каузируется возможное действие Агенса, а советом — желательное. Принципиальная уязвимость «табличных» классификаций обусловлена, на наш взгляд, тем обстоятельством, что таблица предполагает, как правило, определённую дискретность, а нередко и некую симметричность, а при семантическом структурировании побуждения речь может идти именно о полевом и никак не о дискретном структурировании. Выявляемые подтипы побуждения являют-

¹² Принятое в [МЩ 1987, с. 306] разграничение инициативных высказываний, которые выступают в качестве стимула к тем или иным речевым или неречевым действиям адресата, и высказываний реактивных, которые сами являются реакцией на то или иное действие адресата, представляется нам более удачным с точки зрения внутренней формы, чем использование В. С. Храковским в более поздних работах разграничения фактитивных и пермиссивных интерпретаций побудительных высказываний [ТФГ 1990, с. 204], [Храковский и др. 1992, с. 15].

ся не фрагментами чего-то целого и равномерного с чётко очерченными границами и симметрично противопоставленными по тому или иному набору признаков. Это, скорее, своего рода локальные сгущения поля с преобладанием тех или иных свойств. Это структурирование не может быть симметричным, так как различные типы побуждения «социально неравнозначны» — очевидно даже без статистических выкладок, что речевые акты, содержащие, скажем, распоряжение или просьбу, используются в процессе человеческой коммуникации заметно активнее, чем, скажем, речевые акты, выражающие команду или призыв (лозунг). Это структурирование не может быть даже формально симметричным, так как те или иные подтипы побуждения выделяются прежде всего не по набору тех или иных признаков (если попытаемся охватить максимум социально значимых подтипов побуждения, а не только те из них, которые легко укладываются в таблицу), а скорее по какому-то одному уникальному признаку или, реже, по уникальной комбинации признаков. Так, команда предполагает немедленное начало выполнения каузируемого действия, для прочих же выделяемых нами подтипов побуждения этот признак (немедленное / отложенное выполнение каузируемого действия) несущественен, ср., например, совет: *Ешь как следует, до ужина ещё далеко* (немедленное выполнение) — *Ешь больше фруктов* (отложенное выполнение). Для призыва (лозунга) характерна неконкретность, временная и персональная нелокализованность каузируемого действия. Приказ предполагает обоснованную уверенность говорящего в том, что адресат действительно выполнит либо, по крайней мере, попытается выполнить каузируемое действие и т. д.

Однозначная интерпретация того или иного подтипа побуждения не всегда возможна. Очень часто мы имеем дело со своего рода переходными случаями, когда побуждение может восприниматься неоднозначно. Нередко подобная многозначность, когда сквозь просьбу просвечивает приказ, а сквозь совет — предостережение, изначально замысливается говорящим. Следует помнить, что выделенные выше подтипы побуждения представляют собой не дискретные объекты, а также своего рода микрополя с ядром (когда данный подтип побуждения однозначно и непротиворечиво выражен определённой конвенциализованной в языке для данного подтипа структурой) и более или менее размытой периферией (когда речь идёт о всевозможных транспозиционных процессах и когда корректная интерпретация побуждения предполагает учёт не только собственно языковых, но и иных факторов)¹³. А если мы примем во внимание склонность «этикетной» речи

¹³ Так, важным фактором, обуславливающим интерпретацию конкретного речевого акта побуждения, является восприятие адресатом текущего соотношения социальных ролей участников акта коммуникации. Адресат реагирует на побуждение по-разному в зависимости от того, признаёт он за говорящим право на авторитарную позицию или нет, ср.: Nastoupily. Na Martě Muršové bylo

именно

к непрямому, завуалированному способу выражения, то большое количество «пограничных» случаев будет вполне объяснимым.

Асимметрическая полевая структура императивности предполагает, в частности, возможность её дальнейшего структурирования. Могут быть названы какие-то дополнительные «центры сгущения», например, инструкция (рецепт) – пример «отложенного», неконкретного побуждения (от призыва его будет отличать конкретность объекта бенефактивности); может быть внутренне структурирован какой-либо уже выделенный подтип – так, внутри просьбы может быть выделена мольба – настойчивая просьба с экспликацией униженной позиции говорящего; интересно, что это новое сгущение поля возникнет не *рядом* с уже выделенными нами просьбой о разрешении и просьбой о прощении, а как бы *поверх* их (ср. *мольба о разрешении, мольба о прощении*).

В более поздних работах В. С. Храковский уже не возвращается к «табличной» классификации, допуская, что «в принципе в каждом конкретном языке, в том числе и в русском, есть столько семантических интерпретаций повелительных предложений, сколько в этом языке представлено несинонимичных глаголов речевой каузации» [ТФГ 1990, с. 204]. Данный тезис представляется нам методологически важным, так как позволяет нам сопоставлять, допуская неодинаковое картирование поля побуждения различными языками, семантические интерпретации побуждения в современных чешском и русском языках, не подгоняя данные одного языка под данные другого. Дело не только

в том, что один язык может располагать особым каузативом там, где другому требуется двусложное сочетание (ср. русск. *мольба* и чешск. *úpěnlivá prosba*; функциональное противопоставление *prosba — úpěnlivá prosba* букв. ‘просьба’ — ‘слёзная, жалобная просьба’ мы находим, например, в [Flídrová 1980, с. 215]. Менее заметны, а потому более сложны случаи неполного соответствия каузативов. Так, чешскому *vůzva* в русском языке соответствует, по свидетельству [ЧРС 1976], воззвание, обращение; вызов, призыв. Однако в чешском речепотреблении этим каузативом обозначается не только «настоятельное побуждение к реализации / нереализации некоей деятельности, мотивируемой социальными, этическими и подобными факторами»¹⁴, ср. примеры из романа М. Капека: “*Strejdo, pojd’ nám na chvíli chytat, aspoň do tý doby, než vygovnáme,*” *vůzval* ho pihovatý klučina s nazřlými vlasy. ‘«Дяденька, постой у нас в воротах, хотя бы пока мы не сравняем счёт», — по-

vidět, že Exnerovu *nabídku* pochopila jako *rozkaz*. (V. Erben) — ‘Они сели в машину. Было видно, что *предложение* Экснера Марта поняла как *приказ*’.

¹⁴ Так характеризуется *vůzva* в [МČ 1987, с. 343], и эта характеристика, пожалуй, подходит к русскому *призыву*.

просил [*призвал?] его рыжий веснушчатый мальчуган»; “Pojďte se na něso podívat!” vyzval stařík hosta. «Пойдите посмотреть кое на что!», — предложил [*призвал?] старик гостю». Как мы видим, в приведённых примерах отсутствует не только «этическая или социальная мотивация каузируемого действия», но и постулируемая для данного подтипа побуждения в [Flídřová 1980, с. 217] «сильная зависимость адресата от говорящего». Иначе говоря, семантический и функциональный потенциал чешского *vůzva* заметно шире семантического и функционального потенциала русского призыва, что обуславливает и в свою очередь поддерживается обычной практикой употребления каузатива *vůzva* (в отличие от русского призыва) в качестве общеродового понятия (ср. русское общеродовое понятие побуждение)¹⁵.

Мы склонны исходить из принципиальной соотносительности основных социально значимых семантических интерпретаций побудительных высказываний в современных чешском и русском языках, не закрывая глаза на отсутствие однозначного соответствия вычленяемых носителем того или другого языков спектра частных семантических интерпретаций¹⁶.

Сравнив список наиболее социально значимых семантических интерпретаций побуждения в русском речепотреблении В. С. Храковского и Л. А. Бирюлина¹⁷ с аналогичным списком М. Грeпла и П. Карлика¹⁸ и с основными типами речевых актов, анализируемых А. Вежицкой¹⁹

¹⁵ Мы можем столкнуться со своего рода переносом чешского узуса на русский материал в работах, написанных чехами по-русски, ср.: «Структурное значение дебитивности находит отражение прежде всего в основной функции этих [императивных – А. И.] форм — в призывной функции, т. е. в выражении прямого приказа, совета, предостережения, просьбы, увещания...» [РГ 1979, с. 193].

¹⁶ О том, как могут расходиться взгляды по этому поводу разных носителей даже одного языка, достаточно красноречиво говорит приводившийся ранее список из [Храковский, Володин 1986, с. 134].

¹⁷ *Приказ, просьба, требование, предложение, разрешение / неразрешение, совет* [Храковский и др. 1992, с. 15]; в [ТФГ 1990, с. 204] то же кроме *неразрешения*. Список [Храковский, Володин 1986, с. 137] пополнился *требованием* (делившимся ранее между *приказом* и *просьбой*), но лишился *инструкции*.

¹⁸ Посвящённые побудительным высказываниям подразделы «Синтаксиса литературного чешского языка» названных авторов [Grěpl, Karlík 1986] выглядят следующим образом (русские соответствия чешским каузативам приводятся по [ЧРС 1976]): *Rozkaz (přikaz), zákaz* ‘приказ, приказание, распоряжение, предписание’ (‘приказ, распоряжение, поручение, требование’), ‘запрещение, запрет, воспрещение’; *Povel* ‘команда, приказ’; *Prosba* ‘просьба, прошение’; *Vybídnutí* ‘предложение, просьба, призыв, приглашение’; *Vůzva* ‘воззвание, обращение, вызов, призыв’; *Varování, vyhrůžka, výstraha* ‘предостережение, предупреждение’, ‘угроза, острастка’, ‘предостережение, предупреждение’; *Návrh, rada (doporučení)* ‘проект, предложение’, ‘совет’ (‘рекомендация’); *Dovolení* ‘разрешение, позволение’. Эти подразделы практически без изменения вошли в соответствующую главу третьего

мы склонны рассматривать в качестве функционально соотносительных следующие вычленимые в чешском и русском речепотреблениях семантические интерпретации побудительных высказываний:

русск.	чешск.
распоряжение (приказ)	rozkaz (příkaz)
запрет	zákaz
разрешение	dovolení
просьба	prosba
требование	žádost
предостережение, угроза	varování, výstraha, vyhrůžka
предложение	návrh, vybidnutí
совет (рекомендация)	rada (doporučení)
команда	povel
призыв	výzva

1. Распоряжение (приказ), запрет, разрешение

В ситуации распоряжения (приказа) побуждение направлено «сверху вниз», в данном конкретном акте коммуникации говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату позицию²⁰ и вправе ожидать, что адре-

тома пражской академической «Грамматики чешского языка» [МČ 1987, с. 339–346]. В богемистике представлены, естественно, и более подробные классификации. Так, в [Flidrová 1980] мы встречаем все названные интерпретации (кроме vybidnutí и vyhrůžka), а также такие интерпретации, как úpěnlivá prosba ‘мольба’; žádost ‘заявление, ходатайство, прошение, просьба, желание, пожелание’; přesvědčování ‘убеждение’; vábení ‘привлечение, прельщение, соблазнение, заманивание’; lákání ‘привлечение, приманивание, соблазнение, заманивание, выманивание’; rokup ‘указание, инструкция, директива’; předpis ‘предписание, инструкция, рецепт’; instrukce ‘инструкция, предписание’; poučení ‘наставление, внушение, поучение, назидание, инструкция’; souhlas ‘согласие, разрешение, одобрение’; rozvání ‘приглашение’; domluva ‘увещевания, убеждения, уговоры’; paromenutí ‘замечание, наставление’; nařízení ‘распоряжение, предписание, постановление, приказ, указ’; důtklivé upozornění ‘настоятельное предупреждение’.

¹⁹ Нас интересовало истолкование А. Вежбицкой таких речевых актов, как *сообщение, вопрос, просьба, приказ, запрет, позволение, требование, возражение, поручение, гарантия, обещание, предостережение, угроза, совет, наставление (инструкция)* [Wierzbicka 1972]; использована терминология русского перевода в [Вежбицка 1986].

²⁰ В. С. Храковский и А. П. Володин отмечают отсутствие прямой корреляции с социальными отношениями типа «начальник» — «подчиненный», «старший» — «младший»: «В каждом конкретном речевом акте говорящий — независимо от того, старший он или младший, начальник или подчиненный, — в зависимости от ситуации может ставить себя либо выше, либо не выше слушающего. Вспомним, например, шекспировского «Короля Лира». Гонерилья — королева в своих землях,

сат выполнит (либо по крайней мере попытается выполнить) каузируемое действие.

Прохибитивным коррелятом распоряжения (приказа) является запрет, т. е. своего рода приказ с отрицанием.

А. Вежицка эксплицирует семантическую структуру приказа и запрета следующим образом:

«Я приказываю тебе сделать Z =

Предполагая, что ты не можешь не сделать того, что я хочу от тебя,
желая побудить тебя сделать Z,
я говорю: я хочу, чтобы ты сделал Z.

Я запрещаю тебе делать Z =

Предполагая, что ты не можешь сделать то, что я не хочу,
чтобы ты делал,
желая побудить тебя не делать Z,
я говорю: я не хочу, чтобы ты делал Z» [Wierzbicka 1972], цит. по

[Вежицка 1985, с. 263].

Соотносительность *приказа* и *запрета* наглядно демонстрируется следующим примером, где «приказ» продолжать сидеть равнозначен «запрету» вставать (обмен репликами происходит между следователем Экснером и доктором Роусом, которого Экснер только что обвинил в совершении убийства), ср.:

“Mohu si jít pro cigaretu?” — “Ne,” řekl Exner a podal mu svoje. “Zůstaňte sedět!” (V. Erben) — ‘«Я могу сходить за сигаретами?» — «Нет,» сказал Экснер и протянул ему свои: «Сидите!»’

В русском языке эта соотносительность прослеживается и на лексическом уровне. Так, двувидовой глагол *велеть* синонимичен каузативу *приказывать* / *приказывать*. Когда же этот глагол присоединяет отрицательную частицу *не*, он начинает означать уже не столько *не приказывать* / *не приказывать*, сколько *не разрешить* / *запретить*:

- (1) *Ведь он велел тебе открыть окно — Нет, не велел (т. е. не приказал).*
- (2) *Отец не велел (т. е. запретил) включать телевизор.*²¹

Лир — ее отец, но он уже не король, он отдал ей свою власть. Она хочет, чтобы он сократил свою свиту, и просит его об этом (ставит себя не выше — он старше ее, он ее отец), но, видя, что Лир не желает слушать ее, она меняет тон (ставит себя выше): <...> *Вас просит та, кому не подобает | Просить, и легче было б приказывать* (Перевод Б. Пастернака) [Храковский, Володин 1986, с. 137].

²¹ Возможность неоднозначной интерпретации сочетания *не велеть* обуславливает возможность неоднозначной же интерпретации хотя и не вполне

Таким образом, запрет выступает как прохибитивный коррелят не только приказа, но и разрешения. Общим признаком, объединяющим запрет и разрешение, является авторитарная позиция говорящего — его признаваемое адресатом право каким-либо образом ограничивать деятельность адресата (запрет) или, наоборот, ликвидировать уже существующие ограничения деятельности адресата (разрешение), ср. мнение А. Вежбицкой о том, что «несколько огрубляя картину, можно сказать, что запрет — это отрицательный приказ, а позволение — это отрицательный запрет», и ее экспликацию семантической структуры разрешения:

«Я позволяю тебе сделать Z =

Предполагая, что ты не можешь сделать то, что я не хочу, чтобы ты делал,
не желая побуждать тебя не делать Z,

я говорю: я не говорю: я не хочу, чтобы ты делал Z» [Wierzbicka 1972],
цит. по [Вежбицка 1985, с. 263].

Авторы [МС 1987, с. 346] относят к релевантным интерактивным условиям разрешения следующее: (1) адресат заинтересован в реализации / нереализации определенной деятельности; (2) для реализации / нереализации этой деятельности существуют некие препятствия или ограничения; (3) говорящий компетентен ликвидировать эти препятствия или ограничения; (4) просьба об этом была высказана либо ожидается. В последнем случае речь идет о своего рода «упреждающем» разрешении, когда говорящий как бы предвзвешивает возможную просьбу адресата, очевидную из контекста.

Семантическая соотносительность разрешения, запрета и приказа хорошо иллюстрируется следующим фрагментом из романа А. и Б. Стру-гацких «Обитаемый остров»:

«Он все время видел маму, как ей сообщат: «Ваш сын пропал без вести» и какое у нее лицо, и как отец трет себе щеки и растерянно озирается, и как им холодно и пусто... Нет, сказал он себе. Об этом думать *не разрешается*. О чем угодно, только не об этом, иначе у меня ничего не получится. *Приказываю и запрещаю. Приказываю не думать и запрещаю думать. Все.*»

2. Просьба

К интерактивным условиям просьбы относятся зависимое положение говорящего по отношению к адресату в момент данного акта коммуникации и осознание им этого положения, т. е. направленность побуждения «снизу вверх». В реализации / нереализации каузируемого действия заинтересован

литературного, однако довольно употребительного сочетания *не велено* («не было приказа, распоряжения» — «нельзя, не было разрешено») — ср. объяснения солдата-инвалида, почему ему не дали «пенциону полного»: *Полного выдать не велено: | Сердце насквозь не прострелено!* (Н. А. Некрасов)

говорящий. Просьба не обязывает адресата к исполнению каузируемого действия в той мере, в какой его обязывает приказ, и исполнение пропозитивного содержания полностью зависит от воли адресата, ср.:

«Я прошу тебя пойти сюда =

Предполагая, что ты можешь сделать это, а можешь и не сделать этого, желая побудить тебя это сделать,

я говорю: я хочу, чтобы ты пошел сюда» [Wierzbicka 1972], цит. по [Вежбицка 1986, с. 257].

Просьба может быть настойчивой, но никак не категорической (тогда она трансформируется в требование).

3. Требование

Требование мы склонны трактовать как категорическое побуждение (этим оно отличается от просьбы) при отсутствии авторитарной позиции говорящего, а поэтому говорящий и не может быть уверен в том, будет ли каузируемое действие выполнено или нет. Вслед за Ю. Д. Апресяном мы видим существенную особенность требования (в отличие от приказа, запрета, позволения и просьбы) в том, что говорящий убежден (в действительности или притворно), что он имеет право настаивать на том, чтобы адресат сделал то, что он, говорящий, хочет от него [Апресян 1969, с. 22]. А. Вежбицка эксплицирует семантическую структуру требования следующим образом:

«Я требую, чтобы это было сделано =

Предполагая, что я имею право сказать: это должно быть сделано, желая сделать так, чтобы это было сделано,

я говорю: я хочу, чтобы это было сделано» [Wierzbicka 1972], цит. по [Вежбицка 1985, с. 264–265].

Как уже отмечалось, авторы [МČ 1987] не выделяют *требование* (*žádost*) в качестве самостоятельного подтипа побуждения, видимо, потому, что оно используется (наряду с каузативом *vůzva*) в качестве общеродового понятия (ср. *žádací výpovědi* ‘побудительные высказывания’). Тем не менее, о том обстоятельстве, что в языковом сознании чеха данный каузатив способен обозначать подтип побуждения, расположенный (вопреки приводимым в [ЧРС 1976] русским соответствиям) где-то посередине между приказом и просьбой, достаточно красноречиво, на наш взгляд, свидетельствует реплика героя романа В. Эрбена, разбуженного следователем среди ночи и услышавшего, что к восьми утра его ожидают в другом городе: *Je to prosba, nebo žádost, nebo rozkaz?*

4. Предостережение, совет

Мы склонны согласиться с Дж. Р. Серлем, рассматривавшим предостережение как «доведение до сведения С, что событие Е не соответствует интересам С», а совет — как «доведение до сведения С, что действие Д соответствует его интересам» [Searle 1969, с. 67]. А. Вежбицка эксплицирует семантическую структуру предостережения и совета следующим образом:

«Я предостерегаю тебя, что, если ты двинешься, я выстрелю в тебя =

Предполагая, что ты не хочешь, чтобы я стрелял в тебя
(или: что если я выстрелю в тебя, это будет для тебя плохо),
желая сделать так, чтобы ты знал это заранее
(и не делал того, чего ты потом не захотел бы делать),
я говорю: если ты двинешься, я выстрелю.

Я советую тебе уйти (Мой совет — уходи) =

Предполагая, что ты не знаешь, что делать,
желая сделать так, чтобы ты знал, что тебе было бы хорошо сделать,
и ставя себя на твое место,
я говорю: я хочу, чтобы ты ушел» [Вежбицка 1986, с. 267–268].

5. Предложение

При предложении речь идет о таком действии или поведении Агенса, которое Прескриптор оценивает как возможное, при этом (в отличие от совета) безразлично, в чьих интересах — Прескриптора, Агенса или кого-то еще данное действие совершается.

В рамках этого подтипа побуждения мы склонны объединить различаемые авторами [МČ 1987] *návrh* и *vybídnutí*²².

²² Подобное объединение не противоречило бы материалам [ЧРС 1976], в соответствии с которыми *návrh* — это *проект* (~ *zákona* 'законопроект'), *эскиз, предложение*, тогда как глагол *vybídnout*, к которому восходит каузатив *vybídnutí*, — это *предложить, попросить, призвать* (~ *k bdělosti* 'призвать к бдительности'), *пригласить* (~ *k tanci* 'пригласить на танец'). Функциональному объединению данных каузативов не препятствуют, на наш взгляд, и приводимые авторами [МČ 1987] примеры, ср.: *N á v r h: Co abys ho pozval? 'Не позвать ли его тебе?'; Co abychom ti koupili hodinky? 'Не купить ли нам ему часы?'; Co kdybychom ti koupili hodinky? 'Не купить ли нам ему часы?'; Můžješ / Mohl bys tu (snad, třeba) zatelefonoval? 'Ты можешь / Ты бы мог (наверное) ему позвонить?'; Že bys tu (třeba, snad) zatelefonoval? 'Не позвонить ли тебе ему?'; Snad (možná), abys mu zatelefonoval 'Может, тебе ему позвонить?'; Navrhuj ti, abys ještě počkal / abys už nečekal. 'Я предлагаю тебе еще подождать / уже не ждать', Navrhuj, abychom to odložili / to odložit 'Я предлагаю это отложить'. V y b í d n u t í: Račte se u nás posadit 'присаживайтесь, пожалуйста'; Neposadíte se na chvílku? 'Не присядите на минутку?'; Pojd'(te) si zahrát*

6. Команда

Команда может быть представлена как разновидность категорического побуждения к немедленному началу или окончанию конкретного действия при максимальной обязательности исполнения.

Важной особенностью команды, отличающей ее от приказа, следует считать ее более или менее отчетливую «фразеологизованность», что, в частности, предполагает теоретическую возможность задать более или менее исчерпывающий список команд. «Фразеологизованность» команды предполагает определенную ее «деграмматикализацию»: так, команда «*Стой!*», в отличие от приказа «*Стой здесь!*» отнюдь не свидетельствует о том, что ее адресат единичен. Форма единственного числа подчеркивает, что адресат побуждения «понимается как недифференцированная масса, как собирательное множество, поставленное к говорящему лицу в отношении если не подчинения, то, во всяком случае, повиновения» [Виноградов 1972, с. 467].

Можно даже говорить о специальном подъязыке (или, вернее, подъязыках) команд тех или иных профессиональных групп — военных, спортсменов, летчиков гражданской авиации и т. д. При этом, как отмечается в специальных исследованиях, «чаще всего подъязык команд состоит из слов с фиксированными для конкретных групп обобщающими значениями, правил образования предложений, а также правил образования высказываний» [Болобова 1994, с. 49].

7. Призыв

Для призыва (лозунга) характерна неконкретность, временная и персональная нелокализованность, он адресован как бы всем и каждому. Кроме того, к релевантным условиям данного подтипа побуждения стоит отнести также определенную степень его социальной или этической мотивированности — каузируемое действие осуществляется не непосредственно в интересах говорящего или адресата, а в интересах социума в целом. Ср.: *Соблюдайте чистоту! Будьте взаимно вежливы!*

Глава 3. Средства и способы экспликации побуждения

Рассматривая средства и способы формирования высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения в современных чешском и русском языках, можно отметить как их принципиальную соотноси-

karty 'Давайте-ка сыграем в карты'; *Pojďme si zahrát karty* 'Давайте-ка сыграем в карты'; *Zahřejme si karty* 'Давайте сыграем в карты'; *Nezahrájeme si karty?* 'В карты не сыграем?'. Перформатив *vubízím tě (vás), abys / abyste...* теоретически возможен, однако малоупотребителен.

тельность, проявляющуюся в тождестве основных средств и механизмов экспликации прямого и косвенного побуждения в обоих языках, так и весьма заметные различия, связанные прежде всего с функциональной нагрузкой этих средств. И в чешском, и в русском речепотреблении побуждение регулярно эксплицируется не только с помощью императивных конструкций – наиболее универсального и наиболее специфицированного для данной функции языкового средства, или перформативной формулы – наиболее эксплицитного средства. И чех, и русский регулярно достигают того же коммуникативного эффекта с помощью актуализации того или иного аспекта содержательной стороны побуждения, т. е. выражают побуждение через вопрос, через пожелание, через утверждение и т. п.²³ Различия же между чешским и русским языками лежат не столько в наборе средств и способов экспликации побуждения (также, безусловно, имеющих место), сколько в узусе, в неравной предпочтительности в выборе того или иного средства или их комбинации. Для того чтобы визуализировать эту неравную предпочтительность, попробуем представить в многомерном пространстве языка соотношение массивов высказываний с императивом, вопросительных высказываний, высказываний с формами сослагательного наклонения, высказываний с инфинитивом, высказываний с тем или иным модальным глаголом, высказываний с эксплицитной перформативной формулой, высказываний, выражающих должествование, выражающих возможность, выражающих побуждение к действию, выражающих волеизъявление и т. п. Вычленяемые по разнородным критериям, эти массивы будут, естественно, пересекаться (одно и то же высказывание может включаться одновременно в разные массивы), при этом зоны их пересечения, а также взаимная ориентация в чешском и русском языках будут нетождественными. Так, сразу же обращает на себя внимание то обстоятельство, что чешские императивные высказывания поглощены «побудительным» массивом практически полностью, тогда как немалое количество русских высказываний с императивом демонстрируют непобудительное употребление²⁴. В функциональном отношении сходство между

²³ Подобные высказывания, когда «предложение, содержащее показатели иллокутивной силы для одного типа иллокутивного акта, может произноситься для осуществления, *кроме того*, иллокутивного акта другого типа», могут рассматриваться в качестве косвенных речевых актов (ср. [Searle 1975], цит. по [Серль 1986, с. 195]). Соотнося явления речи с явлениями языковой системы, можно считать, что высказывания, в которых побуждение выражается прямым речевым актом, формируют категориальную императивность, а высказывания, в которых побуждение реализуется в косвенном речевом акте – императивность некатегориальную. О подобном соотношении категориальной (прямой) и некатегориальной (косвенной) императивности см., например, у А. В. Бондарко [ТФГ 1990, с. 87].

²⁴ Вл. Грабье, подвергший сплошной выборке ряд оригинальных произведений русской и советской художественной литературы, а также некоторые переводы на

чешским и русским императивом прослеживается практически лишь в его основной побудительной функции и непосредственно связанном с ним цитатном употреблении [РГ 1979, с. 200]. Что же касается непобудительного употребления императивных форм, то в специальных исследованиях отмечается, что «современному чешскому языку либо совсем неизвестны, либо представлены незначительными реликтовыми образованиями некоторые типы транспозиций, которые для русского языка являются типичными и довольно часто употребительными» [Широкова 1983, с. 101].

Обратившись вновь к нашей воображаемой визуализации, мы заметим, что «побудительный массив» в чешском языке в значительно большей степени, чем в русском, перекрывает массив высказываний с кондиционалом (чешскому кондиционалу системно соответствует русское морфологическое сослагательное наклонение)²⁵ и массив высказываний, выражающий долженствование²⁶.

Есть и другие, менее заметные, однако достаточно существенные различия, которые мы постараемся отметить в дальнейшем изложении.

1. Императивные конструкции

Конструкции с императивными формами глагола в обоих языках закономерно выступают в качестве наиболее специфицированного языкового средства формирования побудительных высказываний. Учитывая генетическую близость сопоставляемых языков, было бы вполне логично предполагать значительное сходство чешской и русской императивных парадигм, и это сходство, конечно же, есть, но наряду с ним есть и различия, меньшие у синтетических форм и большие у форм аналитических.

русский язык с чешского, выделил, помимо «побудительного императива», также: императив с обобщённым субъектом, функционально неспецифицированный неизменяемый императив, неизменяемый дебитивно-оценочный императив, неизменяемый условный императив, неизменяемый драматический императив, лексикализованные формы императива, находящиеся лишь на грани императивной значимости [Грабье 1983, с. 115–116].

²⁵ В отличие от чешского кондиционала «морфологическое сослагательное наклонение в русском языке транспонируется в область побуждения в сущности лишь в случаях типа: *Чтоб ты больше не появлялся здесь!* (= *Больше здесь не появляйся!*), а также в вопросах типа: *Ты не одолжил бы мне эту книгу?»* [Широкова 1983, с. 107].

²⁶ В отличие от русского языка, в котором, по мнению В. В. Виноградова, с которым солидаризируется Вл. Грабье, «содержание побудительного предложения *Уходи!*, выражающего приказ, и дебитивного предложения *Ты обязан уходить* вообще не эквивалентно» [Грабье 1983, с. 107], в чешском языке высказывание *Musíš pryč!* значит в большинстве случаев именно '*Уходи!*'

1.1. Синтетический императив 2-го лица ед. и мн. числа. И в чешском, и в русском языках конструкции с данными формами, соответствующим образом оформленные интонационно, выступают как основное средство выражения побуждения, обозначая наиболее характерную с прагматической точки зрения директивную ситуацию (ср. [Грабье 1983]). Однотипность морфологической структуры и семантическая однородность данных форм позволила В. С. Храковскому счесть побудительные высказывания с ними эталонными повелительными предложениями [ТФГ 1990, с. 190]. Не будучи осложнены никакими дополнительными коннотациями, не сигнализируя ни о наличии, ни об отсутствии тех признаков, которые дифференцируют различные социально значимые разновидности побуждения (приказ, совет, просьба и т. д.), конструкции с синтетическими императивными формами наиболее универсальны, а потому и наиболее употребительны. Дифференциация же различных оттенков побуждения легко осуществляется с помощью соответствующего просодического оформления («*Приходи!*», сказанное с интонацией мольбы, означает то же самое, что *Я умоляю тебя прийти; Приходи!*, сказанное с интонацией приказа, означает то же самое, что *Я приказываю тебе прийти; Приходи!*, сказанное с интонацией совета, означает то же самое, что *Я советую тебе прийти*, и т. д.» [Вежбицка 1985, с. 256]), а также лексико-синтаксических средств: *Posad'te se! No tak se přece posad'te! Jen se posad'te. Tak se jen pěkně posad'te! Posad'te se laskavě. Klidně se posad'te* (примеры взяты из [МČ 1987])²⁷.

1.2. Синтетический императив 1-го лица мн. числа. «Исходная» парадигма чешских синтетических императивных форм включает в себя, помимо форм 2-го л. ед. *píš* (НВ), *napiš* (СВ) и мн. числа *píšte* (НВ) *napište* (СВ), парадигматические формы 1-го лица мн. числа, у большинства глаголов не омонимичные соответствующим презентно-футуральным формам индикатива (ср. *píšme*, (НВ), *napišme* (СВ) – императивные формы, *píšeme*, (НВ), *napišeme* (СВ) – индикативные). Ср.: *Doktor Soudek pokrčil bezmocně rameny a vzal ze stolu svou aktovku. Vykročil ke dveřím. "Pojďme".* (V. Erben) ‘Доктор Соудек безнадежно пожал плечами, взял со стола свой портфель и направился к двери. «Пойдёмте!»’.

Русские аналоги типа *пойдёмте!* непарадигматичны и игнорируются, как правило, нормативными грамматиками, хотя время

²⁷ Некоторые авторитетные исследователи считают, что в императивную парадигму и не могут входить никакие другие формы, кроме форм второго лица (ср. [Мучник 1971], [Апресян 1974]), что мотивируется логико-семиотическими [Мартынов 1982] либо формальными (для русского материала) соображениями [Бондарко, Буланин 1967]. О нашей позиции в отношении логико-семиотической аргументации см. в разделе «Содержательное определение побудительных высказываний».

от времени встречаются даже в достаточно правильной речи. Ср.:

— *С ъ е д е м т е вниз, Надежда Петровна! — умоляю я.* (А. П. Чехов).

Впрочем, определённый налёт «неправильности» характеризует все подобные формы, одни в меньшей, другие в большей степени, кроме, пожалуй, словоформ *идёмте* и *пойдёмте*, что может быть связано, возможно, с их относительной частотностью²⁸. Ср.: «*Пойдёмте, — сказал он. — Я вам покажу. Там теперь должно быть пусто. И прохладно.*» (В. Набоков).

В русском языке, помимо форм типа *идёмте! пойдёмте!* в качестве инклюзивных императивных форм употребляются также формы типа *идём! пойдём!*, причём употребляются настолько регулярно, что достаточно обычным в русистике является оперирование ими как полноценными императивными формами (а не как формами индикатива, транспонированными в сферу функций императива, что требует, по нашему мнению, специального упоминания)²⁹. В настоящей работе мы исходим из категориально неимперативного характера форм типа *идём! пойдём!*, а в их регулярном использовании в функции императива в современном русском речепотреблении (в чешском речепотреблении подобное явление не так узуально, однако тоже возможно: ср. *Necháte toho! 'Оставим это!'*) мы видим наложение массивов побудительных высказываний и высказываний с индикативом (в рассматриваемой области – области инклюзивного побуждения) будет в русском речепотреблении масштабнее, чем в чешском.

Императивное употребление индикативных форм типа *пойдём* в русском языке вполне обычно, ср. разнообразие подобных примеров в романе «Понедельник начинается в субботу»: *Тогда п о й д е м расписочку напишем; Рубль п о л о ж и м за помещение... полтинничек за белье...; Ну и п е с с ним, н а ч н е м другую [сказку]; Б у д е м же учиться хорошо мыслить...; П о г о в о р и м о чем-нибудь другом; Н е б у д е м решать этот вопрос сейчас; «П о й д е м, п о й д е м», — сказал Роман; З а й - м е м с я материализацией; П о й д е м посмотрим; Хорошо. Б у д е м логичны; Н е б у д е м отвлекаться от главного — от практики; П о - с м о т р и м, что с ним будет завтра; В е р н е м с я к нашим попугаям.*

²⁸ Вл. Грабье, подвергший ряд крупных текстов на русском языке сплошной выборке, был удивлён «стереотипностью и лексической ограниченностью инклюзивных форм» [Грабье 1983, с. 117].

²⁹ Ср. примеры в [РГ 1979, с. 187–188], иллюстрирующие «формальную структуру повелительного наклонения» русского языка:

<i>пойди</i>	::	<i>пойдем</i>	<i>пеки</i>	::	<i>будем печь</i>
::		::	::		::
<i>пойдите</i>	::	<i>пойдёмте</i>	<i>пеките</i>	::	<i>будемте печь</i>

Обзор мнений о категориальном статусе подобных форм см. в [ТФГ 1990, с. 191–193].

В тех случаях, когда узуальны обе инклюзивные формы (императивная и транспонированная в императив индикативная) и мы имеем дело с парой типа *идём!* — *идёмте!*, дистрибуция этих форм начинает коррелировать с дистрибуцией форм в паре типа *иди!* — *идите!* (ср. *пойдём* — *пойдёмте* в примерах выше), не совпадая, впрочем, с последней. Форма типа *иди!* маркирована, она однозначно сигнализирует и о единичности адресата, и о том, что говорящий с ним «на ты». Формы типа *идём!* также свидетельствуют о «тыканьи», но ничего не говорят

о числе собеседников (школьник может так обратиться и к однокласснику, и к группе одноклассников, но не к учителю). Тогда же, когда дублет с *-те* отсутствует (ср. *обратимся* — **обратимтесь*) или же неузуален (ср. *оставим* — *оставимте*), форма без *-те* никак не маркируется. Примеры с формами *оставим*, *обратимся*, *оставимте*: *Но оставим пока геометрию. Обратимся к науке, которую вы, как чиновник почтового ведомства, вероятно, любите. География — наука почтальонов.* (А. П. Че-хов); *Оставимте мы эти пренья, | Перед Молчалиным не прав я, виноват.* (А. С. Грибоедов). Поэтому мы склонны не согласиться с мнением тех пусть и весьма нами уважаемых исследователей, которые, как нам представляется, несколько упрощают реальную ситуацию, интерпретируя противопоставление форм типа *пойдём* — *пойдёмте* как противопоставление (инклюзивное) *ед. число* — (инклюзивное) *мн. число* (ср. [РГ 1979, с. 190]; [Храковский и др. 1992, с. 8]), хотя и не исключаем, что когда-то ранее дистрибуция подобных форм могла быть иной³⁰.

1.3. Реликты синтетического императива 3-го лица ед. числа. И в чешских, и в русских текстах мы можем встретиться с фразеологизованными сочетаниями типа русск. *Дай Бог! Чёрт возьми!* или чешск. *Bůh tě provázej! Zaplať (pomáhej) pámbu! Bůh sud', jak k tomu došlo! Bůh mi pomoz, jestli se to doví otec! Vem to čert!* (чешские примеры взяты из [МČ 1987, с. 36]).³¹

³⁰ По мнению Ф. И. Буслаева, «совокупное действие 1-го лица со 2-м единственным числа означает повелительными формами *пойдём*, *скажем* и пр.; и со 2-м лицом множественного числа — формами *пойдём-те*, *скажем-те*. Первые соответствуют двойственному числу, а вторые множественному. Поэтому из вежливости двойственное число изменяется на множественное, например, вместо *пойдём* (т. е. я и ты) говорится *пойдём-те* (т. е. я и вы)» [Буслаев 1858, с. 186]. Аналогичного мнения придерживался и В. В. Виноградов, ср.: «Формы *пойдём*, *посмотрим* и т. п. означают исходящий от говорящего лица призыв к соучастию в действии, побуждение к совместному действию. Это формы синкретического «двойственного», т. е. совокупного 1-го и 2-го лица единственного числа (ср. *мы с тобой*), формы совместного действия» [Виноградов 1972, с. 467].

³¹ В памятниках др.-чешского языка, как, впрочем, и в ряде других древних славянских памятников, можно обнаружить примеры употребления конструкций с синтетической императивной формой, внешне идентичной форме 2-го лица, для передачи побуждения, касающегося 3-го лица. И именно в качестве форм 3-го лица по-

Впрочем, в современном чешском речупотреблении фразеологизированность подобных выражений и размытость их категориальной семантики приводят к тому, что они употребляются теперь скорее либо как средство экспликации наплыва эмоций (ср. *Brýlatý mávl rukou. "Ďas vem auták!" Námahavě vztyčil. "Ďas vem auták..."* (V. Erben) — 'Тот, что был в очках, махнул рукой. «Чёрт побери тачку!» Он с трудом выпрямился. «Чёрт побери тачку...»'), либо в качестве устойчивых этикетных формул (ср. *Duť von tchán neměl ani vůz. Já mu říkal, táto, pán bůh vám hřichy odpust', ale tohle nejní hospodářství.* (K. Čapek) — 'Так у него, у тестя, и телеги не было. Я ему говорил, папаша, *прости вам грехи Господь*, но это не хозяйство.').

Пожалуй, русский язык сохранил подобные формы в большей степени, чем чешский. Специальные исследования показывают, что «и ин-вариантное значение императива, и его функционирование в современном русском языке значительно ближе древнечешскому, а не современному состоянию чешского языка» [Грабье 1983, с. 124]. В. В. Вино-градов отмечает, что у русских форм типа *пойди, скажи* значение 2-го лица «определяется лишь интонацией и отсутствием указаний на иное действующее лицо. Между тем эта форма может сочетаться и с существительным в качестве субъектов действия, получая значение 3-го лица, и может употребляться в неопределенно-личном значении. Известно, что до 20–30-х годов XIX в. в русском литературном языке

способность этой формы относиться к 3-му лицу была гораздо активнее и шире. В современном языке употребление этой формы в значении 3-го лица живо, хотя и не продуктивно» [Виноградов 1972,

с. 466]. «Универсальность» подобных форм в русском языке приводила к тому, что иные авторитетные исследователи прошлого века говорили об их персональной неохарактеризованности [Некрасов 1865, с. 106–107],

о том, что формы типа *прочти, сделай* «относятся равно ко всем лицам (ибо *-и* — знак склонения, а не лица), и если мы, в своих грамматиках, приписываем сию форму исключительно 2-му лицу, то в этом, конечно, наша вина, а не вина языка» (Мнение Г. П. Павского, с которым солидарен М. Н. Катков, приводится по [Виноградов 1972, с. 465–466]).

1.4. Аналитический императив. Говорить об аналитическом императиве можно применительно к довольно широкому и неоднородному кругу явлений. Речь, прежде всего идёт о русских конструкциях типа *будемте петь, давай петь, давайте петь, дай спою, пусть споёт, спою-ка, споём-ка, смотри не провались* и чешских конструкциях типа *ať zpívá, ať zpívají, pojd'te zpívat, koukej nepropadnout*.

добные формы обычно фигурируют в реконструируемых парадигмах, ср. [Вечерка и др. 1994, с. 834, 836, 838].

Аналитические императивные конструкции в обоих языках могут заполнять собой место в системе, свободное от синтаксической формы (ср. русск. *дай спюю, пусть споёт, будемте петь, давай(те) петь, давай(те) будем петь, спюю-ка, споём-ка* и чешск. *ať spívá*)³² или же дублировать (с дополнительными смысловыми или стилистическими оттенками) существующие синтетические формы (ср. русск. *извольте петь — пойте!*, чешск. *Račte zpívat — zpívejte!, pojd'te zpívat — zpívejte*).

Сразу же обращают на себя внимание две вещи – отсутствие простых межязыковых параллелей, подобных тем, которые прослеживаются у синтетических форм (ср. *nech! — оставь!, nechte! — оставьте!, nechme! — оставим(те)!*) и своего рода проницаемость границ очерченного явления, парадигматическая включённость средств, используемых в аналитических императивных конструкциях, в более широкий контекст. Мы попытаемся проиллюстрировать это положение, сопоставив чешские конструкции типа *ať zpívá* с русскими типа *пусть поёт!*, конструкции типа *pojd'te zpívat* с конструкциями типа *давай(те) будем петь!*, конструкции типа *koukej neproradnout* с конструкциями типа *смотри не провались!*, а также проанализировав русские конструкции типа *дай(те) спрощу!*, *спрощу-ка!*, не имеющие системных соответствий в чешской парадигме.

1.4.1. Чешские конструкции типа *ať zpívá / zpívají* и русские типа *пусть поёт / поют*. Сходство между этими конструкциями, и в русистике, и в богемистике регулярно обозначаемыми как императивные [ТФГ 1990, с. 193], [МС 1987, с. 336], мы склонны видеть не только в том, что они регулярно соответствуют друг другу в переводах (ср. «*Ať přijde. Пусть он придёт; Ať to udělají včas. Пусть они это сделают вовремя; Necht' vstoupí. Пусть он(а) войдёт*» [Широкова и др. 1990, с. 231]), но и в том, что в данном случае речь может идти о функционально-семантической эквивалентности³³. Мно-

³² Обратим внимание на то, что русский аналитический императив заполнил собой больше «пустых мест», чем чешский — он не только нашёл соответствия чешским синтетическому *zpívejte* (ср. *будемте петь, давай(те) петь*) и аналитическому *ať zpívá* (ср. *пусть поёт*), но и занял позицию автопрескрипции, в которой чешский активнее пользуется *не императивными* средствами (ср. русск. *Пойду-ка уже!* и чешск. *Už bych šel! Už mám jít! Tak už jdu*), либо обращается к внутриимперативной транспозиции (ср. *Znovu uložil pan ministr své mohutné tělo do postele. Počkejte, vzpomněl si, jednou jsem četl v nějaké knížce, že takový dopis nejspíš ujde pozornosti, když leží rovnou na očích!* ‘Министр вновь уложил в постель свое могучее тело. Погоди-ка [букв. подождём-ка], вспомнил он, однажды я читал в какой-то книжке, что такое письмо труднее всего найти тогда, когда оно лежит прямо на виду!’ (К. Čapek)

³³ Типовой функционально семантический эквивалент не тождествен эквиваленту перевода и предполагает: тождественность лексического значения словоформы, словосочетания или целого высказывания в сопоставляемых языках при необязательности их морфологического тождества; тождественность выражаемых отно-

гие аргументы, выдвигаемые русистами в пользу включения в императивную парадигму конструкций типа *пусть (с)ноёт!*, могут быть чуть ли не механически использованы применительно к чешским конструкциям типа *ať zpívá*. Так, при решении вопроса о том, можно ли сочетания типа *пусть (с)ноёт!* считать аналитическими императивными формами, либо их следует рассматривать как формы индикатива, транспонированные в сферу императивности частицей модально-императивного типа (ср. [Русская грамматика 1980, с. 622]), В. С. Храковский предлагает «прежде всего исходить из того, что предложения с обсуждаемыми формами безусловно являются повелительными и по своим формальным свойствам весьма близки эталонным повелительным предложениям с императивными формами 2-го л. В частности, эти предложения переводятся из прямой речи в косвенную так же, как эталонные (*Пусть он рисует* → *Она сказала: «Пусть он рисует»* → *Она сказала, чтобы он рисовал / Она велела ему рисовать*) <...> Коль скоро рассматриваемые предложения являются повелительными, то хотелось бы думать, что и глагольные формы в этих предложениях можно считать императивными, тем более что любому эталонному предложению с императивной формой 2-го л. регулярно соответствует повелительное предложение с обсуждаемой формой 3-го л. (*Рисуй хорошо* → *Пусть он рисует хорошо; Позвоните вечером ему домой* → *Пусть они позвонят ему вечером домой*)» [ТФГ 1990, с. 194]³⁴.

Тем не менее полной симметрии между языками нет. Русская частица *пусть (пускай)* формирует побудительное высказывание, как правило, лишь в сочетании с презентной формой 3-го лица индикатива³⁵, ср. примеры из романа А. и Б. Стругацких: *Тогда пусть предъявит; Слушай, Витька, часов до девяти пусть он поработает, но потом я все обесточу; Пусть уж он лучше меня сожрет; Вот пусть Сашка скажет; А пусть Саня там чего-нибудь нарисует; Пусть прослушает и скажет, есть там запись или нет.*

Чешская частица *ať* также сочетается, формируя побудительное высказывание, прежде всего с формой 3-го лица, ср. примеры из романа

шений и фонеморфологического или морфо-синтаксического окружения; регулярная употребительность в сопоставляемых языках; стилистическая адекватность [Широкова 1980, с. 5–7]. Ср. анализ функционально-семантической эквивалентности А. Г. Широковой в настоящей монографии.

³⁴ Ср. полную аналогию в чешском (мы лишь заменили рисование пением): *Ať zpívá* → *Řekla: Ať zpívá* → *Řekla, aby zpíval; Zpívej dobře* → *Ať zpívá dobře; Zavolejte mu večer domů* → *Ať mu zavolají večer domů*.

³⁵ Образования типа *Пусть всегда буду я!* окказиональны [Широкова 1983, с. 93], да к тому же часто, как в данном примере, выражают не императивное, а оптативное волеизъявление; ср. императивное волеизъявление 1-го лица ед. числа *Пойду-ка подгоню его!*

М. Капека: *At' jdou dál* — 'Пусть проходят'; *At' tuto zprávu předají do Prahy majorovi Bystrému* — 'Пусть это сообщение передадут в Прагу для майора Быстрого'; *Jen at' si vzpomene na moji otázku...* — 'Пусть он только вспомнит мой вопрос...'; *At' nás tedy pobaví* — 'Пусть нас позабавит'; *At' Brunát přijde za deset minut, musím si ještě něco rozvážit* — 'Пусть Брунат заглянет через десять минут, мне надо еще кое-что обдумать'. Тем не менее эта частица способна формировать и высказывания, выражающие побуждение 2-го лица, при этом, однако, утрачивается одна из основных черт императивных конструкций — способность передавать весь спектр социально значимых оттенков побуждения (приказ, совет, разрешение, просьба и т. п.) и речь идёт об эмоционально окрашенном категорическом побуждении, нередко с оттенком предостережения или даже угрозы, ср.: *At' na to nezapomenete!* — 'Смотрите не забудьте об этом!'; *At' tam přijdeš včas!* — 'Чтоб ты туда пришёл (пришла) вовремя!'; *At' slušně pozdravíš!* — 'Чтоб поздоровался (поздоровалась) как следует!'; *At' ten ubrus nestáhneš!* — 'Смотри не стяни скатерть!'; *At' ho nepíchneš!* — 'Смотри не уколи его!'; *At' si nezlomíš nohu!* — 'Смотри не сломай себе ногу!' (чешские примеры взяты из [МČ 1987, с. 336]).

Кроме того, частица *at'* может сочетаться и с 1-ым лицом ед. и мн. числа, ср.: *At' na tebe neslyším žádné stížnosti!* — 'Чтоб я не слышал на тебя никаких жалоб!'; *At' tě nenajdu zase u televizoru!* — 'Чтоб я больше не видел тебя у телевизора!'; *At' na tebe zase nemusíme čekat!* — 'Не заставляй себя ждать / Чтоб мы тебя больше не ждали!' (чешские примеры и переводы взяты из [Широкова 1983, с. 93])³⁶.

1.4.2. Чешские конструкции типа *pojd'(te) zpívat* и русские типа *давай(те) (будем) петь*. Исследователями отмечалось, что «русским описательным формам типа *давай / давайте (будем) играть* в разговорном чешском языке до некоторой степени соответствуют описательные формы, выражающие призыв к совместному действию и состоящие из модальных час-

³⁶ Примеры типа *At' na tebe neslyším žádné stížnosti!*, равно как и примеры типа *At' je to napsáno čitelně 'Чтоб это было написано разборчиво!'* передают, конечно же, побуждение второго (а не первого или третьего) лица. К тому или иному действию или поведению Агенса побуждается не прямо, а через актуализацию последствий этого действия или поведения, т. е. речь идёт, строго говоря, о косвенном речевом акте. Этим данные высказывания принципиально отличаются от высказываний типа *At' ještě počká 'Пусть ещё подождёт!'*, в которых требуемое действие или поведение Агенса непосредственно каузируется и в которых речь идёт, таким образом, о прямом речевом акте. Примеры типа *At' na to nezapomenete!* занимают, по нашему мнению, своего рода промежуточное положение, так как решение вопроса о том, что в них выступает на передний план — действие (поведение) или его последствия, — нам не представляется самоочевидным.

тиц *pojď*, *pojďte* + инфинитив или формы настоящего / будущего времени: *pojďte zpřivat dávat(me) неть*, *pojďte budem zpřivat dávat(me) будем неть*, *pojďte půjdem pěšky dávat(me) пойдём пешком*» [Широкова и др. 1990, с. 231], ср. аналогичный тезис в [РГ 1979, с. 199].

В случае с данными конструкциями между языками ещё меньше симметрии, чем в случае с конструкциями *at' zpřivá* и *пусть поёт!*, и это вполне закономерно. Для чеха, располагающего парадигматической синтетической формой типа *zpřivejme!*, подобные конструкции интересны прежде всего как стилистическое средство (об их нелитературном характере см. в приведённой выше цитате), тогда как для русского, если иметь в виду нерегулярность образования форм типа *споёмте!*, аналитические конструкции зачастую являются единственным средством выражения инклюзивного побуждения, не омонимичным индикативу, отсюда их меньшая стилистическая маркированность и большая употребительность³⁷.

Проницаемость границ *императив* — *индикатив* в случае с рассматриваемыми чешскими и русскими конструкциями проявляется, как мы считаем, прежде всего в лёгкости оживления их этимологической внутренней формы³⁸.

³⁷ Однозначные примеры на использование аналитических инклюзивных конструкций типа *pojďte zpřivat*, *pojďte si tykat*, *pojď si to vyměnit* (эти конкретные сочетания взяты из [Mluvnice češtiny 1987: 335]), в нашем материале единичны, ср.: [мужчины в возрасте во время беседы:] *Dejte už pokoj o autech, pojďte si povídat o ženskéjch: perete radši titanem nebo persolem?* (Dikobraz) 'Хватит уже об автомобилях, давайте поговорим о женщинах: вы предпочитаете стирать «Титаном» или «Персолом?»'; [парень — девице:] *Renátko, pojď se projít do parku* (Dikobraz) 'Рената, давай прогуляемся в парке'.

³⁸ Образование чешской аналитической конструкции *pojďte* + инфинитив / *индикатив* связано, безусловно, с семантическим сближением начала физического перемещения в пространстве с началом какой-либо деятельности, тем более, что в целом ряде случаев подобное физическое перемещение является необходимой предпосылкой этой деятельности, ср. переходный, на наш взгляд, случай, демонстрирующий это сближение: *Hodila na okraj krbu nedokouřenou cigaretu a kývla na Rubeše. «Pojďte, Bohouši, dáme si dvě partie, tady bude ještě šum a ruch, ani bychom neusnuli».* (V. Erben) — 'Она бросила недокуренную сигарету и кивнула Рубешу. «Пойдёмте, Богоуш, сыграем ещё пару партий, здесь будет ещё столько шума, что всё равно не уснёшь»'.

Легко оживляется и внутренняя форма русской конструкции *давай(те) + инфинитив / индикатив*, ('позволь(те) мне / нам / ему... сделать то-то и то-то', ср. аналогичную внутреннюю форму англ. *let us go* и нем. *laßt uns gehen*), ср.: *Дверь лаборатории открылась, и оттуда вышли два лаборанта, волоча чан с пустыми ведрами. Третий лаборант, опасливо оглядываясь, суетился вокруг и бормотал: «Давайте, ребята, давайте, я помогу, тяжело*

1.4.3. Чешские конструкции типа *koukej nepropadnout* и русские типа *смотри не провались*. По мнению авторов пражской академической «Граматики чешского языка», характер аналитического императива могут приобретать сочетания инфинитива выразителя каузируемого действия с синтетическими императивными формами некоторых глаголов, утрачивающих (по крайней мере, частично) в подобных сочетаниях своё лексическое значение [МČ 1987, с. 335]. Речь идёт о сочетаниях типа *běžte si o tom promluvit s Pavlem* — ‘поговорите-ка об этом с Павлом’, *chraň se nepřijít* — ‘упаси тебя Бог не прийти’, *opovaž se vyrušovat* — ‘попробуй только отвлекать’, *koukej nepropadnout* — ‘смотри не провались (на экзамене)’, *hled' se učit* — ‘смотри учись’, *koukej zmizet* — ‘пошел вон’.

Так, очевидно, что в приводимых далее примерах лексическое значение глагола *běžet = rychle jít, utíkat, spěchat* (ср. *Slovník spisovného jazyka českého 1960–71*) ослаблено, и говорящие отнюдь не ожидают, что их собеседница бросится бежать, ср.: <...> *Paní asistentko, b ě ž t e říci Václavu Slánskému, aby sem přišel. (V. Erben)* — ‘<...> Пани асистентка, скажите Вацлаву Сланскому, чтобы он пришел сюда’; <...> *Paní Janoušková, b ě ž t e si na oběd (V. Erben)* — ‘Пани Яноушкова, можете идти обедать’.

В русском речепотреблении подобным конструкциям до некоторой степени соответствуют сочетания типа *смотри не провались*, формальная структура которых (сочетание двух императивных форм, а не сочетание *императивная форма + инфинитив*) даёт нам гораздо меньше оснований рассматривать их в качестве единой аналитической конструкции.

1.4.4. Русские конструкции типа *дай(те) спрошу, спрошу-ка*. Русским конструкциям типа *Схожу-ка я в магазин, Дай посмотрю, Дайте посмотрю*³⁹ в чешском языке нет системного соответствия. О категориальном статусе подобных образований в русистике нет единого мнения⁴⁰, что, как нам представляется, свидетельствует в пользу возможного рассмотрения в каче-

ведь...» (А. и Б. Стругацкие)

³⁹ Этими конкретными примерами иллюстрируется побуждение 1-го лица ед. числа в [Храковский и др. 1992, с. 8].

⁴⁰ Ср. обзор суждений по поводу автопрескрипции в [ТФГ 1990, с. 195–197], где отмечается, в частности, мнение В. В. Виноградова, считавшего, что препозитивная частица *дай(те)* и постпозитивная частица *-ка* транспонируют форму 1-ого лица ед. числа СВ в сферу императива [Виноградов 1947, с. 589–590, 674], мнение А. В. Исаченко, рассматривавшего в качестве особых «побудительных» форм (близких, однако не тождественных императивным) формы типа *дай зайду* и *зайду-ка* и считавшего все прочие образования с *-ка* не парадигматическими формами, а сочетаниями глагольной формы с частицей [Исаченко 1960, с. 491], мнение Р. О. Якобсона, выделявшего особое побудительное наклонение, включающее все глагольные формы с частицей *-ка* [Якобсон 1972].

стве аналитических императивных конструкций и образований типа *схожужа*, и образований типа *дайте схожужа*.

Мы склонны не согласиться с В. С. Храковским, не признающим статус особой императивной или побудительной формы за сочетанием типа *схожужа* (признавая его за сочетаниями типа *дай(те) схожужа*) на том основании, что «частица *-ка* одинаково свободно присоединяется ко всем императивным формам» [ТФГ 1990, с. 196]. Частица *-ка* действительно легко присоединяется ко всем императивным формам, включая аналитические (*иди-ка, идите-ка, идёмте-ка, давай-ка пойдём, давайте-ка пойдём, дай-ка пойдю, дайте-ка пойдю*) и именно в силу этого обстоятельства является настолько сильным маркером побудительности, что однозначно свидетельствует о ней и тогда, когда присоединяется к формам индикатива (*идём-ка, пойдю-ка, пошёл-ка, пошли-ка*), транспонируя их в область первичных функций императива. В асимметрии соотношений конструкций с частицей *дай(те)* – с одной стороны, и конструкций с частицей *-ка* – с другой (конструкции с *дай(те)* ограничены автопрескрипцией⁴¹, а конструкции с *-ка* не ограничены) мы видим не свидетельство «неполноценности» тех или других, а естественное свойство языка.

1.5. Частичная делексистикализация императивных форм. В обоих сопоставляемых языках имеют место случаи, когда императивные формы 2-го лица ед. и мн. числа некоторых глаголов, находясь в начале высказывания, частично утрачивают своё лексическое значение и начинают функционировать как своего рода сигнал, предваряющий особо важную, по мнению говорящего, информацию. В чешском языке, по наблюдению авторов [МČ 1987, с. 335–336], это касается прежде всего императивных форм глаголов *představit si* ‘представить, вообразить себе’⁴², *poslouchat* ‘слушать, подслушивать; слушаться’, *počkat* ‘подождать’, *podívat se* ‘посмотреть, поглядеть, взглянуть’, *koukat* ‘смотреть, глядеть, заглядываться; обращать внимание, выглядывать’, *ukázat* ‘указать, показать’, ср.: *Představ si, rozrthal ho na kusy. Poslyšte, a kdo vy vlastně jste? Poslechni, kdo je ti milejší? Počkej, kape to na koberec! Podívejte, jděte pěkně domů, máte v hlavě. Koukni, loupežníku, nedělej drahoty.*

⁴¹ Вряд ли можно считать аналитической императивной конструкцией сочетания типа *дай(те) он скажет*, где *дай(те)* не частица, а императивная форма 2-ого лица глагола *дать*, употреблённого в значении ‘позволить’.

⁴² Лексические соответствия чешским инфинитивным формам приводятся нами по [ЧРС 1976], переводы приводимых авторами [МČ 1987] иллюстративных примеров выполнены нами, при этом нам приходилось, хотя мы и пытались по возможности сохранить внутреннюю форму высказывания, в ряде случаев менять видовую значимость императивной формы, а иногда – и лексическую.

Ukaž, pověsíme ten obraz sem! Русские переводы: *‘Представь себе, он разорвал его на куски’, ‘Слушайте [букв. послушайте], а кто вы, собственно, такой?’, ‘Слушай [букв. послушай], кто тебе всех милее?’, ‘Подожди, капает на ковёр’, ‘Слушайте [букв. смотрите], идите-ка вы домой’, ‘Слушай [букв. посмотри], разбойник, не ломайся’, ‘Слушай [букв. покажи], картину мы повесим сюда!’* и т. д.

Подобное «сигнальное» использование императивных форм названных глаголов в чешском речепотреблении весьма распространено. Так, рассказ К. Чапека *Případ doktora Mejzlíka* начинается такой конструкцией (1), а всего на неполных пяти страницах рассказа мы обнаруживаем семь подобных примеров (1–7), ср.:

(1) *“Poslyšte, pane Dastychu,” řekl zamyšleně policení úředník dr. Mejzlík starému kouzelníkovi, “já k vám vlastně jdu na radu”.*

(2) *“Čím víc na to myslím, tím míň do toho vidím. Poslouchejte, člověk by se z toho zbláznil”.*

(3) *“Počkejte, já vám to povím po pořádku”.*

(4) *“Poslouchejte, v takovém počasí necourá člověk jen tak náhodou po ulicích”.*

(5) *“Tak počkejte: Když si to tak šlapu, jde proti mně nějaký člověk”.*

(6) *“Koukněte se, to byl můj první větší případ; <...>”.*

(7) *“Ale když si teď probírám ten případ, tak vidím, že — Poslouchejte,” vyhrkl s úlevou, “já myslím, že to byla jen šťastná náhoda”.*

С аналогичным явлением мы можем встретиться и в русском речепотреблении, об этом свидетельствует, в частности, сама возможность пословного перевода некоторых приводимых выше чешских примеров, однако там оно, как нам представляется, менее узуально. Так, число обнаруженных нами в романе А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» подобных примеров сопоставимо с их числом в упомянутом рассказе К. Чапека, ср.:

(1) *Слушайте*, бросайте ваш институт и пошли к нам!

(2) *Слушай*, — сказал горбоносый, — хо-хо! Изнакурнож!

(3) *Слушайте*, неудобно как-то, — сказал я.

(4) *Слушайте*, гражданин, — сказал я. — По какому номеру вы звоните?

(5) *Позвольте*, — сказал я. — Вы сказали — Джузеппе Бальзамо...

(6) *Слушай*, ты меня спасаешь, — сказал Корнеев, и я впервые увидел, как он улыбается.

(7) *Постой-ка*, — сказал он. — Ты что, в первый раз дежуришь?

(8) *Слушай*, Витька, часов до десяти пусть он поработает, но потом я все обесточу.

(9) *С-слушай*, не надо шампанского! Амонтильядо!

(10) *Слушайте*, Привалов. Вы опять ведете себя как я не знаю кто.

(11) *Слушай*, малыш, — сказал я, — что это за стена?

(12) *Постой-ка!* А это что такое?

2. Перформативные конструкции

В обоих сопоставляемых языках высказывание с актуальной коммуникативной функцией побуждения к действию может быть образовано с помощью перформативной конструкции. При этом речь будет идти, как и в случае с побуждением, выраженным конструкцией императивной, о прямом речевом акте. Вслед за создателем термина *перформатив* Дж. Л. Остиным мы различаем эксплицитные перформативные конструкции типа *Я прошу вас дать мне воды!* и функционально эквивалентные им имплицитные (скрытые) перформативные конструкции типа *Воды!*⁴³. К эксплицитным перформативам относятся и высказывания, сопровождаемые или предваряемые своего рода комментарием, ср.: *Есть предложение. Всем лично не заинтересованным немедленно покинуть помещение.* (А. и Б. Стругацкие); *Rozkaz pro vás zní obdobně jako pro něho. Všechno vidět, všechno slyšet, všechno si pamatovat a být přítom nenápadný.* (М. Карек) — ‘Приказ для вас такой же, как и для него. Всё видеть, всё слышать, всё запоминать и не бросаться при этом в глаза’⁴⁴.

2.1. Эксплицитные перформативные формулы. По мнению авторов [МС 1987, с. 337], эксплицитные перформативные формулы⁴⁵ позво-

⁴³ Ср.: “Любое высказывание, являющееся в действительности перформативным, должно обладать свойством раскладываться или раскрываться в такой форме, которая содержит глагол в первом лице единственного числа настоящего времени действительного грамматически залога изъявительного наклонения. <...> Поэтому «С поля» эквивалентно «Я объявляю, провозглашаю, выставляю или выкликаю вас с поля». <...> «Вас предупреждают, что бык опасен», эквивалентно высказыванию «Я, Джон Джонс, предупреждаю вас, что бык опасен» или «Этот бык опасен. Джон Джонс (подпись)» [Austin 1962], цит. по [Остин 1986, с. 62–63].

⁴⁴ В литературе отмечалась возможность рассмотрения подобных примеров, несмотря на их формальную структуру, в качестве цельных единых речевых актов (ср. [Стросон 1986, с. 142]).

⁴⁵ В отличие от русского языка, в котором базовая эксплицитная перформативная формула имеет вид (*Я*) + 1 л. ед. ч. + инфинитив (ср. *Я прошу тебя мне помочь*), чешская базовая эксплицитная перформативная формула выглядит как 1 л. ед. ч. + *abys(te) / kdybys(te)* + кондиционал (ср. *Prosím tě (vás) abys(te) / kdybys(te) mi poradil* ‘Я прошу тебя (вас) дать мне совет’). Аналогичная русской модели с инфинитивом типа *Prosím vás dát na to pozor* ‘Я прошу вас обратить на это внимание’ возможна, однако маркирована как книжная и не узуальная.

В обоих языках в составе эксплицитной перформативной формулы глагол может

ляют специфицировать отдельные типы побуждения более однозначно, чем полифункциональная конструкция с синтетическим императивом: *Přikazuji ti (rozkazuji ti zakazuji ti, žádám tě, vyzývám tě, prosím tě, navrhuji ti, doporučuji ti, radím ti...), abys tam přišel / ...abys tam nechodil* — ‘Я приказываю тебе (велю тебе, запрещаю тебе, требую от тебя, призываю тебя, прошу тебя, предлагаю тебе, рекомендую тебе, советую тебе...) туда пойти / туда не ходить’. С аналогичным мнением мы сталкиваемся и в работах по русистике, ср.: «Употребляясь в перформативном значении, глаголы и производные от них существительные со значением действия наиболее дифференцированно и эксплицитно выражают различные виды побуждения» [Саранцацрал 1993, с. 15–16]. Впрочем, как нам представляется, данное, казалось бы, самоочевидное положение⁴⁶ более верно для языковой парадигматики, чем для синтагматики.

Несмотря на обилие приводимых в [МČ 1987, с. 337–346] примеров, где эксплицитные перформативные формулы иллюстрируют (естественно, наряду с иными средствами) практически все (кроме *команды*) социально значимые подтипы побуждения, в нашем материале они встречаются довольно редко. Так в романе М. Капека, содержащем около 1000 высказываний, способных интерпретироваться как побудительные, их (если не считать примеров с формой *prosím*) меньше десятка, ср.: *Ž á d á m, abyste pracoval*

употребляться не только в индикативе, но и в кондиционале / сослагательном наклонении, а придаточная часть / инфинитивный оборот — заменяться существительным, ср.: *Prosil bych ovšem o písemní pověření (V. Erben)* —

‘Я прошу [букв. я бы просил], конечно же, письменную доверенность’; *Prosil bych váš občanský příkaz (M. Capek)* — ‘Прошу [букв. я бы попросил] ваш паспорт’, *Já bych prosil hovězí vývar s jatrovytmi knedlíčky a smažené kuře (M. Capek)* — ‘Я возьму [букв. я бы просил] говяжий бульон с фрикадельками и жареного цыпленка’, *Я бы попросил прекратить эти намёки, — решительно сказал лоснящийся.* (А. и Б. Стругацкие).

⁴⁶ О том, как сильно, при всей научной добросовестности и щепетильности, картина, сформированная «парадигматически», может отличаться от картины, «выуженной из текста», весьма красноречиво, по нашему мнению, говорит, например, сравнение результатов наблюдения над русским императивом авторов пражской «Русской грамматики» (1979), в задачу которых входило ознакомить читателя (и прежде всего ч е ш с к о г о читателя) с данным элементом с и с т е м ы русского глагола, с наблюдениями В. Грабье, обратившегося к сплошной выборке русских текстов, ср.: «Удивляет также стереотипность и лексическая ограниченность инклюзивных форм. Особенно это очевидно в сравнении с разнообразием примеров, приводимых в «Русской грамматике»» [Гра-бье 1983, с. 117].

svědomitě. Na nás stavbařích to žádáte taku — ‘Я требую, чтобы вы подходили к делу ответственно. От нас, строителей, вы тоже этого требуете’, <...> ale r a d í t i, nikde nebabrej v cenové politice, to by byl tvůj konec ‘<...> — но советую тебе никогда не лезть в политику ценообразования, это будет твой конец’, D o p o r u ě u j i, abychom si teď v klidu o všem rohovovali — ‘Я предлагаю [букв. рекомендую] теперь нам всем спокойно обо всем переговорить’, N a v r h u j i vám jiné řešení. — ‘Я предлагаю вам иное решение’, O m l o u v á t s e, moc se omlouvám — ‘Я извиняюсь, я страшно извиняюсь’, O m l o u v á t s e ti, Julie, upřímně se ti omlouvám — ‘Я прошу у тебя прощения [букв. извиняюсь], Юлия, искренне прошу у тебя прощения’.

Примеров с формой *prosím* в названном романе больше сорока, однако лишь один (!) из них иллюстрирует эксплицитную перформативную формулу *Prosím tě (vás) abys(te) / kdybys(te) + l-participium*, являющуюся, по мнению авторов [МČ 1987, с. 340], «обычным индикатором просьбы», ср.: *Před chvílí jsme počítali měsíce a roky, co jsme u sboru, a přišli jsme na to, že už vlastně máme nárok na další hvězdičku. P r o s í m vás tedy, abyste nám ji slíbil. — ‘Мы только что подсчитывали годы и месяцы нашей службы и увидели, что мы, собственно говоря, уже можем претендовать на следующий чин. Вот я вас и прошу нам его пообещать’⁴⁷*. В семи случаях конструкция с *prosím* сочетается с императивной конструкцией, конкретизируя в качестве *просьбы* побуждение, данной императивной конструкцией выражаемое, например: *Prosím vás, moc vás prosím, umožněte mi to! — ‘Я прошу вас, я вас очень прошу, позвольте мне это сделать!’* *Netrapte mě, snažně vás prosím, netrapte mě! — ‘Не мучайте меня, я вас умоляю, не мучайте меня!’* и т. п. В абсолютном же большинстве случаев (33 из 41) форма *prosím* (сочетание *prosím tě, prosím vás*) функционирует как служебное слово (ср. идущие подряд примеры: *Prosím tě, pojd’ sem!* (s. 8) — ‘Пожалуйста, подойди сюда!’; *Prosím tě, kde?* (s. 10) — ‘Боже мой, где?’; *Ано, prosím, taky tady tu stavbu vedle vás* (s. 11) — ‘Да-да, и эту стройку рядом с вами’; *My, prosím, v žádném případě nejdeme z kopce. — ‘У нас, знаете ли, в*

⁴⁷ Отметим, что данное высказывание выражает скорее требование, чем просьбу, если исходить из обычных критериев их разграничения, ср.: «Существенная особенность требования (в отличие от приказа, запрета, разрешения и просьбы) состоит в том, что говорящий убежден (в действительности или притворно), что он имеет право настаивать на том, чтобы адресат сделал то, что он, говорящий, хочет от него» [Wierzbicka 1972], цит. по [Вежбицка 1985, с. 264]; см. также [Апресян 1969, с. 22], [Храковский и др. 1992, с. 16].

любом случае всё
в порядке⁴⁸.

Примеры с эксплицитными перформативными конструкциями редки и в нашем русском материале⁴⁹. Так, в романе А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» мы обнаружили, если не считать 18 примеров с *прошу* (*попрошу, попросил бы*) лишь 9 эксплицитных перформативных конструкций: *Настоящим предлагаю вам... прибыть сегодня... двадцать седьмого июля... сего года... в полночь... на ежегодный республиканский слет...; Не советую, гражданин... мнэ-э... не советую; А... Тогда извиняюсь; Я позволю себе посоветовать вам больше не прикасаться к умклайдету; Я требую разобраться немедленно! <...> Я требую, чтобы вы убедились; Вы это прекратите! Я настаиваю; Прочим предла-гаю вернуться к своим непосредственным обязанностям; ...еще раз решительно извиняюсь.*

Как нам представляется, реальная малоупотребительность эксплицитных перформативных формул в обоих сопоставляемых языках связана или, вернее, взаимосвязана именно с их основным свойством – максимальной выразительностью и однозначностью. В речевом общении действует «максима идиоматичности» Серля («говори идиоматично, если только нет особой причины не говорить идиоматично»)⁵⁰. Точность и однозначность важна в официальной сфере, и там эксплицитные перформативные формулы к месту⁵¹. Так же к месту они и при выражении тех социально значимых разновидностей побуждения, которые маркированы по параметру «различия в

⁴⁸ О возможных русских соответствиях чешскому полифункциональному слову *prosím* см., например, подраздел «Узуальная эквивалентность» раздела настоящей монографии, подготовленной проф. А. Г. Широковой.

⁴⁹ О том, что дело не в нашем невезении, а в определённых объективных обстоятельствах, косвенно может свидетельствовать, на наш взгляд, и достаточно ограниченный набор подобных примеров в защищённой в 1993 г. в МГУ докторской диссертации, где перформативам уделено немалое внимание (русским перформативам посвящено более трети приводимых в автореферате публикаций докторантки) [Саранцацрал 1993].

⁵⁰ Ср. [Searle 1975], цит. по [Серль 1986, с. 215].

⁵¹ Отметим, во-первых, то обстоятельство, что для демонстрации наиболее существенных черт перформативности Дж. Л. Остин обращается прежде всего к официальному речевому общению, а во-вторых, то что в официальной сфере – будь это судебное заседание, брачная церемония или вокзальное объявление – перформативные высказывания могут иметь особенности даже на формально-композиционном уровне (ср., например, обычность отклонения от модели *Я + I л. ед. ч.*, ср.: *Пассажиры просят занять свои места; Пассажирам запрещается курить на палубе; Гражданин Петров, Вы приглашаетесь на сцену* и т. п.).

энергичности, с которой подаётся иллокутивный акт»⁵², ср.: *Zakazují ti takhle mluvit!* (V. Erben) ‘Я запрещаю тебе так говорить!’; *Я требую разобраться немедленно!* (А. и Б. Стругацкие), *Умоляю вас, отдайте мне вещи!* (А. П. Чехов). За пределами же названных сфер буквальность не приветствуется, а поэтому и эксплицитные перформативные формулы с их слишком⁵³ выразительным оформлением, затрудняющим их переосмысление⁵³, оказываются не у дел.

2.2. Скрытые перформативы. В обоих языках побудительные высказывания, способные интерпретироваться как скрытые перформативы, можно разделить на высказывания, содержащие глагольную форму (чешск. *Stát! Otevřít!*; русск. *Стоять! Открыть!*) и высказывания, глагольной формы не содержащие (чешск. *Ven! Vodu! Rychle!*; русск. *Вон! Воды! Быстро!*). Это деление соотносится, конечно же, с традиционной классификацией побудительных высказываний без императивной формы (ср. [Храковский и др. 1992, с. 9–10]), которая опирается на формальные критерии, тем не менее в пользу подобного деления говорят и некоторые особенности семантики и функционирования скрытых перформативов первого и второго типа. Все эксцерпированные нами из чешских текстов инфинитивные побудительные конструкции выражают категорическое побуждение, ср., например, *S pečlivě zabalenou krabicí a s kyticí růží šel branou nemocnice. “P o ě k a t!” křikl na něho vrátňu oknem svého domečku.* (V. Erben) — ‘Он пошёл воротами больницы, неся аккуратно завернутую коробку и букет роз. «Стоять!» [букв. Подождать!] крикнул ему вахтёр из своего окошечка.’ *Potom uchopil nedopitou láhev hruškovice a přihnul si tak, až se zakuckal. “Nepít a vupovidat!” houkl na něho kapitán.* (M. Kapek) — ‘Потом он схватил недопитую бутылку грушековицы и приложился к ней так, что даже поперхнулся. «Не пейте, а рассказывайте!» [букв. Не пить и давать показания!] — рявкнул на него капитан.»⁵⁴

Скрытые перформативы второго типа (не содержащие глагольной формы) также нередко эксплицируют категорическое побуждение и свободно сочетаются с перформативами первого типа, ср. *Dost! Dost, Lavičková! Končít! Papíry ze stroje!* (V. Erben) — ‘Хватит! Хватит, Лавичкова! Конеч! [букв. Заканчивайте!] Бумагу из машинки!»⁵⁵. Тем не менее для скрытых

⁵² О предложенных Дж. Р. Серлем двенадцати параметрах см. [Searle 1976], цит. по [Серль 1986, с. 175].

⁵³ Мы имеем в виду обычные в обоих языках транспозиции одного подтипа побуждения в другой, например, *просьба* → *требование*, *совет* → *приказ* и т. п.

⁵⁴ В русском речепотреблении инфинитивные побудительные конструкции также специфицированы для выражения категорического побуждения, ср. [Виноградов 1972, с. 475], [Храковский, Володин 1986, с. 196–202; 210].

⁵⁵ И в чешском, и в русском языках скрытые побудительные перформа-

перформативов, не содержащих глагольной формы, достаточно обычно и использование для выражения побуждения, в качестве категорического не маркированного, ср. примеры из романа М. Капека: *Jen klid, ještě mi poděkujete.* — ‘Успокойтесь [букв. только спокойствие], вы ещё будете меня благодарить’; *Vteřinku, hned něco seženu!* — ‘Секундочку, я сейчас же что-нибудь найду’; *“Jen klid, však se dočkáš”, chlácholil ho náčelník.* — ‘«Не волнуйся, ещё дождёшься», успокаивал его начальник’; *Nebude to tak hrozné, nějak to zvládneme. Jen odvahu!* — ‘Это совсем не страшно, как-нибудь справимся. Смелее!’; *Žádné obavy! I když v lize budeme počítat se zvýšenou spotřebou, je jí tam nejméně na tři vítězné zápasy.* — ‘Не бойтесь! Даже если в лиге нам придётся тратить больше, её хватит как минимум на три выигрыша’; *Ještě než zazněla píšťalka, dávající znamení ke hře, křikl na své spoluhráče: “Kluci, do toho! Liga je naše!”* — ‘Ещё не раздался свисток, дающий сигнал к началу игры, как он крикнул другим игрокам: «Ребята, за дело! Лига наша!»’ и примеры из романа А. и Б. Стругацких: *Не так быстро... Киевне... Дальше;* — *Спокойно, — ласково сказал Роман;* — *Люстра, — сказал я, — осторожно; Эдька, еще правее;* — *Одну минуточку, — сказал я, деликатно вырываясь.*

Рассматривая глагол *говорить* в качестве наиболее общего перформатива, который может проявляться или не проявляться в поверхностной структуре предложения (ср. [Wierzbicka 1972]), в качестве скрытых перформативов можно трактовать и высказывания с побудительными междометиями, ср. *Тсс! = ‘Я говорю: Тсс!’*

3. Неспецифицированные средства

Рассмотрев случаи экспликации побуждения императивными и перформативными конструкциями — средствами, специфицированными для выполнения этой коммуникативной функции языковой системой, на последующих страницах мы рассмотрим существующие в обоих языках возможности экспликации побуждения иными средствами и способами, которые мы склонны рассматривать как тематизацию того или иного аспекта семантической структуры побуждения. В обоих языках это прежде всего тематизация каузируемого действия или его последствий, тематизация возможности этого действия, его необходимости или полезности, тематизация волеизъявления говорящего, адресата или иного лица / лиц относительно каузируемого действия. Говорящий при этом может обратиться к форме вопроса (вопрос о возможности, вопрос о необходимости и т. д.) или к со-

тивны активно используются в подъязыках к о м а н д , ср. чешск. *Dozpívat! Upažit! K zemi! Vztyk! Rozchod! Vpřed! Čelém vzad! K nožé zbraň! Vpravo vbok! Zastavit stát! Pochodem vchod!* (примеры взяты из [МČ 1987, с. 339–340]) и русск. *Лечь! Встать! Отставить! Шагом марш! Круугом! Направо! Налеево!* и т. п.

слагательному наклонению (в чешском — к кондиционалу). Возможна, естественно, и комбинация *вопрос + кондиционал*. Различия между сопоставляемыми языками лежат, как мы постараемся показать, прежде всего в узуальной предпочтительности в выборе того или иного средства или их комбинации.

3.1. Презентно-футуральная индикативность. Рассматривая примеры экспликации побуждения конструкциями с индикативными формами настоящего или будущего времени, логично дифференцировать случаи, когда индикативная конструкция конкурирует с соответствующей императивной (ср. конструкции с формами 2-го лица ед.

и мн. числа в обоих языках), и случаи, когда императивный коррелят либо отсутствует (ср. конструкции с формами 1-го лица ед. числа в чешском), либо неузуален (ср. конструкции с формами 1-го лица мн. числа на *-те* в русском).

3.1.1. Конструкции с формами 2-го лица ед. и мн. числа. Обращение говорящего к индикативным формам 2-го лица настоящего или будущего времени индикатива мы склонны рассматривать как демонстрацию говорящим отсутствия у него малейших сомнений в том, что каузируемое действие будет выполнено. Ср.: *Tady je kapitán Exner <...>. Z a ř í d í t e propuštění Petra Krempe a d á t e ho odvézt služebním vozem na Špičák...* (V. Erben) — ‘Это капитан Экнер <...>. Вы оформите освобождение Петра Кремпы и отвезете его служебной машиной на «Шпичак»»; — *Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты о т - в е д е ш ь е е к генералу и спросишь там. С к а ж е ш ь , что я нашел и прислал...* (А. П. Чехов)

Обращение к подобным конструкциям в обоих языках — довольно сильное средство, а потому оно и используется нечасто. Так, в романе М. Капека, где представлено более четырех сотен императивных форм 2-го лица, среди обнаруженных нами 39 примеров с «побудительным» индикативом лишь 2 (!) примера содержат формы 2-го лица. Оба примера — воинские приказы, отдаваемые начальником подчиненному, причем во втором из них за индикативной побудительной конструкцией следует обычная императивная, ср.: *V u d e š tady h l í d a t trabanta, kdyby se mi holubičku náhodou někde ztratily. V takovém případě je z a d r ž!* — ‘Ты будешь здесь сторожить трабант, на тот случай, если я случайно потеряю из вида наших голубок. Тогда задержи их!’

3.1.2. Конструкции с формами 1-го лица мн. числа. В обоих сопоставляемых языках инклюзивное побуждение регулярно выражается индикативными формами типа чешск. *půjdeme!* и русск. типа *пойдём!* Примечательно, что это средство весьма узуально не только в русском речепотреблении (формы типа *пойдём* весьма нередко интерпретируют в качестве императивных форм, омонимичных соответствующим индикативным [ТФГ 1990, с.

191–193], но и в чешском, располагающем, в отличие от русского, парадигматической императивной формой 1-го лица мн. числа, отличной от соответствующей формы индикативной. Так, в романе М. Капека мы обнаружили 15 побудительных высказываний с императивной формой 1-го лица мн. числа и 24 (!) высказывания с соответствующей индикативной формой. Такие высказывания часто содержат характерные для побудительных высказываний элементы *tak, raději / radši*, ср. примеры из романа: “*T a k se setkáme tamhle za rohem tribuny*”, — *hodil na ně přes rameno*. — ‘«Значит, встречаемся вон там за углом трибуны», — бросил он через плечо’; *T a k se posílíme a půjdeme na toho psa!* — ‘Давайте подкрепимся и пойдем посмотрим на эту собаку!’; *Tak jdeme!* — ‘Пошли!’; *T a k se sejdeme po utkání v Ožvlém dřevu!* — ‘Значит, встречаемся после матча в «Ожившем дереве!»; *Proč bych vám měl nasazovat pouta? Dáme si r a d š i ještě myslivce, to bude přijemnější!* — ‘Зачем же мне вам надевать наручники? Выпьем-ка лучше еще по рюмке «мысливецкой», это гораздо приятнее!’.

3.1.3. Конструкции с формами 1-го лица ед. числа. В обоих сопоставляемых языках в побудительных высказываниях могут употребляться индикативные формы 1-го лица ед. числа и в обоих языках они употребляются в побудительных высказываниях двух типов.

Во-первых, речь может идти о самопобуждении⁵⁶, ср.: «*Неужели они до сих пор с отчетом возьмется!* — подумал Пересолин. — *Четыре их там дурака, и до сих пор еще не кончили! Чего доброго, люди подумают, что я им и ночью покоя не даю. П о й д у н о д г о н ю их...*» — *Остановись, Гурий!* (А. П. Чехов); *Asi po půlhodině odjel domů. <...> “N a v e č e ř í m s e a s e h r a j i několik partií sám se sebou, poněvadž dneska nemám partnera”* (М. Карек) — ‘Где-то через полчаса он поехал домой. <...> «Поужинаю и сыграю пару партий сам с собой, раз уж у меня нет партнера»’.

Во-вторых, говорящий может сообщать адресату о запланированном действии, ожидая от него согласия (мы имеем дело, таким образом, с *просьбой о разрешении*, иногда рассматриваемой в качестве особого социально значимого подтипа просьбы⁵⁷). Высказывания типа *Я открою дверь* можно

⁵⁶ В. С. Храковский солидарен с мнением Н. С. Трубецкого, считавшего, что в случаях типа *Мне здесь делать нечего, пойду домой!* речь идет о «настоящей форме повел. накл. 1 л. ед. ч.» [ТФГ 1990, с. 195–196], [Trubetzkoy 1975, с. 223].

⁵⁷ Специфика интерактивных условий просьбы о разрешении обусловливается следующим: (1) говорящий собирается сам реализовать либо воздержаться от реализации определенной деятельности; (2) для этого его поведения существуют определенные препятствия, ограничения или запреты; (3) адресат компетентен данные препятствия, ограничения или запреты ликвидировать. Именно эта ликвидация и является действием, побуждение к которому содержится в данном высказывании. Ср.: [GrepI, Karlík 1986, с. 73], [МČ 1987, с. 341].

интерпретировать в качестве эллиптических эквивалентов высказываний типа *Если вы не возражаете, я открою дверь*;

С вашего разрешения, я открою дверь. При этом в качестве разрешения может интерпретироваться отсутствие негативной реакции со стороны адресата, хотя это согласие, естественно, может быть и вербализовано, ср.: — *Евгений Васильич, — с трудом пролетел Петр (он дрожал, как в лихорадке), — воля ваша, я о т о ÿ д у.* (И. С. Тургенев); *Já vím, myslí mi to a mluví mi to na přeskáčku. Necháme to na zítra, do rána se mi snad v hlavě všechno uleží. Ted' s e r a d š i p ů j d u trochu p r o j í t, abych ty myslivce co nejlíc uvěřil.* (М. Карек) — ‘Я знаю, что путаю и мысли и слова. Давай отложим все это на завтра, может быть до утра у меня голова придет в порядок. Сейчас я лучше пойду прогуляюсь, чтобы все эти рюмки «мысливецкой» поскорее выветрились’.

Последний пример может интерпретироваться не только как просьба о разрешении (адресат побуждения — собеседник), но и как самопобуждение (адресат побуждения — сам говорящий), что не должно нас смущать (о том, что одно и то же высказывание может выполнять различные функции по отношению к разным участникам акта коммуникации, см. [Clark, Carlson 1982], русск. перевод [Кларк, Карлсон 1986]). Ср. аналогичный русский пример: *Комок вдруг подступил к ее горлу, она заплакала и прижала платок к лицу. — Pardon, — пробормотала она. — Я не могу. Голова болит. У ÿ д у.* (А. П. Чехов)

3.1.4. Конструкции с формами 3-го лица. В обоих сопоставляемых языках возможна транспозиция в область первичных функций императива и индикативных форм 3-го лица, ср. чешский пример и его русский перевод из [Широкова 1983, с. 90]: *A pan Brůžek půjde otknout jeho byt* (Marek) — *А пан Бружек пойдет осмотреть его квартиру*.

Исходя из формальных оснований, в данном параграфе следует упомянуть также и отсутствующее в русском языке и устаревшее некодифицированное в чешском явление, обозначаемое как *opikání*, обязанное своим возникновением существовавшему когда-то чешско-немецкому двуязычию и представляющее собой вежливое обращение к собеседнику формой, совпадающей с презентно-футуральной формой 3-го лица мн. числа индикатива, ср.: *Já konečně povídám: “Pane Herolde, j s o u tak laskav, h r a j o u durcha a neblbnou»* (J. Hašek) — ‘Я говорю наконец: «Господин Герольд, будьте так любезны [букв. *будь так любезен*], заказывайте максимум и не идиотничайте [букв. *заказывают и не идиотничают*]»’, *Ale ř e k n o u mně, kam toh jít, když netěl na těle ani kšandu!?* (K. Šarek) — ‘Но скажите [букв. *скажут*] мне, куда он мог идти, когда на нем даже подтяжек не было?’, *Tak si sednou a povědí mi, já jich dovezu jako v reřince* (J. Marek) — ‘Садитесь и скажите [букв. *сядут и скажут*] мне, и я вас [букв. *их*] довезу как на перине’.

Будучи очевидным германизмом, «ониканье» весьма не приветствовалось пуристами, и сфера его употребления всегда ограничивалась устной некодифицированной речью. Практически все обнаруженные нами примеры данного типа относятся к гашековским «Приключениям храброго солдата Швейка», избилующим ненормативными способами выражения.

В современном чешском речеупотреблении «ониканье» отсутствует и с ним можно встретиться лишь при стилизованном выражении.

3.1.5. Чешская возвратная безличная конструкция типа *Jde se spát!* Чех может также обратиться к обобщенно-личной возвратной конструкции типа *Jde se spát!* — ‘*Всем спать!*’, *Bude se pracovat, a pilně!* — ‘*Всем работать, и добросовестно!*’, *Ať žije Slavoj! Jde se!* — ‘*Да здравствует «Славой»!*’, *Pošli!*, *Tak se jde k Medvídkům, ale nejdříve musíme zajít ke mně!* — ‘*Ну так пошли [букв. *идется] к Медведкам, но сначала заскочим ко мне!*’ (Первый пример взят из романа В. Эрбена, последние три — из романа М. Капека.)

3.2. Тематизация последствий каузируемого действия. Усиление категоричности может быть достигнуто тематизацией даже не самого возможного действия адресата, а *последствий* этого действия. Так, чешский библиотекарь, сообщая о штрафе за задержанные книги, может сказать *A dostanu deset korun = Zaplatíte / Zaplatíte deset korun.* — ‘*И я получу десять крон*’ = ‘*Платите десять крон*’. Ср.: *Až do zazvonění zde bude absolutní klid!* (V. Erben) — ‘*До самого звонка здесь будет абсолютная тишина!*’

«Абсолютная тишина до конца урока», естественно, не может не являться следствием вполне определенных действий учеников.

Для русского речеупотребления подобный способ экспликации побуждения менее узуален, чем для чешского, однако все же возможен, о чем свидетельствует, на наш взгляд, допустимость буквального перевода примера.

3.2.1. Русские конструкции типа *А ну, взяли!* и чешское *onkání*. Нам представляется, что в определенной степени говорить о тематизации последствий каузируемого действия можно и применительно к русским примерам типа *А ну, взяли!*, *А ну, пошел отсюда!* (актуализуется перфектная семантика эловых форм: ‘*взяли*’ = ‘*являющиеся взявшими*’, ср. [Бондарко 1971, с. 87]. Ср.:

Ковалев, не отнимая платка от лица, сел на извозчика и прокричал отчаянным голосом:

— *Пошёл!*

— *Куда?* — *сказал извозчик.*

— *Пошёл прямо!* (Н. В. Гоголь)

Мы обалдело посмотрели друг на друга.

— *Пошли отсюда,* — *сказал Роман.*

— *К психиатру! К психиатру!* — зловеще бормотал Корнеев, пока мы шли по коридору к нему на диван. (А. и Б. Стругацкие)

Принято считать, что речь идет об относительно небольшой группе глаголов, «у которых формы прош. вр. (особенно мн. ч., реже ед. ч.) могут иметь императивное значение и употребляться в повелительных предложениях. Это прежде всего глаголы СВ однонаправленного движения с префиксом *по-* типа *пойти, поехать, побежать*. Далее, в эту группу входят и другие глаголы СВ, обозначающие начальную (или конечную) фазу движения: *двинуть(ся), тронуть(ся), поднять(ся), взять(ся), начать, кончить*» [ТФГ 1990, с. 236–237].

В определенном плане с этим явлением русского языка можно соотнести чешское «онканье» — особую этикетную форму общения, состоящую в использовании при обращении к собеседнику формы, совпадающей с претеритной или (реже) презентно-футуральной формой 3-го лица ед. числа индикатива, которая выражает снисходительно-покровительственное отношение к собеседнику. Невысокая употребительность «онканья» может быть обусловлена, на наш взгляд, спецификой его семантики («онканье» более жестко, чем «тыканье» или «вы-канье», предполагает определенное соотношение социальных ролей говорящего и адресата), а также его некодифицированностью (последнее обстоятельство становится особенно важным в эпоху массовой коммуникации, когда резко усиливаются процессы, ведущие к унификации и стандартизации языкового пространства). Тем не менее мы еще можем обнаружить «онканье» в некодифицированной речи персонажей художественных произведений. Ср.: “*Nic si z toho nedělal,*” *těší ho kyprá dáma,* “*až se ožení, pak dá matematice vale.*” (К. Poláček) — ‘«Ну-ка не переживай [букв. не переживал] из-за этого», — утешает его пышная дама, «когда женишься, скажешь математике “пока”» [букв. когда женится, скажет ...]’; *Kouknul, chlapečku, on je slušný mužský, šel se mnou, dáme si na pokoji ještě šampus na jejich účet!* (J. Marek) — ‘*Слушай, [букв. посмотрел], парнишка, да ты [букв. он] ничего, пошли-ка [букв. пошел] со мной, закажем еще шампанского в номер за их счет!*’

Однако это сходство лишь кажущееся. Чешское «онканье», как показывает приведенный выше пример, выходит за рамки эловых форм и охватывает формы настоящего времени. Кроме того, вполне возможно, что «онканье», подобно устаревшему некодифицированному «ониканью», проникло в чешский язык из немецкого.

3.3. Тематизация семы необходимости или возможности. В обоих сопоставляемых языках достаточно обычным средством формирования побудительного высказывания является квалификация того или иного действия (поведения) Агенса как (не)необходимого или (не)возможного, ср. чешские примеры из романа М. Капека и русские — из романа А. и Б. Стругацких: “*Musím přejít od pasivní sicilské obrany k útoku!*”, *přikázaval si*

tajor. — «Мне надо перейти от пассивной сицилианской защиты к нападению», — приказывал себе майор; *Mně nemusíte nic objasňovat* — «Мне вы можете ничего не объяснять»; *Můžete volat z haly* — «Вы можете позвонить из вестибюля»; *Nemůžeš přece srovnávat loňské jaro s letošním!* — «Нельзя же сравнивать прошлое лето с нынешним!»; «Придется пройти», — сказал, наконец, милиционер; *A может, не надо стихов?*; *Можете идти, гражданин Привалов*; *Мы не можем разбазаривать реликвии*. Приведенные и подобные примеры выражают постулативное⁵⁸ долженствование или постулативную возможность.

В обоих сопоставляемых языках группы модальных модификаторов необходимости и возможности объединяют различные по своим морфологическим характеристикам единицы. Так, русский язык имеет модальные глаголы *мочь*, *сметь*⁵⁹, прилагательные *должен*, *вынужден*, *принужден*, *обязан*, *нужен*, *необходим*, предикативные наречия (слова категории состояния) *можно*, *нельзя*, *нужно*, *надо*, *необходимо*, *положено*, *пора*, глаголы и сочетания *следует*, *полагается*, *стоит*, *не мешает*, *надлежит*, *приходится* / *придется*, существительные *долг*, *обязанность*, *право*, некоторые

⁵⁸ Мы пользуемся данным термином вслед за П. Адамцем, по мнению которого «общее значение долженствования разбивается на три подгруппы: O^1 — дедуктивное долженствование, O^2 — объективное долженствование и O^3 — постулативное долженствование. Все эти значения [в чешском речепотреблении. — А. И.] выражаются глаголом *muset*, ср. *To musí být hodný člověk*. «Это, должно быть, добрый человек», *Musel náhle odejet* «Ему пришлось внезапно уехать» и *Musíš tu pomoci* «Ты должен ему помочь» [Adamec 1974, с. 151], распространив его употребление и на в о з м о ж н о с т ь. Понятие «постулативной возможности» соотносится с используемым Е. И. Беляевой понятием «внешней деонтической возможности, обусловленной волеизъявлением говорящего [точнее, Прескриптора. — А. И.]», ср. приводимые ею примеры, призванные иллюстрировать р а з р е ш е н и е: Если угодно, вы можете покинуть театр, Сергей Герардович (М. Булгаков); Занятия кончены, — угрюмо объявил Котельников, — можно разойтись (Ю. Крымов); Сейчас пятнадцать минут покурить можно, оправиться (Б. Васильев), п р о с ь б у: Ты не можешь пойти со мною наверх? (Ю. Крымов); А можно не орать? (В. Шукшин); Вы не могли бы помочь мне? (А. Иванов), с о в е т: Ты бы мог отправиться туда на лыжах (Ю. Васильев), п р е д л о ж е н и е: Хотите, я вам покажу наш сад? Можете нарвать цветов (Ю. Васильев); Как хочешь, могу ехать, могу и не ехать (М. Шолохов); Я могу работать на дому или жить где-нибудь в учреждении (Н. Островский); Мы могли бы махнуть в Сочи, к морю (А. Чаковский); Аночка может брать книги у меня (К. Федин); У меня есть некоторые вещи. Можно снести в ломбард (К. Федин) [ТФГ 1990, с. 132–136].

⁵⁹ Глагол *иметь* может быть использован в качестве модального окказионально лишь в стилизованном речепотреблении, ср.: *Обвиняемый номер семьдесят три-тринадцать приговаривается к смертной казни, срок исполнения приговора не определяется, вплоть до исполнения приговора обвиняемый и м е - е т п р е - б ы в а т ь на воспитательных работах* (А. и Б. Стругацкие).

устойчивые обороты типа *имеет смысл, есть необходимость* и т. д. [ТФГ 1990, с. 133–136; 147]. Семантически и функционально соотносительные чешские модальные модификаторы столь же разнородны, ср. *muset, moci, smět, mít, potřebovat, lze, dá se, jde [to zařídit]; je (bylo, bude) nutno (nutné), třeba (potřeba, potřebné), nezbytné, možno (možné), žádoucí, záhodno (záhodné), radno, dlužno, vhodné, náležité, slušné, čas; být nucen, povinen; mít možnost, právo, povinnost, za úkol, potřebu; sluší se / slušelo by se, hodí se / hodilo by se, patří se / patřilo by se, stojí za to / stalo by za to* и т. д. [МČ 1987, с. 280].

При этом, однако, узуальная употребительность тех или иных разрядов модальных модификаторов в сопоставляемых языках различна. Для выражения постулативного долженствования или постулативной возможности чех использует прежде всего конструкции с модальными глаголами *muset* ‘быть должным, обязанным’, *moci* ‘мочь’, *smět* ‘сметь’, *mít* ‘иметь’ с отрицанием и без него. Носитель же русского языка обращается прежде всего к неспрягаемым модификаторам (*не*)*должен, (не)надо, можно, нельзя*. Из спрягаемых русских модификаторов узуален лишь глагол *мочь*, конструкции с которым представлены в нашем материале в количестве, соотносительном с числом конструкций с модификатором *можно*. Меньшая, по сравнению с чешским, встречаемость в русском речепотреблении форм модального глагола *сметь* (с отрицанием и без него) может быть обусловлена, на наш взгляд, следующим обстоятельством. В русском языке подобные формы сигнализируют, как правило, авторитарную позицию говорящего и употребляются прежде всего в эмоционально окрашенных высказываниях, ср.: *Ты не смеешь / Вы не смеее разговаривать со мной в подобном тоне!* Чешские же конструкции с формами модального глагола *smět* более нейтральны, а потому и способны использоваться чаще, ср.: *Jenom ti nesmíte nadávat, jestli nic nevyhrajete.* (М. Капек) — ‘Только потом не ругайте меня [букв. не смеее меня ругать...], если ничего не выиграете; Po několika minutách mlčení doktor Rous nesměle promluvil: “Nesmíte se na mě zlobit... Kdybychom byli známi, přátelé, rozumíte... Například s Čejchanem by se mi hovořilo velmi volně...” (V. Erben) — ‘Помолчав несколько минут, доктор Роус несмело пробормотал: «Не сердитесь на меня [букв. вы не смеее на меня сердиться]... Вот если бы мы с вами были знакомыми, друзьями, вы понимаете... С Чейханом, например, говорить об этом мне было бы просто...»’.

В подвергнутом нами сплошной выборке романе М. Капека примеры на постулативное долженствование или постулативную возможность занимают около 17% от общей массы побудительных высказываний (около 16% высказываний с модальными глаголами и около 1% — с другими спецификаторами необходимости или возможности), а в романе А. и Б. Стругацких — около 15% (около 3% высказываний с модальными глаголами и около 12% — с другими спецификаторами).

Условия употребления и особенности семантики чешских модальных глаголов детально проанализированы в работе [Adamec 1974], при этом для нашей проблематики были особенно интересны следующие ее положения:

При выражении постулативного долженствования с помощью глагола *muset* в большинстве случаев используется презентная форма модального глагола в сочетании со смысловым глаголом совершенного вида, ср. *Musím si odpočinout* — ‘Я должен отдохнуть’, *Musíme si stanovit přesný plán* — ‘Мы должны составить точный план’, *Musíš jim pomoci* — ‘Ты должен им помочь’. Несовершенный вид возможен в случаях, когда коррелирует совершенного вида отсутствует (ср. *Musíš být opatrnější* — ‘Ты должен быть более осторожным’) или же тогда, когда речь идет о действии атемпоральном, гномическом или же *de facto* футуральном, ср. *Musíš pracovat systematictěji* — ‘Ты должен работать более систематически’, *Učitel musí své žáky zapalovat pro svůj předmět* — ‘Учитель должен будить в учениках интерес к своему предмету’, *Ted se musíš léčit* — ‘Теперь тебе надо лечиться’. Употребление модального глагола в форме будущего времени «смягчает» настоятельность высказывания (види-мо, тем, что реализация каузируемого действия как бы отодвигается в неопределенное будущее), ср. *Musíš se léčit / Budeš se muset léčit*, *Musíme si stanovit přesný plán práce / Budeme si muset stanovit přesný plán práce* [s. 135].

Формы кондиционала модального глагола *muset* при выражении постулативного долженствования употребляются довольно редко, хотя и возможны, ср. *Jestli máme stihnout ten vlak, museli bychom jít rychleji* — ‘Если мы хотим [букв. если нам надо] успеть на поезд, нам стоило бы пойти побыстрее’, *Abys něčeho dosáhl, to bys musel pracovat úplně jinak* — ‘Для того, чтобы чего-нибудь достичь, тебе надо работать по-другому’. При этом речь может идти о своего рода переходных случаях между постулативным и обьективным долженствованием [s. 137].

Модальный глагол *mít* имеет более сложную семантику, чем глагол *muset*. Его употребление может свидетельствовать о том, что инициатором (инспириатором, арбитром) долженствования является не сам говорящий, а кто-то иной, либо о том, что постулируемое действие не реализуется, что может вести или уже привело к нежелательным последствиям, ср. высказывание *Máš pracovat pečlivěji* — ‘Тебе надо работать старательнее’ в контексте *Mistr ti vzkazuje, že máš pracovat pečlivěji* — ‘Мастер тебе передает, что тебе надо работать старательнее’

и в контексте *Nenaříkej, že ti to nepovedlo, máš pracovat pečlivěji* — ‘Не жалуйся, что у тебя это не получилось, тебе надо работать старательнее’. Сюда можно отнести и вопросительные конструкции [спо-собные выражать предложение — одну из разновидностей побуждения. — А. И.] типа *Mám otevřít okno?* — ‘Мне открыть окно?’, *Mám mu to říci?* — ‘Мне

сказать ему об этом?», так как и в этих случаях арбитром модальности (термин [Benešová 1970]) является не говорящий [s. 138].

Формы кондиционала модального глагола *mít*, в отличие от форм кондиционала глагола *muset*, выражая постулативное долженствование, сигнализируют пониженную категоричность долженствования, ср. *Měl bys pracovat systematictěji* — ‘Тебе бы стоило работать более систематически’, *Jiří by měl Mileně pomoci* — ‘Иржи стоило бы помочь Милене’, *Měl byste s ním promluvit* — ‘Вам бы стоило с ним поговорить’. Формы кондиционала модального глагола *mít* оказываются, таким образом, семантически соотносимыми с индикативными формами не того же глагола *mít*, а глагола *muset* [s. 140–141].

В ряде случаев семантические различия между выражающими постулативное долженствование конструкциями с модальными глаголами *muset* и *mít* сводятся к минимуму. Так, если в случаях типа *Správná definice musí být stručná a jasná* — ‘Корректное определение должно быть кратким и ясным’, или *Lidé si musejí pomáhat* — ‘Люди должны помогать друг другу’ мы имеем дело со своего рода советом, в случаях же типа *Správná definice má být stručná a jasná* или *Lidé si mají pomáhat* речь может идти о некоей сентенции общего характера, касающейся идеального состояния вещей (этот оттенок постулативного долженствования П. Адамец обозначает как O³) [s. 141–142].

Отрицание при выражающих долженствование конструкциях может выполнять две основные функции: анулативную функцию (отрицание необходимости действия не исключает, тем не менее, его возможности) и контрастивную функцию (речь идет о необходимости нереализации действия). В отличие от русского языка, в котором наиболее узуальные выражающие долженствование конструкции регулярно выражают и анулативное, и контрастивное отрицание (ср. *У меня сейчас помощник, так что я уже не должен делать все сам* (анулативное отрицание) / *Ты не должен забыть об этом* (контрастивное отрицание); *Сегодня выходной, так что нам не надо вставать* (анулативное отрицание) / *Больному ни в коем случае не надо вставать* (контрастивное отрицание) и т. д.), в чешском языке анулативное отрицание выражается, как правило, с помощью отрицательных форм модального глагола *muset*, а контрастивное отрицание — с помощью отрицательных форм глагола *mít*, ср. *Nemusí pracovat* = ‘нет необходимости, чтобы он работал’, *Nemá pracovat* = ‘надо, чтобы он не работал’. Функции контрастивного коррелята к отрицательным формам глагола *muset* выполняют отрицательные формы иных модальных глаголов — глаголов *moci* ‘мочь’ и *smět* ‘сметь’. Ср. отрицание *Nemůžeš / nesmíš tak přepínat své síly* — ‘Тебе надо [букв. ты не можешь / не смеешь] так перенапрягаться’ и утверждение *Musíš si už odpočinout* — ‘Тебе уже надо отдохнуть’, *Takhle se to nemůže / nesmí dělat* — ‘Так это нельзя делать’ и *Musí se to udělat jinak* — ‘Это надо сделать по-другому’, *Nemůžete / nesmíme ho nechat bez pomoci* —

‘Мы не можем оставить его без помощи’ и *Musíme ti pomoci* — ‘Мы должны ему помочь’. Обращение к отрицательным формам глагола *smět* может свидетельствовать либо об усилении категоричности, либо о подчеркивании морального аспекта долженствования.

В определенных условиях (в эмоционально окрашенных высказываниях) может произойти транспозиция выражаемого конструкциями с отрицательными формами модального глагола *muset* анулативного отрицания в отрицание контрастивное или же отрицание, неоднозначно интерпретируемое, ср. *Nemusíš hned ze všeho dělat tragédie!* — ‘Тебе совсем не обязательно изо всего сразу делать трагедию!’

Постулативно употребленные формы глагола *muset* с отрицанием в кондиционале семантически соотносительны с индикативными формами и выражают некоторое смягчение категоричности, ср. *Taky ti nemusíš / bys ti nemusel hned nadávat!* — ‘Тебе совсем не обязательно его сразу ругать!’

Постулативно употребленные конструкции с отрицательными формами модального глагола *mít* в индикативе выражают контрастивное отрицание тех значений, которые выражаются данными формами без отрицания, а именно:

(1) O^{3'} (общая сентенция): *Správná definice nemá být příliš dlouhá* — ‘Корректное определение не должно быть слишком длинным’. В подобных случаях возможны и отрицательные формы глагола *smět*, ср. *Děti se nemají / nesmějí příliš rozmazlovat* — ‘Детей не следует слишком баловать’;

(2) O^{3A} (передача чужого мнения): *Nemáš zapomenout mi zavolat* — ‘Не забудь позвонить ему [букв. Ты не должен забыть...]', *Vzkazují ti, že tam dnes nemáš chodit* — ‘Я передаю тебе, что тебе сегодня туда не надо ходить’, *Volal nám, že na něho nemáme čekat* — ‘Он звонил, чтобы мы его не ждали [букв. что мы не должны...]’;

(3) O^{3B} (задача — избежать нежелательных последствий): *Nediv se, že se urazil, nemáš mu pořád nadávat* — ‘Не удивляйся, что он обиделся, ты не должен его все время ругать’.

Обращение к кондиционалу свидетельствует об ослаблении категоричности, ср.: *Už bychom asi neměli čekat* — ‘Наверное, нам уже не стоит ждать’, *Neměl bys k němu být tak přísný* — ‘Не стоит тебе быть с ним таким строгим’, *Neměl by se tolik spoléhat na jiné* — ‘Не стоит ему настолько полагаться на других’, *Neměli byste je nechat bez pomoci* — ‘Вам не стоит оставлять их без помощи’ [145–149].

3.4. Тематизация семы полезности действия. В обоих сопоставляемых языках побуждение может выражаться тематизацией желательности (для говорящего, слушающего или третьего лица) того или иного действия (поведения) Агенса.

В подобных высказываниях обычны элементы типа чешск. *Já na tvém/vašem místě; je/bylo by žádoucí, správné, vhodné, náležité, slušné, záhodné, ve vašem zájmu, dobré, lépe* и русск. *Я на твоём/вашем месте; правильно, хорошо, лучше, к месту, прилично, неплохо, не мешало бы*, которые в чешском языке сочетаются с формами кондиционала, а в рус-ском — с формами сослагательного наклонения или инфинитивом, ср.: *Ale ministrova choť nevěnovala mnoho pozornosti tomuto ději, nýbrž řekla, jako by to učinila každá jiná paní: “Prosím tě, kdybys raději jedl; vystydne ti to.”* (К. Чапек) — *Однако супруга министра не проявила к этому особого интереса и сказала, как это сделала бы всякая супруга на ее месте: «Пожалуйста, лучше ешь, а то все остынет»;* — *Поэтому,* — *сказал Роман,* — *было бы очень хорошо, если бы кто-нибудь из особо безразличных занялся починкой конвейера.* (А. и Б. Стругацкие); — *Знаете что,* — *сказал я,* — *по-моему, проще всего спросить у Януса.* (А. и Б. Стругацкие).

3.5. Тематизация волеизъявления. Побуждение может выражаться тематизацией волеизъявления Прескриптора (говорящего или третьего лица) относительно осуществления того или иного действия, ср.:

Я хочу (хотел бы), чтобы...; Господин директор хочет (хотел бы), чтобы... Каузируемое действие может в высказываниях подобного типа не называться, а лишь имплицироваться: *Я хочу (хотел бы) с вами поговорить = ‘Поговорите со мной’,* ср.: *Chtěli bychom si s vámi trochu popovídat* (М. Капек) — ‘Мы бы хотели с вами немного поговорить’; *Chci jenom pozvat soudruha ředitele na šálek kávy* (М. Капек) — ‘Я только хочу пригласить товарища директора на чашечку кофе’.

В подобных случаях в чешском речеупотреблении весьма узуальными являются конструкции типа *Já bych rád / raději / radši + эловая форма смыслового глагола*, ср. примеры из романа М. Капека: *Promiňte, rád bych se s vámi seznámil* — ‘Извините, я бы хотел с вами познакомиться’; *Rád bych si s vámi promluvil o fotbale a tak podobně* — ‘Я бы хотел поговорить с вами о футболе и всяком таком’; *“Jsem vám k službám”, souhlasil architekt Pražský. “Ale já mluvím o fotbale nejraději v restauraci”* — ‘«Я к вашим услугам», — поклонился архитектор Пражский. — «Однако я предпочитаю говорить о футболе в ресторане»’; *Rád bych věděl, co tě v Samostavu nejvíc zaujalo* — ‘Хотел бы я знать, что тебя в «Само-ставе» заинтересовало больше всего’; *Já bych byl radší, kdybyste nám nalil čisté víno* — ‘Я бы предпочел, чтобы вы нам налили вина’.

Заключение

Суммируя изложенное, можно отметить следующие основные сходства и различия функционально-семантических полей побуждения сопоставляемых языков:

В обоих сопоставляемых языках основным средством формирования высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения (более половины общего числа случаев) являются конструкции с императивом, причем чешский и русский языки проявляют большее сходство в области синтетических императивных форм и меньшее в области форм аналитических. Оба языка располагают, помимо парадигматических форм 2-го лица ед. и мн. числа типа русск. *иди, идите* и чешск. *jdí, jděte* также и особой инклюзивной формой 1-го лица мн. числа типа русск. *идёмте* и чешск. *jděme*, не омонимичной форме 1-го лица мн. числа индикатива (типа русск. *идём*, чешск. *jdeme*). При этом, однако, в чешском языке речь идет о парадигматической (хотя, как показывает наш материал, реально малоупотребительной) форме, в русском же языке — о форме непарадигматической. В обоих языках мы можем встретиться с реликтами синтетического императива 3-го лица ед. числа в составе фразеологизованных сочетаний типа русск. *Дай Бог!* и чешск. *Pomáhej Pánbůh!* В качестве аналитических императивных конструкций мы склонны рассматривать прежде всего русские конструкции типа *будемте неть, давайте неть, дай спюю, пусть спюет, спюю-ка, спюем-ка, смотри не провались* и чешские конструкции типа *at' zpívá, at' zpívají, pojed'te zpívát, koukej nepropadnout*. Следует отметить отсутствие простых межъязыковых параллелей, подобных тем, которые прослеживаются у синтетических форм, а также своего рода проницаемость границ очерченного явления, парадигматическую включенность средств, используемых в аналитических императивных конструкциях, в более широкий контекст. Системно соотносительными (с теми или иными оговорками) являются чешские конструкции типа *at' zpívá / zpívají* и русские типа *пусть поет / поют*, чешские типа *pojed'(te) zpívát* и русские типа *давай(те) неть, давайте спюем*, чешские типа *koukej nepropadnout* и русские типа *смотри не провались*. Русским конструкциям типа *схожу-ка я в магазин; дай по-смотрию; дай(те) посмотрю* в чешском языке нет системного соответствия.

В обоих сопоставляемых языках весьма выразительным, хотя и существенно менее узуальным (от 5 до 10% от общего количества побудительных высказываний) средством являются эксплицитные перформативные конструкции. При этом в отличие от русского языка, в котором базовая эксплицитная перформативная формула имеет вид *Я + 1-ое л. ед. числа перформативного глагола + инфинитив* (ср. *Я прошу начинать*), чешская базовая эксплицитная перформативная формула выглядит как *1-ое л. перформативного глагола + abys(te) / kdybys(te) + кон-диционал* (ср. *Prosím tě (vás) abys(te) / kdybys(te) mi poradil* — 'Я прошу тебя (вас) дать мне совет'). Аналогичная русской модели типа *Prosím vás dát na to pozor* — 'Я прошу вас обратить на это внимание' возможна, однако маркирована как книжная и незузальная. В обоих языках перформативный глагол может

употребляться не только в индикативе, но и в кондиционале (сослагательном наклонении), что, как показывает материал, более характерно для чешского языка.

В обоих сопоставляемых языках побуждение может выражаться через презентно-футуральную индикативность (около 5% от общего количества побудительных высказываний). Интересно, что в то время как на каждый пример побудительно употребленной конструкции с индикативной формой 2-го лица в нашем материале приходится более ста примеров с формой императивной, число побудительно употребленных инклюзивных индикативных форм существенно превосходит число инклюзивных императивных форм, причем не только в русском (где это, учитывая непарадигматичность образований типа *пойдёмте*, вполне естественно), но и в чешском, располагающем парадигматическими инклюзивными императивными формами.

В обоих сопоставляемых языках побуждение может выражаться квалификацией каузируемого действия как необходимого или возможного. В обследованных нами чешских текстах подобные высказывания составляют около 17% от общего числа побудительных высказываний, в русских текстах — около 15%. Специфической особенностью чешского речеупотребления является абсолютное преобладание в высказываниях подобного типа конструкций с модальным глаголом.

В обоих сопоставляемых языках побуждение регулярно выражается также тематизацией полезности или, наоборот, неполезности осуществляемого или планируемого действия (поведения) Агенса. Следует отметить бóльшую, чем в русском, употребительность в чешском конструкций с кондиционалом.

Обозревая в целом формальные средства построения побудительных высказываний в чешском и русском языках следует отметить в современном русском языке бóльшую функциональную нагруженность императива и инфинитива, а в чешском — кондиционала.

Литература

- Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // *Československá rusistika*. 1968, № 2.
- Акимова Т. Т. Бенефактивность и способы ее выражения в английских императивных высказываниях // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л., 1988.
- Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
- Алпатов В. М. Предварительные итоги лингвистики XX в. // Вестник МГУ, Серия 9. Филология. 1995. № 5. С. 84–92.
- Андреева И. С. Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке. Дис. ... кандидата филол. наук. Л., 1971.
- Апресян Ю. Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // «Известия АН СССР», Серия литературы и языка. Т. XXVIII, 1969. № 1. С. 11–23.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. 2-е изд.: М., 1995.
- Артемов В. А. Коммуникативная, синтаксическая, логическая и модальная функция речевой интонации // Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. М., 1966. С. 3–22.
- Барнет Вл. К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983. С. 9–29.
- Беличова-Кржижкова Е. О. О модальности предложения в русском языке // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Болобова О. П. Лингвистический аспект обеспечения надежности восприятия команд в автомобильном спорте // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. М., 1994. С. 49–54.
- Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984а.

- Бондарко А. В. О грамматике функционально-семантических полей // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984б. Т. 43, № 6. С. 492–503.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
- Брым Й. К психологической и метаязыковой характеристике значений русских высказываний с императивом // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské univerzity. Ročník 23/24, Řada jazyk. Brno 1974/75. Č. 22/23. S. 103–116.
- Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики. Ч. 2. М., 1858.
- Веденина Л. Г. Истоки и принципы функциональной лингвистики // Функциональное направление в современном французском языкознании: Реферативный сборник. М., 1980. С. 7–41.
- Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 251–275.
- Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 238–250.
- Вечерка Р. и др. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Виноградов В. В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1938.
- Виноградов В. В. Современный русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947.
- Виноградов В. В. О модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР. М.-Л., 1950.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 5–15.
- Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 276–302.
- Грабье Вл. Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 217–237.

- ГУ — Грамматические уроки XX века: Материалы международной научной конференции «Грамматические уроки XX века» // Ломо-носовские чтения 1994. М., 1994. С. 139–168.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Золотова Г. А. Модальность в системе предикативных категорий // *Otázky slovanské syntaxe* III, Brno, 1973.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1960. Ч. 2.
- Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Кибрик А. Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник МГУ, Серия 9. Филология. 1995. № 5. С. 93–103.
- Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 270–321.
- Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 7–21.
- Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 349–383.
- Косилова М. Ф. К вопросу о побудительных предложениях // Вестник МГУ, Серия филология и журналистика. 1962. № 4. С. 48–56.
- Кубрякова Е. С. Введение: Основные направления в современном развитии грамматической мысли // Современные зарубежные грамматические теории: Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1985. С. 5–29.
- ЛИ — Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. М., 1995. В 2 тт.
- Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
- Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мартынов В. М. Категории языка. М., 1982.
- Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды военного института иностранных языков. М., 1945. № 1. С. 5–17.
- Милых М. К. Побудительные предложения в русском языке // Ученые записки Харьковского университета, 1953. Т. 23. Вып. 4. С. 5–47.

- Мучник И. П. О значении форм повелительного наклонения в современном русском языке // Ученые записки Московского областного пединститута. 1955. Т. 32. Вып. 5. С. 13–35.
- Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
- Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
- Немешайлова А. В. Повелительное наклонение в современном русском языке. Пенза. 1961.
- Нещименко Г. П., Широкова А. Г. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 9–85.
- Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 22–130.
- Панин Л. Г. Семантика форм повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки. 1993. № 5–6. С. 82–89.
- Панов М. В. О парадигматике и синтагматике // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 2.
- Панфилов В. З. Категории модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977, № 4.
- Пешковский А. М. Интонация и грамматика // Известия АН СССР. Отд. по русск. яз. и словесности. Л., 1928.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1977. Т. 4. Вып. 2.
- Почепцов Г. Г. Прагматический аспект изучения предложения (К построению прагматического синтаксиса) // Иностранные языки в школе, 1975, № 6, с. 15–26.
- Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М., 1979.
- Рождественский Ю. В. Проблемы языков образования // Русский филологический вестник. № 1. 1994. С. 141–157.
- Русская грамматика. Прага, 1979.
- Русская грамматика, т. II. М., 1980.
- Саранцацрал Ц. Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке. Автореферат дис. ... доктора филол. наук. М., 1993.
- Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 170–194.

- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 195–222.
- Слюсарева Н. А. Функциональная грамматика в Великобритании и Нидерландах // Современные зарубежные грамматические теории: Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1985. С. 175–212.
- Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. XVII. М., 1986. С. 131–150.
- ТФГ — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
- Храковский В. С. и др. Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Чешско-русский словарь, в 2 тт. // Под ред. Л. В. Копецкого и Й. Филиппа. Москва–Прага, 1976.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Широкова А. Г. О функциональной нагрузке форм кондиционала в чешском языке (в сопоставлении с русским языком) // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Praha, 1974. S. 19–47.
- Широкова А. Г. Некоторые вопросы эквивалентности в связи с транспозицией форм наклонения // Съпоставително езиковознание. София, 1980. № 3.
- Широкова А. Г. Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках (на материале чешского и русского языков) // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983. С. 83–104.
- Широкова А. Г. Некоторые методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков на современном этапе // Вестник МГУ, Сер. 9, Филология, 1987. № 4.
- Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Едличка А. Чешский язык. М., 1990.
- Широкова А. Г. Проблемы изучения категории модальности в зарубежных славянских странах // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова: тезисы докладов. М., 1995. С. 148–149.

- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Якобсон Р. О. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4. С. 372–377.
- Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Adamec P. Modální slovesa a modální predikativa v češtině a v ruštině // BVŠRJL I, Praha, 1956. S. 71–113.
- Adamec P. Muset nebo mít? (K vyjadřování kategorie obligatornosti v současné češtině na pozadí ruštiny) // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Praha, 1974. S. 133–152.
- Austin J. L. How to do things with words. Oxford. 1962.
- Benešová E. Gramatické prostředky slovesné modalit (kand. disertace). Praha, 1970.
- Clark H. H., Carlson T. B. Hearers and Speech Acts. — “Language”, Vol. 58., 1982. 2. P. 332–371.
- Conrad R. Fragesätze als indirekte Sprechakte. — “Studia Germanica”, XXII: Untersuchungen zur Semantik, R. Růžička und W. Motsch (Hrsg.), Akademie-Verlag, Berlin, 1983. S. 343–367.
- Flidrová H. Reakce na apel v dialogu // Otázky slovanské syntaxe IV/2. Brno, 1980. S. 213–217.
- Jacobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb // Cambridge (Mass.). Russian language project. Harvard University. 1957.
- Gordon D. Lakoff G. Conversational Postulates. — In: “Syntax and Semantics”, Vol. 3 (Speech Acts), Ed. by P. Cole and J. L. Morgan, New York — San Francisco-London. Academic Press, 1975, P. 83–106.
- Grepl M., Karlík P. Skladba spisovné češtiny. Praha, 1986.
- Grice H. P. Logic and Conversation. — In: “Syntax and Semantics”, Vol. 3. ed. by P. Cole and J. L. Morgan, New York, Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Karcevskij S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1929.
- Leech G. N. Principles of Pragmatics. London — New York. 1983.
- Leška O. K otázce tzv. transpozice // Rusko-české studie. Praha, 1960. S. 43–46.
- Mathesius V. Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistického. Praha, 1961.
- Mluvnice češtiny, d. III. Praha, 1987.

- Müllerová O. Komunikativní složky výstavby dialogického textu. Praha, 1979.
- Otázky slovanské syntaxe III. Brno, 1973.
- Otázky slovanské syntaxe IV/1. Brno, 1979.
- Otázky slovanské syntaxe IV/2. Brno, 1980.
- Panevová J., Benešová E., Sgall P. Čas a modalita v češtině. Praha, 1971.
- Petr J. Preface // Jungmann J. Slovník česko-německý. D. 1. Praha 1989. S. 5–38.
- Searle J. R. Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge University Press. London. 1969.
- Searle J. R. Indirect Speech Acts. — In: “Syntax and Semantics”, Vol. 3; Speech Acts. eds. Cole P., Morgan J. L. New York — San Francisco — London. Academic Press, 1975. P. 59–82.
- Searle J. R. A classification of illocutionary acts. — “Language in Society”, Cambridge University Press, London. 1976. 1 5. P. 1–23.
- Skalička V. Über die Transposition // Slavica Pragensia 1. Praha, 1960. S. 45–52.
- Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. Praha, 1992.
- Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960–1971. dd. I–IV.
- N. S. Trubetzkoy's letters and notes // Janua linguarum. Series maior. The Hague; Paris, 1975. V. 47.
- Vachek J. The Linguistic School of Prague. Bloomington-London. 1966.
- Vendler Z. Illocutionary suicide. — In: “Issues in the Philosophy of Language”, Yale University Press, 1976, P. 135–145.
- Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt-am-Main. Athenäum. 1972.

ЧАСТЬ 4

Н. Е. Ананьева

Проблемы сопоставительного анализа префиксальных глаголов в языках древнего периода (на материале префиксальных глаголов с *do-* / *do-* в древнепольском, древнечешском и древнерусском языках)

Введение

Способы глагольного действия как объект сопоставительного изучения. Задачи данного исследования. Методы и принципы описания материала

Как известно, при выделении категории «способ глагольного действия» (далее СГД), под которой традиционно понимается «характер протекания глагольного действия во времени» (о нетрадиционном отрицании понятия СГД см. ниже), сложилось два основных представления о ее формальном выражении. Первое различает среди СГД нехарактеризованные и характеризованные (последовательно и непоследовательно), или морфемно фиксированные (ср. [Маслов 1965, Бондарко 1967, Шелякин 1983] и др.).

Второе направление (словообразовательное) относит к СГД только морфемно выраженные акциональные значения (ср. [Исаченко 1960, Авилова 1976, Topolińska, Vidoeski 1984] и др.). При этом большинство лингвистов понимают под СГД аспектуально значимые количественно-временные параметры глагольного действия, выделяя среди СГД как двувидовые, так и одновидовые. Особая позиция А. В. Исаченко [Исаченко 1960], который считал возможным выделение только одновидовых СГД (в его метаязыке «совершаемость», чешск. *slovesná akce*) и тем самым, по тонкому замечанию А. В. Бондарко, сводил акциональные значения фактически к «подвидовым» (или «внутривидовым»), в свое время была подвергнута справедливой критике аспектологов Ленинградской школы [Маслов 1963, Бондарко 1962, Шелякин 1965].

Некоторые исследователи (например В. Пянка, Э. Сэганинова, П. А. Соболева) относят к акциональным не только аспектуально значимые количественно-временные, но и пространственные значения (подробнее см. ниже).

Своеобразный компромисс между двумя выделенными направлениями выражен в работе болгарской исследовательницы К. Ивановой, которая

теоретически признавая наличие и характеризованных, и нехарактеризованных СГД, рассматривает конкретный материал главным образом приставочных СГД, поскольку «семантические группы, имеющие формальный показатель, очерчиваются более ярко и убедительно, а их значение, в отличие от значения нехарактеризованных способов действия, поддается описанию и с помощью метаязыкового определения, в значительной степени облегчающего и упрощающего классификацию» [Иванова 1974, с. 125].

Как мы уже отмечали [Ананьева 1996], возможность такой двойкой трактовки СГД была «запрограммирована» с момента введения С. Агреллем понятия **Aktionsart**, которое одновременно связывалось с двумя областями изучения глагольной лексики: аспектологией и глагольным словообразованием (см. [Agrell 1918]).

Наше понимание СГД близко второй, «дифференцирующей», по словам А. М. Ломова [Ломов 1977], точке зрения. Под СГД мы понимаем, как уже неоднократно подчеркивали [Ананьева 1991, Ананьева 1992, Ананьева 1993], глагольные словообразовательные категории, которые определяют характер протекания действия по отношению ко времени, пространству и результату, характеризуют действие по количеству (полноте, мере, интенсивности и кратности) его проявления или по количеству охваченных этим действием объектов. В один сложный характеризованный СГД входят глаголы с разными словообразовательными средствами, но тождественной семантикой, возникающей при соединении этих различных словообразовательных средств с определенными глагольными основами, в то время как в непроемных гла-голах семантика, аналогичная семантике СГД, выражается лексически.

Чисто аспектуальное понимание СГД в своем крайнем проявлении приводит вообще к отрицанию необходимости такого понятия. Так, С. Кароляк утверждает, что на семантическом (глубинном) уровне нет таких единиц, которые бы соответствовали понятию **Aktionsart**, поскольку отличие традиционных СГД от вида касается вопроса отношения между единицами смысла и морфемами, не являясь семантической проблемой *sensu stricto*. В морфемах, которые традиционно считают показателями определенных СГД, следует путем декомпозиции отделить семы вида ('стать, произойти', 'случиться' для совершенного вида и 'быть', 'происходить', 'длиться' для несовершенного вида) от остальных, не имеющих связи с аспектуальной семантикой [Karolak 1992].

В последнее время большинство польских дериватологов также отказываются от понятия СГД (ср. [Śmiech 1986, Wróbel 1984] и др.; иначе — [Piernikarski 1975, Стрекалова 1979, Осипова 1984]).

Способы действия, ряд которых в славянских языках послужил базой для развития грамматической категории вида, в качестве характеризующих

протекание действия во времени и пространстве (т. е. как аспектуально значимые количественно-временные, так и пространственные¹), выражают универсальные языковые смыслы: начало и конец действия, его повторяемость, кратность, слабую или высокую степень интенсивности, направленность к пространственному ориентиру или от него, внутрь его или изнутри его и т. п. При понимании под СГД только морфемно выраженных способов эта категория переста-

ет быть столь универсальной. Так, если в германских языках, как и в славянских, возможно выделение префиксальных СГД, то, например, суффиксально оформленные СГД (многократный, однократный) характерны только для славянских языков, а в английском или немецком их «смыслы» передаются другими (лексическими) средствами.

Тем не менее даже исследователи, понимающие под СГД словообразовательную категорию, отмечают ее универсальный характер. Так, З. Тополинська и Б. Видоески, указывая СГД (*rodzaje czynności, Aktionsarten*) среди таких словообразовательных категорий, как *nomina actionis, nomina auctoris, nomina loci, nomina deminutiva, hipocoristica, augmentativa, peiorativa*, подчеркивают, что эти категории «являются для европейских языков в принципе универсальными» [Topolińska, Vidoeski 1984, с. 22].

Приведем примеры некоторых акциональных² префиксально оформленных значений в германских языках. Так, значение превышение нормы (чрезмерно-нормативный СГД [Шелякин 1983]) в немецком языке может передаваться глагольным префиксом *über-* (*überarbeiten* «работать сверхурочно», *überanstrengen* «переломляться», *überdehnen* «слишком сильно натягивать», *überfüttern* «перекармливать» и мн. др.), в английском — глаголами с *over-* (*overact* «переигрывать», *overfeed* «перекармливать», *overgrow* «расти слишком быстро», *overdrink* «слишком много пить» и др.). Противоположное «сверхнормативности» значе-

¹ Возможность выделения пространственных СГД признается некоторыми исследователями (В. Пянка, П. А. Соболева и др.). Так, П. А. Соболева, справедливо, на наш взгляд, полагая, что действие протекает не только во времени, но и в пространстве, пишет об искусственном характере «стены», воздвигаемой аспектологами между временными и количественными аспектуализаторами и префиксальными глаголами с локативными префиксами, предлагая наряду с «деревом темпоральных» и «деревом квантитативных» способов действия также «дерево локативных» СГД [Соболева 1983]. Не случайно даже представители аспектологического понимания СГД задают вопрос, «можно ли относить к сфере способов глагольного действия такое лексическое [на наш взгляд, словообразовательное. — Н. А.] значение, характерное для группы слов, как «направленность действия сверху вниз» — сбегать, сбросить, слететь и т. п.» [Смирнов 1983, с. 194].

² Под определением «акциональный» имеется в виду «выражающий определенный СГД» (в том числе и пространственный), т. е. «акционсартный». Иначе у Л. Н. Смирнова, который предлагает термин «акциональное значение» использовать для собственно лексических средств передачи аспектуальной семантики [Смирнов 1983, с. 194]. Ср. также [Смирнов 1992].

ние недостаточности, неполноты (недоста-точно-нормативный СГД [Шелякин 1983]) в английском, в частности, вы-ражается приставочными глаголами с префиксом *under-* (*underfeed* «недо-кармливать», *underprise* «недооценивать», *underload* «недогружать, недостаточно нагружать» и др.).

Финитивность может выражать, в частности, в английском — префиксальный с *out-* (*outspeak* «высказывать(ся)» и др.), в немецком — префиксальный с *aus-* (*ausklingen* «отзвенеть», *auskämpfen* «перестать бороться», *ausbelfern* «перестать рычать», *ausblühen* «отцветать», *sich ausjammern* «перестать горевать» и др.).

Пространственное значение 'движение вверх' в немецком языке имеют образующие от глаголов перемещения и некоторых других приставочные с *auf-*: *aufgehen* «всходить, подниматься», *aufheben* «поднимать», *aufblicken* «взглянуть вверх», *auffliegen* «взлететь», *aufkeimen* «всходить, прорасти, пускать ростки», *aufkommen* «подниматься» и др.; 'движение из' передают приставочные с *aus-* (*ausgehen* «выходить», *ausfahren* «вывозить», *ausfliegen* «вылетать», *auslaufen* «выбегать; вытекать» и мн. др.).

Пространственные значения в глаголах движения, которые выражены в славянских языках префиксальными глаголами, в английском, например, могут передаваться сочетанием глагола движения с предлогом в постпозиции. Например: 'движение вверх' выражено *up* в глаголе *go up*, 'движение из пространственного ориентира' в глаголе *go out* выражено *out*, в глаголах *fly off*, *run off* представлено значение 'движение от пространственного ориентира', в глаголах *go in*, *go into* — 'движение внутрь пространственного ориентира' и т. д. Во всяком случае, во всех этих языках есть выражение определенными средствами (префиксальными, предложными) универсальной для этого ареала семантической категории СГД, хотя и отсутствует грамматическая категория вида, что в определенной степени связано вообще с неразвитостью суффиксации в глаголе, а в частности и с аналогичным отсутствием в этих языках оппозиции определенно-моторных глаголов движения, или однонаправленных глаголов, глаголам разнонаправленным, или неопределенно-моторным, т. е. оппозиций типа *идти-ходить* (англ. *go*), *бежать-бегать* (англ. *run*, нем. *laufen*), *лететь-летать* (англ. *fly*, нем. *fliegen*) и т. п., образование префиксальных пар от которых (*прийти-приходить*) явилось одним из толчков к зарождению грамматической категории вида в славянских языках. Одновременное отсутствие в близких славянским германских языках глагольной суффиксации (в частности, морфемно выраженных суффиксальных СГД) и грамматической категории вида делает еще более убедительной теорию Ю. С. Маслова о первостепенной роли имперфективации в генезисе славянского вида [Маслов 1965а]³.

³ Ср. также высказывание Ю. С. Маслова о роли вторичных имперфективов для развития грамматической категории вида: «только постепенно стало ясно, что в приставочных глаголах неславянских языков мы имеем дело не с видом..., что предельность существенно отличается от перфективности, от совершенного вида, и что славянские приставочные образования не развили бы в себе значение перфективности, если бы в системе языка не наличествовали бы рядом с ними в большинстве случаев вторичные имперфективы» [Маслов 1978, с. 40].

В сопоставительном плане имеет смысл заниматься СГД, имеющими формальные показатели (словообразовательные средства) по крайней мере хотя бы в одном из сопоставляемых языков. Это согласуется с постулатом конфонативного описания, выдвигаемым рядом лингвистов и касающимся того, что конфонативности подлежат только те понятийные категории (путь от смысла к форме — см. ниже), которые грамматикализованы хотя бы в одном из сопоставляемых языков. Тем самым понятийная (функционально-семантическая) категория языка, создающая основание для сопоставления (*tertium comparationis*), является менее универсальной, чем «чистые» семантические категории в логике [Studia 1984, с. 7–8].

С другой стороны, и исследователи, непосредственно занимающиеся акционсартной проблематикой, подчеркивают целесообразность при сопоставительном и сравнительно-историческом изучении СГД словообразовательного подхода (по крайней мере, «в качестве первого этапа работы» [Сигалов 1978, с. 45]).

Среди задач сопоставительного изучения СГД обычно указываются следующие: 1) установление состава СГД в определенных языках; 2) выявление формальных средств выражения каждого акционального значения, представленного хотя бы в одном из сопоставляемых славянских языков; 3) определение отношения СГД к категории вида (в плане квалификации СГД как одновидовых, неодновидовых и т. д., а также в плане соотношения с категорией предельности / неопределенности); 4) установление сравнительной репрезентативности того или иного СГД в сопоставляемых языках, что выражается в широте или узости его словообразовательной базы; 5) выявление степени активности составляющих определенные СГД формальных средств; 6) определение стилистической маркированности (если таковая наблюдается) того или иного СГД или какого-либо из средств его выражения (ср. [Сигалов 1978, Смирнов 1983] и др.).

Поскольку исследователи подчеркивают первостепенное значение при конфонативном описании словообразования «субстанционального» аспекта (ср., например: [Topolińska, Vidoeski 1984, с. 22]), остановимся подробнее на моментах, связанных с этим аспектом (в частности, на примерах разной активности тождественных словообразовательных показателей определенного СГД в сопоставляемых языках).

Так, даже поверхностное сопоставление ниже приводимых отрывков из двух псалтырей (древнепольской и древнечешской) показывает более высокую частотность во второй префикса **vz-**, а следовательно и иную роль этого префикса среди средств начинательного, результативного и пространственных СГД в древнечешском по сравнению с древнепольским. Ср.:

Флорианская псалтырь (XIV–XV Виттембергская псалтырь (XIII

В.)

1. Gospodne, przecz ssi se rozplodzili isto me msiiszczō! wele gich wstaie przeciwu mne.

2. Wele gich molwi moiey duszy: ne iest zbawene gey w iego gospodne.

3. Ale ty, gospodne, przyiemcza moy ies, slawa moia, y *powiszaiiu* glowiш moiш.

4. Glossem mogim ku gospodnu *wolal iesm*, y wisluszal me s gori swiutey swoiey.

5. Ia iesm spal y naspal iesm se; y *wstal* iesm, bo gospodzin prziiuił me.

6. *Ne budu se bacz* tiszczā luda ostwpaishczych mne; wstan, gospodne, zbawona me vczyn, bosze moy. [Vrt., s. 18].

В.)

2. Hołpodyne, czoz wzmozeny yśu, giz mutie mye! mnozy włtawagi proty (na polach: powzdwiugy ie) mnie.

3. Mnozi prawie dułfy mei nenyє łpałenyє gemu v bozie geho.

4. Ale ty, hołpodyne, przigymatel moy ły, łlawo ma, a *wzwyługe* // hlawu mu.

5. Hlałsem mym k hołpodynu *wzwolach*, y vłyłjie mye.

6. Yaz łpal y zełpal łem łye; y *włtal* łem, nebo hołpodin prziiyal mye.

7. *Newzbogym* łye tyłzuczow łydy obklyczonych mne: włtan hołpodine, łpałena mye vczyn, boze moy. [Wyb., s. 19].

Приведем примеры из современных славянских языков. Так, О. М. Соколов, исследуя начинательный способ действия в русском и болгарском языках, устанавливает (со ссылками на работы М. Дея-новой и С. Иванчева), что в обоих языках регулярным общим средством передачи начинательности является префикс **за-**, префикс **по-** более частотен в русском языке по сравнению с болгарским, префикс **про-** является регулярным средством начинательности в болгарском языке, а в русском языке известен только единичным глаголам (*прозреть*), префиксы же **под-** и **на-** — исключительно болгарские средства выражения ингрессивности [Соколов 1978, с. 56–75].

Иное распределение средств внутри определенного СГД может быть связано с отсутствием той или иной префиксальной / суффиксальной морфемы (например, в связи с отсутствием префикса **pro-** в польском языке не представлены пердуративы этого типа в отличие от русского языка). В польском языке им соответствуют образования с **prze-** и **wy-**. Ср. *przeleżeć w łóżku* «пролежать в кровати», *wystać w kolejce* «простоять в очереди». Отсутствие **iz-** в польском языке также имеет большое значение для распределения формальных средств определенных СГД (комплетивно-эффективного и др.).

Полонисты отмечают обычное отсутствие у польских префиксальных глаголов с **za-** значения начинательности и соответствие в параллельных текстах на русском и польском языках русским ингрессивам с **за-** польских конструкций с глаголом *zacząć / zacząć* и бесприставочным глаголом ([Стрекалова 1979, Кудлинська 1979] и др.). На аналогичное соот-

ношение между чешскими и русскими приставочными глаголами с префиксом **за-** указывают также богемисты (ср., например, [Дербишева 1981]). Вероятно, с обычной утратой значения начинательности для польского **za-** связана и тенденция активизации его

в качестве средства общерезультативного СГД (или при признании чистовидовой функции префиксов — в качестве средства чистой перфективации), например, при образовании глаголов совершенного вида от иноязычных основ несовершенного вида (*aresztować* — *zaaresztować*, *telefonować* — *zatelefonować* и под.), нередко с вытеснением более старых образований с другими префиксами (например, *zastartować* при *wystartować*, *komponować* — *skomponować*, но **zakomponować przestrzeń*, *izolować* — *wyizolować*, *odizolować*, но **przewody elektryczne zaizolowuje się*⁴). Возможно использование **za-** и для исконных глагольных основ. Например, *zagęścić* наряду со *zgeścić* «сгустить» (ср. *mleko niesłodzone zagęszczone* «несладкое сгущенное молоко»). В средствах массовой информации в настоящее время широко используется новообразование *zagłosować* (от *głosować* «голосовать»), негативно оцениваемое специалистами по культуре речи, но тем не менее свидетельствующее об активности формаций с **za-**.

На основании «сходства способов действия и однотипности их словообразовательного выражения в современных славянских языках» [Сигалов 1978, с. 49] исследователи предполагают, что эти СГД — общее наследие славянских языков. Однако, по всей видимости, не все СГД (даже при понимании под ними только аспектуально значимых количественно-временных СГД) были в равной мере присущи позднему праславянскому.

Так, П. С. Сигалов установил отсутствие в древнерусском пердуративов с **про-** (*просидел*) и глаголов прерывисто-смягчительного СГД (*посиживал*), а также выявил параллелизм в развитии делимитативности у типа *полежати* и становлении пердуративного типа *пролежати* с «опережением» первого и «запаздыванием» второго. При этом прерывисто-смягчительный СГД типа *полеживать* формировался при развитии вторичной имперфективизации у (развившего на базе предшествующей результативности значение делимитатива) типа *полежати*, то есть довольно поздно: в XVI–XVII вв. [Сигалов 1978, с. 51–53].

Во всяком случае (и это справедливо подчеркивается глаголистами) предположение о представленности определенного СГД в праславянском или даже в более древнее время получит доказательную силу только после изучения истории этого СГД в каждом славянском языке, начиная с первых памятников каждого языка. При позднем появлении польских текстов (XIV–XV вв.) можно реконструировать недостающие звенья, привлекая материал

⁴ Примеры, помеченные звездочкой, взяты из лекции Й. Миндак (11.04.1994, Институт славистики ПАН, Варшава).

славянских языков с более ранней письменной фиксацией (старославянский, древнерусский, древнечешский).

При сопоставлении возможен исход от одной из двух (или более) сопоставляемых систем в качестве основной с последующим привлечением материала из второго (третьего и т. д.) языка (I-й уровень сопоставления), равноправное описание каждой из систем с последующим сопоставлением описанного для каждого языка состояний (II-й уровень) и, наконец, постулирование абстрактного языка-посредника [Topolińska, Vidoeski 1984], конструкта, включающего в себя либо весь возможный для двух (или более) сопоставляемых языков набор формальных средств (при подходе от формы к смыслу), либо набор (ряд) понятийных или функционально-семантических категорий при идеографическом подходе (III-й уровень)⁵. Признавая за третьим и вторым способами исследования материала большую степень объективации, мы тем не менее не можем в таком же объеме, как для древнепольского, провести соответствующий анализ для древнечешского или древнерусского языков. Что касается метода использования языка-посредника, то, как отмечают специалисты по сопоставительному исследованию славянских языков, на сегодняшний день не существует как «четких критериев выделения этой единицы сопоставления», так и единообразного представления о характере этого конструкта [Земская, Ермакова, Рудник-Карват 1993, с. 248–249]. Таким образом, наше исследование относится к сопоставлению I уровня, в котором польский материал занимает центральное место, а данные других языков имеют «фоно-вый» характер.

Идеографическое построение сопоставительного описания СГД требует рассмотрения в пределах какого-либо одного СГД или нескольких СГД (фрагментарное или частичное сопоставление), а при полном описании (или стремящемся к таковому) в максимально большом числе СГД всех формальных средств его (их) выражения в сопоставляемых языках. Для такого выявления средств формальной выраженности необходимо предварительное установление семантического потенциала и функций каждого из префиксов в сравниваемых языках (в нашем случае — древнепольского, древнечешского и древнерусского на синхронном срезе XIV–XV вв.), то есть необходимо описание, направленное, в свою очередь, от формы к смыслу.

Предлагаемое исследование значений и функций приставочных глаголов с **do-** в древнепольском, древнечешском и древнерусском, представляя собой часть такого описания, является, таким образом, определенной ступенью на пути к последующему выявлению конкретного наполнения определенного набора префиксальных СГД в сопоставляемых языках.

⁵ Понятие абстрактного языка-конструкта и его частичной реализации восходит к идеям Р. И. Аванесова, которые выражены в трудах ученых Московской диалектологической школы и в концепции Общеславянского лингвистического атласа.

Как уже отмечалось выше, данное исследование принадлежит к первому уровню сопоставления, при котором исходным языком описания является древнепольский, материал которого затем сопоставляется с соответствующим древнечешским и древнерусским, взятым главным образом из исторических словарей.

Поскольку словари древнерусского языка включают в себя материал значительно более древний (начиная с XI века), чем данные древнепольских памятников, мы выбираем в них в основном префиксальные глаголы, подтвержденные примерами из источников, современных древнепольским. С другой стороны, как отмечено выше, привлечение древнейших древнерусских и древнечешских примеров позволяет выявить более ранние ступени в формировании префиксальных средств общеславянской категории СГД.

Наше описание относится к типу конфронтативных (или сопоставительных), которые, в отличие от контрастивных, учитывают не только отличное, но и общее в сопоставляемых языках. Тем более, что категория СГД «обнаруживает большое сходство и в ассортименте акциональных значений, и в средствах их реализации; ...глубоких расхождений здесь не возникает, несовпадения в большинстве случаев касаются частностей» [Сигалов 1978, с. 45].

Конфронтация осуществляется для определенного периода: XIV–XV вв. Данный срез охватывает время создания первых рукописных памятников на польском языке. В отдельных случаях мы расширяем хронологические рамки исследования.

Основной метод, который применяется в данной работе, это метод системно-функционального анализа, включающий в себя определение состава и средств выражения характеризованных СГД в их взаимодействии (синонимические показатели, конкуренция и т. д.) в системе древнепольского, древнечешского и древнерусского языков и анализ их функционирования в условиях достаточно широкого для изучения категории СГД контекста. Средством реализации указанного метода является сочетание компонентного и контекстного приемов (способов), или методик, анализа, которые взаимно дополняют друг друга. Значения (семы), выводимые из интерпретирующей (толковой) части словарной статьи исторических словарей каждого из трех сопоставляемых языков (ср. также термины: семантические множители, составляющие, компоненты), «поверяются» контекстом, который может подтвердить наличие данной семы, способствуя ее реализации, сделать это значение более явственным (ср. ниже во II части обнаружение избыточных детерминаторов *do końca* «до конца», *całkiem* «совсем, полностью», *ostatek* «остаток» и т. п. в контекстах с глаголами финально-комплетивного СГД), а может противодействовать реализации семантического потенциала префиксального глагола или даже (редко) внести противоположный ему смысл.

Применение указанного способа анализа определения семантики производного глагола вытекает из специфики исследуемого материала. При анализе языковых фактов древнего периода исследователь не может опереться на свою языковую интуицию, в противном случае он рискует подменить древнее состояние современным. В его распоряжении находятся исторические словари и тексты. В последних «единственным объективным приемом семантического анализа слова является регистрация всех его употреблений [подчеркнуто нами. — *Н. А.*] с последующим установлением семантических отношений, в которые входят словоформы соответствующих контекстов» [Змарзер 1991, с. 85].

Контекстуальные показатели могут быть также облигаторными «соучастниками» создания определенного акционального значения (например, показатели пространственного или временного предела в глаголах лимитивного СГД). Таким образом, среди СГД можно выделить контекстно обусловленные (контекстно ориентированные) и контекстно свободные («вербоцентрические», ориентированные на глагольную лексему).

Параллельно нами использовались два противоположных общих метода исследования: дедуктивный — от общего к частному (от выделения универсальных СГД к их лексико-семантической репрезентации и анализу в каждой группе синтаксических свойств префиксальных глаголов с **do-** — с учетом в ряде случаев лексико-грамматического наполнения компонентов глагольной ситуации) и индуктивный — от частного к общему (установление на основе исследования конкретного материала более общих положений: о типах акциональных значений, факторах, способствующих сохранению пространственного значения префикса, и др.).

Для древнепольского и древнечешского языков существенным является также привлечение соответствующих латинских текстов, которые в некоторых случаях могут быть источниками определенных лексических и синтаксических свойств производного глагола, а также способствуют лучшему осмыслению определенных значений (например, соответствие предлога **do** латинскому **in** при префиксальных глаголах движения позволяет выявить в них наряду с адлативностью оттенок «интерности» — направленность внутрь пространственного ориентира — см. главу 1). Для древнерусского языка роль такого «про-верочного» средства выполняют соответствующие греческие и старославянские тексты.

Учитывая характер отношения между древнепольским и древнечешским языками, мы предполагаем, что некоторые совпадения между ними могут быть обусловлены не только общностью происхождения, но и влиянием древнечешского языка на древнепольский. Вывод о наличии такого воздействия чешского «образца» на сохранение какого-либо архаизма в древнепольском делается в том случае, когда это явление, широко представ-

ленное в древнечешском (большое число экземплификаций в древнечешских словарях) и скупое в древнепольском (причем в первую очередь в памятниках, связанных с юго-западом Польши), впоследствии не встречается в польском и сохраняется в чешском. При этом контексты древнепольских и древнечешских примеров совпадают.

Вообще «сохранность» явления, свидетельствующая об активности его в чешском, сама по себе еще не является достаточным основанием для констатации чешского происхождения аналогичной утраченной впоследствии особенности древнепольского языка. Кроме того, не следует забывать, что литературный чешский язык, в отличие от польского, в XVII–XVIII вв. «прерывался» в своем развитии и сознательно воссоздавался на основе более древнего языка XVI в. В связи с этим архаичность чешского по сравнению с польским имеет не только естественный, но в определенной степени и искусственный характер.

В истории русского языка также известен период его тесного взаимодействия с польским, когда последний влиял на первый и являлся источником проникновения в русский многих слов, в том числе неславянского происхождения. В отличие от периода взаимодействия с древнечешским польско-русские языковые контакты относятся к более позднему времени (XVI–XVII вв.). В свете этого, если соответствующий префиксальный глагол и его производные проиллюстрированы в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» только поздними примерами и отсутствуют в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.», мы лишь констатируем данный факт. Делать предположение о польском воздействии мы можем только если данный факт носит изолированный характер (глагол не обладает мощным словообразовательным гнездом) или приведен из источника с установленным влиянием польского языка.

Помимо акциональных значений в префиксальных глаголах представлены и другие: лексические, видовые. Видовой семантикой мы в работе не занимаемся, ограничиваясь констатацией перфективирующей функции префикса, если таковая представлена для данного производного с **do-**. Анализ собственно лексических значений нас будет интересовать в тех случаях, когда в их развитии представлен определенный параллелизм между двумя (или тремя) языками.

При характеристике префиксального глагола мы обращаем внимание также на следующие моменты: а) семантику производящей базы (действия-состояния, среди действий — глаголы речевых действий, ментальных процессов, речеповеденческие глаголы, глаголы конкретных физических действий с выделением внутри них более мелких групп, глаголы восприятия и т. д.); б) синтаксические свойства базы и производной основы (наличие или отсутствие прямого объекта, возможное число актантов, форма их выражения, обстоятельственные компоненты глагольной ситуации); в) особенности

взаимоотношения данного префиксального класса с другими приставочными глаголами (слово-образовательная синонимия и антонимия); г) компоненты словообразовательного гнезда префиксального глагола (включая вторичные имперфективы); д) парадигматические отношения анализируемого пре-фиксального типа с другими глагольными лексемами в текстах разного жанра, главным образом, религиозной и юридической литературы (лексическая синонимия и антонимия). Такое расширение традиционных рамок анализа производной лексики, на наш взгляд, является вполне правомерным, ибо предлагаемая многоаспектная характеристика префиксального глагола позволяет выявить связь между его семантическими особенностями и особенностями функционирования как грамматической и лексической единицы. Не случайно в последнее время исследователи подчеркивают мысль о связи между семантикой языковых единиц и их поведением на «поверхностном» уровне, причем не только в плане морфологии (словоизменительной парадигматики), но и в синтагматическом аспекте (особенности лексической и синтаксической сочетаемости) [Wierzbicka 1987, Wierzbicka 1988, Кронгауз 1994]⁶.

Сочетаемость префикса с определенными лексико-семантическими типами производящих основ можно одновременно рассматривать как своеобразное проявление «внутренней» сочетаемости (ограниченной рамками производного слова) в отличие от сочетаемости префиксального глагола с определенными компонентами глагольной ситуации («внешняя» сочетаемость, условия функционирования производного слова в соответствующих контекстах). Оба этих аспекта, на которых главным образом сосредоточено наше внимание в данном очерке при анализе конкретного материала, с разных сторон способствуют раскрытию семантического потенциала префиксального глагола, выявлению его специфики как выразителя определенных акциональных или лексических значений.

Анализ синтагматических свойств префиксального глагола (как его валентностных особенностей в смысле способности присоединять к себе то или иное число определенных типов актантов, так и в более широком смысле учет всех составляющих компонентов глагольной ситуации) позволяет не только выявить семантический потенциал глаголов, относящихся к какому-либо акциональному или лексическому классу, но и уточнить при обычной для глагола совмещенности в нем нескольких акциональных или лексических значений, с каким из его лексико-семантических вари-

⁶ Задолго до лингвистов этот момент осознали в силу рода своего занятия писатели. Так, у А. П. Чехова находим любопытное замечание о невозможной сочетаемости глаголов мгновенного и окказионального действий с детерминаторами длительности: «Нельзя сказать *«брызнул продолжительный дождь»*, ...не годится фраза *«появилась долгая улыбка»* (Чехов А. П. Из письма Н. А. Холопову. Т. 12, с. 79).

антов (ЛСВ) мы имеем дело в данном контекстуальном окружении, а при передаче акционального значения «совместными усилиями» глагола и контекстного показателя (напри-мер, в лимитивном или пердуративном СГД) установить это акционсартное значение.

В ряде случаев, рассматривая префиксальные синонимы (на-пример, анализируя некоторые др.-польск. синонимические *verba jurisdictionis* с префиксом *do-*), мы выявляем также характерное для них сходство контекстуального окружения (англ. *environment*). Это сходство сочетаемостных свойств языковых единиц, вытекающее из их семантического тождества (или близости), соотносится с общим онтологическим принципом, по которому «наличие сродства между предметами должно означать наличие сродства также и между отношениями, поскольку предметы фактически познаются через их взаимоотношения» (мы бы добавили: и отношения к другим предметам. — *H. A.*) [Френкель 1970, с. 262]. Однако семантическая тождественность (бли-зость) языковых единиц вовсе не предопределена сродством их синтаксического окружения (взаимодействия с контекстом), что также находит соответствие в онтологии, поскольку «между предметами совершенно различного рода часто обнаруживаются весьма сродные отношения» [Френкель 1970, с. 263].

В отличие от указанных выше двух аспектов сочетаемости исследование сочетаемостных возможностей префикса с другими префиксами относится к чисто формальной характеристике приставочного глагола (естественно, если сочетание *do-* с каким-либо префиксом не создает регулярно нового акционального значения — ср. диал. польск. комплетивно-дистрибутивные глаголы типа *dopodosypywać*, *dopodogżybywać* [Szymczak 1965]). Для префиксального *do-* в анализируемых языках исследуемого периода таких значений не представлено. Более того, префиксы, которым предшествует *do-*, часто выделяются лишь на уровне морфемной членности, а не словопроизводства (ср. *doprowadzić*) или даже обнаруживаются только в результате этимологической «реконструкции» (ср. *доорати*).

Анализируя проявления «внешней» сочетаемости производного префиксального глагола, мы различаем конструктивные / основные — неконструктивные / вторичные [Золотова 1973], или конститутивные / неконститутивные [Daneš 1971] компоненты глагольной ситуации.

К конститутивным (конструктивным) ее составляющим относятся те компоненты, необходимость наличия которых обусловлена семантической структурой ядерного глагола. Среди них вслед за Ф. Данешем мы выделяем обязательные (облигаторные) и потенциальные (импли-цитно присутствующие при невыраженности их на «поверхностном» уровне).

В отличие от синтаксистов, анализирующих основные и вторичные компоненты (распространители) моделей предложения, наш анализ сосредоточен на составляющих глагольной ситуации, создаваемой ядерным гла-

голом определенного акционального типа. Не существенные (вторичные, факультативные) для модели компоненты могут быть при таком подходе существенными (конститутивными) для того или иного акционального типа префиксального глагола. Так, облигаторным для собственно лимитивов является указание пространственного предела (*дочитать до пятой страницы*), в то время как опущение данного детерминанта свидетельствует о представленности (актуализации) акциональной семы финальной комплетивности (*он дочитал книгу*).

Для глаголов движения, также выражающих лимитивное (лимитивно-адлативное) пространственное значение, оно представлено в семантической структуре глагола и, как правило, выражено в контексте. В работе рассматривается лексическое наполнение этого предела / ориентира действия и устанавливаются зависимости между семантикой «наполнителя» и значением префиксального глагола (случаи перехода глагола движения в класс глаголов с семой 'получение, приобретение чего-либо', совмещения значений ориентира со значением адресата действия и т. д.).

В семантической структуре глаголов с семой 'давание' (в том числе и глаголов речевой деятельности) «заложен» потенциальный адресат данного действия, который может быть представлен в высказывании, а может и отсутствовать. С другой стороны, тот же адресат не обязателен при глаголах движения, хотя и возможен.

Для ряда прямо-переходных глаголов с *до-* / *до-* (*донести, довести* и т. д.) обязательным является наличие прямого объекта. В то же время возможны контексты с опущением этого потенциального объекта (ср. *он дочитал и пошел*).

Факультативными компонентами глагольной ситуации с ядерным префиксальным глаголом с приставкой *до-* / *до-* являются различные обстоятельственные (сирконстантные) характеристики (кроме указанного выше обозначения пространственного или временного предела): указание времени, способа, места, условия осуществления действия. Эти факультативные распространители глагольной ситуации также нами учитываются, поскольку определяют реальные условия функционирования префиксального глагола, являясь в ряде случаев дополнительным контекстным показателем определенного значения глагола. Так, обстоятельства места типа «в суде» (*w sądzie*), «перед лицом закона» (*przed prawem*) дополнительно указывают на принадлежность глагола к классу глаголов судопроизводства (см. главу 2).

Особое внимание обращается на факультативные компоненты глагольной ситуации, которые усиливают, подчеркивают определенную акциональную семантику префиксального глагола. Например, такими факультативными с точки зрения определения типа модели предложения являются детерминанты *до конца, полностью* в контекстах *он до конца дочитал книгу, она*

полностью допечатала текст. Тем не менее мы рассматриваем их, так как они являются дополнительным показателем финально-комплетивного СГД глаголов *дочитать* и *допечатать*.

Более того. В орбиту нашего внимания нередко входят даже элементы контекста, не имеющие, на первый взгляд, отношения к ядерному глаголу. Так, в контексте «*Он добрал последнее имущество, которое у них еще оставалось*», прилагательное «последнее» синтаксически связано не с глаголом, а с его объектом («имущество»). Тем не менее оно сигнализирует о выражении глаголом *добрать* значения комплетивности и в качестве дополнительного контекстуального показателя указанного акционального значения является предметом нашего анализа.

Таким образом, при анализе «внешней» сочетаемости префиксального глагола учитывается как форма выражения обязательных, потенциальных и факультативных компонентов глагольной ситуации, так и их лексическое наполнение. При этом понятие «обязательный компонент синтаксической конструкции» может не совпадать с понятием «обязательный компонент глагольной ситуации», создаваемой глаголом определенного акционального типа.

Исследуя функционирование префиксальных глаголов, мы обращаем также внимание на утвердительный или отрицательный характер конструкций с ядерным глаголом, отмечаем те изменения в синтаксической сочетаемости, которые вносит отрицание при глаголе.

Как при определении акциональных значений, так и при установлении условий их реализации, мы нередко имеем дело с тем, что Г. А. Золотова образно назвала «пограничными конфликтами» в классификациях [Золотова 1973, с. 30]. Например, анализ формы выражения пространственного ориентира (предела) у приставочных с *до-* глаголов движения, показал, что при репрезентации его Sub_{pers} (или $Pron_{pers}$, замещающим Sub_{pers}) с предлогом *ку* возможна одновременная трактовка этой конструкции как адресата действия (подробнее в главе 1). Подобный синкретизм наблюдается в ряде случаев для пространственных и орудийных характеристик действия. Особое место в плане синкретизма временных и пространственных значений занимают приставочные глаголы движения.

Совмещенность в префиксальных глаголах движения двух типов акциональных сем (связанных с аспектуально значимыми количественно-временными и характеризующих действие в пространстве) позволяет одним исследователям рассматривать эти глаголы в рамках общерезультативного и специально-результативных СГД [ср. ТФГ 1987], а другим выделять в них специальные локативные СГД (и при этом не выделять количественно-временных). На наш взгляд, в указанных глаголах есть и первое и второе в слитом воедино состоянии: не утрачены более старые пространственные отношения и представлены развившиеся на базе первых количественно-

временные. Отрицать те или другие из них или возводить между ними искусственную преграду, подчиняя вторые первым, — означает, как нам представляется, совершать определенное насилие над языковой реальностью.

Ср. в связи с этим общее положение, сформулированное Т. В. Цивьян, об «исконности идеи пространства в ряде важных понятий, относящихся к движению, а через движение переходящих в другие сферы, или другие коды» [Цивьян 1990, с. 74]. Приведем также высказывание, имеющее непосредственное отношение к префиксальным глаголам: «Одним из наиболее постоянных семантических явлений, характеризующих лексику, является противопоставление в пределах одной языковой единицы пространственных и временных значений, сопровождающееся определенным параллелизмом их структуры и функционирования... Сосуществование таких значений отмечено у многих глагольных приставок» [Кронгауз 1994а, с. 44].

О том, что в глаголах движения одновременно представлены и результативность (количественно-временной параметр) и пространственность, свидетельствует и обыденное языковое сознание, отразившееся, например, в таких поэтических строчках, как «Я всю жизнь внезапно подытожил: Дошел, Дошел, Доехал, Дожил» (Н. Доризо. «Благодарность»), в которых предвещающий перечень глаголов движения (кроме *дожить*) глагол *подытожить* указывает на «суммирующее», «итога-вое», «результативное» значение следующих конкретизирующих его образований.

Источники материала и используемая система символов

Сопоставляемый материал извлечен из словарей и текстов. Был проанализирован весь лексический инвентарь глаголов с префиксом *do-* / *до-*, приведенный в указанных ниже словарях. Использовались следующие источники:

а) польский язык: Słownik staropolski. Tom II. Wrocław-Kraków — Warszawa, 1955–1959 (сокращение SSt); S. Vrtel-Wierczyński. Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do roku 1543. Warszawa, 1969 (сокращение Vrt).

б) чешский язык: J. Gebauer. Slovník staročeský. Díl I (A–J). Praha, 1970 (сокращение SG); J. Porák. Chrestomatie k vývoji českého jazyka (13–18 století). Praha, 1979 (сокращение Por.); E. Siatkowska, J. Siatkowski. Wybór tekstów staroczeskich. Warszawa, 1988 (сокращение Wyb.);

в) русский язык: И. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка. Т. I, ч. I А–Д. М., 1989 (сокращение Срезн.); Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. II. М., 1989; Т. III. М., 1990 (сокращение Сл. ДЯ XI–XIV вв.); Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 4. М., 1977 (сокращение Сл. РЯ XI–XVII вв.).

Для установления исторической динамики отдельных фактов древнепольского языка использовались также в качестве дополнительных следующие лексикографические труды: Nowy Dykcyonarz to iest Mownik polsko-niemiecko-francuski, z przydatkiem przysłów potocznych, przełtrog gramatycznych, lekarłkich, matematycznych, fortyfikacyinych, żeglarłkich, łowczych i inłzym Naukom przyzwoitych wyrazow, przez Michała Abrahama Troca, Warłzawianina, a teraz powtore wydany, przepatrzonny, poprawiony y powiękłzony wielką liczbą Mian y słow z Nowowydanych Autorow, wybranych przez Stanisława Nałęczza Moszczeńskiego, Szlachcica Polłkiego. Tom trzeci. W Lipsku, nakładem Iana Fryderyka Gledycza. Leipzig, MDCCCII (сокращение ST); Linde S. B. Słownik języka polskiego. T. 1–6. Warszawa, 1951 (сокращение SL); Słownik języka polskiego. Red. naczelny W. Doroszewski. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969 (сокращение SD); Reczek S. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1968 (сокращение SR).

Расшифровка сокращений названий текстов, а также некоторых других источников приводится ниже.

В целях экономии места при конкретном анализе материала (в первую очередь синтаксических свойств префиксального глагола) мы пользуемся следующей общепотребительной системой символов, восходящей к латинским названиям лингвистических феноменов.

Adv	— наречие
Adv _{loc}	— наречие места
Adv _{tempor}	— наречие времени
N	— имя; цифровой показатель при N обозначает соответствующий падеж (например, N ₁ — именительный, N ₂ — родительный и т. д.)
NAg	— nomen agentis (имя производителя действия)
Numer	— счетное слово (современное числительное)
Pron	— местоимение
Pron _{demonstr}	— указательное местоимение
Pron _{pers}	— личное и лично-указательное местоимение
Pron _{relat}	— относительное местоимение
Pron _{univers}	— универсальное (обобщенное) местоимение
Sub	— существительное
Sub _{abstr}	— абстрактное существительное
Sub _{anim}	— одушевленное существительное
Sub _{-anim}	— неодушевленное существительное
Sub _{concr}	— конкретное (предметное) существительное
Sub _{loc}	— существительное со значением места

Sub _{masc}	— существительное мужского рода
Sub _{femin}	— существительное женского рода
Sub _{neutr}	— существительное среднего рода
Sub _{pers}	— существительное со значением лица (личное существительное)
Sub _{tempor}	— темпоральное существительное
SV	— substantivum verbale — образованное от глагола процессуальное существительное (герундиальная форма)
SD	— substantivum deverbale — образованное от глагола предметное существительное
V	— префиксальный глагол, составляющий центр глагольной ситуации
→	— знак модели (глагольной ситуации); острие стрелки направлено от глагольного центра модели к другим компонентам глагольной ситуации («ситуантам»)
plur.	— множественное число
sing.	— единственное число

Глава 1. Акциональные типы префиксальных глаголов с *do-* / *do-* в древнепольском в сопоставлении с древнечешским и древнерусским языками

1. Сведения о составе СГД, выраженных глаголами с префиксом *do-* / *do-*, в современном польском и старославянском языках

В современном польском языке (как, впрочем, и в русском) выделяются следующие акциональные значения, которые нередко сочетаются в пределах одной лексемы, то есть характерны для ее разных ЛСВ: лимитивность (ограниченная временным пределом и ограниченная пространственным пределом), финитивность завершительного ти-па (финально-комплетивный подтип), аддитивность (дополнительность), результативность целенаправленного длительного или интенсивного действия («достижительное» значение).

В польском языке, за исключением нескольких лексем типа *doigrać się*, *dokrzyczeć się*, отсутствует акциональный подтип «достижение негативных последствий длительного / интенсивного действия» (подробнее см. [Rutkowska 1981; Ананьева 1996]).

В древнейшем письменном славянском языке — старославянском — С. Слоньский выделял 2 акциональные функции в приставочных с *do-*: локально-терминативную (указание на пространственное приближение к предмету) и комплетивную (указывает в «делокализованных» глаголах на

«конечные моменты действия»). Всего им было выявлено 18 глаголов с *do-*, из которых 5 представлены с отрицанием [Słoński 1937, s. 8].

Какова же была ситуация в древнепольском и, соответственно, в древнечешском и древнерусском языках? В какой степени она приближается к современной, а если отличается, то чем? Попробуем ответить на эти вопросы.

В древнепольском префиксальные с *do-* не столь редки, как в старославянских памятниках, но количество их не так уж и велико. Тем не менее в этом сравнительно небольшом числе слов выражены довольно разнообразные акциональные и лексические значения.

2. Глаголы лимитивного СГД

Глаголы лимитивного СГД обозначают действие, протекание которого ограничено каким-либо внешним пределом. В зависимости от характера предела мы выделяем 2 подтипа лимитивного СГД: собственно лимитивный (действие ограничено пространственным пределом) и терминативный (действие ограничено временным пределом).

Особое место среди глаголов, действие которых ограничено пространственным пределом, занимают глаголы движения. Ср.: др.-польск. *dojść // dojeć* «дойти», *dojechać // dojechać // dojać* «доехать», *dobieżeć // dobiec* «добежать», *dowieść* «довести» и др. В отличие от других глаголов лимитивного СГД, в которых характер предела (а в ряде случаев и сам способ действия) определяется только из соответствующего контекста (ср. он дочитал книгу — финитивный СГД и он дочитал книгу *до пятой страницы* — собственно лимитив, старорусск. досидѣти — финитив в контексте «не досидѣлъ Камаль стола» и терминатив в «... годъ по Семень день досидятъ» — см. полный контекст ниже), в глаголах движения указание на пространственный характер предела «заложено», запрограммировано семантикой префиксального глагола (ср. локально-терминативный СГД по С. Слоньскому). Конечная граница (ориентир) движения часто указывается в контексте, хотя возможно и опущение пространственного ориентира. Например: *доехали благополучно*, др.-польск. *doschiedl guest // doszyel yest* [SSt, T. II, z. 2(8), s. 110]. Но значение пространственности предела не создается контекстом (как в случае *дочитать до какого-либо места*), а лишь эксплицируется им, всегда являясь неотъемлемым свойством префиксальной глагольной лексемы с глаголом движения в качестве производящей базы.

Акциональное значение терминативности может сочетаться в одном префиксальном глаголе не только с семой финитивности, но и с семой результата длительного действия. Однако при актуализации семы терминативности сема длительности действия базового глагола «затушевывается», «стирается». Например, в эффективно-результативном др.-польск. глаголе *doszekać* представлен ЛСВ 'дожить' (до определенного момента), при реа-

лизации которого глагол относится к классу терминативов. Пример контекста: Owa ya thv czebye szmyggya, v oczemgnyenyv szethna szya. Czemszuya thako sz rzeczv (= z rzeczą “z mową”) vczekacz sznaczh thv yvtra nye doczekasz [De morte w. 253. SSt, T. II, z. 2(8), s. 107]. Лексическое значение ‘ожидания’ (длительного действия, являющегося необходимым условием для производящей базы эффективно-результативного глагола) здесь «смазано» и в указанном ЛСВ глагола doczekać, как и в глаголах dożyć, dobyć, представлено терминативное акциональное значение.

Компонентами словарной статьи, указывающими на значение терминативности, являются следующие слова: русск. *до какого-либо (определенного) срока, момента, времени*; польск. *do pewnego kresu, do przewidzianego terminu, do określonego momentu*; чешск. *do jisté doby*; лат. *usque / ad certum quendam terminum, ad terminum condictum*; нем. *bis zur gehörigen Zeit*. Значение собственно лимитивное выводится из таких компонентов интерпретирующей части словарной статьи, как: русск. *до какого-либо (определенного) места*, польск. *do pewnego miejsca*, чешск. *kam dospěti*, лат. *ad certum quendam locum*, нем. *bis wohin, wohin gelangen* и т. п.

Примеры глаголов терминативного подтипа: др.-польск. *dobyć* ‘vivere usque certum quendam terminum’ «жить до определенного срока», *dosłużyć* ‘in famulatu permanere ad terminum condictum’ «остаться на службе до определенного срока», *dosiedzieć* ‘dotrwać na danym miejscu do określonego momentu; aliquo loco usque ad certum quendam terminum remanere’ «оставаться на данном месте до определенного момента», *dochować* ‘żywić, utrzymywać do pewnego kresu; alere, sustentare usque ad certum quendam terminum’ «кормить, содержать до определенного момента», др.-чешск. *dochovati* ‘uchovati do jisté doby’ «сохранить до определенного времени», др.-русск. *додержати* ‘сохранить (хранить), удержать / удерживать до какого-либо срока, момента’. Ср. представленность компонента «пространственный предел» в трактовке лимитива: др.-чехати ‘доехать до *какого-либо места*’, дол.-чехати ‘дойти *куда-либо*’.

Отличие терминативов от других глаголов лимитивного СГД состоит также в том, что большинство из них являются субъектными (или безобъектными), то есть не требуют объекта, на который полностью или частично переходило бы действие. Редко среди терминативов отмечаются глаголы с прямым объектом (например, *dochować* — *dochovati*). Прочие лимитивы представлены как глаголами, не имеющими прямого объекта (ср. *dojać / dojechać / dojachać*, др.-чехати), так и транзитивными глаголами (ср. др.-польск. *doczyść* «дочитать», *dowieść* «дovedести» и т. п.).

2.1. Глаголы лимитивного СГД в древнепольском языке. В древнепольском языке базовые основы субъектных терминативов относятся к глаголам состояния (ср. *siedzieć* «сидеть», *służyć* «служить», *bydzieć / żyć*

«жить»)), в то время как для глаголов с пространственным пределом, как и для рассмотренных выше финитивов, такие базы нехарактерны. Субъектно-объектные терминативы мотивированы глаголами действия (ср. *dochować*).

К действиям относятся также базы немногочисленных лимитивов с *do-*, не принадлежащих непосредственно к глаголам движения, но действие которых ограничено пространственным пределом (ср. *дочитать*, *досмотреть до какого-либо места*). И хотя эти глаголы не являются глаголами движения *sensu stricto*, внутреннее содержание действия, выраженного ими, также связано с движением. Если для глагола *досмотреть* в качестве глагола зрительного восприятия эта связь не вызывает сомнения (о близости глаголов зрительного восприятия к глаголам движения в смысле сохранения пространственной функции префикса мы писали в [Ананьева 1993, с. 28]), то для глагола *дочитать* эта связь эксплицитно не выражена. Тем не менее очевидно, что действие чтения, состоящее в преодолении «пространства», занятого письменным / печатным текстом, в естественных условиях с помощью подвижного органа зрения, также внутренне связано с идеей движения. На эту связь указывают, например, русск. *дошел до пятой страницы* (главы и т. д.), *дошел до конца*, то есть ‘дочитал до пятой страницы (главы и т. д.)’, ‘дочитал до конца’. Ср.: «В одно утро сидел я у стола; книга раскрытая лежала предо мною; я *дошел до того места*, где страшными заклинаниями... злые духи вызываются из глубины ада и принуждены предстать читателю...» [А. Погорельский. Двойник, с. 15]. Именно транзитивный глагол умственной деятельности *doczyść* «дочитать» и зафиксирован в SSt в качестве единственного лимитива с пространственным пределом. Ср. его толкование в SSt: «legendo ad certum quendam locum pervenire» («читая *дойти до* какого-либо определенного *места*»).

Как и для комплетивов, для лимитивов характерны контексты с отрицанием. Например, только отрицательные контексты зафиксированы в SSt для терминативов *dosiedzieć*, *dosłużyć*.

Приведем примеры контекстов с глаголами каждой из трех групп лимитивов.

1. Терминативы:

1.1. Производные от глаголов состояния

dobydlić: Iako Helena my(a)ła wyano w Radzykowye hy w nyem do ssmyczy *dobydyla* ha rvszayaczego umyeny odhvmerła [1462 Zap. Warsz. N 1124. SSt, T. II, z. 2(8), s. 101].

Глагол *dobydlić* не сохранился в современном польском языке. Его уже нет в ST XVIII в. Не исключено, что сохранению архаизма в древнепольском способствовала широкая представленность образований с корнем *bydl-* в чешском языке (в том числе и др.-чешск. *dobydliti sě* — см. ниже).

1.2. Глаголы действия (транзитивы)

dochować: Yakom sza ya rozdzelyl z brathem..., a macz nassza na dzal na then przizvolyla, ha ya macz nassza do yey smyrzci *dochoval* na swey czaszczy. Jakom ya rozszdzelyl Jana s Ffylypem, a macz na dzal przizvolyla, a Jan *dochowal* maczerze na swey czaszczy do yey smyrzcy [1461 Zap. Warsz. N 1014. SSt, T. II, z. 2(8), s. 106].

Поскольку контекстуальный показатель лимитивности, в отличие, например, от контекстуального показателя комплетивности, выполняет облигаторную, а не дополнительную функцию в выражении акционального значения, необходим анализ этих показателей, одновременно составляющих обстоятельственные компоненты глагольной ситуации.

В терминативах этот компонент выражен темпоральным существительным в форме N_2 или в составе конструкции *do N₂*. К темпоральным существительным мы относим не только собственно темпоральные, называющие определенный или неопределенный отрезок / момент времени (*время, год, сутки, ночь, день, лето, час, минута, секунда* и др.), но и слова, обозначающие явления, которые обладают временной протяженностью, занимая определенное место на временной оси: это могут быть относительно «длительные» состояния / процессы — (*молодость, детство, зрелость, чтение*), а могут быть и «мгновенные», «точечные» явления (*приход, прозрение, смерть* и т. д.). Показателями темпоральности таких существительных является, в частности, их сочетаемость с собственно темпоральными словами: (во) время, (в) годы, (в) момент, (в) день и т. д. (*в момент* прихода, *во время* прихода, *в момент* смерти и т. д.). В ряде случаев такое существительное опущено и терминатив на «поверхностном» уровне соединяется, казалось бы, с существительным, не имеющим временной протяженности. На самом деле темпоральное слово является имплицитным компонентом высказывания, «восстанавливаясь» как необходимый элемент при уяснении реальных семантических связей между терминативом и падежной (или предложно-падежной) формой нетемпорального существительного. Например, в контексте для старорусск. *домаятися₂₍₂₎** ‘перенеся лишения, дожить до какого-либо момента’ «Какъ до воды домаялись, весною на плотахъ поплыли» [Ав. Ж., 181. 1673 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 308] предложно-именное сочетание «до воды» означает ‘до того времени, когда пошла вода’ (то есть открылись реки, освободившись ото льда).

Таким образом, класс темпоральных существительных шире класса предикативных существительных, хотя последние и составляют его ядро.

* Примечание. Первая цифра внизу при многозначной лексеме указывает на номер данного ЛСВ по используемым словарям, следующая за ней цифра в круглых скобках — на общее число ЛСВ многозначного глагола, выделяемое в словарном источнике; знак * в SSt означает испорченную или неточную запись.

В древнепольских памятниках в качестве темпоральных существительных, обозначающих временной предел, наиболее частотны собственно темпоральные слова: *lato* (в форме мн. ч. *lata* «года, летá»), *śmierć* / *śmierć* «смерть», *rok* «год», *czas* «время». При слове *lata* возможно употребление счетного слова. Так, для терминатива *dochować* из 5-ти контекстов в SSt в двух представлено *lato* (со счетным словом и без него), а в трех — *śmierć*.

Примеры моделей глагольных ситуаций, формируемых терминативом.

1) $V \rightarrow N_2$ ($N = \text{Sub}_{\text{tempor}}$, Numer. $\text{Sub}_{\text{tempor}}$)

dochować: *Poleyczyl yey szwe dzyeczy chowacz do pelnych lath, a gdy ye lath dochowa thedy ona dzyerzecz ma tho gymyeny* [Ort. Mac. 82]; *Przykazal Ioachymovy, kyedy ya yvs szyedmy lyath dochovasch, aby ya zaszye do Ierusalem przyvyedly. A ony ym slvbyly ya chovacz mylosczyvye* [Rozm., 14]; *O kthore gymyeny na mya Pawel zalowal ruschaiance, tho my oczecz dal, kthoregom szmyrczi dochowal* [1469 Zap. Warsz. N 2935. SSt, T. II, z. 2(8), s. 106].

В первом примере можно проследить, как шел процесс образования префиксального терминативного глагола: *chowac do pelnych lat* → *lat dochowac*. Тем не менее встречаются также примеры с «избыточным» до- (см. вышеприведенное *dochować do śmierci* и другие примеры на $V \rightarrow do N_2$), которое впоследствии вытесняет беспредложные формы род. п.

В контекстах с отрицанием, естественно, сохраняется N_2 в выражении временного предела. Ср.:

dosiedzieć: *Pany Benussa wysla de terra ne doszedzawszy trzech lath* [1415 Przyb. 11]; *Jakosz oslal [вместо ostał (?)] vinne [вместо vinen = winien (?)] podlug czasw y prawa gy wis(1)edl ne doszedzq casw* [1416 MPKJ II, 298 SSt, T. II, z. 2(8), s. 142].

dosłużyć: *Jako mnye Sassyn s Byenyewycz nye doszluszyl rok v podle vmowy [ca 1500 Zap. Warsz. N 1827. SSt, T. II, z. 2(8), s. 144].*

2) $V \rightarrow do N_2$

dosłużyć: *Ian Szandkowi nye doszluszil do roka 1424* [Ks. Maz. II, N 727]; *Jako mye Grzegorz nye doslvzyl do czasu* [1495 Zap. Warsz. N 1769 a. SSt, T. II, z. 2(8), s. 144].

При транзитивных глаголах прямой объект выражен N_4 , реже N_2 ($N = \text{Sub}_{\text{pers}}$, $\text{Pron}_{\text{pers, relat}}$; при $N = \text{Sub}_{\text{masc pers}}$ или $\text{Pron}_{\text{pers, relat}}$ замещающему $\text{Sub}_{\text{masc pers}}$ $N_4 \rightarrow N_2$). Все случаи выражения прямого объекта зафиксированы, например, для глагола *dochować*:

ja dochowasz, mac nasza dochowal // Jan dochowal macierze, kthoregom ... dochowal.

Для некоторых глаголов (в том числе и не имеющих прямого объекта) возможен адресат действия, выраженный N_3 (*dosłużyć* «находиться в услужении у кого-либо»). Если считать адресат действия разновидностью объектного актанта, то такие глаголы также можно отнести

к субъектно-объектным: Jako *mnie* Grzegorz nie dosłużył (см. выше полный контекст).

Факультативны другие обстоятельственные (сирконстантные) распространители глагольной ситуации, например, локальный детерминант действия, выраженный конструкцией на N₆: *dochował na swej części*, *dochował macierze na części* (полные контексты приведены выше).

В мотивированном глаголом состояния др.-польск. *dostać* в SSt не выделяется значение лимитивности, а дается интерпретация, близкая к значению пердуративности: *stać dalej* «стоять дальше», *wytrzymać* «выдержать» (ср. лат. *perstare*). Древнечешский аналог *dostáti* с семами финитивности и терминативности (см. ниже) позволяет предположить наличие подобных значений и у древнепольского соответствия (подобный случай рассмотрен с др.-польск. *dozrec* в разделе о глаголах финально-комплетивного СГД).

2. Собственно лимитивы, производные от глаголов действия (транзитивы).

В SSt, как уже отмечалось, зафиксирован один глагол *doczyść* в следующем контексте: *doczsono gyst in ventum est ad illum locum, ubi scriptum erat*. Пространственный характер предела определен и в толковании, и в латинском переводе соответствующего места в тексте.

В древнепольском глагол *doczyść* / *doczcić* сохраняется и в XVI в., но отмечается с постфиксом *się* и в ином акциональном значении, а именно как финально-комплетивный (ср. *Ostatka sie doczcić mozesz* у М. Рея, *Doczdziesz sie WM tego* у Л. Гурницкого [SR]). Современное соответствие др.-польск. *doczyść* *doczytać* совмещает в своем значении семы лимитивности и финитивности.

3. Глаголы движения.

В глаголах движения значение пространственного предела конкретизировано в виде семы 'до определенного пункта', которая в некоторых глаголах эксплицитно представлена в интерпретирующей части словарной статьи. Например: *dochodzić₂₍₄₎* 'docierać do pewnego punktu' «достигать определенного пункта».

С учетом деления директивных пространственных значений на адлативные, аблативные и перлативные [Weinsberg 1973, Krupianka 1979] акциональное значение глаголов движения с префиксом *do-* можно было бы назвать адлативно-лимитивным (ср. термин локально-терминативный у С. Слоньского). На адлативный характер, то есть направленность действия к пространственному ориентиру — локализатору, указывают в ряде случаев латинские приставочные соответствия с префиксом *ad-* или бесприставочные глаголы с предлогом *ad* (ср. *dowieść* — *adducere*; др.-чешск. *dopadly rokly* — *pervenerunt ad pavimentum* [Pror. Dan. 6, 24. SG, D. I, s. 299]).

Примеры.

А. Глаголы прямого объекта.

1) *dowieść*: *Mathkę smętną do Iervzałem dowiedziono* [ca 1500; SSt, T. II, z. 3(9), s. 169].

2) *doprowadzić*: *Poyda s toba y doprowadza dzie az do przeczney vlicze assectabor te ac deducam usque ad divorticulum* [XV; SSt, T. II, z. 8(8), s. 137].

Б. Остальные глаголы.

1) *dojć* // *dojść*: *iz chego gim doych nepamętaię* [KŚw., K II. Vrt. s. 11]; *bo chego iemu bilo doych nera* [miętał] [Ibid.]. Ср. вторичный имперфектив от *dojść* *dochodzić*₂₍₄₎: *Equitavimus... limitare granicies et villas... sub istis limitibus, signis et scopulis..., qui fuerunt ab istis villis ab antiquo limitati post Colomiam, que vadit a Belenicze usque ad fluvium..., non advadendo al. nye dochodzqncz Geszonowiecz ad viam* [(1444) XVI AGZ V 130. SSt, T. II, z. 2(8), s. 105–106].

2) *dojechać* // *dojachać* // *dojać*: *Jakom ya przyszechethwszy w dom kxandza pyssarzow gwalthem nye groszylem mv... anym mowyl gemv szlych y nyevczczyvych szlow... rzekqcz: By thako szeszlywye doyal do domv twego! abych ya byl thobye thako w mlodych leczech, szbawylbych czą gardla thwego!* [1470. Zap. Warsz. N 3007, SSt, T. II, z. 2(8), s. 109].

Значение ‘границы, предела’ формирует специальное лексическое значение ЛСВ ‘установить границы, объезжая их, agri terminos ponere obequitando’: *Granicies limitare et adequittare al dogyechacz* [1486 Lub. Podk. 103, SSt., T. II, z. 2(8), s. 109].

В глаголах, возможных с субъектом в N₁, замена формы его выражения на N₃ свидетельствует об изменении модуса высказывания: появлении модальных значений долженствования, возможности и т. д. Ср. *czego im dojść, nie pamiętają* «куда им [должно / следует / надо] пойти, они, не помнят». ИмPLICITный показатель модальности становится явным в пропозиционально тождественной парафразе «куда они должны пойти, они не помнят».

Однако во многих случаях в глаголах движения с префиксом *do-* представлено только адлативное значение или его подвиды, в частности, значение, предусматривающее пересечение границы локализатора и проникновение внутрь него. В последнем случае глаголы с префиксом *do-* становятся синонимами однокоренных глаголов с приставкой *przy-* (а при частом смешении в древнепольском префиксов *przy-* и *prze-* также и глаголов с *prze-*). При этом предлогу **do**, вводящему форму локализатора, могут соответствовать лат. **ad** и **in**.

В ряде контекстов в связи с возможностью передачи предлогом *do* в западнославянском ареале не только ограничительного пространственного значения (ср. русск. *до-*), но и направления «внутри» трудно определить, представлено ли здесь адлативно-лимитативное значение или адлативно-интерное. В какой-то степени лат. *in*, соответствующее *do*, может помочь в установлении значения интерности. Ср.: *Kyedy do Egiptu dovyedyyon* (Jezus),

tedy byl v jednom roce (dum in Aegyptum ductus est, unius fuit anni Jesus) [Rozm. 80. SSt., T. II, z. 3(9), s. 169].

При соответствии же до латинскому ad трудно сказать, представлено ли в контексте значение лимитивности. Ср.: 1) Rzekl gest (Jakub) ku Iosephowy: Pan bwdze z wamy a *dowyedze-cz* wasz *do* szemye oczcow mich (reducetque vos *ad* terram patrum vestrorum) [BZ Gen. 48, 21]; 2) Wyelyky gesz, panye..., bo ti byczugesz y vzdrawyas, martwys y ziwysz, *dowyedzes do* pyeklow y viwyedzes (deducis *ad* inferos et reducis) [BZ Tob. 13, 2. SSt., T. II, z. 3(9), s. 169]. Еще в большей степени проявляется адлативное и адлативно-интерное значение при введении локализатора действия предлогами **k(u)** и **na**.

Например, для глагола прямого объекта *dowieść* представлено не только значение ‘doprowadzić’, но и ‘zaprowadzić’ (= deducere, perducere «куда-либо ввести, завести, отвести»), экзemplифицированное всеми тремя предложно-падежными конструкциями, репрезентирующими пространственный ориентир:

а) $\overline{V \rightarrow do N_2}$: Podzy, dvszo..., poveda [= powiodę] *cze do* *krolestve nebeskego, *do* ktorego *krolestwa dovedze* nas ocec z bog [Skarga Wroc. w. 79. SSt., T. II, z. 3(9), s. 169].

б) $\overline{V \rightarrow k(u) N_3}$: Bwdzeszly mocz *dowyesch* sina mego *ku Gabelowy do* Rages (numquid poteris perducere filium meum ad Gabelum in Rages) [BZ Tob. 5, 14. SSt., T. II, z. 3(9), s. 169].

в) $\overline{V \rightarrow na N_4}$: Wipusci swatloscz twoiш y prawdiш twoiш, *cze* [cie] iesta me przewedle y *dowedle na goru* swiшш twoiш (ipsa me deduxerunt et adduxerunt in montem sanctum tuum) Fl. 42, 3; Przeto przyiay my, dzewce twey, ...a iacz prziszedzi zwyastuiш tobye, tak ysze ia *dowyodu* cyш *na poszrzod* Ierusalem (ita ut ego adducam te per mediam Jerusalem) [BZ Judith. 11, 15. SSt., T. II, z. 3(9), s. 170].

Значение адлативности «проступает» и в специальном значении SV *dowiedz(i)enie*₃₍₄₎ ‘занятие, связанное с доставкой скота на фольварк князя’, экзemplифицированном примером одной глоссы: Katherina... cum... Iohanne... habent terminum ob arrestacionem al. z *dowy(e)dzenyem* duorum boum et Katherina docere debet per ministerialem prefatum terminum [1498 AGZ XVI 287, SSt., T. II, z. 3(9), s. 168]. Остальные три ЛСВ отглагольного существительного соотносятся со значением *dowieść* ‘доказать’ (см. ниже).

Предлоги **k(u)** и **na** могут вводить и другие глаголы движения. Например, глагол *dojć* // *dojść*:

1) $\overline{V \rightarrow k(u) N_3}$: Wspitay syш *na to*, kakobi *k nyemv doyducz* wzшл ot nyego to srebro (perquire, quo modo *ad eum pervenias* et recepias ab eo... pondus argenti) [BZ Tob., 4, 22].

2) $\overline{V \rightarrow na N_4}$: Bo szedzy s Raphyndym a *doszedwszy* alysz *na puszczyuuu* Synay (nam profecti de Raphidim et *pervenientes* usque *in desertum Sinai*), stany roszybyly szш *na tem myeszczye* [BZ, Exod., 19, 2. SSt., T. II, z. 2(8), s. 110].

Для некоторых глаголов движения в SSt выделяется только адлативно-интерное значение. Например, для транзитивных глаголов-синонимов *dopędzić* ‘zagnać, zapędzić, depellere’ и *dognać* ‘zagnać, odstawić, agere, depellere’ «загнать» (кого-либо куда-либо).

dopędzić: Czirzpyączy skoda... zayuthra do nablyszego dworv grotstwa... bidlo przerzeczone yma *dopędzicz* (in crastino ad proximiorem curiam castellaniam depellere teneatur... pecora praedicta) [Kod. Sul. 40. SSt., T. II, z. 2(87), s. 135]. SV *dopędzenie* ‘zagnanie, zapędzenie, depellere (sensu subst.)’.

dognać: Cząsza wszaþha do dwora castellanowego... slvsznye moze *bycz dognana* (pignora recepta... licite pelli possunt) [Kod. Sul. 56. SSt., T. II, z. 2(8), s. 108].

Образцами для развития таких значений послужили, вероятно, частотные в древнепольском глаголы со связанной основой *domieścić, dostąpić*. Ср. *domieścić* отмечается уже в первом польском памятнике «Свентокшиские проповеди» и в древнейшей песне-гимне «Богородица»: *abi na(s) p(re)sti dary cr(olestua) neb(e)skego domescily* [KŚw. K. V, Vrt., s. 14]; *Adame, thi bozi kmeczv, thi syedzysz wboğa weczw, domeszczisz thwe dzeci, gdziesz krolwya angely*. [Bogur. Vrt., s. 164].

О выделении на первый план значения адлативности или адлативной интерности в ряде глаголов движения с префиксом *do-* свидетельствует употребление в качестве синонимов к ним однокоренных с префиксами адлативности *przy-* / *prze-* и интерности *w-* (реже). Ср. следующие идентичные контексты: *Vogewoda tego tho sbyega na granycze przespyszcznye na swem gleycze ma dowyecz* [Kod. Sul. 60] и *wogewoda tego zbiega gleytowacz swą moczą y przewiesz asz na granycze zemye* [Kod. Dział. 61. SSt., T. II, z. 3(9), s. 170]. (*palatinus eundem profugum ad metas terrae suae conducere teneatur*); *Tesz sya davam vynyen deo omnipotenti... yszem... vmarlego do grobv nye doprowadzyl* [Spow. 3, 6] и *prziprowadzyl* [Spow. 2. SSt., T. II, z. 2(8), s. 137]; *Bog vmarza y ozywya, dowodzy do pyekla y wywodzy* [Puł. Ann. 9] и *wwodzy* [Fl.] (*deducit ad inferos et reducit* I Reg. 2, 67) [SSt., T. II, z. 3(9), s. 172].

Пространственный предел при глаголах движения, кроме именных форм в N_2 с предлогом *do*, может вводиться беспредложной формой N_2 , которая, как и конструкция *do N_2*, в ряде случаев обозначает лишь пространственный ориентир (локализатор), к которому или внутрь которого направлено действие (адлативное или адлативно-интерное значение). Ср.: *Dany «są święci angieli w towa»ristuo uecnego croleuana, izbihom gih touaristua v nebeskego croleustua «dostąpili, czeg»oz nas douedy bog usemogęy* [KŚw. av 17. SSt., T. II, z. 3(9), s. 169].

Таким образом, в древнепольском языке представлены разнообразные синтаксические формы репрезентации пространственного ориентира для действия, выраженного глаголом движения: $V \rightarrow N_2$, $V \rightarrow do N_2$, $V \rightarrow k(u) N_3$, $V \rightarrow na N_4$. При этом лимитивность обнаруживается (хотя и не

всегда) только в конструкциях $V \rightarrow N_2$ и $V \rightarrow do N_2$. В остальных случаях (а порой и в конструкциях $V \rightarrow N_2$ и $V \rightarrow do N_2$) мы имеем дело с адлативным пространственным значением или адлативно-интерным подтипом этого значения. Все указанные синтаксические типы репрезентации пространственного ориентира при преобладании конструкции $V \rightarrow N_2$ отмечены С. Слоньским и для старославянского **do-iti**, мотивированного базовым глаголом движения [Słoński 1937].

Обращает на себя внимание отличие в лексической репрезентации N в $V \rightarrow N_2$, $V \rightarrow do N_2$, $V \rightarrow na N_4$ и $V \rightarrow k(u) N_3$. В первых трех случаях N представлено главным образом существительными, обозначающими определенное место (Sub_{loc}), среди которых выделяется проприальный класс топонимов (ср. *dom, ziemia, piekło, krolewstwo, dwór, kościół, Egipt, puszcza Synaj, Ieruzalem, Geszonowice* в вышеприведенных контекстах), а также субститутом Sub_{loc} (*Pron co, Adv_{loc} tam*: ср. *Nye placzi, zdrow tam doydze sin nasz* [BZ Tob. 5, 26]; *sina twego tam zdrowego dowyodu* [Ibid. 5, 20]). Ориентир же, вводимый $k(u) N_3$, лексически представлен либо Sub_{pers} , включая антропонимы (ср. *Gabel*), и их субститутом (*Pron_{pers} = on* и др.), либо Sub_{abstr} (*żywot, spokojność*, примеры см. ниже). Sub_{pers} и *Pron_{pers}*, замещающие Sub_{pers} , являются при этом не только показателями направления действия, но одновременно адресатами этого действия, поскольку глагол движения в случае направления действия к лицу предполагает в виде цели определенный набор действий, направленных на это лицо (ср. *дойти, прийти к кому-либо с целью поговорить, сообщить что-либо* и т. д.). Ср. совпадение формы выражения адресата действия в данном случае и в типичных глаголах с семой 'давание', к которым относятся *verba dicendi*: *rzecze ku niemu*. С другой стороны, изредка встречающиеся в древнепольских памятниках соответствия лат. **ad te** как **tobie** при глаголах движения свидетельствуют также о восприятии польскими переводчиками таких конструкций как «адресативных». Например: *Iacz gy dowyodsh a zasysz zdrowego tobye prziwyodu — ego ducam et reducam eum ad te* [BZ Tob. 5, 15. SSt., Т. II, з. 3(9), s. 169]. Возможно указание на два ориентира, один из которых, выраженный Sub_{pers} (и совмещающий ввиду этого значение ориентира со значением «адресата»), располагается во втором, представленном Sub_{loc} ($V \rightarrow (1) Sub_{pers} (2) Sub_{loc}$): *Wszdzieszly mocz dowyescz sina mego ku Gabelowu do Rages* [BZ Top. 5, 14].

Иначе обстоит дело при $N = Sub_{abstr}$. Приведем примеры на употребление транзитивного глагола *dowieść* и его вторичного имперфектива *dowodzić*: *K themu żywothu naas dowyedz oczecz, ssyn, duch szwyathy* [XV med. SSt., Т. II, s. 169]; *A yaco mylossyerdze dowodzi ku spocoynosczi, tako teze spocoynoscz ku rozumu* [XV med. SSt., Т. II, з. 3(9), s. 172]. Единичный пример с $N = Sub_{abstr}$ отмечен также в конструкции $V \rightarrow do N_2$: *Yesu Criste..., yuz proszmy wschythczy, aby nam odpuszczyl nasche vynu, a nasz dowyodl do wyeczney szwey mylosczy* [Naw., 96. SSt., Т. II, з. 3(9), s. 169].

В вышеприведенных примерах с $N = \text{Sub}_{\text{abstr}}$ глагол утрачивает свое непосредственное значение глагола движения и приобретает сему 'давания' в качестве объекта того, что обозначено абстрактным существительным. Лицо же, на которое направлено данное действие, становится «получателем» данного объекта, оно «приобретает» его, «достигает» состояния обладания им. Ср.: он (Иисус) *приведет* нас

к этой жизни, к вечной любви, к спокойствию, то есть он *даст* нам эту жизнь, вечную любовь, спокойствие, то есть мы *получим* (*достигнем*) любовь, спокойствие и т. д.

Таким образом, заполнение первоначальной позиции пространственно-го предела (ориентира действия) лексикой, не связанной со значением места, изменяет семантику синтаксической формы или конструкции и тем самым модифицирует значение глагольного компонента ситуации, способствует появлению переносных значений у глагола движения.

При глаголах движения зафиксированы также другие обстоятельственные компоненты глагольной ситуации, кроме указания на пространственный предел (чаще ориентир), к которому направлено действие. Это факультативные показатели места (а) и способа (б) свершения действия. Ср. примеры:

а) (1) $\boxed{V \rightarrow N_5 (N = \text{Sub}_{\text{loc}})}$ *dowyodu* суш *zasyш* тш *drogu*, *imszesz* *priszedeł* (*reducam te in viam, per quam venisti*) [BZ IV Reg. 19, 28. SSt., Т. II, z. 3(9), s. 170].

(2) $\boxed{V \rightarrow \text{na } N_6 (N = \text{Sub}_{\text{loc}})}$. Возможны различные субституты Sub_{loc} . Например, слова, называющие части целого денотата, эксплицитно не выраженного в тексте Sub_{loc} . Ср. *dochowal* *na swej części*, *dochowal* *macierze na części* (земли, полученной в результате раздела) — полные контексты приводились выше.

(б) $\boxed{V \rightarrow \text{przez } N_4 (N = \text{Sub}_{\text{anim}})}$: *Angyol bozi... bszdz s wamy, na drodze waszey a dowyiedz was przez przekazi do domv* (*perducateque vos incolumes*) [BZ Tob. 10, 11. SSt., Т. II, z. 3(9), s. 169].

В вышеприведенных примерах, несмотря на то, что в польском языке (в том числе и древнепольского периода), как и в других славянских языках, «переход от пространственного значения к орудийному представляется... как постепенный» [Муравенко 1990, с. 3], а синтаксическая форма N_5 является типичной формой значения средства / орудия действия, удается все же вполне однозначно квалифицировать тип значений. Так, первый пример относится к пространственной характеристике, а не к выражению способа / средства действия благодаря «локативной» семантике существительного, что проверяется возможностью замены его предложно-падежной конструкцией *po drodze* «по дороге» (ср. латинское соответствие *in viam*). Во втором случае б) (*przez przekazy* «сквозь, через преграды»), казалось бы, представлено «перлативное» значение ('прохождение сквозь пространственный ориентир', лат. *per*), однако семантика существительного указывает, что мы

имеем здесь дело не с пространственным значением, а со значением способа осуществления действия ('миня преграды, преодолевая преграды'). Латинское текстуальное соответствие *incolumes* «невредимые», «целые» дополнительно указывает на качественную характеристику действия.

При транзитивных глаголах прямой объект выражен N_4 ($N_4 \rightarrow N_2$ при $N = \text{Sub}_{\text{pers masc}}$). Примеры модели $V \rightarrow \boxed{N_4} (N \mp \text{Pron}_{\text{pers}}, \text{Sub}_{\text{pers}})$ для глагола *dowieść*: *Iacz gy dowyodu*. [BZ Tob. 5, 15]; *Iacyem, gen sina twego tam... dowyodu*. [Ibid. 5, 20]; *On myu tam dowyodl*. [Ibid. 12, 3]; *Tedy poczaly ...nogy czalovac [Marii]. y dovyedly ya wshyczy kaplany y wshytek lyvd... z radosczy a z vyelykyem veselym [Rozm. 61]; nas douedy bog usemogшы [KSw. av 17]; Mathkę smętną do Ieruzalem dowiedziono [ca 1500. SSt., T. II, z. 3(9), s. 169].*

Для некоторых глаголов движения с приставкой **do-** отмечено противоположное значению адлативности значение аблативности (то есть 'удаление от пространственного ориентира'). Большинство таких примеров в SSt помечено как *corruptum* («ошибочное») или сомнительное (знак ?). Например, глаголу *dochylic się* 'odstąpić od czegoś, decedere, declinare' «отступить от чего-либо» («*corruptum pro odchylic się*»), представленному следующим отрывком из «Флорианской псалтыри»: *Physzny lycho czynily sш asz do koncza, ale ya od zakona twego ne dochylyl gesm su* (a lege autem tua non declinavi 118, 51), в «Пулавской псалтыри» соответствует *odchilil yesm szye* [SSt., T. II, z. 2(8), s. 107]. Ср. также ЛСВ₃ глагола *dojechać / dojachać / dojać* 'udać się, wycisnąć, proficisci' (под знаком ?), представленный в глоссе: *Doyachacz proficisci* [ca 1428. PF I 493. SSt., T. II, z. 2(8), s. 109].

Следует сказать, что подобные метатезы префиксов *do-* отмечаются и в других типах префиксальных глаголов с *do-*. Особенно часто это явление встречается во всех значениях глагола *dowieść* (включая специальное юридическое значение — см. ниже). Ср. в «Пулавской псалтыри» в значении глагола движения: *Gospodzyn dowyodl mye na chodnyku sprawyedlnoszczy prze umę swoge* (23, 3), а в соответствующем месте «Флорианской псалтыри» находим: *odwodl me po stdzach sprawyedlnosci*.

В изолированном глаголе *dosiec* 'przebić, przeciąć' (*transigere, caedere*) «пробить, прорезать» представлено перлативное пространственное значение: *Dozekwsy tlustoszczy transacta pinguedine* [XV med; SSt., T. II, z. 2(8), s. 142].

2.2. Глаголы лимитивного СГД в древнечешском языке. В древнечешском языке представлены те же классы лимитивов, что и в древнепольском: терминативы и глаголы с пространственным характером предела (в том числе так называемые глаголы движения). Для терминативов характерно совмещение в семантическом потенциале производного глагола сем финитивности и терминативности, конкретная реализация которых обусловлена контекстом, в частности, в случае актуализации значения терминативно-

сти выраженностью внешнего временного предела. Ср.: *dostáti* ‘bis zu Ende, bis zur gehörigen Zeit stehen’ «стоять до конца, до определенного времени». Близок и лексический состав каждой из названных двух групп. Например, объектный терминатив *dochovati* ‘*uchovati do jisté doby*’ или объектный собственно лимитив *dočísti* ‘*čtením kam dospěti*’.

Примеры контекстов:

1. Терминативы.

1.1. Глаголы состояния

dostáti: *ovoce, nedořogi-li svého času* Štít Op. 230; *ktož dořogi do požehnanie* u svaté mše, ten má od pustkuov tak mnoho Chelč P. [SG, SD I., s. 308].

1.2. Транзитивы (глаголы действия)

dochovati: *Nesnadno jest dřevu, kteréž blízko u cesty stojí, krásného ovoce, až by dožrálo, dochovati*. [Kruml. 279^a]; *když dochova do žní* tak velikú zbroji (lidí) [Otc. 474^a]; *Ječmen má pana Alše a paní Elšku smrti dochovati* (1494) [SG., D. I., s. 283].

Временной предел могут репрезентировать, как следует из вышеприведенных контекстов, не только темпоральные существительные (*požehnanie*, *smrt*, *žně*, собственно темпоральные: *čas*), но и целые придаточные предложения со значением времени (*až by dožrálo*). Временной детерминант представлен либо предложно-падежной конструкцией *do* N₂ (*do žní*, *do požehnanie*), либо выражен беспредложной формой N₂ (*smrti*, *času*).

Облигаторный объект при объектных глаголах стоит в N₄ или N₂. Обе формы могут употребляться подчас с одним и тем же глаголом. Ср. в вышеприведенном примере:

krásného ovoce... dochovati и *paní Elšku... dochovati*. Ср. также: *Kto by dochoval tvú starost* [Ol. Ruth 4, 15 SG, D. I., s. 283]. При N = Sub_{masc pers} N₄ = N₂ (*pana Alše... dochovati*).

Употребление N₃ в функции субъекта при префиксальном глаголе, который возможен с субъектным N₁, как и в польском языке, может сигнализировать о присутствии модально-оценочных значений в высказывании (ср.: *Nesnadno jest dřevu... dochovati*).

2. Собственно лимитивы.

dočísti: *v tu hodinu kázala před sobú pašiji o božiem umučení čísti*, a *když toho slova doczytu*: “*Otče, v tvoji rucě poručěji duch můj!*” *tak inhed sv. Marta duší pustila* [Pass. 381 SG, D. I., s. 281].

Как и в древнепольских глаголах, в данном чешском глаголе, по всей видимости, содержатся семы и лимитивности, и финитивности. При совпадении форм выражения прямого объекта и пространственного ориентира (беспредложный N₂) трудно определить, с каким значением мы имеем дело

в контексте. Так, вышеприведенный пример возможно интерпретировать не только как «дочитать до этого слова», но и как «дочитать эти слова». Ср.: однозначно финитивное значение представлено в следующем контексте: *On thěrsiechzi [té řěči — N₂] malědotchze, an ho inhed mechzem protchze* [Jíd. Por., s. 38].

3. Глаголы движения.

В древнечешских глаголах движения, среди которых есть не имеющие прямого объекта (типа *dojítí*) и транзитивные (типа *doněsti*, *dopuditi*), как и в древнепольском, представлен пространственный ориентир (предел действия), который обычно выражен беспредложным N₂ (ср. ту же частотность этой формы в старославянском), а также возможен в качестве репрезентанта конструкции *do* N₂. Варианты $V \rightarrow N_2$ и $V \rightarrow do N_2$ могут быть представлены для одной и той же глагольной лексемы (ср. ниже глагол *doprovoditi*).

Приведем примеры контекстов с указанными моделями глагольных ситуаций:

$V \rightarrow N_2$

dojeti: *Pany po konyu pogyedu, az Byelyny rzyeky dogiedu.* [Dal. Por., s. 61].

dojiti: *Potom Borzywoy ſwyeta ſnyde a <ſ> knyeczſtwa kralowſtwyе wyeczneho dogyde* [Ibid., s. 70].

doprovoditi: *Kterůž [Marii] doprowodila ſem domow* [reportavi domum] [Sekv. E. 16^b SG, D. I., s. 301].

$V \rightarrow do N_2$

doprovoditi: *Nebud léň, do třetie <ho> dne zde býti, až mě do rovu doprowodie tuto t' mú sukni tobě dadie* [Hrad. 19^a. SG, D. I., s. 300–301].

Как правило, N = Sub_{loc} (ср. *království*, *rov*) или выражено существительным, обозначающим важный в топографическом отношении объект / ориентир на местности (ср. *Vělina řeka*). Возможны и субституты указанных типов субстантивов (например, Adv_{loc} *tam*: *Dobyeňny tam*, *Rubine* [Mastičk. Por., s. 81]; *Iaz tie tam doneſſu* [Hrad. ruk., Por., s. 98].

Подобно древнепольскому, в древнечешском языке при N = Sub_{abstr} (например, *stav* «состояние», *radost* «радость», *tesknot* «тоска, тоскливость») у глаголов движения утрачивается пространственное значение и развивается переносное (в данном случае значение достижения, приобретения в качестве свойства того состояния, которое обозначено N). Ср.: *Byt byl doſſel muzſkeho ſawu, mnohy by myel krwawu hlavu* [Dal., Por., s. 65]; *Když tam mezi nye przigidech tepruw teſknoſy dogidech* [Jist. kanc., Por., s. 200]. Ср. также глагол движения *dosáhnouti* / *dosici* в сочетании с N_{abstr} *radost*: *A tak, bydléc w ctně ſwornoſti, Doſěhnete té radoſti, W ňizto bydlé s bohem ſwieti, Nyňié, potom y na wieky* [Porok kor. čes., Por., s. 188].

При $N = \text{Sub}_{\text{орент}}$, которое не может обозначать топографический ориентир, или при выражении N местоименным субститутом такого существительного происходит явление «объективации» субъектного глагола, он приобретает значение получения того, что названо N . Ср.: *neb ſu gich ani po diedicztui doſli, ani kupili, ani vydielali, ani w koſtky vyhrali, gedne acz by druzi, kupugice obroky v papeze aneb v ginych, tak gich doſli* [Hus. Ned. Post., Por., s. 176].

В древнечешском языке отмечается употребление глагола *dojíti* как безличного (в 3 л. ед. ч.): *Acz ty ſye gym kdy podeyde, wſſakoz czaſſa toho doyde, ze wnuk pomſty ſwego dyeda u gyeho wraham na pokogy bude byeda* [Dal., Por., s. 63].

Как и в древнепольском, при глаголах движения в древнечешском языке также представлено указание на адресат действия, который может быть выражен конструкцией *ku N₃*. О совмещении в этом случае значений ориентира и адресата действия свидетельствует следующий контекст, где эксплицируется «суппозлируемая» глаголом *dojíti* (при употреблении его с ориентиром — лицом) цель действия, названного данным глаголом: *Dobuehny tam, Rubine, k nym a czyeſtu ukaz ke mnye gym* [Mastič., Por., s. 81]. Следует отметить отличие в этом отношении первого чисто пространственного ориентира *tam* и второго «адресативного» *k nim*.

В качестве факультативных обстоятельственных распространителей глагольной ситуации, формируемой ядерным глаголом движения, отмечаются в текстах: указание на начальный пространственный ориентир перемещения, который выражен конструкцией *z N₂* ($N = \text{Sub}_{\text{loc}}$ и его субституты) — ср. *(ſ) knyvezſtwa... dogyde*; обстоятельственный компонент со значением условия действия, выраженный предложно-падежной конструкцией *po N₆* (ср. пример с переносным значением глагола *dojíti*: *po diedicztui doſli*) и др.

Прямой объект при транзитивных глаголах движения (облигаторный и потенциальный) находится (или предполагается в случае его опущения) в N_4 ($N = \text{Pron}_{\text{pers}}$, при $N = \text{Sub}_{\text{masc pers}}$ или его субституте $\text{Pron}_{\text{pers}} N_4 \rightarrow N_2$). *Przywazawſy czban k uoczaſſu, weczye: “Iaz tie tam doneſſu”*. [Hrad. ruk., Por., s. 98]; *Y kto ho tam tak brzi doneſl*. [Hus. Ned. Post., Por., s. 179]; *až mě do rovu doprovodie* (полный контекст см. выше).

2.3. Глаголы лимитивного СГД в древнерусском и старорусском языках. В древнерусском и старорусском языках также представлены терминативы и собственно лимитивы. При этом выделяются терминативы с прямым объектом (например, *додържати, досудити, допитати*) и не имеющие прямого объекта (ср. *дожити, досидѣти, добыти*₃₍₄₎ и *доити*₃₍₄₎ в значении ‘дожить’).

О совмещении в одном глаголе значений лимитивности и финитивности свидетельствуют такие интерпретации префиксальных с *до-*, как: *досу-*

доити ‘довести судопроизводство *до конца* или *до какого-либо времени*’, досудитися ‘довести тяжбу *до конца* или *до какого-либо момента, предела*’, *добыти*₃₍₄₎ ‘*дожить, закончить* пребывание’, *домежевати* ‘довести межевание *до конца* или *до какого-либо предела*’ (характер предела в данной лексеме не проясняется ни в толковании, ни в контексте) и др.

В семантическом потенциале одного глагола возможно наличие комбинации лимитивности с другими акциональными семами. Например, семы терминативности и результативности длительного действия представлены в др.-русск. *достояти*₁₍₂₎ ‘стоять (достоять) до определенного предела, срока или до каких-либо последствий; достояться до чего-либо’. Ср. примеры контекстов с терминативами:

А) Производные от глаголов состояния (кроме *доити*₃₍₄₎)

достояти: Яже капища *донынѣ* *достоятъ*. [Хрон. И. Малалы, VI, 12. XV в. Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 339].

*добыти*₃₍₄₎: Не *вѣдѣ* бо *добудевѣ* ли *утрѣшняго дѣне*. [Ж. Нифонта, 269. 1219 г. Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 272].

*доити*₃₍₄₎: да и мы радостно бра(т)Б чающе *доити* *сего дѣни*. да потщимъ^а добрыми дѣлы. просвѣтити светильники своА Пр. Л. XIII бв; а не *вѣдѣи доиде(те)* ли *оутренѣго дѣне* [Пр. Юр. XIV, 40б]; *яко же начасте ѡ(т) перваго дѣни* поститис^а. тако и до *воскр(с)ньи* г(с)н^а *доидѣте* [Сб. Тр. к XIV, 17 об. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 36].

Одно акциональное значение может быть репрезентировано в разных ЛСВ. Так, для *дожити* терминативное значение представлено и для основного ЛСВ, и для специального ‘прожить в холопах, отрабатывая долг, до *определенного срока*’. Оба значения экземплифицированы в Сл. РЯ XI–XVII вв. поздними примерами (XVI–XVII вв.).

Сема терминативности может стать базовой при формировании фразеологически связанного значения. Так произошло при формировании фразеологизма *достояти свой урок* — отработать условленный срок [Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 339].

Совпадающий по форме с др.-польск. *dosiedzieć* древнерусский глагол *досѣдѣти* интерпретируется в исторических словарях русского языка как совмещающий значения финально-комплетивное и эффективно-результативное: ‘добиться чего-либо ожиданием, высидеть’ (Сл. ДЯ XI–XIV вв.), ‘досидеть до конца или до какого-либо результата’ (Сл. РЯ XI–XVII вв.). В обоих словарях глагол проиллюстрирован одним и тем же примером из Лаврентьевской летописи: И стоя Ольга лѣто (и) не можаше взяти града и... посла ко граду, гл}щи: Что хочете *досѣдѣти*? А вси гради ваши предашася мнѣ [Лавр. лет., 58 Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 328]. Вторичный имперфектив к этому глаголу отмечает-

ся с XV в.: А христианом по сей грамоте свои урочные лета велел *досеживать*. [Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 328].

Терминативное значение (наряду с финально-комплетивным) выделяется для варианта с корневым *и* (*досидѣти*) и экземплифицировано в Сл. РЯ XI–XVII вв. поздними примерами (XVI и XVII вв.) Ср. *досидѣти* ‘просидеть до конца, пробыть до какого-либо момента, времени’. Ср. также пример контекста с временным ограничителем: А какъ таможенные и кабацкие головы и цѣловальники *годъ по Семень день досидятъ... тѣхъ головъ... присылатъ ко государю къ Москвѣ*. [ДАИ III, 84 1647 г. Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 329].

Б) Производные от глаголов действия

допитати: Аще кто оставляет своя чада и не *допитает* их *свершена возраста...* да будет проклят. [Корм. Балаш., 64 XVI в. Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 318].

Лексемы *допитати*, *дожити* являются лексическими соответствиями западнославянских терминативов с корнями *show-*, *bydl-* (последнее отмечается наряду с образованием от корня *žu-* / *žuv-*).

В качестве репрезентанта временного предела употребляются темпоральные существительные (чаще всего собственно темпоральные) в N₂ или в составе предложно-падежной конструкции до N₂, а также Adv_{tempor.} Ср.: *дождать свѣта* (т. е. до рассвета), *добудѣвъ утрѣшняго дне*, *дойти сего дни*, *доиде* (те) *ли оутреняго дне*, *донынѣ* *достоятъ* в вышеприведенных контекстах. Примеры модели глагольной ситуации V до N₂:

дожити: ЛСВ ‘дожить’: Егда же *дожили до четвертыя суботы* [во время поста], старецъ и дьяконъ *взалкали* [Пустоз. сб. 20. XVII в. Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 286].

*доити*₃₍₄₎: до *воскр(с)нья г } (с)нѣ доидѣте* (полный контекст см. выше).

Как и в других типах префиксальных с *до-*, широко представлены контексты с отрицанием. Ср.: относительно поздние контексты для специального значения *дожити* ‘прожить в холопах, отработывая долг, до *определенного срока*’ зафиксированы в Сл. РЯ XI–XVII вв. только с отрицанием: А не станомъ мы пахати тое земли, *до строчныхъ годовъ не доживемъ...* и но насъ три рубла. [АХУ III (Лудом.), 85. 1581 г.]; А буде я Михайло *тѣхъ урочныхъ трехъ лѣтъ* у нихъ работать не стану, или *не доживъ года и полугода* и *мѣсяца* и *недѣли* съ двора сойду...

и имъ *хозяевамъ* взять на *мнѣ* Михайлѣ за прокормъ и за платье дватцетъ *рублевъ*. [АЮБ II, 515. 1687 г. Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 286].

Изменение формы временного ограничителя может свидетельствовать и о ином акциональном оттенке. Так, словосочетание «годъ по Семень день» позво-

ляет усмотреть в терминативно-комплетивном глаголе *досидѣти* оттенок пердуративности («годъ по Семень день досидятъ», полный контекст см. выше).

Среди собственно лимитивов особо выделяются, как и в других сопоставляемых славянских языках, глаголы движения. Ср. в Сл. ДЯ XI–XIV вв.: *довезти*, *довести*₁₍₂₎ ‘доставить, сопроводить, привести куда-либо’ (и вторичный имперфектив *доводити*), *догънати*₁₍₂₎ ‘дойти до чего-либо, достигнуть чего-либо’, (вторичный имперфектив *доганати*), *долѣзти* ‘добраться, дойти куда-либо’, *довлеци* ‘дотащить’, *дохати* ‘доехать до какого-либо места, достигчь чего-либо’, *допловити* / *доплыти*, *дотечи* / *дотечици* ‘добраться, дойти’ и др. Ср. употребление приведенных и подобных глаголов в контексте:

А) Глаголы движения с прямым объектом

*довести*₁₍₂₎; и *доведе* и Володимеръ. *до воротъ монастырѣ* [ЛЛ 1377, 105 об. (1147)]; *оуноша же... поклонисѣ емоу до землѣ молѣсѣ дабы (его) довелъ до манастырѣ* того [Сб. Тр. к. XIV, 204 Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 27].

Б) Прочие глаголы движения

*доити*₁₍₄₎; *по семь начъне(т) кади(т) оужьныѣ страны. и ѡгда доиде(т) сѣхъ дверьць. стоить вьнѣ ожидаѣ* [УСт XII / XIII, 249]; *Аще сѣ болень покажъ, велить безъ ризы капатисѣ. аще не можетъ до ир(к)ви доити* [КН 1280, 535 в. Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 35].

Как в древнепольском и древнечешском языках, в древнерусских глаголах движения с префиксом *до-* представлено чрезвычайное разнообразие форм выражения пространственного ориентира (предела) действия. Кроме отмеченных в древнепольском N₂, *do* N₂, *k(u)* N₃, на N₄, широко распространена также предложно-падежная конструкция в N₄. При этом, подобно языкам, сопоставляемым с древнерусским, часто отсутствует значение предела, а репрезентировано только адлативное или адлативно-интерное значение. Последнее особенно явно представлено

в моделях глагольной ситуации $V \rightarrow$ в N₄ и $V \rightarrow$ на N₄, а также при выражении ориентира Adv_{loc} (тамо) или придаточным со значением места. При этом адлативно-интерное значение представлено и в контексте, и в толковании лексем. Ср. др.-русск.: *довести*₁₍₂₎ ‘доставить, привести куда-либо’, *доити*₁₍₄₎ ‘дойти, прийти куда-либо’ (Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III). Примеры моделей глагольных ситуаций с ядерными глаголами движения:

А) Глаголы прямого объекта

*довести*₁₍₂₎:

$V \rightarrow N_2$: *поустыню проведе... и землѣ ѡбѣтныѣ доведе*, а рекоу раискыѣ пажити. [ПКП 1406, 100 б-в]; *ѡ(т) сторожии же его. бѣста емоу два во пригазнь. таже и доведоста землѣ Немѣчкыѣ*. [ЛИ ок. 1425, 231 (1190) Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 27].

$V \rightarrow \text{до } N_1$: и *пога* попа... и *доведоша до мѣста* кѣде сѣчахомъ [Чуд. Н. XII, 72в]; і лва · ѿ · предасть ны *довести до темны(х) мѣсть* [Сб. Паис. XIV / XV, 166 об.]; см. также *доведе... до воротъ монастырѧ, довелъ до монастырѧ* в вышеприведенных контекстах [Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 27].

$V \rightarrow \text{в } N_4$: молю вы, *доведете мѧ въ тоу страну* стѣны, идеже старецъ почиваѧ [Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 27].

$V \rightarrow \text{Adv}_{\text{loc}}$: *доведѣте тамо нѣкыѧ*, и просвѣщають ѧ заповѣдью б-иѣю [ГА XIII–XIV, 119а Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 27]. Ср. также пример с придаточным места, репрезентирующим пространственный ориентир: *послаша оубо с нимъ бра(т) довести его. ѧ(к) далече бѣ кѣльѧ* [ПНЧ XIV, 205а. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 27].

Б) Прочие глаголы движения

*доити*₁₍₄₎:

$V \rightarrow N_2$: И *ѧко доидоша иѡр(с)лма*. съкрысѧ [ПНЧ XIV, 161 в.]; і *доидохомъ рѣки* великиѧ зѣло. [Сб. Паис. XIV / XV, 157 об.]; вставше *доидоша вертъна* суца(г) во внутренѣи пустыни. [ЖВИ XIV–XV, 106в]; оканьныи снѣ стополкъ... всѣде на конѧ. и скоро *доиде кыква града*. [Чт. БГ к. XI сп. XIV, 14а]; си слышавъ *фѣофиль ѡскорбѣ* зѣло... мнѣвъ *ѧко* тоу аби || *к* оумреть, не свѣдыи аще *доиде(т) монастырѧ* [ПКП 1406, 180 б-в]; и *доидьдѣ плъскова* разболесѧ [ЛН XIII–XIV, 48 об. (1188)]; *доидоста мѣста* нѣкоѡго. и оузрѣста врата желѣзна [Пр. Л. XIII, 74 г.]. Примеры контекстов с отрицанием: и *не дошедше* трии поприщѣ *монастырѧ* [Пр. XIV (6), 3в.]; и *не доидоуча* паки *града* стага близъ [ЛИ ок. 1425, 122 (1146) Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35].

$V \rightarrow \text{до } N_2$: нълзѣ бѣше *доити до търгоу* сквозѣ городѣ. ни по грѣбли. [ЛН XIII–XIV, 30 об. (1158)]; *ѡ(т)вѣща* носѧи коверѣ. потребу имамъ *доити до торгоу*. [Сб. Тр. к. XIV, 192 об. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35]; ср. также *до ир(к)ви доити* в вышеприведенном контексте. В Сл. ДЯ XI–XIV вв. зафиксирован также единичный пример $V \rightarrow \text{до } N_4$ (?): *ако доидосте до мѣсто ваше* [ПНЧ XIV, 204 г. (Т. III, с. 35)].

$V \rightarrow \text{къ } N_3$: *къ тъмьници доиди*. виждь бѣдѣ ихъ и въздѣхни. [Изб. 1076, 11 об.]: донде же *къ горѣ* болюбныхъ добродѣтелии *доидеши*. нѣ и тогда не раслаби себе [КН 1280, 606 а]; поне же доидохъ к симъ *вратомъ адвѣнымъ* [ФСГ XIV, 218 в. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35].

$V \rightarrow \text{на } N_4$: в поучинѣ *ѡ(т)* ло || *дита* искочившю. и на дѣсцѣ *на землю* без бѣды *доити* мнѧщю [ПНЧ 1296, 117 об.–118]; вѣстужиша людѣ въ градѣ. и рѣша не ли кого иже бы могъ *на ѡну страну доити* [ЛЛ 1377, 19 об. (968)]; аз же и отрочишь *доидевѣ* *на гору*. [Пал. 1406, 70 в Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35].

$V \rightarrow \text{въ } N_4$: тѣхъ вождевъ възискаша. и *ѧша сѧ* твордо *за роуки* ихъ. и *доид<о>ша* въ неразлучимыѧ *кровы*. вышнѧго иерлма. [Изб. 1076,

7 об.]; варьварьскаго ради нахождения. не възможе *доити въ градъ* в немъ же поставленъ бы(с) [КР 1284, 151 б]; *тако* страшень поутникъ, села и грады похода, *доиде въ Иер(с)лмь* [ГА XIII–XIV, 97 б]; Кюриль... *доиде* же в пустыи *храмъ* || обрѣте прп(д)бнаго феолоксена [Пр. Юр. XIV, 9 б-в]; *доидеть в житницу съ оцмь* и обрѣте ю псенице преиспольнену [Пр. 1383, 87 г. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35].

Вариативность формы репрезентации пространственного ориентира может быть представлена в разных территориальных и хронологических списках с одного и того же оригинала.

Ср.: и волею б-жию · ĩ · и дни *доплоухомъ в лоукию* [Сб. Тр. к. XIV 167 об. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 57] Волею бж)ию · ĩ · днии *допльхомъ Ликийи* [ВМЧ, Дек. 6–17, 607 XVI в. Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 318].

Семантика существительных, обозначающих пространственный предел / ориентир действия, та же, что и в древнепольском и древнечешском: это названия определенного места, в том числе и мифического, или его части (ср. *место, град, церковь, храм, страна, земля, житница, кров, монастырь, торг, вертеп, святые дверцы, врата адовныя* и т. д.). Среди Sub_{loc} значительное место занимают топонимы: Киев град, Плесков (Псков), Иерусалим, Ликия. Ср. также: и *доиде Стославъ Чернигову* [ЛЛ 1377, 105. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35]; *не доганаша* литва *тържоу*, Роусь... *догнаша Милча и Старогорода...* (полные контексты см. ниже). Пространственный предел / ориентир могут называть слова, обозначающие топографические ориентиры (*река, гора* и т. п.), и всевозможные субституты таких слов и Sub_{loc} (Adv_{loc}, Pron_{pers}, придаточные с обстоятельственным значением места и т. д.).

При N = Sub_{pers} или замене его Pron_{pers} происходит «объективация» глаголов движения типа *доити*, совмещение в данном лице черт ориентира с признаками адресата действия (о причинах возможности такой трактовки см. в разделах, посвященных сопоставляемым западнославянским языкам). Особенно явственно адресативность проявляется в случае выражения «ориентира» N₃: ... глше, *тако*, аще *доидеть оумирающему*, преже даже не погубить разоума, *можець нѣкымъ състроумъ араматыськымъ въ ча(с) створити трезвь разоумъ имѣти* [ГА XIII–XIV, 117 б-в Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35]. Цель действия, направленного на лицо, может быть выражена семантикой предлога, вводящего конструкцию с N = Sub_{pers} или замещающим его Pron_{pers}: и видив же Ростиславъ приходъ ратны(х). исполчивъ же вои свое... *и доиде противоу имъ*. [ЛИ ок. 1425, 269 об. (1249). Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35].

Пример с V → N₂ при N = Pron_{pers} – субститут Sub_{pers}:

Соуждалци же. *стопахоу на гора(х). во пропастьехъ. и ломо(х). ако же нѣлзи ихъ доити* полко(м) Стославлимъ. [ЛИ ок. 1425, 217 об. (1180) Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35].

Границы между лицом и locus'ом стираются в случае репрезентации лица (вернее, совокупности лиц) этнонимом. Последний равнозначен названию страны (местности) обитания указанного народа. Ср.: Посла Изяславъ ѿна своѣго Мстислава на *Половци...* *внъ же не дошедъ ихъ възвратисѧ вспасть*. [ЛЛ 1377, 113 об. (1153). Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35].

Этноним «Половци» по смыслу соответствует топониму «земля / страна Половцев» (ср. среди примеров к *довести* топоним «земля Немѣчкая»). Славянским языкам известны и совпадающие по форме этнонимы и топонимы. Ср. др.-русс. Русь, Литва в следующих контекстах: Тои же зимѣ придоша *литва*. [ЛН XIII–XIV, 101 об. (1225) Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 32]; *Роусь* же догнаша Милича. и Старогорода. и нѣколко сель Воротиславскы(х) заѡша [ЛИ ок. 1425, 256 (1229) Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 33]. Ср. также употребление в польском памятнике XVII в. («Дневниках» Я. Пасека) топонимов *Moskwa, Litwa*, в значении ‘жители Московского государства’, ‘жители Литвы’: *A tak i Moskwa wzięli dyscyplinę*, (1660), *Litwa niebożęta usiekali z pogromu* (1660) [Pam. Pas.].

Для некоторых глаголов адресат действия является обязательным компонентом глагольной ситуации, что отражается и в трактовке производного глагола. Например, др.-русс. *досълати* ‘послать к кому-либо’: Изяславъ же ре(ч) имъ бра(т)е то добро есть хр(с)тыѡнъ блюсти а вы есте были на сонмѣ а *ѡа* *дослю братоу Ростиславоу* и с тымъ паки оугадаю и послевѣ послы свое к вамъ. [ЛИ ок. 1425, 133 (1148). Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 73].

На отмеченную в древнепольском и древнечешском языках адресативность конструкций $k(u) N_3$ при глаголах движения в случае $N = Sub_{pers}$ явственно указывает, например, такой древнерусский контекст с глаголом прямого объекта *донести*: *моужь твои... оумоли мѡ срѣтъ. донести коверъ сеи к тебѣ* [Сб. Тр. к. XIV, 194 Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 54]. Ср. также следующий пример из «Домостроя» с вторичным имперфективом от *донести* *доносити* в переносном значении ‘сообщать’: *а жѣнѣ къ мужу безлѣпиц домашнихъ не доносити* (40, с. 47).

Примером эксплицитного выражения цели действия субъектного глагола движения, употребляемого в сочетании с предложно-падежной конструкцией $къ N_3$ ($N = Sub_{pers}$), является следующий контекст для глагола *доплути*: *Единъ же, Архелаевъ зять, пристрой ся бѣжати къ тьстю да с нимъ, доплувъ къ кесареви и навадитъ на отца и обличить и*. [Флавий. Полон. Иерус. 1, 70 XV в. Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 318].

При $N = Sub_{abstr}$ (*правда, добро, тайна* и т. д.), как и в сопоставляемых западнославянских языках, глагол движения приобретает значение ‘обрести, получить’ в качестве объекта то, что обозначено N . Примеры: *тѣм же велико тебе ксть. въздържаник хотѡщему искати правды кже дойти правды бѣиѡа*. [Пр. 1383, 32 г.]; да с чистою свѣстью х(с)выхъ *таинъ доидемъ* и прч(с)тнаго *тѣла* [Сб. Тр. к. XIV, 16]; Странь-

никъ сы не боуди претреба (да) доидеши добра [Мен. к. XIV, 186 об. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35–36]. При N = Pron что отмечен пример V → N₄: како боуде(м) и что доиде(м) [Пч. XIV–XV, 116. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 36].

Возможно опущение пространственного ориентира / предела, присутствующего в семантической структуре производного глагола с до-. Например: хромецъ оубо не иматъ ногу доити, слѣпецъ же аще поидеть, въ пропастьхъ оубытса [КТур. XII сп. XIV, 138. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35]; Игорь же возвори Киевский полки. и пристави к нимъ **В**лга **ѡ**новца своего. **С**тослава. абы како довести полкъ цѣль [ЛИ ок. 1425, 220 об. (1183) Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 27].

Прямой объект при транзитивных глаголах движения выражен N₄ (N = Sub_{anim}, Sub_{anim}, Pron_{pers}: доведете **м**а, и доведе **и** Володимеръ, довести **его**, **ны** довести, довести **полкъ**, в вышеприведенных контекстах; донде же доведеть **пшеницю** на своѣ **мѣсто** [ПНЧ XIV, 150б. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 27]; ... **донесше тѣло** **ю**го положиша **к** въ манастири [ЖФП XII, 41б. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 54]; начертаетъ... **епистолю**. и дѣвѣма мнихома **донести ю дакъ** [ЖФСт. XII, 119. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 54]; **члѣвкы донесета** [ЗЦ к. XIV, 97а. Ibid.]; **моужь твои...** оумоли **м**а срѣтъ. **донести коверь** сеи к тебѣ [Сб. Тр. к. XIV, 194. Ibid.].

Из факультативных компонентов глагольной ситуации в контекстах представлены, в частности, указание на место осуществления действия (различные предложно-падежные конструкции: ср. **нелзѣ бѣше доити до търгоу сквозѣ городъ**, **ни по грѣбли**), темпоральная характеристика действия, включая количественные показатели времени протекания действия (Adv_{tempor}: **скоро** доиде кыква града; Numer Sub_{tempor}: **·ѣ·** [т. е. 8] **днии** доплыхомъ), количественные данные о расстоянии, которое, как правило, осталось непреодоленным на пути движения к пределу / ориентиру действия. Таким образом, последняя количественная характеристика действия представлена обычно в отрицательных контекстах: **не дошедше трии поприць** манастирѣ [Пр. XIV (6). Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 35]; **не доганѣша** литва тържкою за **·г·** [т. е. 4] **вьрсты** [ЛН XIII–XIV, 101 об. (1225). Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 32].

Употребление субъекта в N₃ при глаголах с до-, которые могут сочетаться с субъектным N₁, сигнализирует о наличии в высказывании компонентов субъективной модальности: ако же **нѣли** ихъ доити **полко(м)**. **С**тославимъ (ср. парафразу с субъектом в N₁, который требует при себе модального глагола: полки **не могут** их доити).

3. Глаголы финально-комплетивного СГД

Во всех трех анализируемых языках в приставочных глаголах с do- / до- выражено значение 'доведение действия до конца'. При этом финитивность почти всегда сочетается с исчерпанностью (комплетивностью) этого действия, невозможностью его дальнейшего осуществления (финально-комплетивный, завершительно-комплетивный, cessативный СГД).

Сема 'конец, завершение' выводится из таких компонентов интерпретирующей части словарной статьи, как сочетания польск. do końca, лат. ad finem, чешск. do konce, нем. (в словаре Гебауера) zu Ende, русск. *до конца*; глаголы: лат. finire, русск. *(до)кончить*, польск. (do)kończyć и синонимичные им (например, русск. *завершить*). На оттенок комплетивности указывают такие составляющие в толковании лексемы, как польск. reszta «остаток», bez reszty «без остатка», ostatni «последний», całkiem «совершенно, полностью», нем. Rest «остаток», vollends «совершенно, полностью», letzte «последний», fertig «готовый», чешск. ostatek «остаток», ostatní «остальной», docela «совершенно, совсем», русск. *остаток, остальное, последний, окончательный* и т. п. Например: др.-польск. dorobić 'dokończyć jakiejś roboty' «завершить какую-либо работу», domówić 'zadać ostateczny cios' «нанести последний удар», dopłacić 'zapłacić'; др.-чешск. doučiti 'do konce vyučiti, zu Ende lehren' «научить до конца», doutratiti 'vollends verausgaben' «полностью истратить», dodělati 'fertigt machen' «сделать готовым», dovezieti 'vzítí čeho ostatek, den Rest nehmen, haben' «взять чего-либо остаток», dožieti 'do konce, docela žieti' «сжать до конца, полностью»; др.-русск. *дошити* 'кончить шить, вышивать', *дописати* 'довести до конца живописные работы' и т. д. В некоторых глаголах трактовка с помощью слов ostatek и др. дана не только в интерпретирующей части словарной статьи, но и представлена контекстуально. Например, для комплетива dopłacić и его вторичного имперфектива dopłacać в SSt приведен контекст, где этим глаголам предшествует синонимическое сочетание "ostatek zapłacić" «заплатить остаток, остальное»: Mozely opyekadlnyk... gymyenyje przedacz a s tego thy dzyeczy zuwycz y tey zenye ostatek yey wyana zaplaczycz,... czyly nye trzeba yey thego wyana doplaczycz [Ort. Mac. 140] (Ort. Br. YI 391: Mozely opyekaldnyk... they zenye ostatek wyana zaplaczycz z gydaczego gymyeny..., czyly nye trzeba ge y tego wyana doplaczacz [SSt. T. II, z. 2 (8), s. 136].

Говоря о грамматической характеристике финально-комплетивных глаголов с префиксом do-, мы убеждаемся в том, что наиболее естественной является совместимость финитивности с планом прошлого (констатация законченности или чаще — см. ниже — незаконченности действия в прошлом). Реже глагол фиксируется в форме инфинитива, в императиве.

3.1. Глаголы финально-комплетивного СГД в древнепольском языке.

Зарегистрированные в SSt глаголы финально-комплетивного СГД относятся в большинстве своем к классу субъектно-объектных, имеющих в том числе прямой объект и выступающих в предложении обычно в качестве двухместных или трехместных предикатов. Эти глаголы образуются главным образом от глаголов, называющих действия

и процессы. К действиям относятся не только названия физических действий (среди которых выделяется ряд семантических групп, например, глаголы созидания, или «конструктивы» — *dobóić*, глаголы «деструктивной» семантики *dobóić*, *dozdzielić* и др.), но и названия речевых актов (*domówić*, *dosiągnąć (słowo)* и т. п.), ментальных процессов, действий, относящихся одновременно к речевому, ментальному и поведенческому проявлению (*dosądzić*). О близости глаголов речи к действиям свидетельствуют др.-польск. *dziać* ‘давать имя, называть, звать’, др.-чешск. *dieti* ‘говорить’ (и *dieti jmenem* ‘называть, давать имя’), др.-русск. *дѣяти* ‘говорить’. Промежуточное положение между действиями и состояниями занимают глаголы чувственного восприятия (*dosłuchać*). В зависимости от активности или пассивности воспринимающего органа они приближаются либо к действиям, либо к состояниям.

Значительную часть среди префиксальных глаголов с *do-* занимает лексика, связанная с судопроизводством, осуществлением правовых норм и т. п. Это и общеупотребительные глаголы типа *dosądzić* «до-судить», *dozdzielić* «доделить» (например, наследственные владения, имущество и т. п.) и специальные юридические термины, как например, *dofoldrować(się)* // *dofordrować* «выиграть, довести (судебный) процесс до конца».

Приведем по одному примеру из указанных основных групп глаголов.

1) Глаголы речевой деятельности (*verba dicendi*)

*domówić*₁₍₃₎ ‘sermonem ad finem perducere’:

A takosch rzekl myly Kristus daley: Ova szye przyblyza, yen myą zdradzy. A nye doczyągnal myly Kristus tego slova *domowycz* aze Iudasch poydzye z vyelyką tłusszczą Zydov y ryczerzov [Rozm. 612. SSt. T. II, s. 134].

В словообразовательное гнездо комплетива входит в SSt один компонент: вторичный имперфектив *domawiać*₁₍₂₎ (пример контекста см. ниже).

2) Глаголы чувственного восприятия (*verba percipiendi*)

dosłuchać: A za thym slovem vstavszy Pylath y vyschedl do Zydow, bo baczył dobrze, yze ym bylo barzo nyelubo, yze s nym tako dlugo movyl, y troskały szye, aby yego nye puszczyl. Tegodlya on tez nye *dosłuchavschy*, azby yemv myly Iesus odpovyedzyl [Rozm. 783. SSt. T. II, z. 2 (8), s. 144].

3) Глаголы физических действий

Деструктивы (т. е. глаголы, обозначающие действие, связанное с нанесением какого-либо ущерба объекту, его уменьшением, дроблением и т. п. вплоть до полного его уничтожения). Ср.:

*dobić*₁₍₂₎: A obcuyszon gest bog przecyw Saulowy, a nalyazwszi gy myszowye strzelci ranyly gy szipi. Y rzecze Saul ku suemv odzenczowy, wiyuw mecz, *doby* mye (dixit Saul ad armi suum: Evagina gladium tuum et *interfice* me) [BZ I Par 10, 4].

Сема 'завершительности' содержится и в словарном толковании данного глагола и эксплицирована контекстом, в котором предшествующий префиксальному с *do-* глагол *ganić* подчеркивает поэтапный характер действия, заключительный момент которого выражен глаголом *dobić*.

Сема комплетивности присутствует не только в ЛСВ '*zadać ostateczny cios*' «нанести *последний* удар», но и в ЛСВ *caedere, delere* — '*całkiem zbić, bez reszty zniszczyć*' «*полностью* побить, *без остатка (окончательно)* уничтожить (о граде)», проиллюстрированном контекстом с отрицанием: *Poszarta gest [саранчой] wszitka szelyna szemskaa, a czsoszkozy yablek na drzewynye bilo, czsosz gradowye nye dobyly (dimiserat).*

В позднейших переводах акцентируется не момент недоведения действия разрушения до полного конца, а вытекающий из него «смысл» сохранения, что ближе и лат. *dimitto* «упускать, оставлять, бросать» и т. д. Ср.: ... a pożarła wszystkie trawę ziemi, i wszystkie owoc drzewa, który został po gradzie... 10, 15 (ср. русский соответствующий текст: ...и поела всю траву земную и все плоды деревьев, уцелевшие от града. 10, 15).

Для ряда глаголов, обозначающих конкретное физическое действие, материал SSt представлен только глоссами. Так, одной глоссой проиллюстрирован глагол *doigrać*: *Derslaus prius non traxit subagazonem, alisz doyrzal, jako s nim smowsh mal* [1386 Hube Zb 60; SSt. T. II, z. 2 (8), s. 108].

4) Глаголы судопроизводства (*verba jurisdictionis*)

dofoldrować (się) // dofordrować: *Thy pyenandze, czo ge tha pany po szobyte zostawyla v tych dluszykow, czo yvsze dofoldrowany, mayą ge daczy, zaplaczycz gey mazowy, a nye dzyeczom [Ort. Br. YI 367]; Nye dokona-ly powod szwem szwyadeczthwem nany albo nye chce-ly dofordrowacz..., thedy muszy powod wyny y wethy zaplaczycz [Ort. Mac. 130] (Or. Br. YI 387: *dofoldrowacz*); Przeczyw temv ten oczczym mowyl, gdysz on z opyekadlnykyem po spolu za gego zony zywotha *dofoldrowaly* szye tych dlugow [Ort. Br. Rp. 65, 3. SSt. T. II, z. 2 (8), s. 108].*

Исчерпанность действия, представленного финально-комплетивным глаголом, может быть подчеркнута контекстуально лексическим детерминатором: предложно-падежным сочетанием *do końca*, лексемой *ostatek* и др. Так, из трех контекстов с пятью словоупотреблениями глагола *dodzielić* (один из контекстов с имперфективом *dodzielać*), приведенных в SSt, в одном употреблен детерминатор *do końca*: *Swathczsh, ez Vichna slubila*

Stanislaovi *treczш czyszcz *czeczini y poczшла *czelicz, i ne *doczelila* (т. е. *dodzielila*) *do concza* [1405 Hube Zb. 119 SSt. Т. II, z. 2 (8), s. 108]. Такой же пример отмечен для *dosłuchać* (из трех словоупотреблений одно): *Proscye boga.., doslvchawszy do koncza tey to bozey chvaly* [XV SSt. Т. II, z. 2 (8), s. 144]. Ср. наличие показателя комплетивности *ostatek* в одном из контекстов для глагола *dopłacić*: *Ian nye doplaczywszy ostatek ruenyądzi za dziedzyną Franczkowy, dzerszal s spokojem dziedzyną za cztyrzy lyata* [Dział. 26 SSt. Т. II, z. 2 (8), s. 136]. О комплетивном характере этого глагола свидетельствует также сопоставление указанного отрывка из «Кодекса Дзялынских» с идентичным местом в «Кодексе Суледы», где синонимичное префиксальному *dopłacić* соответствие содержит компонент «pełny»: *nye vczynuwszy zapłaty pelney* [SSt. Т. II, z. 2 (8), s. 136].

Как уже отмечалось выше, большинство комплетивов с *do-* относится к двухместным предикатам, предполагающим наличие субъекта и прямого объекта действия. В контекстах объект, на который направлено действие, часто опущен. При его эксплицитности он выражен формой вин. (реже) или род. п. (N_4 и N_2). При наличии возвратного компонента (например, *dofoldrować się*) и отрицания возможен только N_2 .

Примеры моделей глагольных ситуаций $V \rightarrow N_4$ и $V \rightarrow N_2$:

- а) $V \rightarrow N_4$ ($N = \text{Pron}_{\text{demonstr}}, \text{Pron}_{\text{pers}}, \text{Sub}_{\text{-anim}}$)
dodzielić / dodzielać: ... *y tho gotow dodzelicz* [1401 SSt. Т. II, z. 2(8), s. 108]; *y dodzelal dzedzinш v Koszmicz* [Ibid.]; *dobić / dobijać / dobiwać*: *dobi mye 'interfice me'* (пример контекста см. на, с. 18).
- б) $V \rightarrow N_2$ ($N = \text{Pron}_{\text{demonstr}}, \text{Sub}_{\text{-anim}}$): *dosłuchać*: *dosłuchawszy ... tej to bozey chwały* (контекст приведен на с. 271); *domówić / domawiać*: *tego słowa domowić* (контекст см. на с. 271), *Odpovyedyzawschy svyąthy Pyotr rzekl kv mylemv Iesusovy rzekącz: Gospodnye, dobrze nam thv bycz, chceszchly, vczynym thv trzy przybytky, tobye yeden, Moyzeschovy yeden, a Helyaschovy drugy. Gescze tego domavya svyąthy Pyotr, nathychmyast oblok svyąthy zaczmycz ye* [Rozm. 366 SSt. Т. II, z. 2 (8), s. 129].

При $N = \text{Sub}_{\text{pers}}, \text{Pron. kto } N_4 = N_2$. Ср. *Gorącza gest rzecz, gdy kogo vfacza, a on kogo byga albo dobyga* [Ort. Kał. 182 SSt. Т. II, z. 1 (7), s. 72].

Как и в старославянских памятниках ([Słoński 1937]) большая часть примеров с префиксальным *do-* в польском языке представлена с отрицанием, т. е. обычно важнее было подчеркнуть незаконченность, незавершенность какого-либо действия, чем его законченный (нормальный) характер. Для некоторых глаголов даны только контексты с отрицанием (например, для *dorobić, dosądzić* — примеры см. выше). Из 13 примеров для комплетива *dopłacić* 11 даны с отрицанием (примеры некоторых контекстов см. на с. 274). Для большинства глаголов приведены как контексты с отрицанием, так и без него (например, *dosłuchać* — 1 контекст из трех представлен с отрицанием, *dodzielić* — 3 из пяти, *dofoldrować (się)* — 1 из четырех и др.).

Примеры с прямым объектом

в N_2 при отрицании: ... they rzeczy nye dofoldrowal; they rzeczy ... nye doszadzyl; ne dorobil... copana [SSt. Т. II, z. 2 (8). , s. 141] и т. д.

При глаголах с семой 'давание' возможен двойной прямой объект, выраженный при отрицании двойным родит. ($V \rightarrow \overline{(1) N_1, (2) N_2}$). При этом первый объект и второй находятся в отношении целого и его части. Так, для глагола *dopłacić* в качестве первого объекта употреблены слова *dług*, *myto*, $\text{Pron}_{\text{pers}}$, $\text{Pron}_{\text{demonstr}}$, выступающие соответственно как субституты существительного *pieniądze* «деньги» и даже целого предложения (см. первый пример ниже), а второй объект представляет собой конкретизацию части первого в определенном количестве определенных денежных единиц ((2) $N = \text{Numer.} + \text{Sub.}$ *grzywna*, *grosz*, *skot*, *кора*). В составных числительных изменялась только первая часть, которая, как и другие компоненты второго прямого объекта, употреблялась в конструкциях с отрицанием в N_2 . Примеры: **Szco my ranczil Paszko za dzewencz grzywen, tego my ne yest doplaczil dwu grzywen*; *Potr obanzel szsz (вместо obiązał się) panu Jacuszowi tich penudzi placzicz, cso nan*

o ne zalował, y ne doplaczil gych trzy grziwen y dzewuczy scot; *Welislaw Tworcowa dlugu ne doplaczil dzessanczy grzywen*; *Mne Gayk ne doplaczil mitha dyw* (вместо *dwu grossu*) [SSt. Т. II, z. 2 (8), s. 136].

Естественно, возможно употребление и одного прямого объекта, причем как более общего характера (ср. *posagu ne doplaczonego* [1421 Т. Рав. VII. N2132]; *czyly nye trzeba yey the go wyana doplaczycz* [Ort. Mac. 140]), так и конкретизированного (*Czibor nye doplaczil Sandkowy syedmydzesanth grossy* [1426 Zap. Warsz. N 153 SSt. Т. II, z. 2 (8). , s. 136]).

Возможность выделения в объекте, относящемся к комплетиву, целого и его части (причем не только в глаголах с семой 'давание', ср. *ne дочитать в книге одну страницу*), наряду с вышеуказанными лексическими детерминаторами типа *остаток*, *до конца* и др. отражает на синтаксическом уровне такое необходимое для глаголов финально-комплетивного СГД свойство, как поэтапность действия, выраженного базовой основой («ретроспективная ориентированность»), конечный момент которого актуализирован префиксальным с *do-*.

С другой стороны, между глаголом и обобщенным объектом просматривается причинно-следственная связь. Действительно, факт долга, установления определенного приданого (*posag*, *wiano*), даже наложения определенного вида подати (*myto*) предшествует действию «доплаты» и является одновременно его причиной. Ср. также контекст *ysz nye ma, czum they rolye doplaczycz*, где доплате должен был предшествовать факт покупки земли (*rola*). Эта имплицитная причинность становится более явной, когда данный объект выражен предложно-падежной конструкцией за N_4 : ... *yedy mu ruenpdzy doplaczal za wecznsh dzyedzinu Zawysza*; *Mne Pauel ne doplaczil za*

zastawiu czterdziesiąt groszy [SSt. T. II, z. 2 (8), s. 136]. Dziedzina «наследство», *zastawa* «залог, заклад» на-зывают предшествующую действию причину (доплата следует за получение наследства, за оставление чего-либо в залог). Указанная особенность свидетельствует об отсутствии в ряде случаев резких границ между объектными и обстоятельственными детерминантами предиката.

Среди приведенных для глагола с семой 'давание' контекстов в одном представлен объект, форма которого (N_5) сближает его со средством действия (... *ysz nye ma, czym they rolye doplaczysz*). Сближение со средством действия имеет здесь чисто формальный характер: при замене местоимения существительным (деньги, конкретная их сумма) мы видим, что данный объект отличается от объекта типа (*nie*) *dopłacić* *dlugu, siedmi grzywień* только формой выражения.

Для комплетивов с семой 'давания' (как и для финитивно-аддитивных типа *dodać* — см. ниже) обязательным участником действия является объектный адресат, который может быть выражен на «поверхностном» уровне. Формальное выражение адресата действия при префиксальных с *do-* — дат. п. ед. ч. (N_3 , при $N = \text{Sub}_{\text{pers}}, \text{Pron}_{\text{pers}}$). Примеры: *dopłacić / dopłacać*: **Sczo my ranczil Paszko za dzewencz grzywień, tego my ne yest doplaczil dwu grzywień* [1400 Leksz. II N 2643]; *Mne* *Paul ne doplaczil...* 1411 Ks. Maz. I N 1649; *Mne* *Gayk ne doplaczil mitha dyw (leg. dwu) grossu* [1425 Ks. Maz. II. N 941]; *Czci-bor nye doplaczil Sandkowy syedmydziesiąt grossy* [1426 Zap. Warsz. N 153]; *Ian nye doplaczywszy ostatka pyenyadzi za dziedzyną Franczkowy* [Dział. 26]; ... *yedy mu pyenhdzy doplaczal za weczni dzyedzin Zawysza* [1410 Piek. VI 403. SSt. T. II, z. 2 (8), s. 136].

Адресат может быть выражен в определении прямого объекта (объекта «давания»): *Welislaw Tworcowa dlugu ne doplaczil dzessanczy grzywień* [1420 StPPP II N 1729. SSt. T. II, z. 2 (8), s. 136].

При нескольких глаголах с семой 'давание', действие которых осуществляется одним и тем же лицом, возможно однократное указание адресата этих действий: *Vyth Duczky Mykolayowy Cyszkwskyemu zaplaczil syethmdzyessyanth kop possaznych pyenyadzy...*, *a trzech nie doplaczil* [1472 Czrs., s. LXXXVI]; *Potr obanzel szu (т. е. obiązał się) panu Jacuszowi tich penhdzi placicz, cso nan o ne zalowal, y ne doplaczil gych trzy grzywień y dzewnczy scot* [1401 Hube Zb. 80. SSt. T. II, z. 2 (8), s. 136].

Адресат действия (лицо, для которого совершается данное действие) может быть представлен в N_3 (хотя и не обязателен) при некоторых глаголах с семой 'созидание'. Так во всех трех контекстах глагола *dorobić* «dokończyć jakiejś roboty» в SSt присутствует адресат действия, выраженный N_3 (при $N = \text{Pron}_{\text{pers}}$): *Cso Janek wczugnil Stana, to gi wczugnil, eze mu domu <nie> dorobil* [1398 Hube Zb. 71]; *Jako mne Jaszek ne dorobil na stawe copana* [1426 Zap. Warsz. N 190]; *Jakom ya Elzbyethy, kmyothowny z Rokithk, nye othegnal*

gwalthem oth robothi poltrzczya dnya, kthorych mv (вместо *mi*) *nye dorobyla w wasznosczy, yako wyardun<k> in 1/2 grosso* [1477 Zap. Warsz. N 1202. SSt. T. II, z. 2 (8), s. 141].

Собственно обстоятельственные (сирконстантные) компоненты глагольной ситуации, выраженные предложно-падежными формами (ср. *Jaszek nie dorobił na stawie kopania, dodzielał dziedzinę u Koszmic*), имеют факультативный характер и рассматриваются нами только

в отдельных случаях: как дополнительные или обязательные показатели определенного акционсартного (ср. вышеприведенный временной детерминатор *do końca*) или лексического значения.

3.2. Глаголы финально-комплетивного СГД в древнечешском языке. Как и в древнепольском, большую часть глаголов финально-комплетивного СГД с префиксом *do-* в древнечешском составляют глаголы, соотносящиеся со следующими названиями действий базовых основ: *verba dicendi* (*domlúviti, dopovĕděti, dodieti, dořéci* «договорить, досказать»), *verba percipiendi* (*doslyšĕti* «дослышать»), глаголы с семой 'созидание' (конкретизируемой в контексте, как например, в глаголах с общей семантикой свершения — типа *dođĕlati, doplniti*, или данной в конкретном виде уже в самой глагольной основе — *dozditi* «достроить»), глаголы «деструктивной» семантики (*dožĕci* «дожечь», *domořiti* «до-бить», *doraziti* «прикончить»), глаголы конкретных физических действий (*dořiti* «дошить», *dožieti* «дожать»), глаголы с семой намеренного / ненамеренного отчуждения от себя (давания) (*doutratiti* «растра-тить, утратить до конца»), глаголы с семой 'братъ' (*dovzieti, dobrati* «добрать», *doučiti* «доучить») и др.

Как и в польском, в чешском языке частотны контексты с негацией. Так, для глагола *doslyšĕti* в SG приведено 8 цитат, из которых половина — с отрицанием. Пример одного из контекстов: *Ktož mluví cizie řeči nedořlyšaw ani rozumĕv* [Kruml. 160^b. SG, D. I, s. 304].

Ср. пример контекста без отрицания для глаголов речевой деятельности *dodieti* и *dopovĕděti*: *... a když tento hlas jie dodye, tato slova dopovĕdě, inhed ta svatá děvice vece* [Kat. v. 3432. SG, D. I, s. 281].

Многие префиксальные глаголы с *do-* (в том числе и комплетивы) представлены в древнечешском, как и в древнепольском, глоссами. Так, тем же веком, что и источник др.-польск. *doigrać*, датируется рукопись большого чешского словаря диалогов (XIV в.), из которой приводит аналогичный чешский финально-комплетивный глагол Я. Гебауэр: *dojhráti* “dohráti, zu Ende spielen”: *vrat' sĕ, doyhray perfice ludum* [SG., D. I, s. 283]. «Петроспективная ориентированность» комплетивов с *do-* (непременное наличие предшествующего этапа реализации действия, выраженного производящей основой) в древнечешском, как и в древнепольском, может быть выражена контекстуально: и отдельными лексемами, и целым фрагментом контекста.

Второе представлено, например, в словосочетании ...s' d'rievе řekl «ты раньше сказал»: в предложении: *Dopowiedz nám o tom, jeřto s' d'rievе řekl.*

Одновременно показателем «ретроспективной ориентированности» и в ряде контекстов значения аддитивности (дополнительности) является частотный детерминант глаголов с семой 'братъ' *jeřtě*. В трактовке глаголов *dobrati, dovziati* не представлена сема аддитивности (ср. *vziti čeho ostatek, den Rest nehmen-* SG, D. I, s. 268, 319), однако наличие детерминатора *jeřtě* позволяет усмотреть такое значение в контекстах типа: *Jira vybral 13 kop m., a jeřtě má dowzeti z těch peněž; bude miati jeřtě dowzyeti 20 kop; Hlaušek jeřtě dowzeme za túž chalupu 10 kop.* Указание на предыдущее действие и одновременно на завершенность представлено в нижеприведенном контексте соответственно компонентами *jeřtě* и *zuostává*: *a jeřtě 4 kopy jemu zuostává dowziti* [SG, D. I, s. 319].

Таким образом, глаголы с семой 'братъ' (хотя и в меньшей степени, чем с семой 'давать', ср. польск. *dodać* «добавить») контекстуально могут проявлять оттенок аддитивности. Этот семантический оттенок выходит на первое место благодаря детерминатору *jeřtě* и в некоторых глаголах речи, которые также в определенной степени относятся к глаголам с семой 'давание'. Ср. трактовку *dořeci* в SG как содержащего семы финитивности, комплетивности и аддитивности (*zu Ende sagen, vollends sagen, noch weiter sagen*) и реализацию третьего значения в следующем контексте: *O spravedlnosti to dorzku jeřtě, že spravedlné jest...* [SG, D. I, s. 302].

Оттенок комплетивности, как в древнепольском языке, выражает также контекстуальный показатель *ostatek*: ... *sváruov, saudov, ...*, *že někdy ostatek jeho doutratij tepúce se a súdiece o ně* [Chelč P. 69^a. SG, D. I, s. 316]; *Vít má Jírovi ostatek dowyplniti do zaplacení všeho* [1498 SG, D. I, s. 319]. Во втором примере роль контекстного дополнительного показателя завершенности выполняет не только лексема *ostatek*, но и словосочетание целевого характера *do zaplacení všeho*, конкретизирующее одновременно семантику глагола свершения. Универсальные кванторы *všecек, vřecko, vřecka* также подчеркивают исчерпывающий характер префиксального комплетива: *válečník... vřecko jest doplny řmrti* [Ol. Sap. 18, 16, SG, D. I, s. 300]; *Když dievka ty vřecky řěči domluvy, tehdy...* [Kat. v. 2119, SG, D. I, s. 293]. В качестве дополнительного показателя выступает также *cele* «полностью, целиком», соответствующее польск. *całkiem*. Например: *Tu rzecz kdiz yuz owřem czele domluwy* [Иисус], *ynhed dořpiele puřtyw yako krzydly z řebe y wletie nahoru w nebe* [Leg. Kat. Por., s. 110].

В отличие от древнепольского в древнечешском языке прямой объект при комплетивах с *do-* употребляется преимущественно в N₄, по крайней мере по данным словаря Я. Гебауэра, где N = Pron_{co}, Pron_{pers}, demonstr, univers^o Sub_{-anim}. Не случайно и в современных языках представлено раз-

личие в управлении исторически базовых для финально-комплетивных с дочешк. *dokonati*, *dokončiti* (co) и польск. *dokonać*, *dokończyć* (czego).

Древнечешские примеры модели $\overline{V} \rightarrow N_4$: *Jakž to brzo dorzecze* [Břetislav], *káza všem v Domažlicích býti* [Dal. C. 44]; *Když to dorzieczie cum dixisset* [Lit. Act. 27, 35]; *To t' jest tak, jakž diete; ale i to geřt dorzekl ten svatý muž, že to zlé nenie* [Štít. Bud. 84. SG, D. I, s. 302]; *Což nebyli dobořili, to se potom samo dobořilo* [Mart. Jg. SG, D. I, s. 207]; ср. также форму указанных выше показателей комплетивности *ostatek* и $\text{Pron}_{\text{uniwers}}$ *všecko* (*ostatek* dowyplniti, *ostatek* jeho doutratij; *všecko* jest doplnyl); *Když dievka ty všecky řeči domluvy, tehdy...* [SG, D. I, s. 293]; *tato slova dopovědě*. Ср. древнечешский пример исторически базового для значения финитивности глагола *dokonati*: *Mnyet lepšieho nenyu wieče do meho* [končenyu nez przi zakonye ořtaty a tu *zywot dokonaty*. [Jist. kan. Por. s. 202].

При омонимии форм местоимения, различающихся только долготой гласного, обычно не отражаемой в источниках (*ji*), и некоторых других форм (например, род. ед. м. р. и им.-вин. дв. — а) можно было бы усмотреть в *dožže roha* (... a *když jemu* [человеку] *dožže roha*, *užasna sě hřiechov mnoha vzpomínati bude boha!* [Hrad. 138^a SG, D. I, s. 320]) и в *když již* на то место *dozdili* форму род. п. Однако Я. Гебауэр везде в подобных случаях с *ji* дает в скобках соответствующее существительное в форме вин. п. Примеры с $\text{Pron}_{\text{pers}}$: *člověk netbá, by ji ovšem dorazil, úfaje sobě, péče na to nejmaje, by kdy jej přemohla...*, *až sě opět v něm i rozmohú ty žádosti* [Štít. Mus. 109^a. SG, D. I, s. 302]; *Jemu řekla, aby ji [= hradbu] doborzil* [Kol. C. 125^a (1588) [SG, D. I, s. 267]; *kdyz již [= věž] na to miesto dozdili, kdež okna měla býti, tehda* [Káz. Leg. 7ⁱ. SG, D. I, s. 319].

Редкий пример $V \rightarrow N_2$ отмечен для $N = \text{Pron co}$: *čehož jiní dosleychali* (1588) [SG, D. I, s. 304].

В древнечешских текстах встречаются также примеры с $V \rightarrow N_2$ ($N = \text{Sub}_{\text{anim}}$). Ср. у П. Хелчицкого для финитива *dočísti*: *On the rsiechi* [т. е. *té řeči* — N_2] *male dotchze...* [Por., s. 38].

При $N = \text{Sub}_{\text{pers}}$ $N_4 = N_2$: *lotři, žádající rañeného domorziti* [Chelč P 223^a. SG, D. I, s. 294].

Конкретизация прямого объекта в виде сочетания числительного с названием определенной денежной единицы характерна для глаголов с семой 'брать' и 'давать' (*dowzyeti 20 kop*, *dowezme 10 kop* и т. п.). Неконкретизированный объект при этих глаголах может быть выражен конструкцией $z + N_2$, если действие направлено не на весь этот объект, а на его часть: *Jíra vybral 13 kop m. a ještě má dowzeti z těch peněz...* [Kol. B. 168^b. (1500) SG, D. I, s. 319].

При наличии возвратного компонента и отрицания $N_4 \rightarrow N_2$: *musil by docziřiti šie těžkými mukami onoho světa* [Štít. Mus. 163^a]; *Dokavadž nedodiela domu svého* [SG, D. I, s. 281].

Адресат действия, представленный, в частности, при глаголах с семой 'давания' (в том числе и в *verba dicendi*), 'свершения' и др., стоит в N₃ (N = Sub_{pers}, Pron_{pers}): ... a když jemu dozze roha; *Dopowiedz nám o tom*; *Vít má Jirovi ostatek dowyplniti*.

Объект, по поводу которого осуществляется действие ряда глаголов с семами 'давать / получать' («предмет сделки») может, как и в польском, выражаться предложно-падежной конструкцией *za* N₄: *ještě ma dowyplniti za týž statek 100 kop (1497)*, *ještě dowezme za týž chalupu 10 kop (1501)* [SG, D. I, s. 319].

Если прямой делиберативный объект выражен N₄, то косвенный — N₆. Ср. пример, где представлены и прямой, и косвенный делиберативные объекты: *O spravedlnosti to dorzku ještě, že...* Ср. также: *Mám o Durincě domluwyty...* [Dal. С. 98. SG, D. I, s. 293].

Средство свершения действия выражено N₅: *doczítiti [je těžkými mukami onoho světa*.

О близости финально-комплетивного и результативно-эффективного значений свидетельствует факт употребления некоторых глаголов с *do-* и *wy-* в идентичных контекстах. Ср.: (Lidé starší, jichž duše) *poprchly prachem hřiechów, rójdu do očistce, aby tam byli doczyfyeny* [Štít. Jes. 102^b]; ... *aby tam byli wyczyfyeny*. [Štít. Muz. 50^a. SG, D. I, s. 281].

3.3. Глаголы финально-комплетивного СГД в древнерусском и старорусском языках. Из зафиксированных в исторических словарях русского языка финитивов с префиксом *do-* также представлены главным образом глаголы прямого объекта, мотивированные глаголами действия. Это глаголы речевой деятельности (*договорити* 'досказать, окончить говорить', *доловѣдати* 'досказать'), конкретных физических действий (*дошити* 'кончить шить, вышивать', *доорати* 'допахать', *докопати* 'кончить пахать, выкопать до конца' и др.), глаголы судопроизводства (*досудити*). Среди глаголов финальной комплетивности выделяются глаголы с семами 'дать' и 'взять', как более общей (ср. *довзяти*), так и конкретной семантики (ср. *доплатити* 'внести остающуюся часть платы, уплатить все до конца'), глаголы с семой 'свершение': *довершити* а) довести до конца, завершить (постройку); б) закончить какое-либо дело.

Небольшое число глаголов, которые одновременно содержат сему терминативности, репрезентируют глаголы, мотивированные глаголами состояния: *дослужити* 'прослужить до конца' (возможно и до определенного срока — ср. др.-польск. *dosłużyć*).

У некоторых глаголов, мотивированных глаголами действия, также возможно совмещение сем терминативности и финитивности (финальной комплетивности). См. трактовку *досудити*, *досудиться*, *домежевати* в разделе о лимитивном СГД.

Финально-комплетивное значение может характеризовать не один ЛСВ. Так, для *дописати* это значение представлено и в основном ЛСВ, и в двух специальных: 'дovести до конца живописные работы' и 'дovести до конца перепись' (последнее экзemplифицировано в Сл. РЯ XI–XVII вв. поздним примером — XVII в.). Ср. также трактовку вышеприведенного глагола *довершити*.

Примеры употребления глаголов в контексте.

А). Глаголы, мотивированные глаголами действия:

1) Глаголы конкретных физических действий:

дошити: Пожди, господине, яко *дошию* въздух в святую церковь [Пов. П. и Февронии (Скр.), 244. XVI–XVII вв. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 347].

*дописати*₁₍₃₎: *Дописана* быс(ть) сия книга на рожество святого Иоанна предтечи. [Ис. Сир. Поуч. 1525 г. запис. Сл. РЯ XV–XVII вв., Вып. 4, с. 317].

2) Глаголы судопроизводства:

досудити: А которые дѣла не досужены, и въ техъ дѣлехъ *досудити*. [Стоглав, 139. XVII в. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 341].

Так же, как в обоих сопоставляемых западнославянских языках и старославянском, в древнерусском и старорусском частотны контексты с отрицанием. Для многих глаголов в словарях приводятся только примеры с отрицанием (см. *доорати*, *дописати* в Сл. ДЯ XI–XIV вв., *дописати*_{2,3(3)}, *добрати*, *догрузити*, *докопати*₁₍₂₎, *дослужити* и многие др. в Сл. РЯ XI–XVII вв.).

Примеры контекстов с отрицанием:

3) Глаголы речевой деятельности:

договорити: Послухъ... ставъ на судѣ не *договоритъ* в тыжь рѣчи, или переговоритъ, ино тотъ послухъ не в послухъ [Псков. суд. гр. 3 Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 282].

Некоторые глаголы речи зафиксированы в Сл. ДЯ XI–XIV вв. только со специальными значениями. Так, для *доглаголати* указано только «обвинить», для *договорити* «договориться, условиться» (вероятно, вторичное от *договор*).

4) «Конструктивы» (нижеприведенный глагол относится к 1-ой группе):

*довершити*₁₍₂₎: (1474): 1 часъ ноци раздрусися церковь новая Пречистая богородица, не *довершена*, еа же начя здати Филипъ митрополитъ. [Ерм. лет., 161 Сл. РЯ XI–XVII в., Вып. 4, с. 274].

Б). Глаголы, мотивированные глаголами состояния:

дослужити: А наймит *не дослужит* своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен. [Суд. Ив. III, 27. 1497 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 330].

В контекстах с отрицанием просматривается значение будущего префикса *недо-* ‘недостижение нормы, малая степень чего-либо’ (подробнее о префиксе *недо-* см. ниже). В частности, это наблюдается, когда глаголу с *до-*, употребленному с отрицанием, в качестве антонима противопоставлен глагол с приставкой *пре-* / *пере-*, имеющей значение ‘сверх чего-либо, сверх положенного, сверх нормы’. Ср., например, нижеследующий контекст для *дописати* в его основном значении: кдѣ боуду *не дописаль* или *преписаль* моимъ недоразумьѣмъ да не приложить ми сѧ вашимъ небѣгословлениѣмъ безаконикъ къ безаконию. [Парем. 1370, 113 (запись) Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 57.] (ср. в вышеприведенном контексте для *договорити*: *не договорит...* или *переговорит*, то есть не скажет все до конца, что следует... или скажет больше, чем следует).

Значение комплетивности (или его отсутствие в отрицательных контекстах с глаголами финально-комплетивного СГД) могут подчеркивать лексические детерминанты. Например, такую функцию выполняет факультативный компонент глагольной ситуации *сполна* в следующем контексте: А *не догрузя* судовъ *сполна*, цѣловалниковъ отъ тѣхъ судовъ къ инымъ судамъ не посылать. [ЛП IV, 517. 1674 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 282].

Как в древнепольском и древнечешском, в древнерусском и старорусском языках при глаголах с семантикой ‘давать’ и ‘брать’ характерно выражение конкретизированного прямого объекта (предмета дачи — получения) сочетанием количественного показателя с названием денежной единицы (или ее предметного эквивалента). Например: *доплатити*: [Нездильце] тѣговаль сѧ Кумордою и *не доплатилъ* Куморде 20 *гривень серебра* [Гр. Новг. и Псков., 318. XIV в.]; *додати*: и у християнъ в те поры и закупить на весь годъ ино у рубля четверти *не дадасть* [Домострой 40, с. 112]. Ср. также глаголы, экземплифицированные более поздними контекстами: *добрати*: А *не добрали* они нашего ясаку нынешней на 104 год и на прошлые годы... всего 30 *сороков* и 10-ти *соболей да 3-х лисиц шубных*. [Гр. Сиб. Милл. I, 374. 1596]; А таможенной голова Бориско Тарасовъ со товарищи таможенныхъ пошлинь *не добрали 18 рублевъ 25 алтынъ 4 денги*. [ДАИ X, 403. 1683. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 257].

довзяти: Довзят(ь) на зборщики с мирскими людми · *ѣ* [т. е. 4] *рубли* · *ѣ* [т. е. 8] *алтынъ*. [Кн. осмирубл. бору, 2 об. 1685 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 275].

Прямой объект при прямо-переходных глаголах репрезентирован N₄: *доишу воздух*. При отрицании обычно N₄ → N₂: *не додаст четверти, не добрали ясаку, не добрали пошлинь, не догрузя судовъ, не дослужит своего урока*. Ср. также при N = Pron_{pers}: А другую церковь... князь велики Семень

Ивановичъ подписывалъ русскими иконники... и не дописаши ее того лѣта величества ради и мелкаго писма. [Ник. лет. X, 216 Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 317]. С другой стороны, отмечаются примеры с N₂ и без отрицания: и намъ послати къ брату своему тѣхъ дѣлъ довершити пословъ своихъ [Польск. д. III, 417 Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 274]. Ср. употребление того же глагола в значении ‘доставить до конца (постройку)’ с N₄ (поздний контекст): И крестьяна били челомъ, чтобы имъ тотъ острогъ и башни довершить по нестрадной поре и ровъ выкопать. [ДАИ VII, 346. 1676 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 274].

Семантическая структура глаголов с семей ‘давать’ (*доплатити* и под.) подразумевает наличие при них адресата действия, который выражен N₃: ср. не доплатил *Куморде* (полный контекст см. выше).

Частотное употребление отрицательной частицы *nie* с префиксальными финитивами с *do-* (а также возникшими на базе финитивности и лимитивности другими семами — см. ниже) привело к формированию особого префикса *niedo-* со значением недостаточной степени действия (*niedojadać*, *niedosypiać* и т. п.). В ряде случаев в современных славянских языках в глаголах и отглагольных образованиях представлен только этот префикс при отсутствии соответствий с *do-*. Ср. русск. вторичный имперфектив *недоразумевать* и SD *недоразумение*.

4. Глаголы с семей аддитивности

В толковании ряда древнепольских глаголов с *do-* представлено значение ‘дополнение’ (*addere*). В глаголах современного польского языка это значение дается как самостоятельный ЛСВ (ср. *dokleić* ‘*dodać, doczepić co za romosą kleju*’) или как одна из сем наряду с семами финальной комплетивности или лимитивности (ср. наличие всех трех в *dosypać*: ‘*nasypać do końca, do pełna; sypiać dopełnić; nasypać do pewnego kresu; nasypać dodatkowo*’). Впрочем, такое различие в подаче материала может быть связано и с непоследовательностью лексикографической практики.

В. Смех выделяет значение «дополнительного действия по отношению к результату» как одно из двух основных для дериватов с *do-* в современном польском языке [Śmiech 1986]. Значение «дополнительности» выделяют исследователи и в других славянских языках. Например, для украинского языка указывается, что «дієслова з префіксом *до-* можуть передавати додатковий процес дії, означуваної безпрефіксним дієсловом: *озбрóїти* — *доозбрóїти*, *віконати* — *довіконати*, *купіти* — *докупіти*, *мішати* — *домішати*, *писати* — *дописати*, *давати* — *додавати*» [Курс. 1951, с. 399]. В «Русской грамматике» одно из значений префиксальных с *do-* определяется как «дополнительно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [Русская Грамматика 1980].

Указанное акциональное значение можно назвать аддитивным или ком-плементаривным (от лат. *additio* и *complementum*). Чтобы избежать смешения с «комплетивный» (от лат. *completus* «полный»), будем пользоваться дефиницией «аддитивный», относя ее к глаголам с семой ‘дополнение объекта (или числа объектов) какого-либо действия’. Дополнение однородного действия фактически представлено в любом финально-ком-плетивном глаголе, поскольку завершение действия невозможно без его начала. Ср. *dobić* ‘*zadać ostateczny cios*’ «нанести последний удар» предполагает наличие до последнего удара серии предыдущих и, следовательно, «дополнение» к ним завершающего; *domówić* ‘договорить до конца’ предполагает предшествующий однородный процесс говорения, речения, «добавление» к которому соответствующей «порции» речевого акта делает его завершенным. Ср. в связи с этим трактовку др.-чешск. комплетива *dořéci*: *noch weiter sagen* (аддитивность), *zu Ende sagen* (финитивность), *vollends sagen* (комплетивность).

В собственно аддитивах, связанных с дополнением объекта, финитивность «снимается» контекстом: ср. *долей мне ещё супа*, *dosolić zupę*, *dodaj piergzu* и т. п. вовсе не означают окончания обозначенного производным глаголом действия.

Для древнепольского языка (по материалам SSt) значение аддитивности не выделяется как самостоятельный ЛСВ, оно слито в трактовке лексемы с семой финитивности / финальной комплетивности. Такие глаголы мы относим к аддитивно-финитивным. Сема аддитивности представлена в них компонентами польск. *dodać* «добавить», *dopełnić* «дополнить» и т. д. русск. *добавить* и др. Сема финальной ком-плетивности — словами *reszta* «остатное, остаток», *koniec* «конец» и др. (см. выше раздел о финально-комплетивном СГД). Ср.: *dodać* ‘*dać, dostarczyć czy dodać brakującą resztę*’ «добавить недостающий остаток», *dosypać* ‘*sypiąc dopełnić co do ilości*’ «сыпанием дополнить количество». Часто аддитивам соответствуют латинские глаголы с *ad-*, одно из значений которого — дополнительность (ср. *dodać* — *addere*, *dopełnić* — *adimplere* и т. п.). Контекстуальным показателем аддитивности, как уже отмечалось в разделе о финитивах, является детерминант *jeszcze* / *ještě* / *ещё*.

Как следует из определения, к аддитивам (вернее, глаголам аддитивно-финитивного СГД) относятся глаголы прямого объекта. В древнепольском языке это глаголы *dodać*, *dosypać* / *dosuć*, *dopełnić*. Образцом для образования прочих аддитивов послужили, вероятно, глаголы *dodać* и *dopełnić*.

Совпадающие по форме с современными аддитивами глаголы *dokupić* и *dołować* в древнепольском вовсе не являются таковыми. Для *dokupić* дано толкование ‘*zakupić, emere*’. Ср. контекст: *Tako mi pomozi bog..., ezem umal s panш potkomorzinш smowш, eze umala wszcz penшcze za Ziroslawicze abo veczne docupicz* (1400) [SSt., Т. II, z. 2(8), s. 121]. Отглагольное существительное *dokupienie* вообще не соотносится с указанным глаголом. Обозначая

‘искупление’, оно трактуется в SSt как возможно ошибочное вместо *odkupienie* (ср. о частой метатезе *do* ζ *od* в древнепольских памятниках на с. 259). Пример контекста: *Ktory bądzye chczyecz bycz myedzy vamy pугwszy, bądzye vasz sluga, yako syn czlovyeczy nye przyschedl, by yemv sluzono, alye by sluzyl y dal duscha svoye na dokpyenyue vyelye lyvda* [Rozm. 403] (*et dare animam suam, redemptionem pro multis* [Mat. 20, 28]) [SSt., Т. II, з. 2(8), с. 121–122]. Впрочем, в SSt отмечен и вариант с *po-* (*pokupić winę*).

Для *dołowić* также дано значение с префиксом *od-* ‘*odłowić, opróżnić z ryb*’ «отловить, освободить (опорожнить) от рыб» (контекст с глоссой: *Swyanthochna... piscatori vendidit... demissionem piscine... Et si domina recipiendo pecunias non daret piscinam episcari al. dolowycz, Swyanthochne totum dampnum esse debet* (1455) [SSt., Т. II, з. 2(8), с. 124].

С другой стороны, хотя для глагола *dozrec* в толковании отсутствуют как сема аддитивности, так и финитивности (в отличие, например, от синонима *domówić* и др.-чешск. соответствия *dořěci*), в приведенных в SSt контекстах этому глаголу соответствует не лат. *dicere*, а лат. *addicere*, что позволяет усмотреть в данном глаголе оттенок аддитивности. Наличие в древнечешском аналоге финально-комплетивного значения позволяет реконструировать его и для древнепольского.

Древнепольские контексты, представленные в SSt, также демонстрируют недискретность, нерасчлененность, «диффундированность» значений аддитивности и комплетивности в указанных аддитивно-финитивных глаголах. Ср. примеры употребления глаголов в контексте:

1. *dopelnić*: *Acz sobie wymowy [= powód] którą przyczyną przy zastawie malego abo wielikyeo gymyeny, tedy ma-ly zastawą w myesczech (вместо mnyeyszych) w pienyądzoach, tedy gemv sądzą przysądzy pyenyadzi dopelnycz* [Dział 20. SSt., Т. II, з. 2(8), с. 135];
2. *dodać*: *Iako iest mał *Brzibek z Jaskem umovщ, eze gest mał dodacz duas marcas ad Nativitatem super hereditatem suam* (1400) [SSt., Т. II, з. 2(8), с. 107].

Как и в других случаях, для аддитивно-финитивных глаголов обычны конструкции с отрицанием. Например, для *dodać* из пяти словоупотреблений четыре репрезентированы контекстами с отрицанием. Ср. также [контекст] с отрицанием для вторичного имперфектива *dodawać*: *Iaco praue w ten czen (читается: dzień) ne dodawano penшczy, yaco smova bila, czso Szczepan пшczil* [1402 SSt., Т. II, з. 2(8), с. 107–108].

Синтаксические свойства аддитивно-финитивных глаголов те же, что и глаголов финально-комплетивного СГД. Обращает внимание на себя факт частотности выражения прямого объекта существительными со значением ‘деньги’, а также обозначающими предметный эквивалент денежной единицы (*pieniądzy dopelnic, nie dodawano pieniądzy, dodać duas marcas, Sandziwoy*

ne dodal *dzeszanczora scotu a szeszoranasze swini* (1396), [SSt., Т. II, z. 2(8), s. 107]). И в утвердительных и в отрицательных конструкциях представлена модель глагольной ситуации $V \rightarrow N_2$.

Примечание 1.

Примеры древнечешских глаголов аддитивно-финитивной разновидности см. в разделе о финально-комплетивном СГД.

Как и в древнепольском языке, в древнерусском оттенок аддитивности сопровождается финитивностью, ещё не выделившись в самостоятельное значение, как, например, в современном языке (ср. *досочинить*, *докупить*). В ряде случаев в словарях представлены контексты, где на первое место в нерасчлененном аддитивно-финитивном комплексе «смыслов» выступает значение финитивности. Ср. пример с глаголом *додати*: Тымъ вѣсомъ, што есми почали давати у Луцку, а *додали* есми у Сочавѣ (1388 г.) [Срезн. Т. I, ч. I, с. 690]. Ср. контекст с отрицанием комплетивности: ино у рубльа четверти не *дадасть* [Домострой 40, с. 112].

Ср. также поздний по иллюстрации его в Сл. РЯ XI–XVII вв. пример аддитивно-комплетивного глагола *домѣряти* ‘отмеривая, добавить (добавляти) недостающее до какой-либо меры’: А будеть того лѣсу чего недостанеть по мѣрѣ поперечнику, и тотъ поперечникъ *домѣрять* въ длинникъ... столко же сажень, чего... въ поперечникъ недостанеть. [АЮБ II, 473. 1694 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 308]. Как и в других акциональных типах префиксальных с *до-*, облигаторной является «ретроспективная ориентированность», наличие предыдущей стадии действия. Показатели такой соотнесенности с предшествующим этапом реализации действия могут присутствовать в контексте: ср. *початое* дополнитвати [Домострой 50, с. 119]; ср. также фрагмент вышеприведенного текста «*почали давати*».

Возможны контексты, где трудно определить, какая сема из семантического потенциала глагола в данном случае реализована. Например: а плѣснь счищать и подсытивъ *доливать* [Домострой 63, с. 128].

Только поздними примерами экземплифицированы выделяемые в Сл. РЯ XI–XVII вв. для некоторых глаголов с *до-* отдельные ЛСВ с семей аддитивности. Ср.: *дорубити*₂₍₂₎ ‘добавить в соответствии с разверткой’: Да сборщику въ гоняные наемные денги и въ мѣсечину *дорубили* три рубли [АЮБ III, 122. 1667 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 327]; *дослати*₂₍₂₎ ‘послать в дополнение к ранее посланному’: Тѣ хлѣбные недовозные запасы велѣно къ нимъ *дослатъ* [Дон. д. V, 614. 1660 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 330]. Возможно, аддитивность представлена в неясном десубstantиве *довервити* ‘добавить, отмеряя вервью участок определенной величины (?)’: А недостанеть техъ полецъ и поженъ в вервь, и мне Василью *довервити* к темъ польцамъ противъ Николы, что на Хвостѣ,

темь польцомъ. [Гр. Дв. I, 211. 1576 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 273].

В качестве объекта-орудия (средства) действия возможен денотат, выраженный вещественным существительным в N₃: а плеснь всегда счищать и *росоломъ допoлнивати* а которой росоль пахнеть затхолы и его сливать до свѣжмъ *допoлнивати*. [Домострой 63, с. 127].

5. Глаголы со значением результата длительного / интенсивного действия

Результативность длительного или интенсивного действия (длитель-но-усилительный подтип количественно-интенсивной разновидности количественно-результативного СГД [ТФГ 1987], «интенсивное или длительное действие, названное мотивирующим глаголом, довести до чего-л.» [Русская грамматика 1980], одна из четырех разновидностей интенсивно-результативного СГД [Стрекалова 1979], мутационные формации «назва-ние действий достижения цели» [Gramatyka 1984]) в настоящее время представлена (хотя, по всей видимости, с дифференциацией лексической мощности) во всех трех сопоставляемых языках. В отличие от остальных акциональных значений указанное репрезентировано главным образом глаголами с конфи́ксом “do-...się” (“do-...se”, «до-...ся»). О разной лексической мощности данного типа в сопоставляемых языках свидетельствует хотя бы тот факт, что в SD З. Н. Стрекалова обнаружила 38 глаголов

с формантом “do-...się” со значением интенсивно-результативного СГД (включая единичные — см. ниже — глаголы со значением отрицательных последствий длительного / интенсивного действия), в то время как в БАС одних только глаголов с семантикой негативных последствий длительно-интенсивного действия насчитывается более 100.

По-разному отражают этот акциональный тип и исторические словари трех сопоставляемых языков. В меньшей степени глаголы со значением цели / результата длительного / интенсивного действия представлены в SSt. При этом основной глагол с семой эффективности длительного целенаправленного действия, в отличие от «достигательных» глаголов современного языка, образуется только с помощью префикса. Это лексема *doczekać* «дождаться» и её синоним *dozdać*. С первым лексическим вариантом дано 4 контекста (1 с отрицанием), со вторым — один, что, судя по последующей утрате лексемы с корнем *ъzd-, свидетельствует о различии в их частотности.

Примеры употребления глаголов *dozdać* и *doczekać* в контексте:

dozdać: Odpovedyzjal anyol: Snam ya to, snam ya, yzesz zdrowa krolew(na) y penna mylosczy, alye tvoya myloscz zalosczy vyelykye *dozdala* [Rozm, 495, SSt., Т. II, z. 3(9), s. 174].

doczekać: Wrocza syш, dzewki moabycske, y odidzyta... Bo aczbich mogla tey to noci poczszcz sini y porodnicz, a wi chyele czekacz, doishdbi nye

wirozli z dzecynskich lyat, drzewyey bshdzeta babye, nyszly swadzbi s nymy *doczekacye* [BZ Ruth 1, 13. SSt., Т. II, s. 107].

Префиксальное образование для данного глагола достижения длительного целенаправленного действия характерно для древнего периода всех трех сопоставляемых языков (см. ниже).

Современному польскому языку известны две формы глагола *doczekać* — *doczekiwać* и *doczekać się* — *doczekiwać się*. Вторая форма отмечается как интенсивная (“forma wzmożniona”) [SD, Т. 2, s. 189].

Конкуренцию форм с *się* и без *się* отражает ST. Так, к словарной статье *doczekiwać* приведены примеры: 1. *na tego wojska nieprzyjaciel nie doczekasz tego; nie doczekam twojej matki; doczeka cię ta rzecz u mnie*; 2. *doczekam tego dalebóg; nie doczekasz potrawy jego; doczekałem śmierci jego* и выражение *doczekał sta lat*. В словарной статье *doczekać się* контекстных примеров меньше: *doczekałem się listów (nie doczekałem się listów z oyczyzny), doczekam się Pana twojego* и *nie doczekam się Pana twojego* [ST, s. 246–247].

Семы, формирующие интенсивно-результативное акциональное значение, выводятся из таких компонентов интерпретирующей части словарной статьи, как глагол со значением достижения результата (чешск. *dosíci, dosáhnouti*, нем. *erreichen* и т. п.) и соответствующая форма базового или синонимичного ему глагола (как правило, отглагольное существительное в соответствующем падеже или деепричастие). Например: др.-чешск. *dospati se* ‘spaním dosáhnouti, schlafend erreichen’; *doslúžiti se* ‘službou dosáhnouti’; *dosúdití se* ‘soudem dojítí, durch Richten erreichen’; др.-польск. *doczekać* ‘quae sperantur seu metuuntur expleta videre’; др.-русск. *доcъдъѣти* ‘добиться чего-либо ожиданием’, *домолитисѧ* ‘достигнуть просьбами’ и т. д. Показателем наличия указанного значения является употребление при толковании префиксального образования с *до-* (или *до-...-ся* и т. д.) глагола того же способа действия

с другим префиксальным средством, например, с приставкой *вы-*. Пример: *домолитисѧ* ‘вымолить’, *доcъдъѣти* ‘высидеть’ и т. п.

Кроме *doczekać / dożdać* в SSt представлено незначительное число глаголов анализируемого СГД. Вероятно, на базе этого значения возникло специальное *dosiedzieć (prawa)* ‘dopełnić zobowiązań, debita praestare, explere’ (ср. др.-русск. *доcъдъѣти*). Контекст: *Iacob ranczil Grzimcovi i tego szene za Bitinske, isz mu meli prava doszedzecz o fszitki rzeczy, a tegomu ne doszedzeli o czterdeszczci u oszmi grziwen polouicz (1406)* [Piek. VI 311 SSt., Т. II, z. 2(8), s. 142].

Из глаголов с конфиксом к результативам длительного / интенсивного действия относится *dosłużyć się*. Ср. примеры: *Oretur deum... pro omnibus nobilibus slachta..., ysby take radzycz dosluszly sya krolestva nyebyeskyego (XV)*; *Oretur deum pro omnibus fidelibus laboratoribus..., ysby... sya do krolestva*

nyebyeskyego *doslussyly* [Ibid. SSt., Т. II, z. 2(8), s. 144].

В качестве контекстуального синонима данному глаголу употребляются глаголы движения *dojść / dojíti*, *dostępic / dostupiti*, которые в переносном значении получают сему 'достижение, обретение'.

Примечание 2. О терминологическом значении производного субстантива *dosłużenie* см. в главе 2.

Обязательная для глаголов длительно-усилительного СГД ретроспективная соотнесенность может быть выражена средствами контекста, например, употреблением производящего глагола в ситуации, предшествующей ситуации, создаваемой производным результивом. Ср. в приводимом уже отрывке из «Библии королевы Зофьи»: ... a wi chcyele *czekacz*, *doiřdibi* [synu] nye wirozli z dzecynskich lyat, drzewyey břhdzeta babye, nyszly swadzbi s nymy *doczekacye*.

Представление о цели-результате имманентно присуще семантической структуре глагола длительно-результативного СГД. Не случайно в словаре Я. Гебауэра глаголы с конфи́ксом *do-...sě* даются с компонентом чехо: *doslůžiti sě čeho*, *dočísti sě čeho*, *dospati sě čeho*, *dosůditi sě čeho* и т. п.

Цель, достижение которой репрезентирует приставочный глагол или глагол с конфи́ксом *do-...się*, выражается, как правило, N_2 , редко предложно-падежной конструкцией *do + N₂* ($N = \text{Sub}, \text{Pron}_{\text{demonstr}}$).

Примеры моделей глагольных ситуаций:

$V \rightarrow N_2$: *Tegom ivze doczekala yze me sercze gorące strzala przesla* [Rozm. 504. SSt., Т. II, z. 2(8), s. 107]; ср. также в вышеприведенных контекстах: *załości ... dožďala, doslůžyli się krolestwa*.

$V \rightarrow \text{do } N_2$: *doslůžyli się do krolestwa* (полный контекст приведен выше).

При отрицании сохраняется N_2 : *Jeszcze dwoje rzecz byc [s. c. może], czemu Pilat nie doczekal odpowiedzenia albo nauczenia, co by prawda była* [Rozm., 787. SSt., Т. II, z. 2(8), s. 107]; ср. также: *tego... nie dosiedzieli* (см. контекст выше).

При $N = \text{Pron}_{\text{pers}}$ отмечен единственный пример $V \rightarrow \text{na } N_4$ (этимологически N_2) в глоссе: *Modica molestia, quia cares liberis, quia fortasse si hos haberes, omnem angustiam et dolorem cordis in eis conspicere posses na nych doczekacz mogla XV med.* [SSt., Т. II, z. 2(8), s. 107] (по всей видимости, перевод лат. *in eis*).

Большое число примеров с конфи́ксом *do-...sě*, репрезентирующих длительно-усилительный СГД, представлено в SG. Например: *dočísti sě* 'čtením (počítáním) čeho dosíci, lesend (rechnend) erfahren' «чтением (счетом) достичь чего-либо» (дочитаться, досчитать), *doslůžiti sě* 'službou dosáhnouti' «достичь службой» (дослужиться), *dospati sě* 'spaním dosáhnouti, schlafend erreichen' «достичь чего-либо сном», *dožádati sě* «выпросить, вымолить»,

dovrtiti se 'vrtěním dojítí' «добиться чего-либо вертением», *došeptati se* 'durch Flüstern erreichen' «добиться чего-либо шептанием» (дошептаться) и др.

Как и в древнепольском, в древнечешском языке также представлен глагол *dočekati* / *dočakati* / *dočkati*. В отличие от польского большое число примеров дано и с его синонимом *doždati*, что объясняется более древним характером древнечешских текстов.

Цель длительного / интенсивного действия и в глаголах с конфиксом *do-...se*, и в синонимах *dočekati* / *doždati* выражена N_2 ($N = \text{Sub, Pron}_{\text{pers}}$, $\text{Pron}_{\text{demonstr}}$, $\text{Pron}_{\text{relat}}$).

Примеры контекстов:

dočkati / *dočekati* / *dočakati*: [Pastucha] káza jim na Strachově státi a fwe truby *doczakaty* [Dal. C. 36]; Učedlníce *docžekali fu* pana ChelčP. 119^a; Tu mne *doczakata* Hrad. 75^b; ср. вторичный импфектив: toho nikoli *nedoczakawaty* [Dal. C. 10]. Из 21 примера с данным глаголом в SG только в одном представлен наиболее частотный в современном языке вариант с конфиксом: Když gľme *le* gich *doczkati* nemohli [Kol B 130^a (1499). SG, D. I, s. 280].

doždati: [Kateřina] z toho sna procítí... to vše snažně vzpomínajíc, co viděla i slyšala v téj otrapi, z niež *dozdala biele* teskna v sobě přemnoho [Kat. v. 862. SG, D. I, s. 320].

doslúžiti se: abychom *fye došľuzyly* viděnie i požívanie tvého svatého líce [Modl. 65^b]; chtě *le došľuziti* cti [Op. Mus. 154^a]; *fie došľuzyti* kráľovstvie nebeského [Otc. 369^a. SG, D. I, s. 304].

Цель длительного / интенсивного действия может быть выражена придаточными предложениями, вводимыми, в частности, союзами *aby*, *že*, *kdy*: Oltářnici nemohú *doczakati*, *aby* brzo služba božie se dokonala [Hus. Post. 14^b, SG, D. I, s. 280]; Třetie se jest [Marii] radost stala, když byešle toho *dozdala*, že před jejie mladé dietě králi přijedú [Vít. 21^b. SG, D. I, s. 320]. [Řekové] sotně mohú *doczekaty*, *kdy* by bylo léci spáti [Alx. V. 591. SG, D. I, s. 280].

Результат (или последствия) длительного / интенсивного действия могут не совпадать с намерениями (целью) субъектов действия. Такое несоответствие наблюдается, когда последствия действия являются нежелательными (неприятными) для его исполнителя. Например: *dotud budú tací spolu šeptati*, až *le došepcy*, že o nich bude i mluveno [Štít, Op. 332^a. SG, D. I, s. 312]; [ženy] *dotud šeptá*, až t' *fie něčeho* i *došepczy nehodného* [Šach. 301^a. SG, D. I, s. 312]. Противоречащий ожиданиям результат представлен в следующем контексте: *Lepšieho* sem se nadála a den ote dne čakala, plným mým srdcem žádala a juž t' sem *túhy doždala* [Hrad. 53. SG, D. I, s. 320] (надеялась на лучшее, ждала и жаждала его — дождалась горя, тоски). То, что в древнечешском представлено контекстуально (отрицательные консеквенции), в старорусском репрезентировано отдельными глагольными лексемами, причем не только с конфиксом «*до-...-ся*», но и с префиксом *до-* (см. подробнее ниже).

Негативные последствия реализации действия, выраженного глаголом с семой 'результативность длительного / интенсивного действия', могут быть обусловлены лексической семантикой базового глагола. Так, очевидно, что маловероятен позитивный результат действия, выраженного глаголом *dosvářiti se* «доссориться».

Ретроспективная ориентированность глаголов длительно-результативного СГД может быть выражена контекстуально. Ср. синонимический ряд глаголов с семой 'ожидание', предшествующий префиксальному *doždati* в контексте: *Lepšieho sem se nadála* a den ote dne *čakala*, *plným mým srdcem žádala* a *juž t' sem túhy doždala*.

Ср. также контекстуальную эксплицированность характеризующего пресуппозицию глагола *dočísti se* представления о наличии обязательной предшествующей стадии действия, выраженного базовым глаголом: *slušie t'všaké písmo čísti*, *zda by fie mohl doczyfy*, *pravé s křivým rozeznati*. [Vít 75^b. SG, D. I, s. 281]. Особенно большое число контекстов подобного рода представлено в словаре Я. Гебауэра для глагола *došeptati se*: *dotud [milenci] šepcí*, *až t' fie i doššepcí*, *že bude o nich i voláno [Štít Mus. 9^a]*; *[ženy] dotud šepcí*, *až t' fie něčeho i doššepczy nehodného [Šach. 301^a. SG, D. I, s. 312]*; ср. также контекст для этого глагола с придаточным, приведенным выше.

Обращает на себя внимание специфика рамочной конструкции, позволяющей эксплицитно проявляться такому свойству длительно-результативных глаголов, как ретроспективная ориентированность (модель *dotud... až*).

Глаголы рассматриваемого акционального значения часто употребляются в экспрессивно окрашенных высказываниях, что является в определенной степени (по крайней мере для части этих лексем) показателем их стилистической маркированности. Об экспрессивном характере таких высказываний свидетельствует употребление в них местоименного «усилителя» выражения: *tí (t') ... až t' fie i doššepcí, že...* (полный контекст см. выше): *Zda-li t' bych mohl na tobě rytierze doczekati z svého plemene [Op. Mus, 146^b. SG, D. I, s. 280] ... juž t' sem túhy doždala* (полный контекст см. выше).

В меньшей степени, чем для других акциональных значений, представлены для рассматриваемого значения контексты с отрицанием. Так, в SG из 22 примеров с глаголом *dočakati* с отрицанием приведено 5, для его синонима *doždati* из 9 словоупотреблений лишь в одном случае дан отрицательный контекст.

Из факультативных обстоятельственных компонентов глагольной ситуации в древнечешских текстах представлены, в частности: место действия (репрезентировано различными предложно-падежными конструкциями: *na + N₆*, *vedle + N₂*: *mniec, by gych na hradě nedoczakaly [Dal. C, 10 SG, D. I, s. 280]*; *toho fe spíš dowrtiś vedle Ježiše [Rokyc. Kl. 144^b, SG, D. I, s. 319]*),

качественная характеристика действия (ср.: *ješto jsú statečně sye dořluzylu božie milosti* [Štít. ř 205^b. SG, D. I, s. 304]).

В древнерусском языке значение достижения результата / цели длительного или интенсивного действия представлено как лексемами с префиксом *до-*, так и с сочетанием префикса с постфиксом (*до-...-сА*): *достоятати*₁₍₂₎ «достояться, дожждаться до чего-либо», *досѣдѣти* «добиться чего-либо ожиданием, высидеть», *дождьдати* наряду с *дождьдатисА* «дождаться», *домолитисА* «достигнуть просьбами, вымолить», *доискати* и *доискатисА* «добыть». Наличие двух вариантов (с *до-* и конфиксом) отражает конкуренцию в данном типе двух способов словообразования, из которых преобладающим становится со временем более новый второй.

Примеры контекстов:

дождьдати: и приде Дѣдь... Дорогобужю. и дожда ту вои своихъ. [ЛЛ 1377, 90 об. (1097); Глѣбови бо князю воротившюсА. ѡ(т) ПеретаславлА... и бы(с) ему вѣсть *ѡко не дождали* Половци. соньма его, ѣхалѣ воевать и воюють [ЛИ ок. 1425, 198 об. Сл. ДЯ XI–XIV вв. Т. III, с. 34].

дождьдатисА: и *дождьдавѣсА* его даи ему грамоту сию. [Пр. Юр. XIV, 36 а.]: наши же Бѣею помощю... *дождашасА* того великого полку [ЛЛ 1377, 121 (1169). Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 34].

доискатисА: а дружиною налѣзу сребро и злато. *ѡкоже* дѣдь мои и ѡць мои *доискасА* дружиною злата и сребра [ЛЛ 1337, 43 об. (996) Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 35].

Облигаторно присущая внутренней семантической структуре глагола со значением длительного / интенсивного действия цель выражена N₂ и реже (только в случае префиксального словопроизводства) N₄. Глаголы с конфиксом употребляются только с N₂.

Примеры моделей глагольных ситуаций:

$\boxed{V \rightarrow N_2}$:

достоятати: и поча и(м) молвити се бра(т)е стоимы седе чего *достоймы* седе [ЛИ ок. 1425, 154 (1151). Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 73];

доискати: На ино можеша тверди *доискати* собѣ. [Пч. к. XIV, 129 об. Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 35].

Имманентно присущий «достигательному» глаголу объект достижения результата может быть опущен, являясь потенциальным компонентом глагольной ситуации. Например: не вѣдущю никомуже придо(х) в печеру... поча(х) копати... и не могуче сА *докопати*. нача(х) тужити куда како на страну копаемъ [ЛЛ 1377, 70 (1091). Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 40].

$\boxed{V \rightarrow N_4}$ (N = Pron *что*):

досѣдѣти: и оумыслі сице. посла ко граду глѣши. *что* хочете *досѣдѣти* а вси гради ваши предашасѣ мнѣ. [ЛЛ 1377, 16 об. (946). Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 74].

Частотность глаголов с отрицанием, особенно для глаголов с большим числом контекстов, довольно значительна. Так, для *дождьдати* из 12 примеров половина дана с отрицанием. Примеры модели $V \rightarrow N_2$ с отрицанием: *аже* хочеть тои. ночи быти с нею. *и не дождавъ коурь*. и не поспавъ. нѣтоу грѣха. [КН 1280, 536 г.]; они же оканьнии кр(с)топрестоупници. *не дождавъше свѣта* побѣгоша. [ЛН XII–XIV, 146 об (1268). Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 34].

В некоторых контекстах с $N = \text{Sub}_{\text{tempor}}, \text{Adv}_{\text{tempor}}$ просматривается терминативное значение (оттенок ‘дожить’, не предусматривающий целенаправленной длительности-интенсивности базового глагола, ср. др.-польск. *doczekać jutra*): *дождьди свершена възраста*, тогда воюи [Пч. к. XIV, 14 об. Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 34].

Как и в сопоставляемых западнославянских языках, ретроспективная ориентированность акционального значения результативности длительного целенаправленного действия может быть выражена контекстуально, употреблением в части высказывания, передающей предшествующий этап действия, базового глагола: *се бра(т)е стоимы* сде чего *достоймы*; *поча(х) копати...* и не могуче *сѣ докопати* (полные контексты приведены выше).

В отличие от польского и чешского языков в русском сформировался продуктивный класс глаголов (обычно с конфиксом *до-...-ся*, реже с префиксом *до-*) со значением негативного результата / негативных последствий реализации действия длительного характера. В современном языке эти формации имеют характер потенциальных, то есть в принципе могут быть образованы от любого глагола, называющего длительное действие. В большинстве случаев данное значение сочетается в глаголе со значением результата длительного / интенсивного действия, в некоторых — с другими акциональными семами (ср. *доучиться* — лимитивность, финитивность и отрицательный результат). Есть глаголы (преимущественно отрицательной лексической семантики), в которых акциональное значение негативного результата выделяется словарями как единственное (ср. *добаловаться, довраться* и т. п.).

Начало формирования финально-отрицательного подтипа (ср. [ТФГ 1987, с. 76–77]) отражено историческими словарями. Так, в Сл. РЯ XI–XVII вв. зафиксированы *допити*₂₍₂₎ ‘питьем довести себя до дурных последствий’, *допоити* ‘заставляя пить, довести до дурных последствий’, *доходить* ‘хождением довести себя до каких-либо неприятных последствий’. Контекстуальное значение отрицательных последствий (ср. приведенные выше древнечешские примеры) можно усмотреть в примере, экземплифицирующем *достроити*₃₍₃₎ ‘заботясь о ком-либо, довести до какого-либо состояния’: *Сѣу, иж(е) [есть] на сем свѣт(ѣ) сладкаго,*

тѣм ты вскормих, а ты мя *достроиль*, як(о) хлѣб свои в земли ядах. [Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4, с. 340].

Примеры контекстов (все относительно поздние — XVI–XVII вв.):

допоити: Архимарить... опоиль виномъ насилу старца, имянемъ Анорья, принуждалъ его насилу пить и *до тово допоиль*, что тотъ старецъ... скончался [Чел. солов. ин. Суб. Мат. III, 52. 1666 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 318].

доходитися: А от мене отступу нѣтъ, *даходился*, гс}дрь, ездокъ. [Грамотки, 179. XVII–XVIII вв. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 346].

допити: А на Сторожех *до чего допили?* Того и затворити монастыря некому, по трапезе трава растет. [Ив. Гр. Посл. 180 XVII в. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 318].

Сопоставление вышеприведенного контекста для *допити* (современный глагол *допить*) с польским соответствием *do pić się* (устар.) ‘urіć się’ «много выпить» явственно демонстрирует разницу в семантике и синтаксических свойствах этих формальных аналогов: *Może go jeszcze pić poprowadzisz — odezwała się trochę gniewnie — on już i tak, aż mi było wstyd, dopił się przy wieczery maderą i wgrzyznet* [SD, T. 2, s. 261].

Число глаголов со значением негативного результата (отрицательных последствий) постепенно возрастает. Так, в Сл. РЯ XVIII в. отмечены следующие новации XVIII в.: *допить*, *дovorчатся*, *додружиться*, *досмеяться*, *довратъ*. Ряд новых слов и ранее известных имеет просторечный или разговорный характер (пометы *прост.*, например, указаны для *дovorчатся*, *довратъ* / *довиратъ*, *досидеть кого* ‘изыскать возможность, случай нанести вред кому-либо’). В современном русском языке большинство формаций этого типа — также принадлежность разговорного стиля или просторечия. Ср. стилистическую маркированность некоторых контекстов с «достижимыми» глаголами

с конфиксом *do-...sё* в древнечешском, включая показатели экспрессивности в незначительном числе контекстов со значением нежелательных / отрицательных последствий (местоименный «усилитель» *ti – t’*).

Вероятно, такая же функция *ти* представлена в древнерусском контексте для *дождьдати*: князь же рче. *ѡ не дождочю* (в др. сп. *не дождоу*) *ти та* того [ЛИ ок. 1425, 235 (1199) Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 34]. Ср. отличие в употреблении дат. п. *собѣ*, обозначающего адресата действия, одновременно являющегося и субъектом действия, выраженного глаголом *доискати*: На ино можеши тверди *доискати собѣ*.

а оуне смѣрти вси живемъ въ градѣ не ѡграженѣ [Пч. к. XIV, 129 об. Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 35].

«Итоговый» характер результата со значением негативных консеквенций, как и в других «достижимых» глаголах, может быть подчеркнут контекстуально, например, предшествующим производному результату рядом однокоренных с базовым глаголом:

Архимарить ... *опоил* ... старца, ... принуждал его ... *пити* и до тово *допоил*, что ... (полный контекст см. выше).

Как и в глаголах-результативах без негативности последствий реализации длительного / интенсивного действия, в анализируемом акциональном подтипе в качестве второстепенных компонентов глагольной ситуации возможны обозначения места действия, средства-способа его осуществления. Место может быть выражено конструкциями на + N₆, противу + N₃ (N = Sub_{loc}) и др.: Слышавъ же Константинъ вѣсть ѿ(т) ѿца своѣго... и дожда^а ѿца на Москвѣ. [ЛЛ 1377, 145 об.(1207) Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 34]; Игорь же ... дожда^а Стослава *противоу Вышегородоу*. [ЛИ ок. 1425, 218 (1180) Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 34]. Средство / способ действия передается N₅: ср. не добра дань княжемы *са доискахомъ иружьемъ* ѿдиною стороною (остромь). рекоша *саблами* [ЛЛ 1377, 6 Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 35]; ср. также: *такоже дѣдъ мой и ѿць мой доиска^а дружиною* злата и сребра (контекст приведен выше).

Широко употребляются глаголы со значением отрицательного результата / отрицательных последствий длительного или интенсивного действия в диалектах русского языка. Например, в русских говорах Забайкалья отмечены глаголы *докамневать*, *донайданить*, *доснаровлять*, которые соответственно определяются как ‘довести себя до каких-либо последствий’. Приведенные же контексты определенно указывают на отрицательный характер этих последствий: *Докамневали*, что оба *без глаз остались*; *Донайданит*, что *без итанов останется*;

До того *доснаровлял*, что потом, когда вырос, *работать не захотел*. Для глаголов *доканькать*, *докарнакать*, *доладонить* (от *ладонить*), *долабзунить*, *докаючить* в толкованиях подчеркивается сема ‘чрезмерности действия’ (приставания в *доканькать*, прыганья в *докарнакать*, пересыпания из ладони в ладонь в *доладонить*, предсказания чего-либо недоброго в *докаючить*, угодничанья в *долабзунить*). Контексты же свидетельствуют о том, что эта чрезмерность также обуславливает негативный характер последствий: *Канькай, канькай, доканькаешь*, что *попадешь кому-нибудь на зуб*; *Докарнакал*, что *пятку отбил* у правой ноги; Вот и *докаючил*, что в дом *перестали добрые люди пускать*; Он *долабзунит*, что *последнюю каплю совести потеряет*; Полчаса ладонил горсть мака и до того *доладонил*, что *от мака ничего не осталось, все на ветер ушло* [Элиасов 1980, с. 102–103].

О проблеме перевода глаголов со значением негативности результата на языки, в которых такая категория представлена единичными лексемами, см. [Ананьева, 1996].

6. Фактитивы и другие акциональные типы

Префиксальные с *до-* / *до-* могли в древний период развития славянских языков выражать значения, которые впоследствии не стали характерными для какой-либо группы глаголов, не сформировали какого-либо нового способа действия, а их словообразовательный маркер не вошел в инвентарь средств существующих СГД.

Так, старорусскому языку известен глагол с конфиксом *до-...-ся* *допрашатися*, в котором проявляется значение дистрибутивного способа действия, поочередная охваченность действием множества объектов. Ср. трактовку глагола в Сл. РЯ XI–XVII вв.: ‘узнать, найти, расспрашивая *многих* людей’. Пример контекста: И вѣставша старца идоста в село то и *допрашастася* двора того. [Пролог (Срз), 130 об. XV в. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 320].

Однако это средство не стало одним из показателей дистрибутивного СГД в русском языке, хотя в каких-то других славянских языках префикс *до-* мог бы стать если и не основным показателем дистрибутивных глаголов, то во всяком случае «соучастником» в образовании глаголов со значением дистрибутивности (ср. польск. диалект. *dopodosuruwać* [Szymczak, 1965]).

В ряде случаев префикс *до-*, по крайней мере, если судить по интерпретациям соответствующих глаголов в исторических словарях, вообще не меняет лексического или акционального значения производящей базы, выполняя лишь функцию перфективатора, или (при соотнесении с семантической сущностью категории вида понятия о результативности [Karcevski 1927, Стендер-Петерсен 1934, Мучник 1971]) вносит значение «нетендентивного результата» (термин А. В. Бондар-ко). Такой результат не выводим из интерпретации глагольной лексемы в словарных источниках, и его констатация, сопряженная с известными трудностями, нередко опирается на языковое чутье интерпретатора. Будем называть глаголы, в которых исследователь констатирует наличие результата подобного рода (т. е. не осложненный какими-либо другими «смыслами» факт свершения действия), фактитивами. Не исключено, что при приведении в интерпретирующей части словарной статьи соответствующей лексемы современного языка, составители словарей не всегда передают тот оттенок значения, который вкладывался в данный производный глагол средневековым носителем языка. Так, контекст, приведенный для др.-русск. *дочитати* ‘прочи-тать’, допускает также трактовку *дочитати* через современный глагол *вычитать* (особенно, если вспомнить о возможности выражения результата длительного / интенсивного действия в древнерусском не только глаголами с конфиксом «*до-...-ся*», но и приставочными, ср. *доискать* — *доискатисѧ*, *дождьдати* — *дождьдатисѧ*, *досѣдѣти* и др.). Пример контекста: к нему же Селевстръ ѡ(т)вѣща: «и ты которымъ имени тому наоученъ ѡси? ѡ(т) иного ли

слышалъ **кси** или *дочиталъ **кси**?*» [ГА XIII–XIV, 208 б. Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 76].

К фактитивам в соответствии со словарной интерпретацией относится, по всей видимости, *дозьрѣти* ‘увидеть’ (ср. зрѣти ‘видеть’), *дознати* ‘дознаваться, узнать’, польск. *dowiedzieć się*, др.-чешск. *dočiniti (sě)* в одном из значений, выделяемых в SG (*učiniti, machen*), возможно, одно из значений др.-польск. *dozrec*.

Примеры употребления глаголов в контексте:

- 1) *дозьрѣти*: **къ**ма же по (в) **ѣрѣ** оумьныма очима. *дозьримъ **къ***го. аще и недо||мыслимъ **къ**сть б~ь [Сб. Тр. XII / XII, 56 об.–57 Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 34].

Во вторичном же имперфективе *дозирати*, отмеченном в Сл. РЯ XI–XVII вв., но не представленном в Сл. ДЯ XI–XIV вв., зафиксированы только специальные лексические значения: 1. осуществлять надзор, присматривать за кем-либо, чем-либо; 2. производить осмотр, обследовать; осматривать; 3. нести сторожевую службу; 4. производить обследование населенной территории с целью уточнения данных писцовых книг. Представлены также имперфективы *дозривати* = *дозрити*₄₍₄₎, *дозаривати* ‘обследовать с целью учета, контроля’ и *дозрѣвати* ‘наблю-дать, присматривать’. При этом в глаголах совершенного вида *дозрѣти* и *дозрити* в Сл. РЯ XI–XVII вв. также приводятся новые по сравнению с зрѣти лексические значения: *дозрѣти* — те же значения, что у *дозирати* (все, кроме третьего), у *дозрити* — второе и четвертое глагола *дозирати*. Сема ‘наблюдение, осмотр’ лежит в основе всех ЛСВ производного субстантива *дозоръ* и конституирует значение SD *дозрѣние*.

Именно имперфектив *дозирати*, а не глагол совершенного вида является чрезвычайно частотным в старорусском языке, на что косвенно указывают его многозначность и значительное число экземпляров для каждого значения в Сл. РЯ XI–XVII вв. Данный глагол в значении ‘надзирать, присматривать за чем-либо’ чрезвычайно частотен в силу лексической специфики этого произведения в «Домострое» (хозяйственные советы и т. п.). Ср. например, названия некоторых глав «Домостроя»: глава 37 «Какъ по вся дни государыни *дозирати* у слугъ всего, и домашние порядни, и рукодѣлья, и о самой ей о всякомъ брежении и строении», глава 48 «У поваровъ и у хлѣбниковъ и везде всякой порядни ключнику *дозиратъ*», в тексте: в конюшне бы *дозирати* по вся дни... [56, с. 123], А коли пирь болшой ино всюды самому *дозирати* и в поварне и в хлѣбне [50, с. 119] и мн. др.

- 2) *дознати* (поздний пример): Кабы я сеи случаи *дазнал*, то бы я и всѣ дѣло покиня да самому ехат. [Грамотки, 230. XVII–XVIII вв. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 287]. Глагол прямо-переходный (V → N₄).

- 3) *dočiniti*: Nebo gez *fi doczynyl*, zkazili sú quae perfecisti [Ž Klem. 10, 4]; (Büh) šipy své horúciemi *doczynyl* effecit [Ž Pod. 7, 14]. В «Витте-бергской псалтыри» представлен вариант с *o-*: šipy své horúcie *oczynyl* [SG, D. I, s. 281].

Глава 2. Некоторые лексические значения префиксальных глаголов с *do-* / *do-* в древнепольском, древнечешском и древнерусском языках

1. Префиксальные глаголы с семой ‘хорошо’, ‘как следует’

Общим для сопоставляемых языков является возникновение на базе акционального значения комплетивности, доведения действия до конца лексического значения ‘хорошо’, ‘надлежащим образом’, ‘как следует’ и под. Так, в SSt для *douczyć* указывается значение «*dobrze* (się) *nauczyć*, *recte docere*», которое безусловно сформировалось из переосмысления первоначального ‘учить до конца’ (то есть закончить, завершить процесс обучения), зафиксированного, например, в др.-чешск. *doučiti* “*do konce* *vyučiti*, *zu Ende* *lehren*”. Как и в других глаголах cessативного СГД, глагол экземплифицирован контекстами с *nie* (все 2 примера с глоссами): *Nye douczony* *idiota*; *nye dowczony* *any* *dobrze* *pysma* *nye* *rozwmueyaczy* [SSt, T. II, z. 3(9), s. 167].

Соответствующий русский материал представлен в Сл. РЯ XI–XVII вв. довольно поздними примерами (все XVII в.). Ср.: *дослышати* — 1. *хорошо* слышать, обладать нормальным слухом; 2. *внятно* услышать; *досолилися* — просолиться *в надлежащей мере* (контекст: Медлители, дабы тыя рыбы или зѣлно не просолилися, или бы не *досолилися* [Вел. Зерц., 62. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 331]); *доходити*₆₍₆₎ — выхаживать, уходом доводить *до желаемого состояния* (контекст: А тѣло бѣ у кречетовъ не убавливать, а розметоватца не давать, а *доходить* сквернами да водениною да держаньемъ [Пис. к Матюшкину. 28. 1650 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 346]).

Подобная качественная характеристика может возникнуть и на базе лимитивного акционального значения. Так, в *dojadać*, определяемом в SSt как «*jeść do syta*, *edere quantum satis est*», она возникла из представления определенного предела как нормы.

2. Глаголы с префиксом *do-* / *do-* как единица измерения расстояния

Некоторые глаголы перемещения со значением лимитивности во всех трех сопоставляемых языках употребляются в выражениях, являющихся своеобразными единицами измерения расстояния. Например: др.-русск. *доврещи* (*доврещи каменемъ*), др.-чешск. *dovrci* (*dovrci z praka*, *dovrci kamenem*), *dolúčiti* (*dolúčiti kamenem*), реконструируемый на основании приведенного в SSt субстантива *dostrzelenie* др.-польск. *dostrzelić*.

Ср. примеры:

довреци: Вдале есть, яко можетъ человекъ *довреци малымъ каменемъ. Дан. иг.*; И то есть близъ стѣны городныя, яко *довержетъ* мужъ *каменемъ Ibid.* [Срезн. Т. I, ч. 1, с. 686]. Возможно и опущение наименования «бросаемого» предмета, при сохранении тем не менее значения глагола как единицы измерения расстояния. Например: И ту есть новѣ методия святаго Савы, и есть же близъ отъ столпа, яко можетъ *доверечи* [X. Дан. иг. 26. 1496 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 273].

Позднее в качестве аналога др.-русск. *довреци* использовался в подобных выражениях глагол *добросити*. Ср.: Повели уже гору другую... а вышину многимъ выше Азова города, а ширина, какъ мочно... *добросит каменем.* [Аз. пов., 150, XVII–XVIII вв. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 266].

dovrci: ot břěha by pláně taká, jakž by mohl *dowrczy z praka* [Alx. V 578] (то есть на расстоянии, равном выстрелу из пращи); *Když [pústenník] k téj jěskyni tak, jakžto by kamenem dowrhl, sě přiblíží, počěchu mu nohy trnutí* [Pass. 341. SG D. I, s. 319].

Образцом для такого использования этих глаголов, по всей видимости, послужил глагол *дострѣлити*, в том или ином виде (ср. др.-польск. *dostrzelenie*, др.-чешск. *dostřelenie*) представленный во всех трех сопоставляемых языках. Этот глагол употреблялся в качестве показателя расстояния (первоначально: на которое пролетает стрела, пущенная из лука). Ср. *Сѣде* подаль *іако дострѣлити* (ὠδεῖ τόξου βολῆγ, quasi arcus iactus) XIV в. [Срезн., Т. I, ч. 1, с. 715]. Как называющий определенную единицу измерения данный глагол может сопровождаться показателями количественности: А отъ Вскресенія Христова до Святая Святыхъ есть вдале, яко *двожды дострѣлитъ* мужъ. *Дан.иг*; А отъ ветхаго монастыря Иоаннова вдале, яко *двожды дострѣлитъ* добрый стрѣлецъ *Ibid.* [Срезн., Т. I, ч. 1, с. 715].

Отглагольные существительные др.-русск. *дострѣлениѣ* и *дострѣль*, др.-польск. *dostrzelenie*, др.-чешск. *dostřelenie* являются своеобразной единицей измерения (расстояние выстрела — исторически: стрелы из лука), также употребляясь с количественными показателями. Ср. др.-русск. *юдиногo* *дострѣлениа*; *юдиногo* *дострѣла*; *мѣсто* близъ яко *двою дострѣли* вдале отъ *рѣкы* Иердановы [Срезн., Т. I, ч. 1, с. 716]. Пример др.-польск. контекста с субстантивом *dostrzelenie*: *A gdysz gey bilo wodi nye dostanye w lagwyczi, posadzi dzeczyш pod drzewem..., y gydze precz, y szywdze ot nyego na dostrzelenyu* (seditque e regione procul, quantum potest *arcus iacere*) *y rzekla...* [BZ Gen. 21, 16. SSt., Т. II, z. 2(8), s. 155–156]. Ср. в том же контексте в древнечешском представлен перевод лат. *arcus*: *na dořtrizení luczi* [SG, D. I, s. 311]. Ср. также пример с древнечешским *dolúčiti*, синонимичным *dostřeliti*: [Ježiš] *vzdálil se jest od těch tří apoštolóv tak daleko, jakož by kto mohl kamenem dolúčzyti* [Op. Mus. 79^a]; *takdaleko šed, jako by mohe kamenem dolucziti* [Kruml. 161^b. SG, D. I, s. 290].

С аналогичным по своей природе явлением мы имеем дело в сопоставляемых языках при обозначении предельно большого для человеческого восприятия расстояния фразеологическими сочетаниями, состоящими из глагола перемещения (приставочного или беспрефиксального) и лексического ряда *glaz / взгляд / oko / wzrok ...*: так далеко, как только может *охватить глаз // взгляд, Jak (daleko) gdzie okiem // wzrokiem sięgnąć* и т. д.

3. Лексика судопроизводства и делового стиля

Общим между сопоставляемыми языками является, как уже отмечалось, большой процент глагольной лексики, связанной с судопроизводством. При этом реже глагол во всех своих отмеченных в словарях значениях принадлежит к *verba jurisdictionis* (например, др.-польск. *dowinić się, dorozuwać się, dosądzić*).

Обычно к юридическим терминам относится часть специализировавшихся значений префиксального глагола с **do-**. Так, для многих приставочных с **do-** в древнепольском языке представлены ЛСВ, обозначающие действия, относящиеся к осуществлению судопроизводства, регламентации правовых норм и т. п. Например: *dobuć* «(кого-либо) победить, добиться для кого-либо обвинительного приговора, *aliquem legis actione vincere*», *dokazać₂₍₃₎* и *doskazać* «признать в судебном порядке, по суду, присудить, издать приговор», *dokonać₇₍₉₎* «осудить» и *dokonać₈₍₉₎* «обратиться в высшую инстанцию, апеллировать», *doliczyć₂₍₅₎* «доказать какую-либо вину, осудить, победить кого-либо (в суде)» (и в *doliczać₂₍₂₎* *świadka* «представлять свидетеля»), *domówić się₃₍₃₎* «заявить, дать показания (в судебном процессе)», *dotknąć₂₍₆₎* «касаясь (рукой), призвать к немедленному ответу в суде, *manu tangendo citare*», *dostać roku* «явиться вовремя (в суд и т. п.)». В ряде случаев показателем такого значения лексемы является сочетание ее с существительным *prawo*:

а) в творит. п. ед. ч.: *dosiąć₃₍₄₎* и *dosięgnąć₂₍₂₎* *prawem* «обвинить, подвергнуть обвинению; получить в силу приговора», *doznać₂₍₂₎* *prawem* «получить, добиться для кого-либо обвинительного приговора», *dojść₃₍₆₎* *prawem* «получить обвинительный приговор, *iudicum sententia rem suam probare*», *dochodzić₄₍₄₎* *prawem* «получать по приговору суда, *iure lucrari*»; б) в род. п. ед. ч.: *dosiedzieć₂₍₂₎* *prawa* «выполнить обязательства», *dopomoc prawa* «*litiganti adesse testimonium non recusando*, помочь стороне своим показанием в ходе процесса». Часть этих глаголов репрезентирована в SSt только глоссами (ср. 3 глоссы для *doliczyć₂₍₅₎* и

1 для *doliczać₂₍₂₎*, 16 глосс для *dokazać₂₍₃₎* и 1 для варианта *doskazać*, 2 глоссы для *dojść₃₍₆₎* *prawem*, глоссы для *dopomoc prawa* и *domówić się*). Приведем примеры с контекстами на польском языке.

dokonać₇₍₉₎. В SSt дан пример с кратким страдательным причастием м.р.: *Gdzie grzech sztal są, onym prawem, kthorego ona wyesz*

pozywalaby, ma bicz sządzon alyko (вместо аlybo) *dokonaan* (... debeat iudicari sive terminari) [Sul. 43. SSt., T. II, 2(8), s. 118].

Для *dokonać*₈₍₉₎ в двух словоупотреблениях из Ort. Mac. представлена возвратная форма глагола: Layely ktho ortel, a *dokona szye* szlowye, ysz poszle po wysze prawo, a nye ostogy szye yego ortel, tedy ma pokupycz kaszdemu przyszyasznykowy XXX szelagow, ... a <nie> *dokonaly szye*, szlowye poda (= podda) pyrwey, ysz ne trzeba szlacz do wyszego prawa, tedy pokupy wszyszthkym *przyszyasznokom XXX szelagow [SSt, T. II, 2(8), s. 118–119].

dosiedzieć prawa: Iacub ranczil Grzimcovi i gego szene za Bitinske, isz mu meli *prawa doszedzecz* o fszitki rzeczy, a tego mu ne doszedzeli o czterdzeszcz i uszmi grziwen polouicz [1406 Piek. VI 311. SSt, T. II, z. 8, s. 142].

dosięgnąć prawem: Zapowyedzaly komu yego gymyeny, a on doma nye byl, ...a to gymyeny jest oszalowano, szlowye *prawem doszyagnyono*, ...ten szye moze zaszak zwemu gymyenyu czyagnacz [Ort. Mac. 120. SSt, T. II, z. 8].

dosiąc prawem: Zapowyedzyalem yeden kony poszpólnym poszlem y *doszyaglem go prawem* [Ort. Mac. 45, SSt., T. II, z. 8].

Некоторые из перечисленных глаголов образуют синонимические ряды. Так, синонимами являются глаголы *doznać* и *dosiąc* (*prawem*), на что указывает возможность замены одного другим в аналогичных местах Ort. Mac. (1) и Ort. Br. (2):

(1) A nye odpowyedzial-ly w szadzyech ten to, czo mu tho gymyeny zasthawyono, a nye *doszna-ly* yego *prawem* pyrzwey, nyszly przysziedl dzyen zaplaczynya... tego to, czo gymyeny w sz<w>em dludze zapowyedzial, thedy tho zapowyedzone (вместо *zapowyedzenie*) ma przod gydz y mocz myecz podlug prawa. [SSt, T. II, z. 3(9), s. 174].

(2) A nye opowyedzely w szadzyech ten, czo mu tho gymyeny zastawyono, any *doszagl* gego *prawem* pyrwey, nyszly przysziedl dzen zaplaczynya tego, czo gymyeny w sz<w>em dludze zapowyedzal, tedy zapowyedanye ma mocz myecz przed szya. [SSt, T. II, z. 2(8), s. 142].

Терминологическое значение имеют и ЛСВ некоторых компонентов словообразовательных гнезд вышеприведенных глаголов. Например, для глаголов *dokonać* / *doskonać*: адъектив *doskonały* в ЛСВ 'свободный от юридических недостатков', субстантив *dokonanie* в двух его ЛСВ_{2, 3(3)} — как SV 'вынесение приговора, решения' (2) и SD 'приговор' (3). Большинство приведенных примеров производного от *dokazać* имперфектива *dokazować* иллюстрирует также специальное юридическое значение глагола 'доказывать чью-либо правоту (в судебном споре)' — *in iudicio*.

В ряде случаев терминологическое значение отражено только в производной от глагола формации. Например, для SV *dosłuzenie* указано значение 'вина': *Oszczovye vyną szynow s gymyeny bywayą pądzeny a przywyedzeny przez dosłvzenye gych kv wyelgemv vboszstwv (patres ... deducuntur absque demeritis ipsorum ad nimiam paupertatem)* [Kod. Sul. 45].

В «Кодексе Дзялыньских» употреблен синоним *wina*: *nye dla wyny oczczowskyey*. [SSt., Т. II, з. 2(8), s. 144].

Таким образом, производная лексема может быть косвенным показателем возможного, но не отмеченного в словаре того или иного (в данном случае терминологического) значения производящего глагола.

В качестве дополнительного контекстуального показателя указанного специального значения, связанного с процессом судопроизводства, может выступать сирконстантный компонент глагольной ситуации. Так, для глагола *dobuć*₂₍₆₎ таким показателем часто являются предложно-падежные конструкции *w sądzie* «в суде» и *przed prawem* «перед лицом правосудия». Например: *Laurencius ne przeprosil Andream... po tem, iaco go w sądzie dobył* [1399 Leksz. I N 3039]; *Gdyby komu wydano... yego dlusznika..., a uszry gy gyny, komu tesz dluzen..., mozely gy tesz gabacz o szwoy dlug y dobycz przed prawem?* [Ort. Mac. III. SSt., Т. II, з. 2(8), s. 100].

Возможен контекст и без такого показателя: *Iako praue Wlost pirzwey zazwal Zawisza, nisz pani dobyła kmezza* [1405 SKJ III 196. SSt., Т. II, з. 2(8), s. 100].

Не являясь юридическими терминами *sensu stricto*, префиксальные глаголы с ЛСВ ‘доказать’ (лат. *probare, demonstrare, ostendere, convincere; docere*) в силу того, что действия подобного рода обычно связаны с процедурой судопроизводства, также иллюстрируются материалом литературы, отражающей правовые аспекты жизни средневекового человека (кодексы, судебные записи, акты, так называемые ортыли — юридические указания судов больших городов местным судам).

К числу таких глаголов относятся следующие: *dokonać*₆₍₉₎, *dokazać*₁₍₃₎, *dowieść*₂₍₃₎, *doświadczyc*₁₍₆₎. Так, для глагола *dowieść*₂₍₃₎ «представить доказательства против кого-либо» из 37 контекстов лишь один дан из литературы, не относящейся к судопроизводству (произведение Анджея Галки). Для остальных глаголов все примеры с семой ‘доказать’ извлечены из юридической литературы. Для члена словообразовательного гнезда глагола *doświadczyc*₁₍₆₎ // *doświadczyc* // *doświadczyć* причастия *doświadczony* известно и специальное юридическое значение ‘*culpaе seu poxae convictus*’ «которому доказана его вина», экземплифицированное примером из Библии, но относящимся к судебным нормам жизни: *Ktory bi vkradł czlowyeka a przedał doszwyatczon wyny szmyerczyusz vmrzecz ma* [BZ Ex. 21, 16. SSt., Т. II, з. 3(9), s. 162]. Управление родительным падежом — перевод лат. *convictus poxae*.

Указанные ЛСВ образуют синонимический ряд, что доказывается их взаимозаменяемостью в идентичных контекстах. Ср. контексты для *dokonać*₆₍₉₎ и *doświadczyc*₁₍₆₎: *Doswyathczyl uel (= vel) dokonal probauit* [Ort. Cel. 9]; *Paknyaliby po rok v thą skargą rvszycz chczal, czso thedy powyedze, rostopnye przez podobne swyatki winyen bącz doszwyathczicz* [Kod. Sul. 21]

при *swiadcetwem* ma nany *dokonacz* [Kod. Dział. 33] (*rationabiliter per idoneos testes teneatur comprobare*) [SSt., T. II, z. 3(9), s. 161].

Ср. примеры синонимии *dokazać*₁₍₃₎ и *dowieść*₂₍₃₎: *Causati sumus vel rationem ostendimus dokasszalizmy a dowyedly* при наличии в варшавских и калишских судебных записях одного глагола: *dokazalischmy ostendimus, causati enim sumus Judaeos et Graecos omnes sub peccato esse* [SSt., T. II, z. 3(9), s. 171].

На тождество семантики косвенно указывают и аналогичные синтаксические свойства. Так, для *dowieść*₂₍₃₎ и *dokonać*₆₍₉₎ прямой объект стоит или в беспредложном род. (N_2), реже вин. (N_4) или выражен предложно-падежной конструкцией «о + вин. п.» (о N_4); объектный детерминант, обозначающий лицо, на которое направлено действие, выражен предложно-падежной конструкцией «на + вин.» ($N = \text{Pron}_{\text{pers}}, \text{Sub}_{\text{pers}}$ при $\text{Sub}_{\text{masc pers}}$ вин. = род.); обстоятельственный детерминант, передающий средство (способ) действия — беспредложным твор. (N_5).

Примеры контекстов с различными моделями глагольных ситуаций:

(1) а) $\boxed{V \rightarrow N_4}$ ($N = \text{Pron}_{\text{demonstr}}$):

... a kako to ma *dokonacz* albo *dokazacz* albo *dowyeszcz* [Ort. Br. VI 365] (Ср. наличие в этом ряду также синонима *dokazać*). *Thedy ten, czo zalowal, layal szwem ortelem y rzecznykyem temv ortelowy, czo wyrzekly przyszyasznyczy. Azaly nathychmyasth to dowyeszcz?* [Ort. Mac. 81. SSt., T. II, z. 3(9), s. 170–171].

б) $\boxed{V \rightarrow N_2}$. Объектный детерминант в форме беспредложного род. п. фиксируется значительно чаще, чем N_4 . Так, для *dokonać* из 8 цитат с прямым объектным детерминантом (при отсутствии указания на лицо) только в одной представлен N_4 ($N = \text{to}$, см. выше), в одной N_2 употреблен с отрицанием (которое всегда требует замены $N_4 \rightarrow N_2$), а в 6 зарегистрирован беспредложный N_2 без отрицания. При этом многообразна лексико-грамматическая представленность N : $N = \text{Sub}_{\text{-anim}}, \text{Pron}_{\text{demonstr}}, \text{Pron}_{\text{relat}}$. Примеры: *Tego ona chcse dokonacz y dokazacz szamszyadmy; czegosz to podlug prawa dokonal; dokonagq swey nyewynnosczy, dokonacz swego dlugv; sadza swey sprawedlywosczy* ма *dokonacz*. Пример с *dowieść*: *ma... tego podlug szkazanya dowyeszcz*. Лексически $\text{Sub}_{\text{-anim}}$ в форме N_2 также представлены словами, относящимися к области права и судопроизводства (существительные с семой ‘правда, правота’ — *prawda, niewinność, sprawiedliwość*, существительное *dlug* «долг»).

в) $\boxed{V \rightarrow o N_4}$ ($N = \text{Sub}_{\text{-anim}}, \text{Pron}_{\text{relat}}$): *Jako my Stanislaw kmecza, ... wswal gwaltem y dobro tego kmecza na woszy wszyal, y thim wszyanczem przychodi, czinschye y przechodi, o ctore swym prawem *dowyedza* [1443 Czrs. s. LXXIV]; *Jako ja tho vyem, jsze Jan Jank nye dovyothl na kmyeczya Voczyecha o szbyczye *Swyanthoslawh s *Voleyh* [1475 Zap. Warsz. N 1393]; <V>*stawyamy, aczby kto o zlodzeyystwo abo zboy przed sądem byl przemoszon trzykroc*z abo

dokonan..., tedy ten na wieky swą czescz straczyl [Kod. Dział. 56. SSt., T. II, z. 3(9), s. 171].

Лексически Sub. репрезентировано также словами из правовой сферы: названия различных правонарушений (zbićie «избиение», złodziejstwo «воровство», zbój «разбой»), лексика, характеризующая имущественные отношения (dług «долг», ср. существительные, которые заменяет Pron_{relat} który: przychody «доходы», czynsz «оброк»).

(2) $\overline{V \rightarrow na N_4}$ (N = Sub_{pers}, Pron_{pers}, Pron_{relat}). При N = Sub_{masc pers} и N = Pron_{relat} (которое замещает Sub_{pers}) N₄ = N₂.

Jakom ya thobye za wyna omylna za mlynarza Andrzeya..., *na kthorasz dowyothl*, dossycz vzdzelal y zaplaczył [1490 Zap. Warsz. N 1646. SSt., T. II, z. 3(9), s. 171]; Gdysz na myą zalował a ma *na myą* tego podług szkazanya *dowyecz*, kyedy to ma vczynycz podług prawa? Thedy skazano, ysz w them to szandzye ma *na czya dowyecz*. [Ort. Mac. 81]; ср. также в вышеприведенном контексте из Zap. Warsz.:

Jan Jank *nye dowyothl na kmyeczya*; Ktho vkradnye czlowyeka, a zaprzeda gy, gdy tego *nayn dokonayq*, ma szmyerczą vmrzecz (convictus noxae, morte moriatur) [XV post Kałuż 283. SSt., T. II, z. 2(8), s. 118]; Thedy rzekl ten obzalowany czlowyек: Gdysz ya yemu stal kv praw (leg. prawu), a on podług prawa y waszego szkazanya *na myą nye dowyodl*, yuszly ya prozen od nyego? [Ort. Br. VI 365. SSt., T. II, z. 3(9), s. 171].

(3) $\overline{V \rightarrow N_3}$ (N = Sub_{-anim}, Sub_{pers}, Num + Sub_{pers}).

Ср.: ... eze miał sswoym *prawem dowiesz*, a nye dowyotl [1439 Tym. Sąđ 137]; Taky pan *dowyedzye* a vsprawyedly<wi>syą *dwyema przisyanszykoma* albo *lawnykoma* (praedictus dominus doceat et se instificet duobus seabinis) [Kod. Sul. 109. SSt., T. II, z. 3(9), s. 171]; Vstawyamy, ysz gdyby... myesczanyн szemyanynowy dal svkno na borg... abo poszczyl kromya zapyssv... tedy myesczanyн *swiathky* ma *dokonacz* swego dlugy... [Kod. Dział. 21. SSt., T. II, z. 2(8), s. 118].

Лексика, репрезентированная Sub_{pers}, называет участников судебного процесса (przysiężnik, ławnik, świadek). В качестве Sub_{-anim} обычно выступает лексема prawo «закон; право» (prawem «по закону») и некоторые другие, относящиеся к сфере судопроизводства (przysięga «присяга»).

Дополнительным показателем употребления указанных лексем в ЛСВ 'доказать' в качестве юридического термина является наличие таких обстоятельственных детерминантов глагола, как локативные типа w sądzie «в суде», przed sądem «перед судом», przed prawem «перед лицом правосудия» (ср. ... kto o złodziejstwo abo zboy *przed sądem* był przemoszon trzykrocъ abo *dokonan*; Thedy skazano, ysz w them to szandzye ma na czya *dowyecz*), причинных типа podług skazania «по приговору, в соответствии с приговором», podług prawa «в соответствии с законом, правом, по праву, по закону» (ср. Gdysz on zalował po vmarley raczce, azaly nye ma tego *doszwyathczycz* albo *dowyecz podług prawa*

szkazanego, ysz ma daley pytacz, a kako to ma dokonacz albo dokazacz albo dowyescz? [Ort. Br. VI 365. SSt., T. II, z. 3(9), s. 170]; ... ma na mysz tego *podlug szkazanya dowyescz*).

Как следует из вышеприведенных примеров варьирования формы объектного актанта (I), для указанных значений префиксальных глаголов с *do-* (подобно другим значениям) характерна вариантность изофункциональных форм. Отмечено также наличие варианта с мест. п. (N_6) при обычном N_4 ($=N_2$ при $N = \text{Sub}_{\text{pers}}$) для выражения лица, на которое направлено действие. Ср. наряду с *na mię dowieść, nań dokonać, na kmięcia dowieść*: ...*myeszanyń swiathky ma dokonacz swego dlugv na zemyanyńye* [Kod. Dział. 21. SSt., T. II, z. 2(8), s. 118].

Как уже отмечалось, в некоторых случаях наблюдается употребление в идентичных контекстах префиксального с *do-* и однокоренного глагола с антонимичным *do-* префиксом *od-*. Это явление представлено в том числе и для некоторых юридических терминов (в большинстве своем определенных ЛСВ многозначных глаголов). Так, для *odwieść₃₍₄₎* «доказать невиновность кого-либо» и его синонима *odbyć* отмечены

в идентичных контекстах варианты с *do-* (*dowieść* и *dobyć*): *Gdy szye w them szandze nye odwyodl tedy ma pokupycz temv, na kogo zalowal, ... wyna* [Ort. Br. VI, 365] — в [Ort. Mac. 81]: *gdy nye dowyodl* [SSt., T. 5, s. 429]; *Zaprzy-ly szye [stara pani], tedy moze [gość] tego odbyć na krzyzu podlug prawa* [Ort. Mac. 55] — [Ort. Br. Rp. 57, 2] *dobycz* [SSt., T. 5, s. 429]. Ср. также вариантность *do-* / *o-*: *dodzierzeć* в значении ‘получить (наследство)’ (*hereditare, accipere, obtinere*) и вариант *odzierzeć* в этом же значении по данным SSt.: *Dziedzyczstwa dodzierzal hereditavit warm., kalisz. dziedziczstwo odzierzal* [SSt., T. II, z. 2(8), s. 108].

Возможно, что в большинстве случаев мы действительно имеем дело с описками писцов, переставляющих одинаковые буквы (*od* вместо *do* и наоборот).

Среди специализировавшихся значений юридические термины представлены и в ряде древнерусских и старорусских глаголов с *do-*, некоторые из которых совпадают с древнепольскими. Например, в др.-русск. *доконьчати₂₍₂₎* «утвердить, заключить (о договоре)». Во многих контекстах, иллюстрирующих это значение, при наличии объектного актанта он представлен лексемой *миръ* (из 6 примеров в трех). Пример: *выдаіте ми кнѣзѣ афанасѣа... а пазъ с вами миръ докончаю*. [ЛН XIII–XIV, 159 об. (1315). Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 39]. Данное значение как единственное указано в Сл. ДЯ XI–XIV вв. для вторичных имперфектив-ов *доканьчивати* и *доконьчивати* «заключатъ договор»: *А тобѣ брату моѣму молодшему без мене не доканчивати ни съсылатисѣ ни с кѣм же. тако же и мнѣ безъ тобе*. [Гр. ок. 1367 (моск.). Сл. ДЯ XI–XIV, Т. III,

с. 37]; *Се пазъ кнѣзь великий димитрии. докончиваю и повинуюсѣ службою таковою. а се докончанѣ межи королеми польскимъ. и кнѣземъ дмит-*

риемь. [Гр. 1366 (I, ю-р). Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 40]. Терминологическое значение сохраняется и в других компонентах словообразовательного гнезда: SV *доконьчаник* — действие по глаголу *доконьчати*₂, производном от него SD «договор, соглашение», субстантивате *докончателная* «мирный договор». Ср. также старорусск. *додержати перемирье* «сохранить, соблюсти перемирие» и вторичный имперфектив *додерживати договоры* «соблюдать условия договора» [Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4]; совпадающее с польск. *довести*₄₍₅₎ «представить доказательства, уличить», проиллюстрированное в Сл. РЯ XI–XVII вв. примерами XV и XVI вв., один из которых из «Судебника Ивана III»: *А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество... и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью. 20 1497 г.* [Сл. РЯ XI–XVII вв. В. 4, с. 275]. Из приведенного контекста для *довести*₄₍₅₎ мы видим, что при совпадении средств выражения актанта, представленного Sub_{pers} и его заместителями (на N₄, при N = Sub_{masc pers} N₄ = N₂), имеются некоторые различия в репрезентации объектного актанта, выраженного Sub_{-anim}. Если в польском здесь обычна схема V → N₂, а схема V → N₄ изредка отмечается при N = Pron_{demonstr}, то в русском схема V → N₄ характерна и для N = Sub_{-anim}. При этом лексическое наполнение Sub_{-anim} в модели V → N₄ (ср. названия правонарушений — татба, разбой, душегубство, ябедничество) — показатель специально юридического значения глагола *довести*.

Ср. обширное словообразовательное гнездо от *довести*₄₍₅₎, представленное в Сл. РЯ XI–XVII вв.: вторичный имперфектив *доводити* (с поздними цитатами — XVII в.), SD *довод*, во всех трех значениях имеющее в большей или меньшей степени отношение к юриспруденции (1. довод, дополнительный аргумент; 2. донос, клевет; 3. должность доводчика, стряпчего в суде); NAg. *доводник* и *доводчик* (1. должностное лицо в суде, производящее расследование; стряпчий; 2. должностное лицо, ведавшее сбором всевозможных налогов); NLoc. *доводня* (служебное помещение при суде (?)); прилагательное *доводный* «содержащий обвинение в чем-либо» и др.

Ср. также *доправити*₂₍₂₎ «взыскать» и производные от этого значения члены словообразовательного гнезда: вторичный имперфектив *доправливати* (с 1425 г.), прилагательное *доправный* в сочетании «*доправная грамота*» или синонимичный этому сочетанию субстантиват *доправная* «документ на принудительное взыскание платежа, выдававшийся властями». Пример на *доправити*₂₍₂₎ из «Судебника Ивана III» (XVI в.): *А доведуть на кого татбу. и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети доправити* изъ его статка (с 1497 г.) [Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 319].

Ряд специализировавшихся значений связан со стилем деловой письменности, представленной в основном материалом грамот: др.-русск. *доло-*

*жити*₁₍₂₎ «довести до сведения, доложить», соответствующий ему имперфектив *докладати* «извещать» и члены его словообразовательного гнезда (вторичный имперфектив *докладывати* «извещать, просить указания», существительное со значением результата-продукта действия *докладъница* «письменное объяснение»).

Примеры:

*доложити*₁₍₂₎: Роусіноу. не ставити. дѣтьскаго. на нѣмьчина. *не доложивше*. старость. немецкаго. [Гр. 1229 сп. В (смол.). Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 40].

докладати: а свиньи ти княже гонити за шестьдесятъ версть около города. а в тои шьстидесятъ новгородьцю гонити. княза *докладаи* княза. а дале куды комоу годно. [Гр. 1325–1327 (новг.). Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 37].

докладывати: тѣмь подобаѣтъ великими вещми ꙗко(с)па *докладывати* да расудити по правиломъ ап(с)лкимъ и бѣцькмъ. [КВ к. XIV, 190 б. Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 37–38].

Докладъница: Се азъ харламя мортка. далъ есмь в домъ преч(с)тыи бѣци, старцю Кирилоу. свою поженку и свою землицю оу ѣзовища ... а далъ есмь и *докладницю* почьмоу есмь тоу поженку и тоу землицю роздѣлалъ. [Гр. 1397. 1427. Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 38].

Ср. также старорусск. комплетив *дописати*₃₍₃₎ «довести до конца перепись, описание земельных владений, населенных мест, хозяйственных объектов», экземплифицированный поздним примером (Многие помѣстные и вотчинные земли *не дописаны*. Ряз. п. кн. II, 530. 1629 г.) и члены его словообразовательного гнезда: вторичный имперфектив *дописывати* «несов. к *дописати*₃₍₃₎», лимитив *дописатися* «произведя опись, перепись, дойти до какого-либо объекта» (пример XVII в.), производные субстантивы (примеры XVII в.), в одном из которых сохраняется значение действия (*дописка* «доведение до конца переписи, описания земельных владений в какой-либо местности»), а в другом представлен результат-продукт действия (*допись* «дополнительная перепись»). Последнее существительное указывает косвенно на наличие в производящем *дописати* также аддитивного акционального значения.

Наличие большого числа собственно юридических терминов с *до-* / *до-* и вообще значений, связанных с принадлежностью лексемы к языку делового документа обусловлено и тем общим обстоятельством, что в письменной фиксации и регламентации нуждались главным образом две стороны жизни человека средневекового общества: религиозная

и правая.⁷ В связи с этим именно источники такого рода наиболее полно отражены историческими словарями древнего периода.

Глава 3. Дистрибутивные особенности префикса *do-* / *до-*

Особенности сочетаемости префикса *do-* с другими префиксальными морфемами в трех сопоставляемых языках довольно близки и не отличаются многообразием.

Так, в древнепольском языке материалы SSt иллюстрируют возможности сочетаемости префикса *do-* со следующими морфемами: *do + po* (*dopowiedzieć, dorozyczyć, dopomóc*), *do + pro* (1 глагол: *doprowadzić-doprowadzać*), *do + z(s)* (*doskończyć*). В большинстве глаголов префикс, следующий за *do-*, выделяется на уровне морфемной членности, а не как словообразовательное средство (ср. *dozwolić*). Перед корнем с начальным элементом *k* (корни *kon-* ‘кончать’, ‘совершать’, *kończ-* ‘кончать’, *kaz-* ‘велеть’) наблюдается колебание в наличии-отсутствии «эпентетического» префиксального *s*: ср. *dokonać / doskonać* (в компонентах словообразовательного гнезда: *dokonanie // dokonanie, dokonali // doskonali*), *doskończać, dokazać // doskazać* (в производном SV *dokonanie // dokonanie*). Впоследствии в глаголах литературного польского языка установился вариант без *s* (*dokonać, dokazać, dokończyć*),

а в именах и наречиях от корня *kon-* с семой ‘совершенствование, отличное качество’ (в отличие от глагола *dokonać* с семой ‘свершение’ без оценочной характеристики) утвердился вариант с *s* (*doskonali, doskonałość, doskonale*).

В древнечешском языке, кроме известных древнепольскому сочетаний префикса *do-* с *po* (*dopověděti, dopomoci, dopohniti*), *pro* (*doprovaditi*), *z* (*dozvěděti*), в связи с указанной выше активностью префикса *vz-* представлено не отмеченное в древнепольском сочетание *do + vz* (SV *dovzpievanie, dozdvihnutí*). При этом отмечаются также варианты без *v* (с *z*): SV *dozpievanie, dozdvihnutí*. Следует заметить, что такие колебания наблюдаются в древнечешском и для префикса *vz-*. Например, в глаголе *vzvěděti*: *Odkud [из книг] g[ł]u przy[ly] wzwyedyely* [Dal. 7, Wyb., s. 50]; *aby mohl wzviedieti* [Hus, Post., Wyb., s. 156] и *zdrziewa zviedienye dobreho y zleho* [B Ol. Gen. II, Wyb., s. 88]. Ср. соврем. *dozvěděti*.⁸

⁷ Ср. замечание В. О. Ключевского о важности древнерусских дипломатических документов — договоров Олега и Игоря: «Они имеют важное научное значение, как древнейшие письменные памятники» [Ключевский 1993, с. 137].

⁸ Вообще, как дублетность *wz-* / *z* в ряде глаголов для одного и того же исторического периода, так и их взаимная замена — отнюдь не специфическая особенность чешского языка. Эти явления широко известны, например, польскому языку. Так, у писателя XVIII в. Франтишека Богомольца отмечены формы: *wspierać* — совр. *spierać, wzgorszyć* — совр. *zgorszyć, skazywać* — совр. *wskazywać, zbraniać* — совр. *wzbraniać, zmocnić* — совр. *wzmocnić*. При этом *wspierać* скорее всего относится к

В древнечешском представлено также сочетание *do + yu-* (комплетив *douplniti*). В словарях древнепольского (да и в SD), как и в Сл. РЯ XI–XVII вв. и Сл. ДЯ XI–XIV вв., соответствующий лексический материал отсутствует.

Кроме того, древнечешский материал иллюстрирует сочетание *do-* с вокалическим префиксом *u-* (*doutatiti*). В древнепольском возможно сочетание *do-* с гласным *u* (ср. *douczyć*), но примеров с префиксом *u-* в SSt не зафиксировано.

Сочетание *do + pro-* в польском (как и наличие *pro-* в единичной лексеме) скорее всего относится к результатам воздействия чешского языка.

В древнечешском представлены также аналогичные древнепольским варианты с *s* и без «эпентезы» перед корнем *kon*, *konč*: ср. *dokončēti // doskončēti, doskončiti*.

Сочетание *do + y* (*y* выделяется на уровне морфемной членности) известно и русскому языку (ср. доуспѣти «успеть» Сл. РЯ XI–XVII вв., пример XVI в.).

Сочетание *do + pro* представлено во всех трех языках в единичной лексеме и образованиях от нее: допровадити, допроводити → допроваживати (Сл. РЯ XI–XVII вв.).

Сочетание *do + no* в Сл. ДЯ XI–XIV вв. репрезентировано только глаголом с префиксом *no-*, выделяемым на уровне морфемной членности, но не образующим определенного словообразовательного типа: доповѣдати «поведать, досказать, рассказать» (нікто же може(т) доповѣдати, колико или како ꙗже ѡ(т) бѣа. імамъ же и прииме(м)). [ГБ XIV Сл. ДЯ XI–XIV, Т. III, с. 57]).

Изолированное отглагольное существительное *допоможение* «помощь», приведенное в Сл. РЯ XI–XVII вв., при отсутствии других членов словообразовательного гнезда и базового глагола, с учетом времени (XVII в.) и характера источника, а также характера описываемых в нем событий, скорее всего является полонизмом. Ср.: Черезъ *допоможение* полскихъ войскъ досталь [Гришка Отрепьев] Московское государство. [Котош. З 1667 г. Сл. РЯ XI–XVII вв., Вып. 4, с. 319].

Известно древнерусскому языку и сочетание *do + съ*. В Сл. ДЯ XI–XIV вв. оно проиллюстрировано двумя глаголами: *досъмыслати* «помыслить, подумать» (тѣм же аще бы ти свѣдомо ꙗко получити даръ не досмысли. оудержати. дѣланіа и недѣланья. проста бѣда бы была. къ такowymъ ли бѣгающю помысломъ. а хотѣши нѣчто приобрѣсти ти ѡ(т)

индивидуальным образованиям (нет в указанном значении в словарях XVII–XVIII вв.), *wzgorszyć* — архаизм, известный в XVI в. (по SL, нет, например, в ST), *zbraniać, zmosnić* — архаизмы, известные в XVII–XVIII вв. (причем в SL преобладают формы *wzbraniać* и *zmosnić*), а *skazywać* соответствует норме XVIII в. (форм *s w* нет ни в одном из трех словарей) [Węgieł 1972, s. 79].

вл(д)чнѧ члѣвколюба. [Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 73] и *досътворити* «свершить, исполнить, сделать» (аще что, възрастомъ оунъ сы, не *достворилъ*, то по оумертвии юго исполнилъ. [ГА XIII–XIV, Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 73–74]). Для древнерусского отмечено и варьирование форм с наличием и отсутствием префикса *съ*, следующего за *до*-. Так, к указанному *досъмыслати* в Сл. ДЯ XI–XIV вв. приведен вариант *домыслити* (но со значением «догадаться») и форма НСВ *домышлати*. Ср. также более поздние по фиксации (XVI–XVII вв.) вторичные имперфективы от глагола *допросити* — *допрашивати* (Сл. РЯ XI–XVII вв., примеры от 1651 и 1666 г.) и *доспрашивати* «выяснять, задавая вопросы» (Сл. РЯ XI–XVII вв., пример 1589 г.) и от эффе́ктива *допроситися* «узнать, найти путем распросов» — *допрашиватися* «допытываться, добиваться ответа» (Сл. РЯ XI–XVII вв., пример 1666 г.) и *доспрашиватися* «расспрашивать, допытываться» (Сл. РЯ XI–XVII вв., пример 1646 г.).

Не исключено, что в определенный период истории русского языка сосуществовали также варианты *достворити* и *дотворити* «совершить», поскольку Сл. ДЯ XI–XIV вв. дает форму *досътворити* (примеры из Сборн. Яросл. XIII и ГА XIII–XIV), а Сл. РЯ XI–XVII вв. — *дотворити*. Впоследствии оба варианта были вытеснены синонимом *сотворить*, также известным с древних времен. Ср. контекст из Сл. ДЯ XI–XIV вв., где употребляются обе формы — с сочетанием *до* + *съ* и *с*:

и таже свѣдѣдья створихъ и не свѣдѣдья. ноужою и не ноужою. спащи или бдѣщи. и лихоклатвы и лъжа помышления. неправыѧ поустоши дѣла. любодѣланиѧ таже *достворихъ*. из лиха въ ѧдении и въ питии. [Сб. Яросл. XIII, Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. III, с. 74].

Форма с *с*, синонимичная бипрефиксальной *досъмыслати* «помыслить, подумать», также известна с древних времен. Ср. в «Слове о полку Игореве» употребление этого глагола в ряду других префиксальных с *с* создает определенный художественный эффект: жены Рускыя въсплакашась, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію *мыслити*, ни думою *сдумати*, ни очима *съглядати*...» [Сл. о п. И., с. 58].

Единичные и относительно поздние фиксации префиксального *с* перед корнем *кон-* в SV *доскончание* 1. «доведение до конца чего-либо, окончание» (пример 1620 г.); 2. «договор, соглашение» (пример 1408 г. из Львовской летописи), которое варьируется с формой без *с* (*докончание*), не исключают возможности воздействия на их появление польского языка. Иной характер имеет вариант *докончание*, входящий в обширное словообразовательное гнездо с базовым глаголом *докончати*₃₍₃₎, который встречается уже в «Слове о полку Игореве» в значении «окончить, завершить»: Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирь *докончаша* храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую [Сл. о п. И., с. 57].

Глагол *дооскудати*, экземплифицированный поздним по времени примером (1554 г.) в Сл. РЯ XI–XVII вв., демонстрирует возможность сочетаний пре-

фиксов *do + o*. Наличие общеславянской глагольной лексики с сочетанием *do + o*, где *o* «этимологически» восстанавливается в качестве самостоятельной морфемы (ср. доорати), свидетельствует, несмотря на лексическую непредставленность в словарях древнего периода, о потенциальной возможности этого сочетания и в двух сопоставляемых с русским западнославянских языках.

Заключение

1. Анализ семантики и функционирования глаголов с префиксом *do-* / *do-* в древнепольском, древнечешском и древнерусском языках показал, что во всех трех языках представлены сходные акциональные типы: лимитивный (с выделением двух подтипов: терминативного и собственно лимитивного), финально-комплетивный, аддитивно-финитивный, а также отдельные глаголы со значением результата длительного / интенсивного действия. При этом видно, что данные трех языков взаимно дополняют друг друга как в плане отражения словарями соответствующего лексического материала, в котором выделяются указанные значения, так и в отношении сочетаемости приставочного глагола с определенными компонентами глагольной ситуации.

Широко представленная в современном русском языке акциональная разновидность «отрицательный результат / последствия длительного / интенсивного действия» находит отражение в словарях, где экзemplифицируется примерами, относящимися к старорусскому периоду. Отдельные примеры из древнечешского показывают, что это значение возможно было там в качестве лишь контекстуального, что характерно, по всей видимости, и для современного чешского, а также польского языков. В современном польском только для одной из пяти выделяемых в SD лексем с конфи́ксом *do się* со значением негативных последствий (*doigrać się*) это значение не создается «совместными» усилиями префиксального глагола и контекста (см. [Ананьева 1996]).

Глаголы со значением результата длительного / интенсивного действия демонстрируют конкуренцию двух способов образования, более старого, без возвратного компонента, и более нового, с конфи́ксом. В использовании возвратного компонента также выделяются 2 стадии: более древняя с дат. п. возвратного местоимения (ср. др.-русск. *доиска-ти собѣ*) и более поздняя с вин. п. (ср. др.-русск. *доискатисѧ*).

2. Среди собственно лимитивов особое место занимают глаголы движения, в которых представлено не только лимитивное (вернее, адлативно-лимитивное) значение, но и не соотносящееся с понятием внешнего предела адлативное директивное значение, а также его подтипы (в частности, адлативно-интерный). Для древнего периода в этой группе глаголов характерно многообразие форм репрезентации пространственного ориентира действия,

из которых более старые синтетические (беспредложные), главным образом представленные N_2 , впоследствии были вытеснены аналитическими (предложными). Таким образом, в данном фрагменте языковой подсистемы проявилась тенденция к аналитизму.

3. Акциональное значение может совпадать с одним из ЛСВ многозначного глагола, но может и не совпадать с ним. Например, оно может присутствовать в нескольких разных ЛСВ префиксального глагола. Так, акциональное значение финальной комплетивности представлено не только в самом общем значении др.-русск. *дописати* 'закончить писать что-либо', но и в двух его специальных значениях: 'довести до конца живописные работы' и 'довести до конца перепись'. Или другой пример: значение терминативности представлено в обоих значениях др.-русск. *дожити*, как в основном, так и в специальном 'прожить в холопах, отрабатывая долг до определенного срока'.

При понимании под акциональным значением только значения характеризованного СГД, в многозначном исторически производном глаголе, то есть в глаголе, в котором префиксальная морфема выделяется лишь на уровне морфемной членимости, а семантика основы не мотивируется исторически производящей базой (ср. др.-польск. *dożyć*, др.-чешск. *dobýti*), ни в одном из ЛСВ этого глагола нет акционального значения.

С другой стороны, в одной лексеме может быть и, как правило, бывает не одно, а ряд акциональных значений. Семы разных СГД могут составлять семантический потенциал одной префиксальной лексемы и актуализироваться в зависимости от конкретных условий (при наличии тех или иных контекстных показателей). Так, многие префиксальные с *do-* / *do-* обладают свойствами и терминативов, и финитивов (ср. др.-чешск. *dostáti* 'bis zu Ende, bis zur gehörigen Zeit stehen', др.-русск. *досудити* 'довести судопроизводство до конца или до какого-либо момента', досидѣти 'просидеть до конца, пробыть до какого-либо момента времени'), финитивности и лимитивности (ср. др.-польск. *doczyść*, соврем. *doczytać*). Акциональное значение терминативности может совмещаться в семантическом потенциале одного и того же глагола не только с семой финитивности, но и с семой результата длительного действия. Так, в эффективно-результативном глаголе *doczekać* представлен ЛСВ 'дожить (до определенного момента)', в котором данный глагол относится к классу терминативов. Лексическое значение ожидания длительного действия, которое является необходимым условием для производящей базы интенсивно-результативного глагола, в данном словоупотреблении оказывается «стертым» и на первый план выходит терминативная сема.

4. В отличие от современных польского, чешского и русского языков для древнего периода развития этих языков отмечено небольшое число лексем, в которых могло быть представлено значение результата, свершения действия, не осложненное какими-либо дополнительными «смыслами»

(т. наз. фактитивы). Ср. др.-русск. *дочитати* «прочитать», *дозрѣти* «увидеть, обнаружить», др.-чешск. *dočiniti*, др.-польск. *dozrec* “declarare, dicere”, др.-русск. *досѣтворити* «совершить, исполнить, сделать».

5. По всей видимости, довольно поздно сформировалось в качестве самостоятельного, выделяемого из значения финальной комплетивности, значение аддитивности.

6. В глаголах движения совмещены акциональные значения двух типов: количественно-временные и пространственные.

7. Среди СГД выделяются контекстно обусловленные (в префиксальных с *до-* такими являются терминативная и лимитивная разновидности лимитивного СГД) и «вербоцентрические».

8. Для всех акциональных значений (особенно финитивно-аддитивного, финально-комплетивного и лимитивного) во всех трех сопоставляемых языках, как и в старославянском, характерно употребление префиксальных с *до-* с отрицанием. Частотность отрицательной частицы с *до-* привела к образованию нового префикса *недо-* / *niedo-*, обозначающего недостаточную степень (недостижение нормы) действия, выраженного базовым глаголом.

9. На примере глаголов перемещения были рассмотрены некоторые пути появления у префиксальных глаголов с *до-* новых (переносных) значений. Было установлено, в частности, что новое значение может развиваться вследствие нарушения «семантической гармонии» между компонентами конструкции $V \rightarrow$ (Ргаер.) N , нарушения принципа синсемантической, лежащего в основе коммуникативно значимой единицы. Так, первичный глагол движения в сочетании с именами, которые не являются Sub_{loc} или их заместителями, а также существительными (или их субститутами), денотаты которых могут обозначать топографический ориентир (*дерево, река* и т. п.), утрачивает свое значение глагола движения и приобретает, в зависимости от семантики, новое значение. Так, при Sub_{abstr} это может быть значение ‘наделение кого-либо чем-либо, обретение какого-либо свойства или состояния’ (*dowieść k żywotu, dowodzić k spokojności, dojíti tesknosti*). При $N = Sub_{concr}$ — ‘получение, приобретение чего-либо’ (*došel obrokuv*). При $N = Sub_{pers}$ (или его субститут) глагол сохраняет пространственное значение, но происходит совмещение ориентира и адресата действия.

Указанные тенденции характерны для всех трех сопоставляемых языков, данные которых, как и в случае выражения тождественных акциональных значений, взаимно дополняют друг друга.

Новое значение может создавать и различие в лексическом наполнении субъекта. Так, для глагола *dojíti* первоначально субъект всегда обладал способностью к передвижению, то есть денотатом субъекта было живое существо. При заполнении позиции субъекта именем, денотатом которого явля-

ется неживой предмет, в глаголе возникают новые (в основе своей метафорические) значения. Например: др.-чешск. *iakzto lwowy ťtyenecz prawye, genz geťtye nenye na ťtawye a genz geťtye netwrđ w nohi, ny mu doťfel zubek mnohi* [Alex., Por., s. 44]. Ср. то же в *koláč došel*, тесто *podoulo* и т. д. На этой же основе, по всей видимости, сформировалось значение глагола *dospěti*, *doťpřiac* ‘созреть’ (о плодах). Ср. в Сл. Срезн. указано только по отношению к лицу.

Общим в сопоставляемых языках являются и некоторые частные лексические процессы, например, употребление ряда глаголов с лимитивным акциональным значением и производных от них существительных во вторичной функции обозначения определенного расстояния: доврещи камень, дострѣлить, *dovrći z praka, dolúčiti kamenem, dostrzał* и т. д. Кроме того, образцами для образования новых лексических значений могли послужить древние глаголы (на древность лексемы указывает мощность ее словообразовательного гнезда), в первую очередь глаголы движения. Так, глаголы *dojść — dojíti —* прийти, *dosíci*, по всей видимости, послужили базой для образования группы глаголов с семой ‘понять, прийти умом’ (*domyťlić (się)*, др.-польск. *domniemać*, др.-чешск. *domnieti*). Ср.: *Czy był, czy nie był w Rzymie, muszę dojść koniecznie* [Firc. s. 27]. Ср. др.-чешск. словосочетание *smyslem dosíci* в контексте из Alex, которое является фактически парафразой производного глагола и «реконструирует» возможный путь возникновения такого глагола: «Как мам», *prawye řirdcze radne, wřak mam trzy wyeczi neřnadne, a pak owřyem cztwrte wyeczi řmyřlem nemohu dořřyeczi*. [Alex. Por., s. 41].

10. При характерной для древнего периода вариантности изофункциональных форм и их конкуренции обращает на себя внимание вариативность выражения прямого объекта при префиксальных с *do-* во всех трех сопоставляемых языках (чаще N_2 , но возможен и N_4).

Литература

- Авилова 1976 — Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Ананьева 1991 — Ананьева Н. Е. К вопросу о префиксальных deverбативных глаголах в «польшизме кресовой» (часть I). In: *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. VI. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1991, s. 72–84.
- Ананьева 1992 — Ананьева Н. Е. О некоторых принципах описания префиксальных глаголов древнепольского языка. В: Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Материалы IV республиканской научной конференции (15–16 сентября 1992 г.). Ч. II. Гродно, 1992, с. 62–64.
- Ананьева 1993 — Ананьева Н. Е. Префиксальные глаголы «деструктивной» семантики в древнепольском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 1993, № 3, с. 25–33.
- Ананьева 1996 — Ананьева Н. Е. Приставочные глаголы с префиксом до- / do- в современном польском и русском языках. В: Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики. МГУ, 1996, с. 36–51.
- Бондарко 1962 — Бондарко А. В., Рецензия на А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. II. Братислава, 1960 // Вопросы языкознания, 1962, № 5, с. 137–143.
- Бондарко 1967 — Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
- Дербишева 1981 — Дербишева З. К. Сопоставительный анализ словообразовательных типов чешских и русских глаголов с приставкой «za- / за-». АКД. М., 1981.
- Земская, Ермакова, Рудник-Карват 1993 — Земская Е. А., Ермакова О. П., Рудник-Карват З. Теоретические проблемы сопоставительного изучения словообразования славянских языков (семантико-функциональный аспект). В: XI Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1993, с. 248–263.
- Змарзер 1991 — Змарзер В. Глаголы перемещения в пространстве одушевленного субъекта в «Слове о полку Игореве». В: Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. МГУ, 1991, с. 82–89.
- Золотова 1973 — Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Иванова 1974 — Иванова К. Начини на глагольного действие в съвременния български език. София, 1974.

- Исаченко 1960 — Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология II. Братислава, 1960, с. 209–300.
- Ключевский 1993 — Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех томах. Книга первая. М., 1993.
- Кронгауз 1994 — Кронгауз М. А. Текст и взаимодействие участников в речевом акте. В: Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994, с. 22–29.
- Кронгауз 1994a — Кронгауз М. А. Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости. В: Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1994.
- Кудлинская 1979 — Кудлинская Х. Некоторые различия в средствах выражения категории способа действия глаголов между польским и русским языками. В: Acta Universitatis Lodzianis. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki Humanistyczno-społeczne. Folia Rossica. Ser. I, N 51, 1979, s. 53–61.
- Курс 1951 — Курс сучасної української літературної мови. Том I. Київ, 1951.
- Ломов 1977 — Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
- Маслов 1963 — Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. В: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963, с. 197–229.
- Маслов 1965 — Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. В: Вопросы общего языкознания. ЛГУ, 1965, с. 53–80.
- Маслов 1965a — Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского вида. В: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1965, с. 165–195.
- Маслов 1978 — Маслов Ю. С. К основам сопоставительной аспектологии. В: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978, с. 4–44.
- Муравенко 1990 — Муравенко Е. В. Виды орудийного значения и способы их выражения в современном русском языке. АКД. М., 1990.
- Мучник 1971 — Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. 1971.
- Осипова 1984 — Осипова М. А. Дистрибутивные глаголы в современных западнославянских языках (синхронно-сопоставительный аспект). АКД. М., 1984.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

- Сигалов 1978 — Сигалов П. С. Задачи и возможности сопоставительного и сравнительно-исторического изучения способов действия славянского глагола. В: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978, с. 44–56.
- Смирнов 1983 — Смирнов Л. Н. Проблемы и задачи сопоставительной аспектологии. В: IX Международный съезд славистов. Славянское языкознание. (Киев, сентябрь 1983). М., 1983, с. 184–198.
- Смирнов 1992 — Смирнов Л. Н. О сопоставительном изучении способов глагольного действия в славянских языках. В: *Synchroniczne badania porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich*. Warszawa, 1992, 57–66.
- Соболева 1983 — Соболева П. А. Опыт упорядочения способов глагольного действия. В: Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983, с. 46–52.
- Соколов 1978 — Соколов О. М. К характеристике способов глагольного действия (на материале русского и болгарского языков). В: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978, с. 56–75.
- Стендер-Петерсен 1934 — Стендер-Петерсен А. Н. О функциях глагольных приставок в русском языке. 1. К вопросу о методе. // *Slavia*, R. XII, seš 34, s. 321–334.
- Стрекалова 1979 — Стрекалова З. Н. Морфология глагольного вида в современном польском литературном языке. М., 1979.
- ТФГ 1987 — Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Френкель 1970 — Френкель Я. И. На заре новой физики. Л., 1970.
- Цивьян 1990 — Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Шелякин 1965 — Шелякин М. А. Комплетивное значение приставочных глаголов в русском языке. // *Филологические науки, Научные доклады высшей школы*, 1965, № 3, с. 11–19.
- Шелякин 1983 — Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола (теоретические основы). Таллин, 1983.
- Элиасов 1980 — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- Agrell 1918 — Agrell S. Przedrostki postaciowe czasowników polskich. // *Materiały i Prace Komisji Językowej Akademii Umiejętności*. T. VIII. Kraków, 1918.
- Daneš 1971 — Daneš F. Větné členy obligatorní, potenciální a fakultativní. // *Miscellanea linguistica AOPD — Philologica — Supplem.* 1971, s. 131–138.
- Gramatyka 1984 — Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa, 1984, s. 467–512.

- Karcevski 1927 — Karcevski S. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927. Перевод: Карцевский С. [Из книги «Система русского глагола»]. В: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 218–230.
- Karolak 1992 — Karolak S. Aspekt a Aktionsart w semantycznej strukturze języków słowiańskich. In: Z Polskich Studiów Slawistycznych. Ser. VIII, Warszawa, 1992, s. 93–99.
- Krupianka 1979 — Krupianka A. Czasowniki z przedrostkami przestrzennymi w polszczyźnie XVIII wieku. Warszawa — Poznań — Toruń, 1979.
- Piernikarski 1975 — Piernikarski C. Czasowniki z prefiksem po- w języku polskim i czeskim. Na tle rodzajów akcji w językach słowiańskich. Warszawa, 1975.
- Rutkowska 1981 — Rutkowska M. Nie znane polszczyźnie rosyjskie prefigowane derywaty odczasownikowe z elementem — sja typu doleżat'sja, priest'sja. Wrocław etc., 1981, s. 19–59.
- Sekaninová 1980 — Sekaninová E. Sémantická analýza predponového slovesa v ruštine a slovenčine. Bratislava, 1980.
- Słoński S. 1937 — Słoński S. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim). Warszawa, 1937.
- Studia 1984 — Studia konfrontatywne polsko-południowosłowiańskie. Ossolineum. 1984, s. 5–9.
- Szymczak 1965 — Szymczak M. Czasowniki typu dopodosypovyvać w gwarze Domaniewka. // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. 5. Warszawa, 1965, s. 427–433.
- Śmiech 1986 — Śmiech W. Derywacja prefiksalna czasowników polskich. Wrocław-Warszawa-Kraków-Lódź, 1986.
- Topolińska, Vidoeski 1984 — Topolińska Z., Vidoeski B., Polski-Macedoński. Gramatyka konfrontatywna (zarys problematyki). Zesz. 1. Wprowadzenie. Wrocław, 1984.
- Weinsberg 1973 — Weinsberg A. Przyimki przestrzenne w języku polskim, niemieckim i rumuńskim. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1973.
- Węgier 1972 — Węgier J. Język Franciszka Bohomolca. Poznań, 1972.
- Wierzbicka 1987 — Wierzbicka A. English speech act verbs: a semantic dictionary. Sydney-New York, 1987.
- Wierzbicka 1988 — Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.

Список сокращений источников

1. Польский язык

Список сокращений по SSr

- AGZ — Akta Grodzkie i Ziemskie z Czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tzw. Bernardyńskiego we Lwowie. Lwów 1868.
- BZ — Biblia szarospatacka (Biblia Królowej Zofii). Podobizna kodeksu Biblioteki Ref. Gimnazjum w Szarospataku. Wyd. L. Bernacki. Kraków 1930, Polska Akademia Umiejętności. (1455 r.)
- Czrs. — Księga ziemi czerskiej. Liber terrae Cernensis 1404–1425. Wyd. T. Lubomirski. Warszawa, 1879.
- De morte — De morte prologus. Rozmowa mistrza Polikarpa ze śmiercią. Powtórnie wyd. J. Rozwadowski. MPKJ I, s. 181–196. (κ. XV B.)
- Herb. Sier. — Gieysztor A. Fragmenty zapisek herbowych piotrkowskich i radomskich województwa sieradzkiego XIV i XV w. Przegląd historyczny X XXVII, s. 376–406.
- Hube Zb. — Hube R: Zbiór rot przysięg sądowych poznańskich, kościańskich, kaliskich, sieradzkich, piotrkowskich i dobrzyszyckich z końca wieku XIV i pierwszych lat wieku XV. Warszawa, 1888. Biblioteka Umiejętności Prawnych. Seria IV, N 67.
- Kałużn. — Kałużniacki E: Kleinere altpolnische Texte aus Handschriften des XV und des Anfangs des XVI Jahrhunderts, Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe d. Kaisere. Akademie der Wissenschaften. CI. Wien, 1882, s. 267–318.
- Kod Dział. — Tłumaczenia polskie statutów ziemskich. Kodeks Działyńskich I. Wyd. F. Piekosiński. Archiwum Komisji Prawniczej. III., s. 173–220.
- Kod. Sul. — Tłumaczenia polskie statutów ziemskich. Kodeks Świętosławów. Wyd. F. Piekosiński. Archiwum Komisji Prawniczej IV, s. 221–334.
- Ks. Maz. — Najdawniejsze księgi sądowe mazowieckie. Warszawa, 1920. Tow. Nauk Warszawskie. I Księga ziemna płońska 1400–1417. Wyd. M. Handelsman; II Księga ziemna zakroczymska pierwsza 1423–1427. Wyd. A. Rybarski; III Księga ziemna zakroczymska druga 1434–1437. Wyd. K. Tymieniecki.
- KŚw — Kazania tzw. świętokrzyskie. Wyd. J. Łoś i W. Semkowicz. Kraków, 1934. Polska Akademia Umiejętności. (XIII–XIV BB.)
- Leksz. II — Lekszycki J. Die ältesten grosspolnischen Grodbücher II. Peisern [Pyzdry] 1390–1400. Leipzig, 1887–1889. Publicationen aus den K. Preussischen Staatsarchiven. T. XXXI, XXXVIII.
- Lub. Podk. — Lubelska księga podkomorska piętnastego wieku. Wyd. L. Białkowski. Lublin, 1934. Tow. Nauk. Katol. Uniw. Lubelskiego. T. I.
- MPKJ — Materiały i Prace Komisji Językowej Akademii Umiejętności w Krakowie.

- Naw. — Książeczka do nabożeństwa Jadwigi księżniczki polskiej. [Książeczka Nawojki] Powtórnie wydał S. Motty. Poznań, 1875. (κ. XV B.)
- Ort. Br. — Brückner A: Die "Magdeburger Urtheile" Ein Denkmal deutschen Rechtes in polnischer Sprache aus der Mitte des XV Jahrhunderts. Archiv für slavische Philologie VI, s. 319–392, VII, s. 525–574.
- Ort. Cel. — Słowniczek łacińsko-polski wyrazów prawa magdeburgskiego z wieku XV: Objął Z. Celichowski. Poznań, 1875.
- Ort. Kał. — Kałużniacki E: Die polnische Recension der Magdeburger Urtheile ... Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften C XI. Wien, 1886, s. 113–330.
- Ort. Mac. — Wyroki sądów miejskich czyli ortyle. Maciejowski W.-A.: Historia prawodawstw słowiańskich. Wyd. 2. T. VI. Warszawa, 1858. s. 19–145.
- Ort. Rp. — Rękopiśmienne ekscerpty-glosy z rękopisu Biblioteki Jagiellońskiej, N 4405.
- Piek. VI — Piekosiński F.: Wybór zapisek sądowych grodzkich i ziemskich wielkopolskich z XV wieku. I. zes. 1. Kraków, 1902. Studia, Rozprawy i Materiały z Dziedziny Historii Polskiej i Prawa Polskiego. VI, zes. 1.
- Przyb. — Przyborowski J. Vetustissimam adiectivorum linguae Polonae declinationem monumentis ineditis illustravit... Poznań, 1861.
- PF — Prace Filologiczne.
- Ps. Fl. — Psalterz floriański łacińsko-polsko-niemiecki. Rękopis Bibl. Narodowej w Warszawie. Wyd. R. Ganszyniec, W. Taszycki, S. Kubica pod red. L. Bernackiego. Lwów, 1939. (XIV–XV BB.)
- Ps. Puł. — Psalterz puławski. Wyd. S. Słoński. Warszawa, 1916. (II пол. XV B.)
- Rozm. — Rozmyślanie o żywocie Pana Jezusa. Z rękopisu grecko-katol. kapituły przemyskiej. Wyd. A. Brückner. Kraków, 1907. Biblioteka Pisarzy Polskich N 54. (κ. XV — H. XVI B.)
- Skarga Wrocł. — Skarga umierającego (z rękopisu wrocławskiego). Woronczak J. Skarga umierającego. Ze studiów nad rękopisem N 2 Biblioteki kapitulnej we Wrocławiu., s. 344–347.
- Sl. Oc. — Slavia Occidentalis.
- Spow. 2 — Spowiedź powszechna. Confessio generalis.
- Spow. 3 — Spowiedź powszechna.
- StPPP — Starodawne Prawa Polskiego Pomniki. Wyd. I–II. A.-Z. Helcel, III–XII Komisja Historyczna Akademii Umiejętności. Warszawa, 1856; Kraków, 1870.
- T. Paw. — Teki A. Pawińskiego. Warszawa, 1897 etc.; Księgi sądowe brzesko-kujawskie 1418–1424. Opr. i wyd. J.-K. Kochanowski.

- Tym. Sąd. — Tymieniecki K. Sądownictwo w sprawach kmiecych a ustalenie się stanów na Mazowszu pod koniec wieków średnich. Poznań, 1922, Pozn. Tow. Przyj. Nauk. Prace Komisji Historycznej. T. III, zes. 1.
- Zap. Warsz. — Zapiski i rotty polskie XV–XVI wieku z ksiąg sądowych ziemi warszawskiej. Wyd. W. Kuraszkiewicz i A. Wolff. Kraków, 1950. Prace Komisji Językowej N 36.

Список сокращений по Vrt

- Bogur. — Bogurodzica. Starożytna pieśń polska. (н. XV в.)
- BZ = BZ в SSt.
- Ps. Fl. = Ps. Fl. в SSt.
- Ps. Puł. = Ps. Puł. в SSt.
- Rozm. = Rozm. в SSt.

Другие сокращения

- Firc. — F. Zabłocki. Fircyk w zalotach. Komedja w 3 aktach. Łwów, 1921. (XVIII в.)
- Pas. Pam. — Pasek J. — Ch. Pamiętniki. (XVII в.)

2. Чешский язык

Список сокращений по SG

- Alx. V — Alexandreida (zlomek svato-vítský — 1400 г.).
- Boh. Dial. — Bohemarius maior slovník a dialogy, рукоп. XIV в.
- Chelč — Petr Chelčický.
- Chelč P. — Petr Chelčický. Postilla, XV в.
- Dal. — Kronika tzv. Dalimila, XIV в.
- Dal. C. — Kronika tzv. Dalimila, rkp. Cambridgeský, XIV в.
- Hrad. — rkp. Hradecký, I пол. XIV в.
- Hus Post. — rkp. 1414 г. (J. Hus: Postilla).
- Kat. — Život sv. Kateřiny, около 1400 г.
- Káz Leg. — kázání založená na legendách, рукоп. 1453 г.
- Kol. — excerpta z knih archivů Kolinských, městského a okresního. XV–XIX в.
- Kruml. — rkp. Krumlovský, I четверть XV в.
- Lit. — bible Litoměřická, 1411–1414 гг.
- Máj. sen — zlomky dvou různých básní, рукоп. XV в. (v. 78–122 под заглавием «Májový sen»).
- Mart. Jg. — Martimiani (Martiniani) Beneše z Hořovic překlad kroniky takto řečení, рукоп. I пол. XV в.

- Modl. (= Modl. A) — древнечешские молитвы (Modlitby), рукоп. XIV в.
 Ol. — bible Olomúcká, рукоп. 1417 г.
 Op. Mus. — rkp. Opatovicko-Musejní, I пол. XV в.
 Otc. — Životy sv. Otcův, рукоп. XV в.
 Pass. — Passionál, рукоп. XV в.
 Rokyc. — Jan Rokycana.
 Rokyc. Post. Kl. — Postilla Яна Рокицаны, дописана в 1586 г.
 Sekv. — sekvenciář lat.-český z г. 1381.
 Šach. — Knižky o hře šachové, около 1400 г. (изд. F. Menčík 1880: Památky staré literatury české, č 6).
 Štít. — T. Štítný.
 Štít. Bud. — T. Štítný. Řeči besední, рукоп. н. XV в.
 Štít. Jes. = (Štít. J. Hr. Jes.) — sborník spisu štítenských, рукоп. 1463 г.
 Štít. Mus. — sborník Štítenský «Naučení křesťanské», рукоп. 1450 г.
 Štít. Op. (= Štít. Opat.) — Štítného sborník Opatovický, н. XV в.
 Vít. (= Vít A) — rkp. svato-vítský, 1380–1400 г.
 ŽKlem. — žalt. Klementinský, рукоп. I пол. XIV в.
 ŽPod. — žalt. Poděbradský, рукоп. 1396 г.

Список сокращений по Por

- Dal. = Dal. в SG.
 Hrad. ruk. = Hrad. в SG.
 Hus. Ned. Post. — Jan Hus. Nedělní postila, XV в.
 Jid. — Legenda o Jidášovi, н. XIV в.
 Jist. kan. — Jistebnický kancionál, сер. XV в.
 Leg. Kat. = Kat. в SG.
 Mastičk. — Mastičkář, XIV в.
 Otc. = Otc. в SG.
 Porok kor. čes. — Porok koruny české, XV в.

Список сокращений по Wub

- B 01. = 01. в SG.
 Dal. = Dal. в SG. и Por.
 Hus. Post. = Hus. Post. в SG.

3. Русский язык

Список сокращений по Сл. ДЯ XI–XIV вв.

(приводятся только названия источников, многочисленные рукописные и печатные труды, использованные составителями, не даются; эти сведения см.: Сл. ДЯ XI–XIV вв., Т. I. М., 1988, с. 24–68).

ГА XIII–XIV — Хроника Георгия Амартола, славяно-русский перевод XI в. в сп. XIII–XIV вв.

ГБ XIV — Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в.

Гр. 1229 сп. В (смол.) — Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. первая, готландская редакция, сп. В, 1297–1300 гг.

Гр. 1325–1327 (новг.) — Грамота договорная Новгорода с в. кн. тверским Александром Михайловичем, между 1325–1327 гг.

Гр. 1366 (1, ю-р.) — Грамота договорная волынского кн. Дмитрия (Любарта) с польским королем Казимиром о границах владений и союзе, октябрь 1366 г.

Гр. 1397–1427 (2, белозер.) — Грамота, данная Харлаама Мортки игумена Кирилло-Белозерского монастыря старцу Кириллу на поженку и землю у Еловица и борок, 1397–1427 гг.

Гр. ок. 1367 (моск.) — Грамота договорная московского в. кн. Дмитрия Ивановича Донского с кн. серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем, ок. 1367 г.

ЖВИ XIV–XV — Сборник житий и слов, XIV–XV вв.

ЖФП XII — Житие Феодосия Печерского по Успенскому сборнику XII в.

ЗЦ к. XIV — Златая цепь, конца XIV в.

КВ к. XIV — Кормчая Варсонофиевская, к. XIV в.

КН 1280 — Кормчая Новгородская, 1280 г. и сер. XIV в.

КР 1284 — Кормчая Рязанская 1284 г.

К Тур. XII сп. XIV — Слова Кирилла Туровского из сборников XIV в.

ЛИ ок. 1425 — летопись Ипатьевская, южнорусский летописный свод к. XIII в., сп. ок. 1425 г.

ЛЛ 1377 — летопись Лаврентьевская, владимирский летописный свод 1305 г. по сп. 1377 г.

ЛН XIII–XIV — летопись Новгородская (первая) по Синодальному списку.

Мен. к. XIV — Изречения Менандра по рукописи: Пчела, к. XIV в.

Пал. 1406 — Палея толковая, 1406 г.

Парем. 1370, 113 (запись) — Паремейник 1370 г., л. 113 — запись писца.

ПКП 1406 — Киево-Печерский патерик (Арсениевская редакция), 1406 г.

ПНЧ 1296 — Пандекты Никона Черногорца, 1296 г.

ПНЧ XIV — Пандекты Никона Черногорца, XIV в.

- Пр. 1383 — Пролог мартовской половины, 1383 г.
- Пр. XIV — Пролог мартовской половины, XIV в.
- Пр. Л. XIII — Пролог «Лобковский» сентябрьской половины, 1262 г. или 1282 г.
- Пч к. XIV — Пчела, XIV–XV вв.
- Сб. Паис. XIV / XV — Паисиевский сборник, к. XIV — н. XV в.
- Сб. Тр. к. XIV — Иоанна Златоуста и других поучения, к. XIV в. (Собрание Троице-Сергиевой Лавры).
- Сб. Тр. XII / XIII — Сборник слов и поучений, в том числе апокрифических, к. XII — н. XIII в. (Собрание Троице-Сергиевой Лавры).
- Сб. Яр. XIII — Сборник молитв, вт. пол. XIII в. (Собрание Ярославского областного краеведческого музея).
- У Ст. XII/XIII — Устав студийский церковный и монастырский, к. XII или н. XIII в.
- ФСт. XIV — Огласительные поучения Феодора Студита, XIV в.
- Чуд. Н. XII — Златоструй и отрывок торжественника XII в. — Чудеса Николая Чудотворца.
- Чт. БГ к. XI сп. XIV — Чтение о Борисе и Глебе, написанное Нестором в к. XI в., по сп. «Сильвестровского сборника» XIV в.

Список сокращений по Сл. РЯ XI–XVII вв.

- Ав. Ж. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. — Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. Л., 1927 (Русская историческая библиотека, т. 39).
- Аз. пов. — Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове (Взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906, сп. XVII–XVIII вв.
- АХУ III (Лодом.) — Акты Лодомской церкви Архангельской епархии. — В кн.: Акты Холмогорской и Устюжской епархий. кн. 3, прил. СПб., 1908 (Русская историческая библиотека, т. 25). XV–XVII вв.
- АЮБ I–III — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археогр. комис. под ред. Н. Калачова, т. 1–3. СПб., 1857–1884. XIII–XVII вв.
- Вел. Зерц. — Великое Зерцало. Пер. с польск., в Москве 1677 г. Рукоп. Син., № 100, XVII в.
- ВМЧ — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археогр. комис. М.-СПб., 1868–1917. XVI в.

- Грамотки XVII–XVIII — Грамотки XVII — начала XVIII в. Изд. подгот. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969. 1629–1709 гг.
- Гр. Дв. — Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. 1 и 2. Изд. Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1903 (Исследования по русскому языку, т. 2, вып. 3).
- Гр. Новг. и Псков. — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.-Л., 1949. XII–XVI вв.
- Гр. Сиб. Милл. — Миллер Г. Ф. История Сибири. 1–2. М.-Л., 1937–1941. 1556–1661 гг.
- ДАИ I–XII — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. 1–12. СПб., 1846–1875, к. X в. — 1700 г.
- Дон. д. У — Донские дела, кн. У. Пг., 1917 (Русская историческая библиотека, т. 34). 1655–1663 гг.
- Ж. Нифонта — Житие преподобного и богоносного отца нашего Нифонта, зовомого мниха. — В кн.: Матеріяли з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. Підготував до друку А. В. Ристенко. Переднее слово П. О. Потапова. Одеса, 1928, с. 239–544, сп. 1219 г. и XVII–XVIII вв.
- Ерм. лет. — Ермолинская летопись. — Полное собрание русских летописей, т. 23. СПб., 1910. XV в., сп. XV–XVI вв.
- Ив. Гр. Посл. — Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Пер. и коммент. Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.-Л., 1951. 1564–1581 гг., сп. XVI–XVII вв., XIX в.
- Кн. осмирубл. бору — Книги осмирублевого бору Георгиевского Толвуйского погоста волостного старосты Андреяна Ануфриева 7194 г. — Рукоп. Государственной Публичной библиотеки, Q II, № 96. 1685 г.
- Корм. Балаш. — Кормчая Балашева, с прибавлениями. — Рукоп. Библиотеки РАН, 21.5.4, XVI в., прибавл. XVII в.
- Котош. — О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григорья Котошихина. Изд. 4. СПб., 1906 г., 1666–1667 гг.
- Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись, вып. 1–3. — Полное собрание русских летописей, т. 1. Изд. 2. Л., 1926–1928 гг. [воспроизведение текста издания 1926–1928 гг. — М., 1962], сп. 1377 г.
- Ник. лет. IX–XIII — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — Полное собрание русских летописей, т. 9–13. СПб., 1862–1906 гг. [воспроизведение текста издания 1862–1906 гг. — М., 1965], сп. XVI в., вар. XVII в.

- Пис. к Матюшкину — Письма царя Алексея Михайловича к стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину, 1646–1662. — В кн.: Собрание писем царя Алексея Михайловича. Изд. П. Бартенева. М., 1956, с. 11–86.
- Пов. П. и Февронии (Скр.) — Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии (тексты). — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкин. дом) РАН СССР, VII, 1949, с. 225–256, XV в., сп. XVI–XVII вв.
- Польск. д. III — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, т. 3. 1560–1571 гг. Сборник Русского исторического общества, т. 71. СПб., 1892.
- Пролог (Срз.) — Пролог сентябрьской половины года. — Рукоп. Библиотеки РАН, 24.4.33 (Срезн.), н. XV в.
- Псков. суд. гр. — Псковская судная грамота. Изд. Археогр. комис. СПб., 1914. XV в., сп. XVI в.
- Пустоз. сб. — Дружинин В. Г. Памятники первых лет русского старообрядчества, III. Пустозерский сборник. — Летопись занятий Археографической комиссии (за 1913), вып. 26. СПб., 1914, с. 5–25. XVII в.
- Ряз. п. кн. II — Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Под ред. В. Н. Сторожева, т. 1, вып. 1–3. Изд. Рязан. учен. архивн. комис. Рязань, 1898–1904. 1534–1640 гг.
- Стоглав — Стоглав. Изд. 2. Казань, 1887. 1551 г., сп. XVII в.
- Суб. Мат. — Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. 1–8. Под ред. Н. Субботина. М., 1874–1887. 1653–1687 гг.
- Суд. Ив. III — Судебник 1497 г. — В кн.: Судебники XV–XVI вв. Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. М.-Л., 1952, с. 19–34, сп. XVI в.
- Флавий Полон. Иерус. I — La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Par V. Istrin, t. 1. Paris, 1934. XI в., сп. XV–XVI вв.
- Х. Дан. иг. — Житье и хоженье Данила Русьскыя земли игумена 1106–1107 гг. Под ред. М. А. Веневитинова. — Правосл. палестин. сб., т. 1, вып. 3 и 9. СПб., 1885. 1113 г., сп. 1496 г.
- Хрон. И. Малалы — Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. 1 — Записки имп. АН по ист.-филол. отделению, Т. 1, № 3. СПб., 1897 и сл. XIII в., сп. XV в.

Список сокращений по Срезн.

Дан. иг. = Х. Дан. иг. в Сл. РЯ XI–XVII вв.

Другие сокращения

Домострой — Домострой. Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994 («Литературные памятники»).

Сл. о п. Иг. — Слово о полку Игореве. Л., 1952.

Научное издание

**Сопоставительные исследования грамматики и лексики
русского и западнославянских языков**

Под редакцией *А. Г. Широковой*

Оригинал-макет

Л. М. Захаров

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97 г.

Подписано в печать

Формат 60x90 1/16. Бумага офс. кн.-журн.

Гарнитура Таймс. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 20,9.

Тираж 1000 экз. Заказ 1152 Изд. № 6615

Ордена «Знак Почета»

издательство Московского университета.

103009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии МГУ